

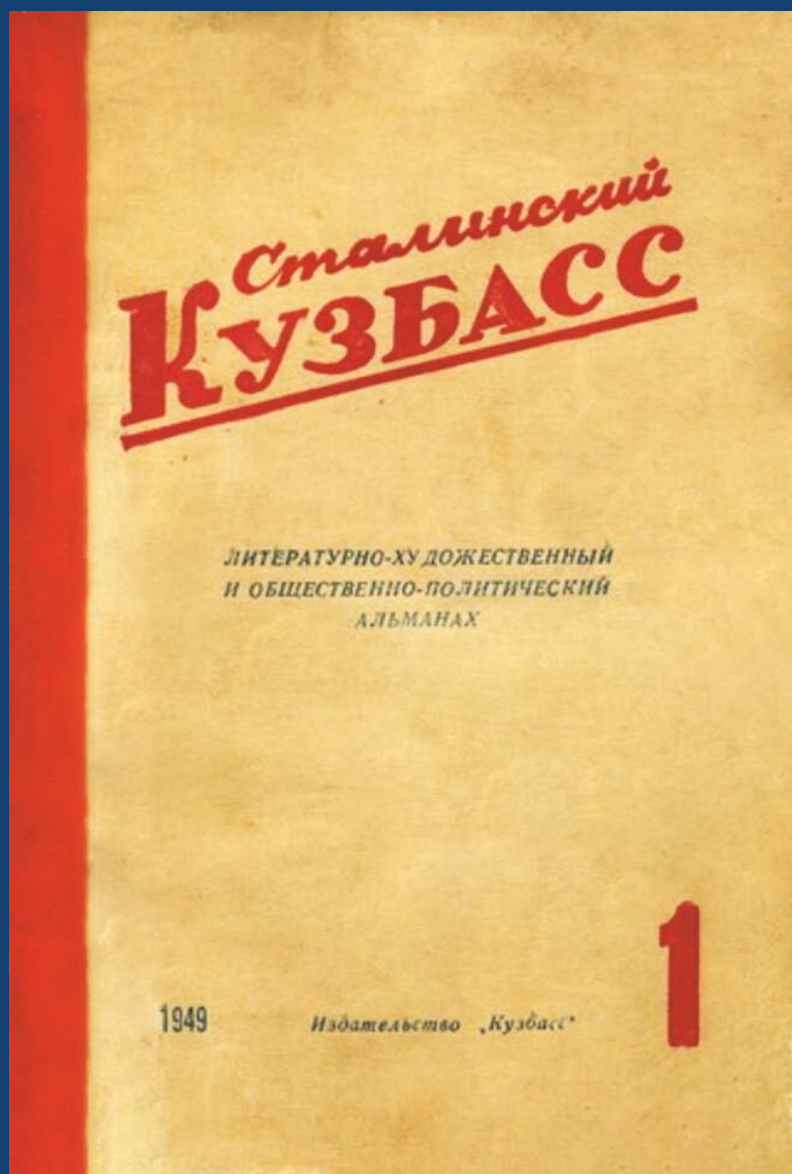
75
лет

Огни Кузбасса

№ 1 / 2024

«Огням Кузбасса» – 75 лет!

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

И. Ф. Федорова,
г. Кемерово, заместитель
председателя Совета по
вопросам попечительства
в социальной
сфере Кемеровской
области – Кузбасса

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. Н. Крупин,
г. Москва, первый лауреат
Патриаршей
литературной
премии

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 1 / 2024

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Андрей КОРОЛЕВ
Вера ЛАВРИНА
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь)
Наталья МУРЗИНА
Юлия СЫЧЕВА
Елена ТРУХАН
Дмитрий ФИЛИППЕНКО
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции: 650000,
Кемеровская область – Кузбасс,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

16+

Содержание

Аристарх, митрополит Кемеровский и Прокопьевский. Слово в день Новолетия 3

ПОЭЗИЯ

Алексей Бельмасов. Поезда уходят на Луну..... 5

Евгений Семичев. Самарская Лука 31

Наталья Мурзина. Ну давай о хорошем! 34

Ольга Хапилова. Зима – это просто отсутствие лета 66

ПРОЗА

Людмила Яковлева. Место в памяти. Р а с с к а з ы 8

Роман Сенчин. Проводы. Р а с с к а з 23

Евгений Чириков. Птицы, летая, машут крыльями. П о в е с т ь 36

Павел Кренёв. Пунашки, воротча и госьба. Р а с с к а з 69

ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ

Наталья Мурзина. Я носки вяжу, или Записки волонтера..... 81

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Алиса Королева, Владимир Келлер, Андрей Болдырев,

Андрей Логутенко, Елена Величко, Марина Ерофеевская. С т и х и 84

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Вера Тюмерова. «Больше всего он любил родную землю». К 120-летию А. П. Гайдара 88

КНИГА ПАМЯТИ

Владимир Крупин. Исцеление. Р а с с к а з. Главный герой главной войны. О ч е р к 90

Максим Долгов. Недосказанное..... 107

Эдуард Анашкин. Земной компас небесных стихов..... 110

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Александр Савченко. Тысяча дней и ночей. Г е р о и ч е с к а я п о в е с т ь 113

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Наталья Максимова. Строительство Знаменского собора города Кемерово

в газетных публикациях 159

СВЕТЛИЦА

Софья Резанцева. Как Блинчик на Масленице побывал. С к а з к а 163

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Борис Бурмистров. «Под куполом бессмысленной свободы». О сборнике стихотворений

Николая Шарифулина. Н и к о л а й Ш а р и ф у л и н. С т и х и 165

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Дмитрий Мурзин 167

Русскому писателю Аркадию Петровичу Гайдару – 120 лет

(1904–1941)

Настоящие книги нельзя делить на взрослые и детские. Они написаны для всех и сопровождают нас всегда. Именно такие книги сочинял Аркадий Петрович Гайдар. Не оставляли они равнодушными ни маленьких, ни больших читателей. Почему? Может быть, потому, что писал он о том, что знал и испытал сам? А испытал он за свою короткую, но яркую и тревожную, как вспышка зарницы, жизнь многое.

Статью Веры Тюмеровой «Больше всего он любил родную землю» читайте на с. 88

АРИСТАРХ, митрополит Кемеровский и Прокопьевский

СЛОВО В ДЕНЬ НОВОЛЕТИЯ*

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В преддверии Нового года по сложившейся традиции мы совершаем молебен. Мы благодарим Господа за все, что произошло в предыдущий год, и простираем свой взор в будущее, прося у Господа помощи в нашей жизни и в наших делах в грядущем лете Его благодати.

Сегодня наша страна столкнулась с очевидным вызовом зла, которое угрожает всему миру. Нужно понимать, что зло не статичное явление. Если зло не останавливается, оно расширяется, идет его эскалация. Перед лицом зла не может быть пассивной позиции, это нужно знать как одно из правил жизни. Если мы делаем вид, что ничего не происходит, если никак не реагируем или не желаем реагировать, то зло начинает расширяться, разрушая жизнь и благополучие. Следствием этого стало вступление России в длившееся уже долгие восемь лет вооруженное противостояние с целью защиты людей Донбасса от произвола и насилия.

Наступающий **2024 год в России объявлен Годом семьи**. Это очень своевременно и необходимо. Как известно, семья обеспечивает связь поколений, будучи малой церковью. Как Церковь соединяет людей воедино, так и семья соединяет членов семьи воедино, и, конечно, эта малая церковь несет особую ответственность за воспитание детей. В том числе за передачу детям подлинных ценностей, включая одну из важнейших – веру православную и любовь к Отечеству.

Без опыта семейного строительства невоз-

можно само существование народа. Ведь народ тоже общность. Что эту общность связывает? Иногда говорят: идеология. Но мы знаем, это пустой звук: сегодня одна идеология, завтра другая. Политика? Еще меньше! Такой силой, соединяющей общество, конечно, является семья. Семья соединяет членов семьи, у семьи есть определенная необходимость общаться с другими, и таким образом, через личное семейное измерение, формируется единство нашего народа. Без семейного строительства невозможно существование по-настоящему ни народа, ни устойчивой государственности.

Еще одна актуальная тема: **защита Отечества**. Можно себе представить мужественного и жертвенного защитника Отечества, если в его семье не формировалось ничего из того, что ему жизненно необходимо в самый трудный момент, когда он защищает Отечество? Конечно же, нет! Вот где нравственная основа воспитания ребенка, а затем юноши или девушки, вот где формируется мужество, верность долгу, любовь к Отечеству – именно в наших семьях возвращаются семена героизма, без которого невозможно защищать Родину.

Поэтому, защищая семью, мы защищаем нашу Родину. Как говорил старец Паисий Афонский: *«Единственная ценность жизни – это семья. Как только погибнет семья, погибнет и мир. Покажи свою любовь прежде всего в своей семье. Когда разрушится семья, будет разрушено все: и духовенство и монашество»*. А когда будет разрушено все? Тогда Антихрист придет, и будет конец света. Очевидно, насколько

* Прочитано перед молебном в Знаменском соборе 31 декабря 2023 года.

личная нравственность, семейная нравственность связаны с судьбой человеческой цивилизации! Если разрушается семья, разрушается любовь, уничтожается любовь, то уничтожается та сила, которая обеспечивает выживание человеческой цивилизации.

Размышляя **о целях СВО**, мы должны обратить свои мысли к воинам. Напутствуя их, мы молимся о них как о людях, которые находятся в условиях смертельной опасности и крайне трудного нравственного выбора. Мы просим Бога о помощи им; молимся о том, чтобы Господь их сохранил от ран, пленения и гибели, а особенно – от греха: от ожесточения, от причинения зла мирным людям, от бесчеловечного отношения к ближним, от трусости и предательства. Поэтому пастырский и христианский долг – возносить молитвы, чтобы Господь хранил воинов наших на трудных путях, по которым идут они сегодня с риском для жизни.

Слово Божие ясно и прямо утверждает: *«Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13)*. Любовь – высочайшая ценность. Значит, нет более высокой ценности, чем когда человек добровольно отдает свою жизнь за других. Поэтому и верим, что люди, отдавшие жизнь за других, то есть явившие пример любви и выполнения своего долга, будут, конечно, приняты Господом в Свои обители.

Молитва за воинов, за мужей, сыновей – это

самое что ни на есть священное и праведное дело, это очень важная наша миссия.

Вот и сейчас мы совершим молебен и возблагодарим Господа за тяжелый минувший год – и за радости, и за скорби, и за уроки всем нам. Помолимся Господу о воинах и защитниках страны, о том, чтобы трудности, через которые проходит наш народ, да и весь род человеческий, не приводили к утрате веры, к разочарованию, чтобы пережитое помогло нам возрасть в вере и в осознании того, что Бог есть Господин истории. От Него зависит само существование всего человечества, и в Его силе прекратить любые скорби, болезни и пандемии в ответ на нашу молитву.

Будем благодарить Господа за мужество и силу духа, которые были явлены в подвиге воинов, защитников, шахтеров, в поступках наших врачей, добровольцев, медицинского персонала, которые, не щадя жизни своей и рискуя многим, оставались на своих боевых постах, спасая страдающих от ран или болезни. Возблагодарим Господа за все то, что Он явил нам, и испросим у Него помощи свыше, дабы, опираясь на эту Божественную помощь, мы могли достойно противостоять вызову, военному и смертельно опасному, который угрожает миру и жизни всего человеческого рода.

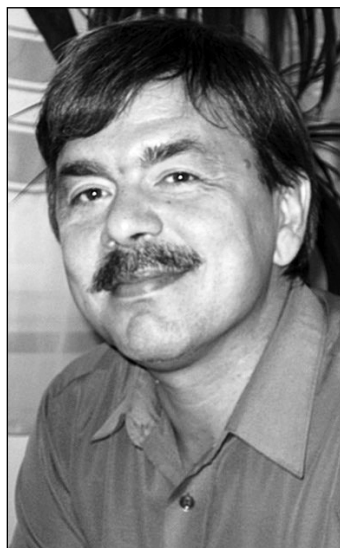
Пусть благословение Божие, Покров Царицы Небесной пребывают над всеми нами в грядущем лете Божественной благодати.

Аминь.

**Алексей
БЕЛЬМАСОВ**

ПОЕЗДА УХОДЯТ НА ЛУНУ

**СТИХОТВОРЕНИЕ, ВЫГЛЯНУВШЕЕ
ИЗ ТРЕТЬЕГО ЧАСА НОЧИ**

*Поезда уходят на Луну.
От родного, отчего порога
Перевозит целую страну
На Луну железная дорога.*

*Стук колес впитался в тишину
И по небу ходит, как по залу.
Вытянулись в длинную струну
Поезда до лунного вокзала.*

*Оторвавшись от земных трудов,
Без вопроса «прав или не прав ты?»
Едут на Луну из городов
И поселков наши космонавты.*

*В Солнечной системе суета,
Время неприветливо и хмуро,
Через небо мчатся поезда
Без стоянок и без перекуров.*

*И в какой-то вспыхнувший момент
Я подумал, тени провожая:
Кем же управляет президент,
Если вся страна переезжает?*

*Если чередой, по одному,
По чьему-то свыше указанию
Тысячи вагонов на Луну
Мчатся по ночному расписанию.*

*И еще подумал я тогда:
Вот бы если люди бы летали,
Не тряслись бы люди в поездах,
Уносясь в космические дали...*

*Ночь.
Созвездья.
И на тишину
Стук колес ложится, как убранство,
Поезда уходят на Луну
Сквозь поля уснувшего пространства.*

* * *

*Из озера растет волна,
Из города растут дороги.
Стремительно растет война
На стыке разногласий многих.*

*Растет луна из темноты,
А из собак – собачьи будки.
Из женщины растут цветы –
Невидимые незабудки.*

БЕЛЬМАСОВ Алексей Михайлович (1959–2013) родился в г. Гурьевске Кемеровской области. Окончил СПТУ-38 в Ленинске-Кузнецком (1978). Работал электрослесарем на шахте, руководителем духового оркестра в клубе «Горномонтажник», редактором литературной газеты «ЛИК». Автор книг «Жалей, не жалей...», «Зябкий сюжет», «Словицы», «Книга смеха», «Досье на Бога», «Белые стихи», «Буквы бессмертия», «Метасловарь (книга 1)». Член Союза писателей России. С 2013 года в Ленинске-Кузнецком проходит Всероссийский Бельмасовский фестиваль.

Из родника растет река,
Из осени – лесов убранство,
Из времени растут века,
А из материи – пространство.

Растет из солнца яркий свет,
Из почки – хрупкие листочки,
И много миллиардов лет
Растет Вселенная из точки.

* * *

Человек состоит из солнца!
Все иное – ложно и дуто.
Из горячей солнечной ткани
Нас природа взялась кроить,
Когда солнце вдруг захотело
Наслаждаться жизнью и думать,
Когда солнце вдруг пожелало
Видеть, слышать и говорить.

Человек состоит из солнца!
Сквозь пространства толстую шкуру,
Сквозь воздушный колпак планеты,
Где сжорает метеорит,
Это солнце включает в каждом
Человеке температуру,
Это солнце у человека
Подгоняет сердечный ритм.

Наше внутреннее светило
Мы проносим в себе, как в ранце,
По ухабам судьбы и тропам,
Где любовь, фимиам и дурь.
Вот поэтому в человеке
Есть природа протуберанцев
И поэтому в человеке
Есть приметы магнитных бурь.

Золотыми лучами долго
Пеленало солнце планету,
Наполняя моря и сушу
Духом разума и любви.
И случилось чудо однажды:
Долетевшие в виде света,
Сверхстремительные фотоны
Стали солнечными людьми.

И с тех пор, по тысячелетьям
Рассыпаясь, как звон весенний,
Сердце хрупкое непрерывно
Грея в собственном же тепле,
Сквозь природные катаклизмы,

Сквозь преграды и потрясения
Люди, сделанные из солнца,
Как цветы растут на земле.

* * *

Летает
курица
по небу,
И небо словно расцветает,
Когда по облачному снегу
Божественно
она
летает.
Летает с ангелами рядом,
Противореча быту – бунтом.
Мадонна!
Девочка!
Наяда!
Хотя и курица как будто.

Юпитер бури подметают,
Венера – в голубом убранстве,
А рядом курица летает
В своем
космическом
пространстве!
Ей наплевать на невесомость
И на усмешку идиота:
К ней при рождении дорисован
Дух не помета,
а полета.

Летает
курица
по небу,
И небо словно расцветает,
Когда по облачному снегу
Божественно
она
летает.
Ее задачи непростые,
Предназначение неизменно –
Летать
и звезды золотые
Нести в галактиках Вселенной.

* * *

Осенние люди по городу ходят,
Как будто их кто-то по городу водит,
Они одеваются по погоде
И улыбаются по погоде.

Сверкает листва, как цветные марки.
Осенние люди в плащах неярких
Подолгу сидят в опустевших парках,
Как будто живут в опустевших парках.

Когда же морозец по зимним законам
Распишется снегом на стеклах оконных,
Они навещают своих знакомых
И угощают вареньем знакомых.

Осенние люди сидят с годами
И говорят одними губами,
А на работе пахнут грибами
И после работы пахнут грибами.

Осенние люди по городу ходят,
Как будто их кто-то по городу водит,
И как-то спокойнее с ними вроде –
И мне, и городу, и природе.

* * *

По улице города летней и душной
Устало бредут от киоска к киоску
Авоська, похожая на старушку,
Старушка, похожая на авоську.

Бредут потихоньку две давних подружки,
И непонятно ни мне, ни киоску:
Авоська ведет за собою старушку
Или старушка ведет авоську?

Лишь изредка вскинет старушка веки –
И вновь опускает их виновато...
Как будто живет в девятнадцатом веке,
А вот оказалась случайно в двадцатом.

СЕРЕБРЯНОЕ ОБЛАКО СТАРУХ

Холодной лапой
ветер ловит мух
И раздевает яблони
при всех...

Серебряное облако старух
Молчит о чем-то,
в скверике присев.

Сентябрь листвою кружит
над землей,
Дождями грезит пасмурная высь.
Старухи
перед вечною зимой
Друг с другом
попрощаться собрались...

* * *

Убил собаку владелец машины
Сознательно –
не упустил возможность.
Она куда-то очень спешила,
Впервые,
быть может,
забыв осторожность.

Он уезжал
и в зеркало долго
Глазом косил,
и без передышки
Он хохотал,
забыв от восторга,
Что рядом,
на заднем сиденье,
сынишка.

Все так и закончилось...
Лето сгорало,
Дождик начавшийся мелко капал.
Она,
окровавленная,
умирала,
Он хохотал,
а ребенок
плакал.

Дорогая Людмила Михайловна, поздравляем со славным юбилеем! Много лет вы остаетесь преданным автором журнала «Огни Кузбасса», пусть так будет и дальше! Желаем здоровья и творческого долголетия!

**Людмила
ЯКОВЛЕВА**

МЕСТО В ПАМЯТИ

Рассказы

А ЭТОТ КАКОЙ?

Я стояла в длинной очереди, выстроившейся к кассе в кемеровском автовокзале. Передо мной беспокойно крутилась туда-сюда, топталась полная бабуля в узком для нее и не по росту длинном синем «молодежном» пуховике, явно с чужого плеча. Меня начала раздражать эта вертушка, которая то заезжала мне локтем в бок, то шаркала раздутой, сомнительной свежести сумкой, висевшей на ее согнутой руке, по моему светлomu пальто.

«Скорее бы до кассы добраться», — уныло думала я. И тут мое внимание привлекли трое мужчин, явно выделяющиеся из общей массы потенциальных пассажиров межгорода. Впереди шагал представительный господин лет пятидесяти. Его властный взгляд пронзительных темных глаз, слегка откинута голова, манера двигаться напролом выдавали человека, облеченного властью, прирожденного, должно быть, лидера. Чуть позади него нога в ногу ступали двое крепких парней, лет по тридцати. Сразу было видно, что они телохранители босса. Быстрыми, цепкими взглядами ребята ощупывали людей, толпившихся в фойе, в очередях к кассам.

Босс остановился почти возле меня, оглянулся и мрачно сказал парням:

— Нет их тут и быть не могло. Я же говорил: маловероятно, чтобы они рискнули воспользоваться автобусом. Скорее всего, на тачке укатят, если уже не укатили... Но подождем немного, посмотрим.

Подручные с готовностью кивнули и продолжили прощупывать глазами всех входящих в зал. Непокойная старушка рядом со мной опять задвигала локтями, полезла в карман своего пуховика и вынула потрепанный вельветовый кошелек. Расстегнула молнию на нем и плохо гнувшимися пальцами начала вынимать смятые бумажные деньги, пятидесятки в основном. Пересчитала их, затолкала в карман куртки. А из кошелька, наклонив его, стала высыпать на сморщенную ладонь монеты. Но вдруг, как-то неловко переступив с ноги на ногу, покачнувшись, и денежная мелочь с ее ладони посыпалась на пол. Старушка горестно охнула и попыталась наклониться за монетами.

Неожиданно «главный мафиози», как я мысленно окрестила его, придержал бабулю за локоть, ловко согнулся и начал собирать мелочь с пола. Его телохранители бросились к хозяину на помощь, однако босс властно отмахнулся от парней, доделал начатое один. Протянул старушке зажатые в кулаке монеты, аккуратно сыпал их в раскрытый кошелек.

ЯКОВЛЕВА Людмила Михайловна родилась 6 февраля 1939 года в городе Тайге. Училась на заочном отделении историко-филологического факультета Томского университета. Работала техником, инженером, старшим инженером комбината «Томлес», несколько лет на Украине на строящихся шахтах. В 1979 году начала работать в редакции газеты «Тайгинский рабочий» корреспондентом, затем заведующей отделом писем. Автор более 15 книг. Лауреат областной литературной премии им. А. Н. Волошина, член Союза писателей России. Живет в Тайге.

Бабка растроганно склонилась в поклоне, прошамкала:

– Спасибо, сынок. Храни тебя Господь.

Мужчина вынул из нагрудного кармана тысячную купюру, вложил в старушкину ладонь, припечатал сверху своей сильной, крепкой рукой, сказал:

– И тебе, мать, не хворать. – Потом оглянулся на парней, произнес как-то задумчиво: – Нет их здесь, ребята, и, скорей всего, не будет... По машинам! – скомандовал уже уверенно и направился к выходу.

– Да как же так? – удивлялась вслух бабуля, разглядывая в подрагивающей руке зеленую купюру. – Так вот, ни за что ни про что...

А меня занимала мысль, возникшая после неожиданного поступка этого необычного человека. Интересно, кто он, чем занимается? Ну, во всяком случае, не бандит ведь? А впрочем, кто их разберет, олигархов этих. Любовницам шубы миллионные дарят, бриллианты бросают к ногам, а лучшего друга за малую провинность могут с легким сердцем запечатать в бочке с цементным раствором, как в современных фильмах по телику показывают... Этот-то какой на самом деле?

НЕ МУЗА, А ОБУЗА

Однажды мой товарищ, собрат по перу, безработный поэт Виктор, человек почти не пьющий, пригубил после поэтического семинара в Доме литераторов стопку беленькой.

Подсел ко мне и разоткровенничался:

– Вот говорят, что первая жена от Бога. Ты как на это смотришь? Лично я сомневаюсь насчет своей «музы». Я достаточно много лет прожил один. Иногда, не скрою, заносило меня: увлекался, влюблялся даже, но сердцем чувствовал – не та, пока не та.

Мама меня грустно отчитывала: «Когда повзрослеешь, Витька? Три десятка скоро минет, а ты никак не нагуляешься. Ни жены у тебя, ни деток. Все сочиняешь, пишешь стихи про любовь. А где она у тебя на самом деле, любовь-то?» Права была мама, конечно...

А тут около года назад прояснело в мозгах: да вот она, моя женщина, муза моя, что сидит рядом, прижавшись ко мне, слушает меня, мои стихи с горящими глазами, ласково гладит мою руку и шепчет, замирая: «Как хорошо, Витечка! И это правда, что ты сам все сочинил? Мне в это даже не верится, миленький! Почитай еще что-

нибудь. Какой ты необыкновенный, талантливый, умный какой! Я другого такого в жизни не встречала».

Ну и все, спекся я, женился наконец, на радость маме. А вскоре услышал от любимой: «Ой, Вить, надоело. Ты этот стих уже мне рассказывал раза два или три... Как это новое стихотворение? Я же слышала от тебя такое недавно. Или похожее на это. Сидишь как ненормальный, бубнишь одно и то же. У меня скоро от тебя крыша поедет. Всех делов, что торчишь без конца за столом, что-то без конца сочиняешь. Кому это надо? Что толку от твоих стихов? Лучше бы работу поискал хоть какую-то. Или хоть во двор пошел, дров бы наколот. А то поленицу скоро прикончим, печку будет нечем затопить».

Доказали меня упреки «музы». И решил я заняться полезным и выгодным к тому же трудом. В юные годы обучил меня родной дед класть из кирпича печи и даже затейливые каминь. Рассказывал покойный теперь уж мой дедушка, отцов отец, как благодаря печному ремеслу безбедно содержал когда-то свою немалую семью. Я-то не собирался зарабатывать кладкой печей деньги, считал, что хватит мне в жизни одного умения – сочинять стихи. Теперь вот решил вспомнить дедову науку. Взялся переложить старую растрескавшуюся печь в загородной даче школьного товарища. Получилось! Второй друг поглядел на дело моих рук и заказал камин. Спросил, хитро прищурив глаза: «Осилишь?» – «Легко!» – лихо ответил я ему.

Женщинам своим, маме и супружнице, ничего не рассказывал. Уходя из дома, говорил, что пошел работу искать. А сам полторы недели заказы приятелей выполнял, печи клал. Закончил работу, просушил кладку, протопил семейные очаги дровишками, чтобы тягу проверить. Все честь по чести вышло. Хозяева, заказчики мои, нахваливают меня: «Ну ты даешь, Витек! Бросай бумагу марать, стихами нынче не прокормишься. Клади каминь, ладно у тебя получается. Объявления дай в газеты. Отбоя от заказчиков не будет, вот увидишь».

Рассчитались со мной ребята щедро. Получил от них за труды сколько и не ожидал получить. Не запрашивал я с них плату за работу, сказал парням: «Дайте сколько не жалко, сколько нужным посчитаете». А они сверх меры отвалили. Я уперся было, говорю: «Это много, мне

лишнего не надо. Половины этих денег хватит!» А парни смеются: «Дают – бери, а бьют – сам понимаешь...» Засунули деньги в карман: «С почином тебя. Давай, топай к жене». Я и потопал.

Жена, красотуля ненаглядная, в дверях меня встретила. Лицо красное, глаза злющие, белые какие-то. Вытаращила их и, не стесняясь матушки моей, заорала в лицо: «Где шляешься который день? Сколько можно?! Ну-ка, дыхни! Ну точно, налился где-то. Лучше бы дрова колол, чурки скоро снегом завалит. А он то гуляет барин, то стишки дурацкие кропает, поэт хренов!»

Тут я wygrеб из кармана растрепанную пачку купюр, сунул этой крысе под нос: «Бери, радуйся!» Она выхватила деньги, спросила с придыханием: «Что это, откуда?» – «Оттуда, – ответил я степенно, даже заносчиво. – Непонятно откуда? Гонорар за стихи мне сегодня выдали. Печатали помаленьку в разных газетах, журналах. Сегодня за все разом заплатили по случаю праздника – Дня поэзии».

Жена принялась, сбиваясь, пересчитывать деньги. Сложила бумажки стопкой, прижала к груди, в глазах слезы блестят. Заторопилась: «Ой, Витюша, ты же, поди, голодный. Раздевайся, разувайся, руки мой – и к столу! Мы с мамашей щей с косточкой наварили. Запашистые такие щи, язык проглотишь. Мы уже пообедали».

Поел и я. Показался обед вкусным как никогда. Душа просто запела от нечаянной радости. Посидел недолго перед телевизором да и поднялся, начал одеваться: старую фуфайку надел, шапку кроличью потертую нахлобучил, за валенки с галошами взялся. Тут «муза» моя в прихожую выглянула, прежним командирским голосом допрос учинила: «Чего так вырядился? Куда собрался?» – «Чурки пойду поколю. Куда же еще в таком виде?» – ответил я покорно. «Какие такие чурки?! – возмущенно завопила супружница. – Успеется, не горит. Давай раздевайся – и живо за стол, стихи пиши! Нечего бездельничать, деньги надо ковать. Да старайся, хорошо пиши, а не такую хрень, как читал мне раньше, когда дружили. На таких много гонораров не заработаешь. А дров я сама не хуже тебя наколю. Ты меня знаешь...»

Виктор помолчал, положил свою широкую трудовую ладонь на мою руку, по-доброму заглянул в глаза, спросил:

– Ты-то как поживаешь? Все мы сейчас на краю, на мели... Пишется, нет?

– По-разному, – ответила я коротко и поднялась со стула. – Ладно, пора мне на автостан-

цию двигать. Автобус у меня на Тайгу через сорок минут. Успею бы... Приятно было поговорить с тобой. Сколько лет не виделись – пять, шесть?

Виктор развел руками, пожал плечами, словно сказал без слов: «Кто его знает? Тоже толком не помню».

Что-то совсем недолго прожил Виктор с первой законной женой, выпроводил с чемоданом шмоток из своего отчего дома к ее матери. Спустя год или более того женился на второй. Я слышала, удачно. При этой, второй, выпустил три сборника стихов. А печи и камины начал опять класть под заказ в годы великой горбачевской (да и ельцинской тоже) перестройки. На этот раз не жена – жизнь заставила.

ВЕЩЬЙ СТОЛ

Произошло это в феврале 1945 года. Мне тогда только-только исполнилось шесть лет. Запомнилась одна картинка из того далекого февраля. Я, кстати, помню себя с двухлетнего возраста. А в шесть я себя почти взрослой считала, книжки уже читала по слогам, хотя в школу еще не ходила.

Так вот, в конце февраля на нашей улице Озерной, где мы жили втроем в большом холодном доме, появился незнакомый человек. Был это пожилой дядька в драной, промазученной телогрейке и в суконной шапке-ушанке с железнодорожной эмблемой. Он медленно плелся по протоптанной в снегу тропинке и тащил на связанной в нескольких местах бечевке деревянные самодельные санки. На них вниз столешницей и вверх ножками покоился старый, облезлый кухонный стол.

Тропа была узкой. Сани вязли во влажном тяжелом снегу то левым полозом, то правым. Мужичок уже замучился тащить свой воз, взмок и то и дело рукавом вытирал пот с лица. Тут он заметил меня и поманил рукой. Я двинулась к нему и остановилась в трех шагах. Выжидающе, молча разглядывала незнакомца.

– Девочка, – обратился он ко мне просящим голосом, – будь добренькая, позови кого-нибудь из взрослых – мамку или бабушку. Скажи, очень надо.

Я так же молча развернулась и двинулась к своему дому. Мама подметала голиком ступеньки крыльца, очищала их от снега. Рядом стояла наша соседка тетя Маруся Чиркова. Они о чем-то говорили, но при виде меня, торопящейся к ним, замолчали.

– Мама! – крикнула я. – Там дяденька кого-нибудь из взрослых зовет.

– Какой дяденька? Что ему нужно? – спросила мама и, не дождавшись ответа, прислонив голик к нижней ступеньке крыльца, поправила платок на голове и пошла со мной.

Тетя Маруся тоже присоединилась к нам. Подошли.

Мужичок широко улыбнулся беззубым ртом и бодрым голосом проговорил:

– Здравствуйте, бабоньки, здравствуйте, красавицы! Тут вот какое дело... Где бы мне остановиться на денек-другой? Я человек смирный, никому худого не сделаю. Еще и за постой рассчитаюсь как-нибудь. Я вот тут со своим столиком. Не простой он, скажу я вам, а вещий. Не верите – проверьте. Гадаю я, бабоньки, на нем добрым людям. Вот сядут желающие вокруг его, вопросы интересующие зададут. А он, столик мой, отвечает на все вопросы. Вот вам крест во все пузо, – сказал дядька и истово перекрестился.

Потом повернулся лицом к саням, заскорузлой рукавицей смахнул со столика снег.

– Я ведь с ним столько путей прошел. Гадал людям почти задарма, так, за хлеб-соль да слово доброе. И никто на меня в обиде не был, как на духу вам говорю.

– Как же это он гадает, на вопросы отвечает? – спросила тетя Маруся, подозрительно прищурился глаза.

– Кивком отвечает, – живо откликнулся мужичок. – Вот ежели «да» сказать желает, один раз кивнет. А на «нет» у него два кивка в ответе.

– Каких таких кивка? – спросила сурово наша соседка.

– Эх, милая, вы бы меня в избу пустили согреться. Кипятку хоть бы дали попить, портянки мокрые просушить позволили. А потом уж на мой чудо-столик поглядите. Соседок, родню покличьте, чтобы веселее столику было колдовать.

– Ну-ну, поглядим, – недобрым голосом промолвила тетка Мария. Потом махнула рукой и добавила почти ласково: – Господь с тобой, заходи, погрейся. Кипяток-то у меня найдется. И две-три картошины выделю, не обеднею. А ты, Вера, – обратилась соседка к моей маме, – загляни к Шуре, Вале, Мараше, позови их, еще кого-нибудь. И приходите ко мне, поглядим, что там за стол-колдун.

– Да, вот еще чего, – заговорил, заторопился хозяин столика, обращаясь к маме, – упредите тех, кто пожелает погадать, что денег за ворожбу

я не прошу, но пусть каждая принесет по два куриных яичка. Так стол требует, – добавил многозначительно мужичок.

Примерно через час мама в сопровождении соседок направилась к избушке Чирковых, где жила тетя Маруся со своими четырьмя детьми. Я пристроилась в хвосте этой процессии.

Небольшой, нескладный на вид «вещий» стол поставили посреди единственной в домике тети Марии комнаты. Вокруг обставили его табуретками и лавками.

– Раздевайтесь, проходите, рассаживайтесь, – по-хозяйски пригласил всех к своему столу мужичок.

Женщины, перед тем как усесться на лавки, стали передавать дядьке яички, вынимая их кто из карманов, кто из варежек. Мы кур не держали, но и моя мама принесла плату за ворожбу – два яичка. Видно, заняла у кого-то из соседок.

Я, как и все, разделась, кинула свое пальтецо и шаленку в общую кучу одежды и пристроилась на лавке рядом с мамой.

– Ребятенку-то можно ли? – спросила неуверенно бабушка Гусева.

Мужичок глянул на меня, поскреб ногтями небритый подбородок. Я сжалась в комочек: неужели прогонит? Мольба читалась, видно, в моих глазах. И дядька улыбнулся мне по-доброму, коротко махнул рукой, сказал весело:

– Пушай сидит, ничего, дите малое безвредное.

И тут началось самое главное, ради чего собрались все в домике тети Маруси.

Волшебник, ну, этот дядька, сказал торжественно:

– Давайте так, гражданочки красавицы, будем держать порядок. Первая задает свой вопрос та, которая сидит от меня с левой руки. И так вот и пойдем по кругу, по часовой стрелке. Попрошу начать.

Первой с левой руки от хозяина стола сидела тетя Таня Лузина, мать шестерых детей. Она сильно занервничала, начала теребить полушало, накинутый на плечи, и едва не расплакалась.

– Так, – распорядился командир, – положили все руки на край стола. Не нажимаем на стол, а только едва его касаемся, греем, так сказать, ладошками. Давай свой вопрос, лебедушка, – кивнул он тете Тане.

– Я хочу узнать, – сказала Лузина, – скоро ли кончится эта проклятая война. А еще...

– Все, все, – остановил ее дядька. – Я вас не предупредил? Каждая может задать только по

одному вопросу, не больше. Вас восемь дамочек. И вопросов у вас должно быть ровно восемь, не больше. Всем понятно?

Женщины закивали, задакали, соглашались.

– Повторяю первый вопрос: скоро ли кончится война? Ответь нам, вещий стол! – приказал столу его хозяин.

Прошло какое-то мгновение, и вдруг произошло чудо: стол ожил, шевельнулся, качнулся вниз одним углом – и замер. Значит, «да» сказал? Все женщины шумно вздохнули, заговорили, удивленно переглядываясь. Но мужчина призвал их к порядку знаком поднятой руки:

– Тихо, бабоньки, тихо! Не сбивайте у столика настрой!

Все моментально стихло.

– Теперь следующая, – распорядился командир.

Восемнадцатилетняя Вера Чиркова, старшая дочка тети Марии, зардевшись от смущения, спросила:

– А мой жених вернется живым и здоровым с фронта? Что-то от него больше двух месяцев ни одной весточки.

Дядька поднял вверх правую руку, призывая всех к тишине и вниманию. Теперь только одна левая его ладонь лежала на краю столика. Все как по команде подняли лица и посмотрели на правую, поднятую его руку. В это время стол опять дрогнул и качнулся один раз. Женщины застыли в напряжении, затаили дыхание, со страхом впились глазами в стол: не кивнет ли еще один раз, что будет означать «нет»? Но стол стоял спокойно. Значит, вернется к Вере ее Вася, с которым она познакомилась через кого-то по переписке. И поддерживают они с Василием знакомство уже около года. Это Вася назвал Веру в письме своей любимой невестушкой, а следом и девушка начала называть парня женихом. Василий воевал на фронте третий год. Был уже ранен, лечился в госпитале. Потом опять пошел бить врагов. Так рассказывала о своем женихе Вера. Вася был на четыре года старше невесты, и она этим очень гордилась: не какой-нибудь малолетний сопляк, а настоящий мужчина ее любимый.

Все опять обрадовались за столом, теперь за Веру, за добрую весть для нее. Засмеялись, кто-то даже захлопал в ладоши. Но быстро замолкли, посерьезнели, потому что очередь задавать вопрос дошла до шумной, всегда грубой и крикливой тетки Шуры.

Она растянула в усмешке рот и сказала:

– Скажи-ка, стол, а мой мужик вернется ко мне с фронта или как?

Все женщины с недоумением во взглядах повернули лица к Шуре. Я тоже опешила: какой мужик, с какого фронта? Все в округе знали, что у Шуры Собачкиной не было на фронте никакого мужика. И вообще нигде не было. Давно когда-то была она замужем, но мужа ее за кражу, что ли, посадили в тюрьму, и оттуда к жене он не вернулся, сгинул где-то, как говорила моя мама.

«Вот, значит, она как, – с большой неприязнью подумала я о тетке Шуре. – Бессовестная! Бедный стол!» Стол шевельнулся, качнулся один раз, замер...

«Ну, давай же, давай говори «нет»!» – мысленно умоляла я стол. А он что-то замешкался. Тогда я незаметно с силой надавила пальцами на край стола, и он не замедлил качнуться опять.

Женщины просто взорвались от смеха. А я увидела, как вдруг покраснело и сделалось сердитым лицо главного волшебника. Он впилился почему-то именно в меня своими прищуренными глазками. Но оттаял, когда услышал, как женщины, перебивая друг друга, заговорили:

– Что, Шурочка, не вышел твой фокус? Ишь, стол, она одурачить надумала... Нет у нее никакого мужичины – ни на фронте, нигде. Вот стол, что-то и утер ей нос, – говорили они мужичку. И поторопили его: – Давай, хозяин, дальше гадать будем.

Я думала, что хозяин турнет меня из-за столика куда подальше. А он, поймав мой настороженный взгляд, улыбнулся ободряюще. Но вслух все-таки произнес:

– Дела у нас сурьезные, взрослые, и ребяток они не касаются. Ты, детка, – сказал он мне, – за столиком сиди, ничего, только ручки с него убери, положи себе на коленочки. Сговорились?

И я кивнула дядьке благодарно и покорно опустила руки на колени. Я уже все поняла про хозяина столика: что специально укоротил он одну ножку, что специально усаживается на противоположный от этой ножки угол, чтобы удобнее было приводить «вещий» стол в движение, помогать ему кивать столько раз, сколько надо было. Почему же никто из присутствующих взрослых не заподозрил этого нищего мужичка в подвохе? Наверняка просто не хотели наши солдаты скучной правды про стол. Хотели верить в чудо, в предсказания, что и война скоро кончится, и мужья все до одного вернутся с по-

бедой домой. Даже те, на кого уже пришли похоронки.

Стол тогда всем нагадал счастья и радостей.

МОИ РЕЗИНОВЫЕ БОТЫ

Сентябрь 1952 года. Мне уже тринадцать лет, и я учусь в шестом классе тайгинской школы № 2. Иногда приходится занятия пропускать. Ведь только когда нет дождя и дорога до школы подсыхает, можно пробежать по ней в старых, страшненьких, разбитых туфлях. Но стоит пройти дождю, дорога становится непролазной. Не раз случалось мне топить свои туфли в грязи, погружаться ногой по щиколотку в липкую, мерзкую ледяную кашу, а потом руками вытягивать обувь из вязкого месива и бежать назад домой босиком.

Мама сбилась с ног в поисках хоть какой-нибудь подходящей для меня обуви. И наконец уже в начале октября она ворвалась в дом с бумажным свертком, принялась торопливо разворачивать его и позвала меня:

– Ну-ка, доченька, примерь!

Я подбежала к маме и увидела в ее руках настоящее чудо – новенькие черные блестящие резиновые ботики. Маленькие, аккуратные, с белой фланелевой проклейкой внутри. Я просто обомлела от счастья. Взяла в руки один бот, повертела его так и сяк. О-о, так он еще и на каблук! Это уже вообще предел мечтаний. Сунула ногу в ботик – мягкий, удобный, точно по ноге. Но когда встала на эту ногу, почувствовала, как пятка начала проваливаться, а бедный бот жалобно пискнул. Я склонила голову, посмотрела на обновку сбоку. Все бы хорошо: ботик полувысокий, до середины икры, как игрушечка. Только вот каблук сморщился, раздался в стороны, просел.

Я сняла ботик с ноги, заглянула внутрь. Каблук зиял пустотой.

Мама поняла мое разочарование, сказала:

– Ну да, доченька, видишь, в эти боты должны надеваться туфли на каблучках. Надел, прошел по улице, по грязи, а пришел в помещение – снял боты и ходишь в чистых туфлях. Но это ничего, мы что-нибудь придумаем. Видишь, в чем дело: размер у ботишков маленький. Это какие миниатюрные ножки надо иметь, чтобы они в такие ботики с туфлями влезли? На десятилетнего ребенка рассчитаны, что ли? Но был бы размер больше, подходящий для женщин, нам никогда не повезло бы их купить. А тут прохожу у моста через барахолку и вижу: держит одна дама в руках это чудо. Так я с ней за полцены сторгова-

лась. Больше у меня денег не было. Не хотела она сначала так дешево продавать, а я ей говорю: «Вы ваши боты вообще никогда не продадите, размер у них совсем неходовой. Соглашайтесь на мою цену. Вот уйду, жалеть будете, что не уступили мне в цене». Она и согласилась. «Ладно, – говорит, – забирайте. Стою, стою с ними какой уж день, и все без толку. Подходят многие, смотрят, сожалеют: размер маловат. Ну, так всякие ж ноги бывают».

В понедельник я надела мою радость на ноги, полюбовалась ими и побежала в школу. Перед этим мама еще с вечера натолкала в каблук скрученные в тугие комочки обрывки бумаги, хорошо примяла их пальцами, дала мне примерить.

– Ну как?

– Отлично! – бодро воскликнула я.

Но пока шла до школы, почувствовала, что каблук начинают понемногу терять упругость. Я стала стараться не очень на них напирать, идти в основном на цыпочках. В школу едва успела, явилась во время звонка на урок. Решила, что буду теперь пораньше выходить из дому. Зато на перемене все девчонки нашего шестого «А» окружили меня и выразили – кто на словах, кто молча – свое восхищение моими новыми ботами. На некоторых лицах одноклассниц читалась зависть.

Домой я шла с меньшими предосторожностями, шагала увереннее, опиралась на каблук. А когда пришла и сняла боты, увидела, что чулки мои сплошь покрыты лохмотьями истертой бумаги. В каблучках от маминых скруток почти ничего не осталось.

Что же делать, стала мучительно думать я. Вот хорошо бы найти где-нибудь пусть старые-престарые туфли, но обязательно с каблучками. Можно было бы отодрать от них подошву вместе с каблучками, обрезать ее до нужного размера и вставить в боты... Но где найти такие туфли, было мне неизвестно.

Мама, пришедшая с работы и занятая приготовлением ужина, ничего про боты не спросила. Наверное, решила, что вопрос с ними решен окончательно. А я сама ничего рассказывать не стала, чтобы не огорчать ее.

Утром мама уходила на работу раньше, чем мы с Женей в школу. И я решила обратиться за помощью к старшему брату. Ему было тогда уже пятнадцать лет, он мастерил с друзьями модели самолетов. Наверняка сможет помочь моему горю.

Брат взял в руки бот, осмотрел его и недовольно пробурчал:

– Что раньше-то думала? Вчера нельзя было сказать?

Я стояла понурившись. Женя открыл люк подполья, наклонился, повис вниз головой и подхватил две небольшие картофелины. Примерился, обрезал их ножом до нужного размера, обернул бумагой и засунул в каблучки.

– Ладно, надевай, бежим, а то в школу опоздаем. Потом что-нибудь придумаю.

Следует заметить, что вариант с картофельными вставками был не намного выигрышнее маминого – с бумажными скрутками. За полдня, проведенные в школе, картошка вся превратилась в кашу. Чулки отсырели, боты противно чавкали. Я боялась лишний раз встать из-за парты, выходить в коридор на переменах и молила Бога, чтобы меня не вызвали к доске. Наконец занятия в школе закончились. На улице стесняться мне особо было некого.

Когда мы приготовили уроки, Женя принес из сарайчика небольшое полешко, пристроился у печки и стал пилить его ножовкой. Потом расколол топориком отпиленную чурочку на куски и принялся ножом обстругивать их. Наконец взялся за мои ботики. Я поняла: мой дорогой, мой любимый братец мастерил березовые вставки в пустые каблучки. А еще Женя вырезал из плотной картонки стельки и затолкал их в боты, прикрыл деревяшки. Велел мне примерить обувь. Я надела ботики, прошлась по кухоньке. Как удобно, надежно, здорово!

– А-а! – завизжала я от восторга и кинулась обнимать и целовать брата.

Женя покраснел, стал вертеть головой, избегая моих поцелуев, проговорил недовольным голосом:

– Ну, Люда, перестань! Как маленькая!

Брат у меня был серьезным и стеснительным человеком. И в те свои пятнадцать лет, и всю оставшуюся жизнь. А боты я проносила четыре сезона. За это время брат менял деревянные вкладыши раза три или четыре.

НА УЛИЦЕ ПОГАСШИХ ФОНАРЕЙ

Вот и опять наступила пора поздней осени. Валентина не любила это время года по двум причинам. Во-первых, потому, что кончалось такое короткое сибирское лето, во-вторых, за то, что в эту пору рано темнело и после работы идти домой на окраину города, где жила, ей приходилось по глухим, неосвещенным улицам.

В центре еще куда ни шло, светятся то тут, то там фонари, а в их родном «шанхае» темень непроглядная. Это самое дрянное время, считала Валентина, середина октября, когда земля и деревья голые, безотрадные, снега еще нет. С ним-то посветлее было бы.

Раньше, когда моложе была, не боялась ходить знакомыми с детства улочками, где знала каждый дом, каждое дерево. А сейчас, с возрастом ли, с этой ли треклятой перестройкой, многое изменилось, стало чужим и в такие вот темные вечера – пугающим. Пятьдесят три года ей с небольшим довеском. До пенсии еще почти два. Как их выдержать? А впрочем, может быть, и выдерживать не придется. Каждый день на работе пугают сокращениями, в любой момент могут отправить на все четыре стороны. Плоды «демократии» и капитализма недоделанного.

Вот с такими мыслями и спешила Валентина домой, к мужу, который все настойчивее уговаривал ее оставить работу, посидеть дома до «заслуженного». Перебьются, считал муж, и на одну его зарплату водителя автокрана. Как-никак и «левые» ему иногда перепадают – погрузить, разгрузить чего-нибудь землякам по договоренности. Только никак не отважится Валентина с работой своей распрощаться. Если уж сократят, тогда другое дело.

Впереди замаячил темный силуэт. Кто-то шел навстречу. Она напряглась, сжалась внутренне, как всегда в таких случаях в последнее время. Сама же себя привычно мысленно приструнила: что за трусиха стала? Насмотрелась ужасиков по телевизору. Меньше надо его включать, нервы целее будут.

Между тем встречный прохожий поравнялся с Валентиной и, казалось, собирался пройти себе мимо, но неожиданно резко дернулся в ее сторону и схватил за рукав.

Приблизил свое лицо, обдал тошнотворным запахом водочного перегара, произнес, кривляясь:

– Девушка, разрешите проводить вас до дому? Очень опасно ходить одной в темное время.

– Спасибо, я уже почти дошла.

Валентина попыталась высвободить рукав пальто из цепкой руки пьяного. Не получилось.

– Тихо, тихо, – зашептал он, обхватил женщину второй рукой и потянулся вонючим ртом к ее губам.

– Да ты что?! – Валентина яростно завертела головой, увертываясь, и опять попыталась вырваться. – Пусти!

– Заткнись!

Парень размахнулся и с силой ударил ее в ухо.

Женщина упала на землю. Что-то очень знакомое уловила она в нападшем на нее. Лица в темноте рассмотреть не могла, но голос точно был знаком. И вдруг осенило: да ведь это Виталька – школьный друг ее сына Сергея. Несколько лет не видела она этого парня, точнее – целых пять лет, с тех пор как окончили друзья школу, потому сразу и не признала.

Сергей сейчас дослуживал в армии, куда призвали его после учебы в техникуме. Через полгода должен вернуться сын домой. А бывший друг сына, прижав ее коленом и одной рукой к земле, блудливо шарил другой по ее телу, расстегивая пуговицы на пальто, тянул вверх юбку.

– Да ты что, сопляк?! Ты чего?! – Валентина хотела было назвать парня по имени, но что-то подсказало ей, что делать этого не следует.

Она начала с новой силой извиваться всем телом, пытаясь вырваться, сбросить с себя ненавистный этот груз.

Устав бороться, пьяный сел, не отпуская своей жертвы, сказал со злостью:

– Вот дура, все настроение испортила!

В это время невдалеке слышались чьи-то шаги. Валентина прислушивалась к ним с надеждой, решила, что, когда человек приблизится, окликнет его. Но Виталька разгадал, видно, ее намерения, быстро зажал ей рот и нос ладонями, да еще и сам навалился сверху, прижав к земле и затаившись.

С тоской слушала Валентина, как прошлептели шаги по замерзшей щебенке и удалились. Прошел мимо прохожий. Ничего подозрительного не заметил? Или не захотел заметить?

Женщина начала задыхаться, попыталась освободить лицо, рот от липких лап. Ценой неимоверных усилий ей удалось приоткрыть рот, глотнуть воздуха. И в это время грязный палец Сережкиного дружка очутился у нее во рту. Она захватила его зубами и с силой сжала челюсти. Парень взвыл от боли, выдернул палец едва не вместе с ее зубами, как показалось Валентине. Во рту у нее остался противный вкус крови. И тут же она получила сильный удар кулаком в лицо. Бессильно и горько заплакала.

– Убить тебя, что ли, тварь? – процедил парень, зажав кисть руки с поврежденным пальцем. Посидел, подумал, поднялся на ноги, пнул ее носком ботинка в бедро, спросил: – Деньги есть? Давай сюда!

Женщина села, всхлипывая, достала из кармана кошелек с какой-то мелочью.

Виталька не глядя сунул его в карман, спросил еще:

– Часы, золото есть?

Часов у Валентины не было, обходилась как-то без них. А колечко золотое, тоненькое обручальное – было. Более четверти века носила она его, берегла. Но сейчас торопливо и не без труда – тесновато стало – стянула с пальца, отдала кольцо грабителю.

– Живи! – разрешил он великодушно. – Да не ползай в темноте по «шанхаю». Это я такой добрый, а другой бы на моем месте... – И пошел себе, растворился в темноте.

Застегиваясь на ходу и поправляя платок, Валентина побрела к дому. Навстречу ей опять кто-то шел. Походка была тяжеловатая, мужская. Но страха на этот раз она не почувствовала никакого. Все худшее, подумалось ей, уже произошло. Встречный между тем шагнул прямо к ней.

– Валя, ты, что ли? – Это был голос мужа, и она будто сразу лишилась сил. – Что так поздно? Я уж волноваться начал. Решил навстречу пойти.

Валентина остановилась, прижала ладони к лицу, затряслась от нервной дрожи. И вдруг заревела в голос, чем напугала мужа до полусмерти.

– Что такое? Валя! Кто?!

Дома Михаил помог жене раздеться, содрогаясь от жалости, осторожно стер мокрым полотенцем грязь и кровь с ее разбитого лица.

– Достал бы этого подонка – задавил бы своими руками. Кто же это, кто?

– Да знаю я кто, – нехотя сказала Валентина, постепенно приходя в себя.

– Знаешь?! – взвился Михаил. – А чего ж молчишь?

– То и молчу, что боюсь: напомаешь дров и в тюрьму еще сядешь... Милицию вызывай. Я ему отметину оставила, надеюсь.

– Кто, я спрашиваю!

– Вот милиция прибудет, тогда скажу, – стояла на своем Валентина.

Милицмейская машина явилась по вызову быстро, минут через пятнадцать.

Когда жена назвала сотрудникам адрес и фамилию напавшего, муж опешил от неожиданности:

– погоди, так это Виталька, что ли? Дружок нашего Сереги?

– Он, – кивнула Валентина.

Света в окнах Виталькиного дома, к которому подкатил милицейский «уаз», не было. На стук в дверь, а потом в окошко долго никто не отвечал. Потом зажгли свет в кухне, заскрипели входной дверью.

– Кто там? – спросил сердитый женский голос. – Чего надо? Спят же люди.

– Милиция. Откройте!

Отворила дверь Виталькина мать, посторожилась, пропуская непрошенных гостей.

– А чего надо-то? Зачем вы к нам? – повторила еще раз обеспокоенно.

– Сын где? – спросил милиционер-сержант.

– Спит. Выпил немножко и спит теперь.

– И давно спит? – спросил на ходу милиционер, направляясь в спальню сына вслед за хозяйкой.

Сын и впрямь усиленно спал, натянув до носа одеяло. Сержант подошел к кровати, сдернул одеяло с парня. Оказалось, что лежал тот в постели одетым – в брюках и рубашке, и не было сна у него ни в одном глазу.

– Ну, давай рассказывай! – предложил ему милиционер.

– Что рассказывать? – прикинулся Виталька смиренной овечкой.

– Все рассказывай! – жестко отрубил сержант и позвал стоящую в прихожке Валентину:

– Пройдите сюда, пожалуйста.

Валентина, а с ней и муж ее Михаил шагнули в спальню. Лицо женщины покрывали синяки и ссадины, один глаз уже заплаыл и закрылся. Выглядела она сейчас наверняка непохожей на саму себя пятилетней давности. Но парень узнал мать своего школьного приятеля, дернулся к ней, трезвея от ужаса:

– Тетя Валя, вы?! Вы?! – И застыл на месте с разинутым ртом.

Михаил рванулся из-за спины жены к парню:

– Убью поганца!

– Стоять! – властно крикнул молодой сержант, и Михаил стих, подчинился.

А Виталька непроизвольно спрятал руки за спиной.

– Вы руки его посмотрите, – сказала Валентина, прикрывая ладонью распухшую половину лица. – Там палец...

– Руки! – опять скомандовал сержант.

Виталька безвольно опустил руки. На одной из них, левой, указательный палец был неумело обмотан бинтом, сквозь марлю просочилась кровь.

– Одевайся, пойдем! – приказал милиционер.

– Что случилось-то, господи? – со слезами в голосе выкрикнула Виталькина мать. – Пришел грязный весь, рука в крови. Я думала, его кто побил. Спрашивала – не ответил... Валя, что случилось-то? – обратилась она напрямую к Валентине.

Та махнула рукой и, не отвечая, направилась к выходу.

На следующий день пришлось ей написать два заявления. Одно – в милицию, на Витальку, другое – на работу с просьбой об увольнении по собственному желанию. На этом настоял Михаил.

До суда, на очной встрече с подследственным, в присутствии следователя рассказала Валентина об отобранном у нее Виталькой кошельке и колечке.

– Кошелек? – поморщился парень. – Что там было, в кошельке этом? Смех один. Выкинул я кошелек, как улику. А кольцо... Какое кольцо? Не видел, ничего не знаю.

– Как же не видел? – возмутилась Валентина. – Сцапал из моих рук и в карман себе сунул.

– Не знаю, пьяный был. Не помню. Может, потерял. Не было у меня в кармане никакого кольца.

– Да черт с тобой и с кольцом! – в сердцах выругалась Валентина.

Осудили Витальку на семь лет строгого режима. Как ни упрашивала его мать забрать заявление из милиции, не доводить дело до суда, Валентина этого не сделала. Слишком велика была ее обида на парня.

Когда на суде дали Витальке последнее слово, он только одно и попросил:

– Тетя Валя, не говорите ничего Сереге обо мне!

Она промолчала о том, что, пока шло следствие, Михаил обо всем случившемся уже написал сыну в часть.

* * *

Давно пришел из армии Сергей. Женился сын, сам стал отцом, из помощников машиниста вырос до машиниста электровоза. Валентина вышла на пенсию, нянчилась с внуком и все реже вспоминала о происшедшем с ней на темной осенней улице. Только когда уже подходили к концу семь Виталькиных тюремных лет, стали мучить ее по ночам кошмары: гонялись за ней по

гулкой темноте какие-то насильники-маньяки. Немели ноги у Валентины, становились ватными, и она падала на землю, ползла куда-то неуклюже, а черная сила настигала ее, нависала над ней. Просыпалась женщина вся в поту, с гулко бьющимся сердцем, думала с тревогой: «Не к добру такие сны. Вот выйдет этот выродок из тюрьмы – мстить будет. Они же там все зверями делаются. Никому еще отсидка ума не прибавила, на пользу не пошла».

Тем временем срок заключения Витальки и вправду кончился. Должен уж вернуться домой, к матери. И все ждала, ждала Валентина в тревоге: что-то должно случиться, даст еще бывший дружок сына знать о себе.

И точно, дал. Не сам, правда, передал весточку Валентине через свою мать. Пришла та метельным февральским днем, постучала в дверь. Когда вышла к ней Валентина, предложила войти в дом, женщина отказалась.

Протянула конверт со словами:

– Сын просил передать.

Развернулась и ушла.

Валентина Ивановна разорвала заклеенный конверт, заглянула внутрь. Была там записка: «Тетя Валя, простите меня. Не знал я тогда, что это были вы. Пьяный был, дурак. Я уезжаю из Тайги, насовсем. Женщину нашел себе по переписке. К ней поеду».

А еще в конверте твердое нащупала Валентина. Бумажка, в ней завернуто что-то. Развернула, и выпало на ее ладонь тонкое золотое колечко. Ее колечко, легонькое, но такое для нее дорогое. Зажала его в кулаке, слезы выступили на глазах. Сколько сразу вспомнилось... И подумала: «Кто сказал, что не исправляет тюрьма людей, а только портит? Может, не со всеми так? Может, кому-то и вправду она на пользу?»

А еще Валентина Ивановна о том подумала, что все-таки сдвинулось что-то в этой жизни к лучшему. Как подтверждение – хотя бы такой факт: недавно на улице ее кошмара зажглись новые фонари.

ТЫ КУДА, ОДИССЕЙ?

Никакой свадьбы после бракосочетания у нас с Валентином не было. Я даже радовалась, что мои мысли насчет этой никчемной свадебной кутерьмы совпадают с ощущениями жениха. Валюту, кроме всего прочего, заботила и финансовая сторона щекотливого свадебного вопроса. Он пожаловался мне:

– Мама напустилась на меня, что я так плохо поступил с ней и батей, отказался наотрез от того, чтобы отпраздновать нашу свадьбу. Отец, мол, несколько лет урывал с зарплаты деньги, складывал на книжку, говорил: Вальке, мне то есть, на свадьбу, чтобы все как у людей. Я такое лет с шестнадцати слышал. Бесило это накопительство меня. Я уже тогда решил: никогда никакой свадьбы у меня не будет! Опасался, правда, насчет невесты. Я думал, что, наверное, каждой девчонке хочется вырядиться в белое платье, фату нацепить и чтобы кольца, букеты, мишура, и вопли гостей, и это дурацкое: «Горько! Горько!»

– Ой, нет! – поморщилась я. – Не хочу ничего такого.

– Я это понял. И подумал: может быть, правда есть в мире Бог, который послал мне тебя? Раньше не верил в Него, а теперь – не знаю...

Я почему сейчас свадебной темы коснулась? Потому что очень часто мы сталкиваемся нос к носу с родственниками Валентина – то в трамвае или автобусе, то на рынке, в магазине или просто на улице. Валюта представляет очередную родню мне, ей – меня (с гордостью на физиономии): «Моя жена». И каждый раз реакция родни Валентина одинакова: «Как – жена?! А на свадьбу почему не позвали?» Нас это порядком раздражает, и я начинаю сомневаться в том, правильно ли мы поступили, «зажав» семейный праздник. Ведь была такая возможность познакомиться в один день со всеми этими многочисленными родственниками, чтобы потом в течение месяцев, а может быть, и лет не знакомиться с каждым поодиночке и не выслушивать их упреки...

Возьмем только одну ветвь Валютино «древа жизни». Его отец, мой свекор Федор Иванович, был одним из двенадцати (!) детей в семье. Все братья и сестры выросли, женились и вышли замуж, нарожали детей, потом заимели внуков... Это же целый полк! По одному или по два ребенка ни у кого из них не было. Самое малое – три, а дальше по возрастающей – до пяти, шести, восьми... В семье самого Федора Ивановича и его жены Анны Сергеевны родилось шестеро детей, где младшим был мой Валентин.

Как исключение из правил была у Федора самая младшая сестра Мария. В подростковом возрасте она свалилась с высокого стога и сломала ногу. В глухой деревне в глубине Томской области ни врача, ни хотя бы фельдшера не бы-

ло. Поправила девчонке ногу бабка-знахарка, приложила дощечку, примотала тряпками – вот и весь гипс. Полежала Маня с неделю да и поднялась. Прыгала, скакала вроде бы только на здоровой ноге, но и больной при этом доставалось.

Когда сняли тряпки и плашку, оказалось, что в месте перелома кость сместилась, срослась неровно. Правая нога стала кривой и заметно короче левой. Так и прожила бедная Маша всю жизнь с кривой хромой ногой. Замуж, конечно, никто ее не взял, хоть и была девушка работающей, доброй, скромной и милой на личико. В один миг поломала девчонка не только ногу, но и всю свою судьбу.

Только лет в двадцать пять затяжелела Маруся неизвестно от какого молодца и родила в положенный срок девочку – беленькую, кудрявенькую, с большими голубыми глазами. Не ребенок, а сущий ангел. Назвала Мария дочку Фаиной, Фаечкой.

Когда Валя перезнакомил меня с добрым десятком своих братьев и сестер, вспомнил вдруг о Фаине. Вернее, родная Валина сестра Антонина о ней напомнила.

– Надо нам как-нибудь к Фае выбраться, – сказала Тоня. – Она сейчас на Втором Томске живет. Ее Сергей трехкомнатную квартиру получил от стройки, где работает. Ценит его начальство за руки золотые. Любую работу может выполнить, за какую ни возьмется. Вот и детей Фае, – сказала со смешком Тоня, – восемь штук настрогол.

– Сколько? – ахнув, переспросила я, решив, что ослышалась.

– Ну, пока только семь, – поправилась Тоня. – Восьмой вот-вот должен появиться. Давайте послезавтра, в субботу, и навестим Фаю. Я гостинцев детям куплю и зайду за вами. И Люда познакомится с нашей сестрой, и новую квартиру посмотрим. Как вы, не против? Чего молчишь, Валька?

– Тебя слушаю, – улыбнулся в ответ Валентин. – Почему я могу быть против? Я всегда за. И Сона только один раз видел. Если встречу где, не узнаю. Сон ведь он, точно?

– Вроде Сон, – сказала Тоня.

– О чем вы говорите? – вмешалась я в разговор брата с сестрой. – Какой такой сон?

– Фаин мужик – кореец, – пояснила Тоня. – Зовут его на русский лад Сергеем, корейское имя и не выговорить, а фамилия – Сон.

– Интересно! – вырвалось у меня.

В субботу, как и обещала, появилась у нас Тоня и потопали мы со своей Степановки до Первого Томска, чтобы сесть на трамвай, идущий до Томска Второго. Дом Фаи и Сергея нашли сразу, находился он неподалеку от остановки. Поднялись на третий этаж, позвонили. Дверь открыла девочка лет двенадцати. Поразила она меня своей внешностью, нежным личиком, густой копной темных волос, открытыми карими глазами с каким-то все-таки экзотическим, нерусским, чуть-чуть раскосым разрезом.

Девочка сказала нам:

– Проходите, раздевайтесь, пожалуйста!

И, оставив нас в прихожей, ушла вглубь квартиры. А Тоня доверительно шепнула мне:

– Видела, какая красавица? Правду говорят люди, что дети от смешанных браков обычно всегда рождаются красивыми.

– О чем вы шушукаетесь? – нетерпеливо перебил сестру Валентин. – Делать нечего?

– Да я говорю... – начала было объяснять брату Тоня, но тут и хозяин, Сон-Сергей, уже сам вышел к нам навстречу.

Он радостно рассмеялся, узнав Тоню, и весело воскликнул:

– О-о, гости дорогие! Проходите, Фаечка рада будет. Никуда уже не ходит, дома сидит, с ребятами воюет. Проходите, чай будем пить с корейским печеньем. Я сам настряпал.

Хозяйка тоже обрадовалась нам, обняла меня по-родственному, расцеловала в щеки, когда услышала от Тони, что я жена их младшего брата Валентина.

– Хорошенькая, – похвалила меня Фая и оглянулась на брата: – Валя, неужели ты уже женился?! Когда успел вырасти? Ведь, кажется, совсем недавно в школу пошел и по попе от Федора Ивановича получил, когда попробовал курить отцовский «Бокс». Папиросы такие были. Помнишь, Валя?

– Это когда прутом из голика? Нет, не помню, – сказал Валентин, и все засмеялись.

Сергей поставил на стол большой поднос, заваленный горкой домашнего румяного печенья, от которого исходил очень аппетитный аромат. Дети, опережая друг друга, несли чайные чашки, сахарницу, ложечки. Помощников было много – шесть человечков. А один, самый маленький мальчик, сидел на высоком стульчике рядом с Фаиной. Посадить малыша на колени мамочка не могла, ей мешал слишком большой живот.

Я откровенно любовалась детьми: четыре девочки, три мальчика. Таких очаровательно-красивых детей мне никогда видеть не доводилось, да еще в таком количестве у одной мамы.

– Какие они все милые! – воскликнула я, не сдержавшись.

– В них наша радость, – произнесла со счастливой улыбкой Фаина.

– Радость, правда, – закивал головой отец большого семейства Сергей.

...Мы уходили от них наполненные чувствами добра, тепла и света.

– Вот вам и кореец, – сказала Тоня. – Среди русских попробуй такого найди. Во всем помогает жене: и стирает на всю ораву сам, и жарит, варит, стряпает. Видели, какое печенье напек? Придумал же, «корейское», говорит. Я его перед уходом спросила, чем оно от русского отличается. А он ответил: руками. Русское печенье, сказал, русскими руками делается, а это – корейскими, вкуснее.

Через неделю после нашего похода в гости к Фае она родила еще одну девочку. Счет в их семье стал 5:3 в пользу дочек.

– Теперь надо Фаечке родить двух сыновей, – пошутил Сергей, – чтобы пять на пять получилось.

Но никого они больше не родили. Из Кореи пришло письмо, которое прислала Сону его единственная дочь от первой, корейской жены. Когда-то, семнадцать лет назад, он уехал с родины в Советский Союз в поисках работы. Хотел заработать денег и вернуться с ними через год-два к жене и маленькой дочке, которой на то время не было и двух лет.

В Союзе встретил Сон Фаю и от любви к ней потерял голову. Солнцем своим звал любимую, говорил, что второй такой красавицы не встречал за всю свою жизнь. Фаина тоже полюбила всем сердцем нежного, доброго, работающего Сергея.

А потом пришло это письмо. Дочь умоляла отца приехать, чтобы проститься с ее умирающей матерью, первой женой Сона. Женщина стоит на пороге смерти, как сообщала дочь, все последнее время плачет, вспоминая свою первую и последнюю любовь, мечтает взглянуть на него хотя бы перед кончиной.

Сергей со слезами на глазах попрощался с Фаей и детьми, пообещал вернуться, как только похоронят бедную женщину, и Фаина поверила любимому супругу, стала терпеливо ждать его

возвращения... Шли дни, месяцы, потом – годы. От Сергея не было ни слуху ни духу. Дети выросли. Три старшие дочери вышли замуж, сами стали мамами. Младшая Фенечка, которая родилась в год нашей с Валентином женитьбы, уже оканчивала десятый класс средней школы, когда пришел Фае из Кореи крупный денежный перевод, а вслед за ним и письмо от Сергея.

Он писал о том, что, приехав на родину шестнадцать лет назад, свою бывшую жену застал живой и относительно здоровой. После перенесенного инсульта она быстро шла на поправку: к ней вернулась внятная речь, способность свободно двигаться, а затем и заниматься домашними делами. Лечащий врач посчитал, что основная причина, повлиявшая на выздоровление больной, кроется в положительных эмоциях, в частности из-за возвращения мужа в семью. Доктор также настоятельно советовал оберегать покой женщины и ни в коем случае не причинять ей новых душевных страданий. Так и задержался Сергей-Сон в Корее, заботясь о здоровье бывшей и давно уже нелюбимой жены. Был при ней и кухаркой, и сиделкой, и прачкой... Прожила она благодаря такой заботе немало, почти шестнадцать лет, и скончалась все-таки от нового инсульта. На этот раз медицина оказалась бессильна.

В заключение своего письма Сон спрашивал, не вышла ли за время его отсутствия Фаечка повторно замуж. «Ведь такая красавица, как ты, способна осчастливить любого мужчину», – писал Сергей. Если же она одинока и может простить проступок бывшего мужа, он готов в любую минуту сорваться, оставить все имущество дочери и ее четверым детям и вылететь к своей Фаине.

Постоянную связь с Фаиной, как и с другими многочисленными родственниками, поддерживала в основном только Тоня. Она и нас держала в курсе событий. Рассказала о том, что Фая без конца перечитывала письмо Сергея, обливаясь слезами. Написала ему ответ: «Приезжай! Люблю, жду».

– Ну вот, – сказала мне Тоня, позвонив из Томска в Тайгу, где мы основательно обосновались, – телеграмма Фае пришла, что выехал вчера Сергей поездом из Владивостока. Через пять дней будем с ней встречать его на вокзале. Интересно, изменился Сон или нет? Я знала одного китайца, – продолжала рассуждать Антонина, – а по мне что кореец, что китаец – одно и то же, так ему в девяносто лет никто не давал и семидесяти. Поглядим.

Нам не довелось увидеться с Сергеем и Фаиной. Знаю только, что и через двадцать лет после их воссоединения были они живы и здоровы. Потом нить связи с ними прервалась... Но историю жизни этой любящей пары я считаю в любом случае счастливой.

МЕСТО В ПАМЯТИ

После первого года учебы в Томском строительном техникуме нашу группу направили на практические занятия по геодезии «на пересеченной местности». Практика была рассчитана на две недели. За это время мы должны были освоить приборы геодезистов и строителей – нивелир и теодолит. Должны были произвести съемку местности, нанести на карту расположение строений, дорог, насаждений в виде деревьев, кустарников, цветников.

А участок достался нам на старинном кладбище, в конце улицы Красноармейской. Томичи-старожилы называли это кладбище Купеческим. Мол, места здесь выделяли только людям, имевшим вес в обществе, господам благородного происхождения. Захоронения на кладбище прекратились тридцать лет назад, и теперь в городских верхах было принято решение объект снести, освободить место для гражданской застройки.

В том, что покоились на Купеческом кладбище люди состоятельные, мы, студенты, смогли убедиться, побродив среди могил. Те располагались ровными рядами, на почтительном расстоянии одна от другой. Были здесь в полной сохранности металлические кованые оградки, скорее даже ограды. Внушали невольное уважение к усопшим и их родственникам массивные, отполированные до блеска, солидные скамьи. Удивляли разнообразием и художественным вкусом многочисленные памятники. Были среди них милые ангелочки из белого мрамора, были темные памятники-монументы, с литыми барельефами, причудливыми вензелями. Встречались на иных могилах и строгие, без особых затей кресты. Но и они выглядели гораздо величественнее тех деревянных крестов, которые мне, например, доводилось видеть на кладбище в моем скромном родном городке Тайге.

А Купеческое – это было не кладбище, это был удивительный, полный тайн и открытий настоящий музей. Неужели все это снесут? Вот этих ангелочков, всю эту красоту, и чью-то память сотрут с земли, и чью-то боль? Однако дол-

го размышлять на эту тему и бродить в изумлении среди могил нам не довелось. Надо было заниматься делом.

Тут мы обратили внимание, что в отдалении, на краю кладбища, уже всюю кипела работа. Мощный бульдозер сгребал в кучу с могил каменные плиты, ковш экскаватора, вгрызаясь в захоронения, выбрасывал на-гора гробы с останками умерших десятки лет назад. Из рассыпавшихся гробов вываливались белые человеческие черепа и кости.

Мы, второкурсники, в оцепенении наблюдали за происходящим. Никто из нас вслух не возмущался, рта не раскрыл. Нет, Леночка Щепинова, похожая на благородную девицу прошлого века, рот все-таки раскрыла, потому что у нее началась рвота. Она зажимала ладонями губы, но это ей мало помогало. Из ее обезумевших глаз в два ручья лились слезы. Лена покачнувшись, взмахнула руками и начала оседать на землю. Хулиганистый Вовка Казанцев, побледнев, бросился к несчастной девочке, подхватил ее под мышки, усадил на траву и, не выпуская из рук, присел на корточки рядом. Я-то давно заметила, что Казанцев равнодушен к милой и скромной прелестнице. Вот уж не пара. На что надеялся, бедняга? А может, вовсе и не надеялся, просто был влюблен.

Наша наставница – учитель химии Клавдия Ивановна – крикнула хорошо поставленным голосом:

– Вы чего уставились на это... это...

Мы подумали, что «химуля» осуждает поведение Казанцева, а классная кивнула, глазами указала на экскаватор и скомандовала:

– Живо все под деревья! Такая жара, напечет макушки, чего доброго. Пятнадцать минут даю на отдых, потом – на трамвай и домой. Завтра начнете практические занятия. Может быть, до вечера вывезут все это безобразие... Я позвоню в горно, так не оставляю. А завтра сюда прибудет геодезист ваш, Виктор Михайлович. Я-то в этом ничего не смыслю, начальство послало меня с вами для ознакомления с площадкой. Вот и ознакомились...

Вспомнилось это кладбище, особенно остро вспомнилось в мои сорок лет, когда я начала работать корреспондентом городской газеты «Тайгинский рабочий». Какой огромный исследовательский материал в конце 1950-х предоставляла мне сама судьба! Почему не взяла я тогда в руки блокнот для записей, ручку или хотя бы ка-

рандаш? Ведь с детства была твердо уверена, что стану писателем. С двенадцати лет начала сочинять и записывать стихи. В двадцать два написала первый рассказ, который позже даже включила в одну из своих «взрослых» книг. А вот такой богатейший материал из настоящей истории попросту проморгала. Столько можно было переписать имен и званий похороненных на Купеческом кладбище, столько сохранить подлинных – и душевных, и явно льстивых (от бывших подчиненных, наверное) – слов, посвященных покойным. Попадались на могильных плитах даже, на мой взгляд, поэтически совершенные строки. Может быть, принадлежали они перу известных стихотворцев?

А я тупо бродила с подругами среди уцелевших, еще не оскверненных могил, читала, например, такое: «Здесь обрела вечный покой мещанка Марфа Никитична Спиридонова, добропорядочная супруга, благодарная дочь, любящая мать четверых безвременно осиротевших детей. Никогда не забудем тебя, наша голубушка. Пусть поют тебе твои любимые песни ангелы небесные. Аминь». Я прослезилась, читая эту фразу, потому что подумала: «Какой вечный покой, когда творится вокруг такое?»

На другой могиле наше внимание привлекла массивная плита с длинной надписью, которую до конца я даже не дочитала: уже с трудом различались высеченные красивейшим шрифтом буквы на сером мраморе. Эту надпись тоже наверняка стоило бы занести в блокнот. Помню, что речь шла о высоком чине томской жандармерии. Подчиненные, не скупясь на похвалы, щедро перечисляли добродетели и заслуги покойного.

А дня через два ковш экскаватора извлек из этой могилы гроб с прахом высокого начальника царских времен и отправил его в отвал вместе с другими, менее именитыми соседями по кладбищу. На кресте датой смерти жандарма числился 1914 год. И гроб, обитый черным бархатом, не развалился – видно, на совесть был сделан из крепчайших досок лиственницы.

Всем, наверное, известно, что эта древесина не поддается гниению не только десятки, но и сотни лет. Лично я тому свидетель. Мой родной дед Степан Иванович Никитин в 1914 году построил пятистенник – бревенчатый дом на две половины. Так вот, фундамент дома был сработан из лиственницы. Ошкуренные столбы фундамента имели высоту около трех метров, а диа-

метр около полуметра. Когда в 1935 году моя мама вышла замуж за Михаила Никитина, молодожены поселились в одной из половин родительского дома. Во второй половине в то время продолжала жить вторая жена Степана, вернее его вдова. Мой дед – отец моего отца – покончил с собой, когда большевики лишили его магазина, лавки, складов с товарами и других построек. Степан Никитин был в старой Тайге видным человеком – то ли купцом, то ли лавочником. Моему будущему папе, когда произошла эта трагедия с его отцом, было всего четыре года. Выростила его и брата Леню мачеха. Ей власти оставили дом, не отняли его при условии, что вдова купца не бросит сирот, дорастит их до совершеннолетия.

В этом доме мои родители прожили всего полтора года. Когда у них родился сынок Женя (а было это за четыре года до начала войны), Михаил решил продать свою половину и купить более просторное жилье. Так что я появилась на свет уже в другом доме. Отец ушел на войну. Мы нечасто, но навещали бабушку Марию. Мы – это мама, Женя и я. Мне нравилось бывать в «купеческом» доме. Здесь всегда царил безукоризненный порядок, радовали взгляд белоснежные накрахмаленные узорчатые занавески на больших окнах, такие же салфетки ручной работы на полочках резной этажерки и на комоде. А еще здесь были необычно высокие для того времени потолки, много воздуха, в котором всегда присутствовал еле уловимый аромат хвойной смолы. Новый дедушка нашей бабушки Иван Никитич, добрый, душевный человек, с удовольствием, прикрыв глаза, вдыхал этот воздух и говорил нам: «Чуете, как лесом пахнет? Это от матушки-лиственницы. Сколько лет живет она в подполе, а дух ее не слабеет, радует нас».

Я побывала в этом доме, построенном в 1914 году, спустя ровно век, в 2014-м. Неудержимо захотелось окунуться в прошлое, в такое далекое детство... Вот ведь стоит пока на том самом месте дедов дом и почти не изменился внешне: такой ровный, крепкий на вид, не покосился, не врос в землю, как его одряхлевшие соседи. Одно обстоятельство подпортило вид особняка: новые владельцы подновили свои половины дома по-разному. Причем те и другие зачем-то сняли с окон резные наличники и крепкие, на века сработанные ставни. Помню, в давние военные годы было у жителей домов, где

имелись ставни, традицией, неким ритуалом закрывать их на запоры вечером и открывать утром, когда наступал рассвет. Я тогда, в свои три - шесть лет, жалела, что нет ставен в нашем доме. Они давали хозяевам ощущение защищенности (как металлические решетки на окнах, вошедшие в быт многих россиян в проклятые девяностые годы).

Я набралась смелости и постучала в дверь бывшей бабушкиной квартиры. Теперь здесь жил одинокий пожилой человек, вдовец. Его жена, сказал он, умерла четыре года назад. Две взрослые дочери перебрались в Новосибирск. Отсутствие женских рук было заметно: в углу на полу прихожей лежали капустные кочаны, убранные с огорода для засолки, да так, похоже, и забытые. Верхние листья их уже скукожились и потемнели. И вообще в доме царил беспорядок. Я понимала: не вина это старого человека, а его беда. Извинилась за свой непрошенный визит, объяснила его причину: желание увидеть (скорее всего, в последний раз) дорогие сердцу уголки дома, сто лет назад построенного родным дедом, которого, к сожалению, не удалось мне узнать при жизни...

— Очень мне хочется, — сказала я, — узнать про фундамент дома. Не меняли его хоть однажды?

— Да вы что! — улыбнулся мне по-доброму человек. — Наш с вами дом на лиственничных столбах стоит. Да ведь и стены дома из этого бесценного дерева сработаны. Так что стоять им еще и стоять. От них до сей поры лесным духом пахнет. Сто лет, говорите, дому? А я и не знал, спасибо, что пояснили. Вот так умели строить наши деды. Теперь хорошо, если тридцать лет продержится изба без капитального ремонта.

Я вернулась в свою квартиру. И перенеслась мыслями к порушенному кладбищу в Томске. Чувствую вину перед ним всю свою сознательную жизнь. За то, что не догадалась тогда, в 1959 году, сохранить память о нем для будущего, для многих людей, а не только для себя... Эх, мне тогда бы фотоаппарат цветной, каким сейчас владею... Не было и в мечтах тогда такой диковинки. Много чего не было.

С острым чувством горечи в который раз вспоминаю, как грязноватый мужик с выдергой в руках раскучорил крышку гроба жандарма царских времен. Потом этот ловкий советский человек порылся в одежде покойного. Сорвал с мундира какие-то знаки или награды, сунул их в кар-

ман спецовки и торопливо скрылся за растущими поодаль раскидистыми березами.

Тут же к раскрытому гробу подбежал однокурсник Витька Матвеев, которого все у нас в группе недолюбливали. Он то ли в самом деле был придурковатым, то ли прикидывался таким. Ведь худо-бедно, на тройки, но учился в техникуме. При этом часто клянчил у ребят то мелочи на булку хлеба, то горсть сахара на стакан чая. А еще Витька не любил стирать свою одежду и мыться в бане, и потому от него всегда дурно пахло.

Он наклонился над гробом, цепко выхватил сапоги покойного. Потряс ими (внутри что-то забренчало) и вытряхнул на землю кости ног. Заржал дурацким смехом, скинул свои заношенные башмаки, сунул ноги в сапоги покойника и принялся отплясывать в них на краю могилы. Чужая обувь была Витьке явно велика, верх голенищ с раструбами прикрывал его колени. И почему-то при каждом скачке Матвеева сапоги издавали мелодичный звон. Мы, зрители этого выступления, пригляделись и поняли, в чем дело. Задники сапог украшали золоченые шпоры с прикрепленными к ним такими же золочеными бубенчиками. Они-то и позванивали — должно быть, точно так же, как при каждом шаге бывшего бравого обладателя чудесных сапог.

Никогда больше мне не довелось видеть подобного чуда сапожного мастерства. Что стало потом с этими сапогами? Не потащил же наш дурачок их с собой в общагу? Бросил, конечно, «на месте преступления». А им бы место в музее, не иначе.

«Что он творит? — думала я тогда, глядя на отвратительного сотоварища. — Если бы был Бог, он наверняка наказал бы этого идиота за такую мерзкую выходку».

Не знаю, Господь ли наказал-таки Матвеева за его грехи или судьбой было ему такое предначинено, но вскоре после окончания техникума, года через два наверно, поместили Витьку на лечение в клинику для душевнобольных. Прямо со стройки увезли, где он, работая мастером, неожиданно принялся плясать на свежей кирпичной кладке стены четвертого этажа строящегося дома.

Не знаю, сколько времени провел бедолага в дурдоме. И вообще не знаю, вышел ли он из этого заведения на волю. Неужели это ему наказание за пляску в сапогах умершего? Не слишком ли сурово покарал его Господь? Но на все, как говорится, воля Божия.

**Роман
СЕНЧИН**

ПРОВОДЫ

Р а с с к а з

Она старалась убедить себя, что муж отправляется на вахту.

Без малого десять лет – годы, которые могли бы стать их лучшими, – они прожили почти порознь. Он по два месяца на Севере, а она здесь. Приезжал на три с небольшим недели, которые пролетали так быстро...

За эти десять лет родились сын и дочка, была отремонтирована изба, проведен газ, куплена машина. И кое-какие деньги удалось скопить.

Прошлой весной муж не возобновил контракт. Устал мотаться, да и здоровья, чтоб лазать на высоте двадцати метров, проводя электричество на буровых, порой в мороз и ветер, стало не хватать. И из электромонтажников в Ванкоре он переучился в механики автосервиса «Кузовок» здесь, в родном городке.

Владел «Кузовком» одноклассник мужа Виктор, он помог.

Но, может, и не столько из-за здоровья бросил вахтовать. За несколько месяцев до ухода рассказал о своем бывшем бригадире. Тот был старше и ездил на Север дольше, с девяностых. И вот когда решил, что хватит, осел в своем до-

ме, оказалось, что он там лишний, даже мешающий. Жена давно привыкла жить без него, взрослые дети тоже. Конечно, не гнали, но... Не считали они его членом семьи, выпал он из нее. Или, может, внушил себе, что не считали: все эти годы каждый его приезд, недели дома были праздниками, а теперь он видел сплошные будни. И решил, что он лишний.

23

Скорее всего, муж тоже боялся такого. Не возобновил контракт, и она его понимала. Да, надо по-настоящему свыкаться друг с другом, детей приучить, что отец рядом, с ними. Сначала, когда возвращался, по два-три дня плакали: то ли отвыкали и боялись этого чужого человека в доме, то ли сердились, что так надолго их покидал. А когда подросли, стала замечать, ждали его возвращения не просто так, а зная, что папка будет им покупать много сладкого, водить в кафешки, возить в соседний большой город в кино, в парк, в торговый центр с игровыми автоматами, разными аттракционами. Не надо, чтоб они воспринимали его как Деда Мороза.

И вот почти полтора года вместе. Она наблюдала, как муж меняется. Сначала был счастлив,

СЕНЧИН Роман Валерьевич родился в 1971 году в Кызыле Тувинской АССР. После окончания школы обучался в Ленинграде, проходил действительную военную службу в Карелии. В начале 1990-х попеременно живет в Абакане и Минусинске, работает монтажником сцены в Минусинском драмтеатре, дворником, грузчиком. В 1995–1996 годах в местных изданиях появляются первые рассказы Сенчина. Первые публикации в Москве – в журнале «Наш современник». Окончил Литературный институт. Печатался в «Октябре», «Дружбе народов», «Новом мире», «Знамени», «Урале», «Авроре» и др. Автор романов «Минус», «Нубук», «Елтышевы», «Информация», сборников рассказов «Иджим», «День без числа», «Абсолютное соло» и др. В 2009 году роман «Елтышевы» входит в шорт-листы главных литературных премий России: «Большая книга», «Русский Букер», «Ясная Поляна», «Национальный бестселлер». В 2015 году роман «Зона затопления» получил третью премию «Большая книга». Живет в Санкт-Петербурге.

что не надо ехать в холод или в жару, какая, рассказывал, бывает только в болотистой тундре: духота, от которой преешь и гниешь даже в легкой одежде, и тут же гнус, жужжащий, пищащий, ноющий, такой плотный, что закрывает собой солнечный свет...

Потом, заметила, начал тосковать, тяготиться жизнью на одном месте, в одной и той же обстановке. Чаще встречался с теми, кто продолжал вахтовать, с меньшей охотой занимался хозяйством — огородиком, свиньями, кроликами, разводить которых собирался все прошлые годы. Вроде бы даже к детям охладел.

Но этим летом, казалось, наконец-то пересохла в нем та нить, что связывала с прошлой работой, прошлым укладом жизни, ее распорядком, а вернее — циклами. С месяцем отдыха здесь и двумя месяцами вахты. Пересохла, и он освободился.

И вот позавчера пришел с работы, покормил кроликов, вынес свинье, умылся. Дождлся, пока она поставит тарелки с горячим на стол, дети усядутся и сама она тоже, и сказал, глядя в тарелку: приходили прямо в «Кузовок», он подписал бумаги — в четверг к двенадцати с вещами.

— Куда, пап? — с любопытством спросил сын. — За нефтью?

— Не совсем.

Она не зарыдала, не стала причитать и отговаривать, но в горле сжалось, и еда не лезла туда, не глоталось.

И лицо, наверное, изменилось, потому что муж, взглянув на нее, добавил, оправдываясь:

— Ну как иначе.

Не вопрос это был, а утверждение: иначе никак.

И сын, наверное, поняв, куда едет папа, не понимал больше расспросами, но есть перестал — так, ковырял вилкой. А дочка ела с аппетитом — маленькая еще, чтоб понимать. И хорошо.

И она тоже захотела стать маленькой.

Да, не зарыдала: внутренне, где-то в глубине души или сознания (кто знает, где в нас это самое важное) была готова к тому, что такое произойдет. Что муж однажды придет и скажет... По всем условиям он подходит. Но ведь двое детей...

Государство пообещало не бросить, настоятельно ответило внутри. Выплаты, льготы...

После ужина стала мыть посуду. Как всегда, как все эти годы каждый день по три раза. А та-

релки не слушались, не держались в руках, вилки падали, ноги дрожали.

— Сынок, — позвала, — помоги. Домой.

Он не сморщился, как бывало, не сказал «потом». Послушно подошел, сменил у раковины. Она сделала несколько трудных шагов, вошла в большую комнату.

Муж сидел в единственном в их доме кресле и смотрел в телевизор. Как обычно по вечерам.

Она понимала, что наломался за день, устал и надо ведь узнавать, что там в мире происходит. Он пытался включать в «Кузовке» радио, а остальные предпочитали музыку, простенькие песни, под которые легче работать. Ну и вот дома, вечером, включал телевизор, устроившись поудобнее. И все равно ее это часто раздражало, обижало: он словно бы отстранялся от нее, детей. А сейчас так хотелось, захотелось, чтобы сидел и сидел здесь, был и был...

Подошла, положила ему руки на плечи. Он, не оборачиваясь, положил свои руки на ее.

Из телевизора говорили:

— Эпоха ядерного шантажа должна закончиться. Идея о том, что некая страна может сражаться и победить в ядерной войне, — безумна. Любое использование ядерного оружия спровоцирует гуманитарный армагеддон...

— Нужно что-то собирать, — сказала она. — Носки теплые, еще что...

— Давай завтра. На работу не выходить, Витя в курсе.

— Уже?

— С этим быстро теперь решается...

Стояла позади мужа и искала, что еще сказать, как себя вести. Как ведут себя в такие часы?.. Вспомнилась бабушка. Какого она была года рождения? Тридцать шестого, да. Значит, когда прадедущка уходил, ей было пять или шесть. Наверное, помнила, как его провожали, что делала, что говорила ее мама. Почему она никогда не спрашивала об этом бабушку? Почему? Думала, что не пригодится? А вот... Да ничего она не думала, просто неинтересно было: есть бабушка и есть, угощает конфетами, пирожками с ревенем, по голове гладит, добрые слова говорит. А надо было спрашивать о прошлом, о ее детстве, о том, когда она была молодой. О чем можно было тогда говорить, о чем нет, как ее мама растила их одна...

Убрала руки, встряхнулась.

Муж оглянулся, на лице испуг:

— Что?

– Ничего, ничего.

И хотела добавить: «Все нормально». Усмехнулась: «Что уж тут нормального?»

Сказала вслух:

– Надо сказать моим. Сестрам будешь звонить?

Одна сестра мужа жила в крайцентре, другая в Новосибирске.

– Не, не надо.

– Ну, моим-то скажем?

Она обрадовалась, что можно поспорить: молчать было невыносимо.

– Твоим – да... Посидим завтра. Может, Витю позову, ребят.

– Позови, конечно!

Радость все росла, появились заботы: надо думать, что приготовить, прибраться.

– Не каждый день такое, – добавил муж, и ее вымученная радость мгновенно утонула в горьком комке в горле.

И она с трудом выдавила:

– Да уж... не каждый.

Стала злиться на мужа. Глупо, не по делу. За то, что когда-то пошел служить, что, отслужив, заключил контракт на два года, что в восьмом году оказался в части, которую подняли по тревоге и отправили в Южную Осетию.

Не доехали, та война быстро кончилась, но где-то ведь осталось, что вот такой-то участвовал в боевых действиях, хотя на самом деле не участвовал, и вот теперь его в числе первых...

Стыдила, успокаивала себя: нечего на это злиться, к тому же ты в него такого и влюбилась – в берцах и камуфляжных штанах не из магазина «Охотник-рыболов», а настоящих. Высокий, жилистый, как бывают жилистыми стволы лиственя – не ровные и гладкие, а словно перекрученные. Такие стволы ничем не возьмешь. Теперь, чувствовала, возьмешь. На самый крепкий материал найдется еще более крепкий. Продырявит, разрежет, нашинкует...

«Не надо, не надо, не надо».

Пошла на кухню, проверила, все ли помыл сын, убрала кастрюлю с гречкой и сковородку с остатками куриных сердец в холодильник. Посмотрела на часы: почти восемь. Детей рано укладывать, а чем себя занять, не знала. Обычно дела сами находились, но не сегодня.

Пойти бы в огород – остались там уже убитые заморозками, но не отвязанные от колышков помидоры, засохшие плети огурцов да и много чего еще, – только уже темно совсем. Ско-

ро дни станут совсем короткими, а вечера бесконечными. Тем более без мужа, вернее, с постоянной мыслью: как он там?..

Муж продолжал смотреть телевизор. В телевизоре спорили... Да и, кажется, не смотрел: спина прямая, напряженная, лицо опущено. Просто ждал, когда придет время ложиться. Или вскочить, если она позовет.

Не надо звать, дергать... Взяла с комода мобильник, вернулась на кухню и позвонила маме. Сказала: так и так, послезавтра в двенадцать с вещами... Мама заахала, зачем-то позвала отца, стала, захлебываясь, пересказывать ему.

– Завтра приходи пораньше, приготовим чего, – попросила, перебив. – Надо посидеть, проводить.

– Конечно, доча, конечно! О-хо-хо!..

Может, и хорошо, подумалось, что родители мужа не дожили. Как бы они сейчас... Не надо, не надо!..

Потом сестре своей позвонила, тоже сказала, тоже позвала помочь с готовкой.

– О, мой с рыбалки только, – обрадовалась та. – Сейчас харюзков засолю. За ночь успеют мал-мал.

– Спасибо.

Да нет, не обрадовалась сестра, не то слово. Но так бывает, когда что-то вовремя – хоть к свадьбе, хоть к дню рождения, хоть к поминкам... Типун мне на язык...

Наконец десятый час.

– Так, давайте умываться, зубы чистить, – направилась в комнату детей. – Завтра у нас дел много.

– А я в школу пойду? – спросил сын.

– А я в садик? – подхватила дочка.

– Все идут. Но мы вас пораньше заберем. А после... – Она коротко кашлянула, проглатывая горечь. – Послезавтра не пойдете.

Дети не закричали «ура!». Вообще они странно, непривычно вели себя этим вечером. После ужина как-то незаметно ушли к себе. Да, сын помыл посуду, но потом тихо исчез. Оказывается, смотрели длинный мультфильм «Три богатыря», может, и не одну серию. Обычно раз, другой начинали спорить, дочка бежала к родителям искать защиты, сын объяснял, из-за чего сыр-бор, а в этот раз почти три часа тишина была.

– А папа почитает? – спросила дочка, укладываясь.

Не «почитай», а «папа почитает». Позвала мужа. Он пришел.

– Что тебе почитать, солнышко?

– И мне почитай, – голос шлепающего из умывалки сына.

– Что? Выбирайте.

– «Тараканищу», – сказал сын, и дочка согласилась.

Странно, конечно, восьмилетнему мальчику и четырехлетней девочке читать Чуковского, но если хотят... Они оба не любили прозу, а из стихов с раннего детства просили Чуковского или Маршака. Часто шпарили хором и наизусть.

Муж взял истрепанную большую книгу, уселся на детский стульчик. Слева кровать сына, справа – дочки.

– Ехали медведи на велосипеде...

Она вышла из комнаты. Остановилась посреди кухни. Огляделась, ища, что бы поделать. Чистота и порядок...

Тарелки, чашки в буфете. Большом, старинном, с резьбой, со множеством ящичков, фасетными стеклами. У многих в их городке она видела такие буфеты. Подобные. Были когда-то люди, которые их мастерили. На века.

Раковина и плита вделаны в столешницы, снизу шкафчики для посуды, разной утвари. И на стенах тоже шкафы. Над плитой вытяжка... Этот гарнитур купили несколько лет назад, почти соток тысяч отдали.

Три богатыря, Тараканище... Неужели сын догадался, куда едет папа? И сестре сказал. И вот они весь вечер смотрели, как богатыри сражаются с нечистой, теперь слушают, как смелый и хороший победил злого и плохого.

Осторожно, сбоку, чтоб не увидели, подошла к дверному проему в детскую.

– А он между ними похаживает, золоченое брюхо поглаживает, – страшным голосом читал муж. – «Принесите-ка мне, звери, ваших детушек, я сегодня их за ужином скушаю!»

И снова забурили рыдания.

«Ну что? Отчего?..»

Скорее отошла. Убеждала себя, что все будет нормально, и тут же себя спрашивала: «Что тут нормального? Что может быть нормально?» Все последние месяцы, да и до того несколько лет, она почти не включала телевизор, не хотела знать, что там происходит за пределами их городка, много раз просила мужа: «Да не смотри ты их, свихнешься». И он чаще всего переключал с политической передачи на развлекательную, куда-нибудь на ТНТ, СТС, где тоже было про политику, но иначе – со смехом.

Да, она старательно пряталась и прятала

свою семью от бурь, что метались по земле. Но одна все-таки нашла их и вот-вот разметаёт, разрушит...

– Только вдруг из-за кусточка, – муж стал читать громче, торжественней, – из-за синего лесочка, из далеких из полей прилетает Воробей...

О, скоро закончится. Скоро он выйдет. Хорошо. Хорошо. Прижаться, и чтобы он обнял тяжелыми руками. И станет – она была сейчас уверена – спокойно. Хоть на какое-то время станет спокойно...

Лежали рядом на большой, просторной кровати. Просто лежали рядом. Нет, не просто, а держась за руки. В первые месяцы они постоянно держались за руки, гуляя по улицам, перебирали пальцы друг друга, поглаживали. Потом как-то перестали. Почему перестали? Свыклись? Изучили? А ведь это так приятно – держаться за руки.

Муж не лез к ней с ласками, не требовал их. И она была ему молчаливо благодарна: не надо сейчас. Вот так лежать рядом, смотреть вверх, на бегающие по потолку отсветы огней проезжающих автомобилей.

Они редко проезжают ночью по их улице Кравченко, иногда какой-нибудь грузовик или легковушка с прогоревшим глушителем будит, но сейчас звук моторов не раздражает. Хочется слушать их, разные, как голоса людей, и сердце выстукивает: мы не одни, мы не одни.

Поправила одеяло. «Надо будет, как уедет, маленькое достать». Она так мучилась, меняя постельное белье, с этим двуспальным: тяжелое, пододеяльник все время не так надевается, углы не совпадают...

«О чем я думаю? Господи, о чем я думаю?!» И сжала руку мужа так, что он во сне застонал.

А на завтра была готовка, уборка, ожиданье гостей...

Муж с утра покормил животину, отвел сына в школу, дочку в садик, а потом отправился по магазинам. Все точно так же, как перед отъездом на вахту. И она старалась убедить себя: он летит на Север, через два месяца вернется усталый, но довольный, с деньгами. Тем более и купил сегодня почти все то же, что брал туда, в Ванкор...

Пришли ее родители, сестра принесла несколько светлых свежесолёных хариусов. Помогали накрывать на стол. Суетились, спорили, давали друг другу советы.

– Да не надо в рыжики сметану. Каждый сам пусть, как хочет.

– Ну как – сам? Рыжик должен напиться.

– А если кто не любит со сметаной?

– Да сделайте вы две тарелки. Такую и такую. И хариуса лучше без лука – вкус отобьет.

– Ты в помидоры-то рассола долей, а то сморщатся, пока то да се. Пусть в рассоле стоят.

– Ох, не усолели еще.

– Ну дак сентябрь...

Муж и отец не принимали в этом участия, собирали в соседней комнате рюкзак. Часто выходили покурить. Муж, правда, не курил, но выходил за компанию. Или еще зачем-то. Может, чтоб не оставаться возле рюкзака одному...

Потом привел из школы сына и из садика дочку. Потом пришел муж сестры, отпросившись с работы пораньше, а вскоре, около пяти часов, и ребята из «Кузовка». Больше никого приглашать не стали. И так набралось девять человек, не считая детей.

Уселись на просторной кухне за длинным, из двух кедровых плах, столом. Собрал его, по семейному преданию, мужнин прадед. И сколько праздников за ним отмечали, сколько поминок.

Была водка, было вино, но никто на питье не налегал. Не то застолье. Не праздник и не поминки, а то, чего еще не бывало в их жизни.

Она сделала мужу сюрприз – налепила с помощью мамы и сестры любимых им мантов, но и манты не елись особо, стыли на решетках.

И разговор не вязался. Выручил одноклассник Виктор – стал вспоминать детство, школьные годы. Как ходили рыбачить на протоку, но из-за стоячей воды много рыбы было с червями. И тогда отправились на Енисей, а это километров пять от города. Родители, конечно, всполошились, стали искать. Рыбаки, когда вернулись, получили.

– Но ведь какая рыбалка была! – причмокнул Виктор. – И ельцов натаскали, и окуней...

Муж перебил:

– У меня ленок сорвался!

– Во-во, помню!..

Дети поели быстро, но к себе играть не ушли. Дочка сидела на коленях у мужа, сын на диванчике у стены. Она замечала, как внимательно он слушает разговоры, ловит каждый жест, каждый взгляд отца...

Первым ушел один из ребят с работы, Никита: «Жена весь день одна с сопленком, психует». Потом сестра с мужем. Следом засобира-

лись мама и отец. Договорились встретиться завтра у магазина «Визит». Задержались Виктор и немолодой уже, лет под пятьдесят, жестянщик Алексей Николаевич. Муж его уважал, часто упоминал, если заговаривал о работе: «Николай так крыло отутюжил – никогда не скажешь, что битое... Золотые руки, хоть и интеллигент, универ окончил».

Пересели на край стола, подальше от раковины и шкафов, и она стала постепенно убирать тарелки, кушанья, взглядом спрашивая мужа: «Это надо? А это будете?» Он или кивал, или коротко мотал головой. В конце концов остались соленья, куски рыбы, колбасные кружочки, хлеб – в общем, закуска. И бутылка стояла, постепенно пустея.

Ее потянуло сказать, что, мол, закругляйтесь, как, бывало, говорила, когда проводы мужа на вахту затягивались. Но сейчас не стала. Другие, другие это проводы. Пусть посидят.

Дочка смотрела «Машу и медведя» в детской, сын дремал на диване под тихий разговор взрослых.

– Возвращайся, и поедем в верховья за харюсом, – сказал Виктор, обсасывая рыбий хребет. Оглянулся на нее: – Отпустишь?

– Отпущу, если рыбы привезете, – попыталась она ответить в шутовском ключе.

– Флягу гарантирую. На пятнадцать литров. Зимний харюс, жирный. Нормально?

– Норма-ально.

– В верховья бы не помешало, – вздохнул Алексей Николаевич. – И лучше бы завтра утром. Вот с этим самым рюкзаком.

Муж хмыкнул:

– В смысле?

– В прямом – не надо тебе завтра являться.

– Да надо. Документы подписал.

– А ты плюнь. Сядь до Шушенского – туда, кажется, без паспорта билеты продают, из Шушенского до Ермаковского, а там в Усинское. Или лучше на такси, надежней...

– И что? – спросил муж, на мгновение опередив ее с ее вопросом, этим же самым, из двух коротких слов: «И что?»

– У меня в Усинском друг, настоящий. Бывший геолог. Потом плюнул на все и решил тайгой жить, хозяйством. Ни от кого не зависеть, не работать ни на кого. Развернулся – пасеки, заимку срубил... – Алексей Николаевич, словно его кто схватил, дернулся, глянул на Виктора, потом на хозяев, на их дремлющего сына. – Но это между

нами. Заимка тайная, без спросу поставил, под скалой, так что с неба не видно... Без передачи, лады?

– Лады-то лады, только к чему ты об этом?

Муж взял бутылку, поплескал в стопочки.

– Да ладно, все ты понимаешь.

– Ну и понимаю, а что с того? Уеду, забьюсь в щель, а что дальше? Они как?

Виктор приподнял стопку, и муж с жестянщиком скорее подхватили свои. Чокнулись молча. Выпили.

Некоторое время муж ждал, видимо, что Алексей Николаевич ответит, но тот молчал, тяжело сопя после водки. И тогда муж сказал:

– Глупость ты предложил, Николаич.

– Почему же глупость? – отозвался Виктор, и сразу стало понятно, что они подготовили разговор. – Уходили люди и раньше, и теперь уходят. Помнишь песню, там еще: «Сколько нас таких уходило в лес»? Не придумано это ведь...

– Пересидеть надо, переждать, – кивал Николаич. – Скоро кончится.

– Кончится... – Муж потер глаза. – Уголовный кодекс отменяют? Да и так я по-любому буду дезертир, предатель родины.

– Что такое родина? Родина, считаю, где ты, русский человек, живешь, где на своем языке говоришь... К нам сюда староверы из Боливии приезжали. Хотели переселяться. Походили, посмотрели. Нет, говорят, у нас в Боливии России больше, чем тут. И уехали. И вообще! – Николаич разошелся. – Русский человек сам родину создавал. Нет у русского как таковой изначальной родины, он из какой-то крохотной точки шагнул и пошел. До Сибири добрался, потом до Аляски, до Сан-Франциско дошел. На юг – до Филиппин, до Австралии. Алтай заселил, Хакасию, Туву, Бурятию. В Монголии, в Китае сколько русских деревень основал, в Канаде, в Южной Америке... И не от хорошей жизни вот так шел и шел: лупили его, кожу сдирали в Москве, в Новгороде, в Рязани, и он уходил. Без всего, с мешком семян на спине. Это потом государство придумало, что сначала казаки шли, купцы. Нет, простые люди. Духоборы, староверы, толстовцы, некрасовцы разные, да и просто кто жить хотел, землю пахать, детей рожать. Ты вот сделал двоих, а сейчас тебя возьмут и выдернут. И бог знает в каком виде вернут, если вернут.

Виктор добавил:

– В мае в Знаменке парня хоронили, в Хакасии человек десять, в Туву везут и везут, гово-

рят... Ох, решай, короче. Подумай...

Она стояла и слушала и тоже пыталась решить, как лучше. Не лучше – какое тут «лучше», а – правильно. Где пропасть, а где дорога дальше. Ведь еще столько идти по жизни, сына с дочкой растить, любить друг друга, вместе трудиться, жарить шашлыки, вместе гулять по городу и улыбаться хорошей погоде, людям вокруг, деревьям, домам в свежей побелке... Да, такая еще долгая и счастливая жизнь может быть впереди, но рядом образовалась пропасть. Вдруг, вчера вечером. Для нее и ее семьи. И кажется, эта пропасть кругом. Куда ни кинь – всюду она.

– Да, подумай, – веско добавил Алексей Николаевич. – Я телефон на ночь отключать не буду: если решишь, позвони.

– О, кстати, про телефон! – Муж обернулся к сыну: – Брат, принеси-ка мне свою «Нокию». И зарядку.

– Зачем?

– Меняться будем. Я тебе свой, а ты мне свой. Куда еду – можно только кнопочный брать.

Виктор и Николаич повздыхали, выпили на посшок и ушли.

Потом, когда уже легли спать, муж вспомнил:

– Черт, надо было спросить, помогут ли бате со свиньей. Эх, на месяц-другой бы попозже... И дров почти нет.

Она почувствовала, что можно спросить.

– А они точно глупости говорили?

– В смысле?

– Ну, чтобы уйти...

– Да. Не думай про это. Тем более выплаты обещают... всем, кто участвует. И вам тоже. Я сегодня заходил, уточнил: тебе на карту придут... А прятаться – последнее дело. Мне дед рассказывал про власовцев разных. В тайге в норах годами жили. Там и околевали, мышей кормили собой...

Внешне утро было таким же, как те, когда муж уезжал на Север. У двери стоял рюкзак, рядом крепкие ботинки, муж говорил больше обычного, напоминал о том, о другом. Брал на руки дочку, трепал сына по голове. Наказывал детям, чтобы маму не расстраивали, помогали.

В начале двенадцатого пошли. На этот раз не в сторону автовокзала, а в другую, к площади Интернационалистов.

«Кравченко, Интернационалистов, Штабная, Красных Партизан, Борцов Революции, Жукова... Кругом напоминания о войнах», – пришло ей на ум.

Улица, на которой жили, носила имя красно-го партизана Кравченко, а соседняя, вроде бы с совсем мирным названием – Утро-Сентябрь-ское, – была названа в честь того дня, когда красные партизаны в девятнадцатом году вошли в их городок.

Двухэтажное здание, покрашенное в бурый цвет, зеленые металлические ворота. Слева перед зданием памятник ликвидаторам аварии на Чернобыльской атомной станции, справа – участникам локальных войн. Метрах в пятидесяти от второго памятника продуктовый магазин «Визит». На маленькой площади человек пятьдесят – семьдесят. Стоят кучками тихо, почти неподвижно. В центре каждой мужчины в бушлате не по сезону или пуховике, у его ног рюкзак или большая сумка, а вокруг женщины, старики, подростки, дети...

Подошли к магазину. Родителей, сестры пока нет. Муж снял и поставил рюкзак на асфальт.

– Схожу отмечусь, – сказал.

Она кивнула.

Не прямо, искоса поглядывала на людей, некоторые были знакомы. Имен их не знала, но часто встречала на улице, в автобусе, в магазинах. Лица людей напряженные или, вернее, попалось где-то в книжке, перевернутые. Да, именно. Всех перевернуло известие, что их сыновья, мужья, папы должны собраться и уехать. И вот пришли проводить.

На этой площади часто провожали. Но в прошлые разы иначе. Провожали совсем молодых пареньков, знали, что вернутся скоро повзрослевшими, получившими специальность. Кто-нибудь обязательно приносил магнитофон, и парни подпевали звучавшей песне: «Демо-билиза-ци-я-а!» Да, новобранцы еще на призывном пункте мечтают о дембеле.

Теперь не поют.

– А куда папа пошел? – спросила дочка.

– Дела там...

– А он придет?

– Придет, конечно. Сейчас сделает и придет...

Дочка потопталась и попросилась:

– Можно на ручки?

– Устала?

– Ага. Ноги...

«Меня копирует», – захотелось усмехнуться.

В последнее время сама часто жаловалась на ноги: начинало их ломить и выворачивать. И вот дочка тоже стала говорить. Но, наверно, дей-

ствительно устала: прошла для своего возраста много.

Взяла на руки. Тяжелая. Зря коляску не взяли. Еще ведь обратно идти. Но уже втроем.

О, вот родители.

– Где наш-то? – оглядываясь, спросил отец.

– Пошел отмечаться.

– Ну да, ну да. – Достал сигареты. – Может, медкомиссия еще...

И это замечание, как теплая вода, приятно обдало ее. Вот сейчас проверят и найдут то, из-за чего нельзя забирать. Зрение, давление, это, плоскостопие.

– Внуча, а ты чего на маме?

– Устала она, от самого дома пешком.

– А коляску чего не взяли?

– Да вот ругаю себя, – отвечала она на вопросы матери, а сама смотрела на дверь в бу-ром здании – ждала, каким выйдет муж.

Вышел не радостный и не грустный. Обыч-ный. Как тогда, когда получал билет в кассе ав-товокзала или посадочный в аэропорту в сосед-нем городе (в первые годы она часто ездила его провожать до самолета).

Поздоровался с отцом за руку, кивнул мате-ри. Взял на руки дочку. Та положила голову ему на плечо. Как-то вся прикинула. А сын схватил его свободную руку своей.

– Я вчера забыл сказать... Если свинью ко-лоть без меня будете, позовите Виктора. Помо-жет.

Отец отмахнулся:

– Да решим. Эт пустяки.

И с сочувствием, жалостью, что ли, смотрел на него, на своего зятя.

– Все взял-то? Подумай, – вступила мать. – Еще есть время сбежать.

– Да все вроде.

– Носки теплые?

– Взял, взял... Брат, ты что трясешься? Теп-ло же.

– Не заболел бы! – с готовностью заволнова-лась мать. – Дай лоб потрогаю...

Она отвернулась. Тяжело было видеть сей-час родные лица. И вымученные слова давили, и возникающая тишина тоже.

Другие вели себя так же. Явно что-то спра-шивали у уезжавшего. Может, про те же носки. Будто от носков зависит, как там все сложится...

А мимо площади проезжали машины, через дорогу краснел кирпичный музей, гордость их го-родка, старинный, построенный лет сто пятьде-

сят назад. Недалеко, через скверик, стоял Спасский собор, другая гордость, еще более старый. Сейчас собор ремонтировали, колокольня обнесена лесами.

Она подняла голову, заметила: креста на колокольне нет. И на других маковках тоже. Понятно, сняли из-за ремонта, но сейчас в этом помещицился какой-то страшный знак, будто их совсем уж бросили, оставили и не помогут.

– Да что такое с тобой? – голос мужа; она подумала, что обращается к ней, и улыбнулась еще до того, как перевести на него взгляд.

Нет, он говорил сыну. Тот стоял бледный и действительно трясся, как от холода или высокой температуры.

– Папка... – ткнулся ему в живот лицом.

Она думала, сын сейчас начнет просить не уезжать, заплачет еще, забьется. Но тот не просил и не плакал. Наверняка все понимал, знал. Он и телевизор с интернетом смотрит, и в школе о чем-то ребяташки между собой говорят. Уж точно о том, что происходит.

И сейчас она, мать, отец стояли и смотрели на мужа и зятя, на детей и внуков. Одна на руках, другой прячет лицо в папином бушлате, заношенном, засаленном, пахучем.

Чтоб не разрыдаться, стала – почти всегда помогало – ругать себя, что не постирала. Если бы позавчера вечером, то сегодня бы высох. Или нельзя бушлаты стирать? Пуховики можно... Или хотя бы почистить надо было. Вот, скажут, жена в самом грязном отправила.

– Привет, родные! – появилась запыхавшаяся сестра. – Извините... с работы еле... Успела.

– А твой придет? – неодобрительно спросила мать.

– Наверяд. У него завал там вообще, говорит. Ну и вчера ведь попрощались.

Свойки особо не дружили, встречались по большей части на семейных торжествах. Муж сестры работал в администрации, в департаменте благоустройства. А так как благоустройства не наблюдалось, над ним шутили: мол, продуктивно работаешь. Тот оправдывался: «На кузов щебня приходится по месяцу денег просить. Иногда сами скидываемся. Про асфальт уж молчу».

Но в последние года два городок стал расцветать, свежеть. Приближалось его двухсотлетие, выделили деньги, и у мужа сестры появился азарт деятельности. Удивительно, что вчера не стал расписывать, что делают, что в планах. Понял, видимо: не до того.

А она мечтала, как в мае, когда будут отмечать юбилей, они нарядятся и пойдут гулять. Все четверо, все веселые. Будут слушать песни, есть вкусное, смеяться... Надо в краеведческий музей детей сводить, и сама не была со школы. Музей-квартиру декабристов, слышала, восставили – тоже стоит побывать. И в театр ходить, и на природу выбираться. Сосновый бор кругом, Енисей рядом, а они все в своей ограде...

Убеждала себя: муж едет на вахту. Через два месяца вернется. Ну, может, задержится ненадолго. С вахты, случалось, тоже приезжал позже: черная пурга, вертолеты не летают. Или авария. Или сменный электрик заболел... Задерживался, но всегда возвращался.

Медленно, осторожно подъехал слишком большой для их узких улиц автобус. На таких иногда привозили туристов: город их входил в туристический маршрут «Саянское кольцо». Но сейчас – кажется, все поняли – туристов в нем нет. С другой целью подъехал.

Из бурого здания появились два офицера. Немолодые, плотные, с какими-то жалкими лицами. Быстро прошли к автобусу, оглянув кучки людей. Остановились, один раскрыл папку, другой помахал водителю, и тот открыл среднюю дверь.

На площади стало очень тихо. Не по-живому тихо. Все эти пятьдесят или семьдесят человек замерли и смотрели на автобус. Даже дети молчали.

И офицер с папочкой стал выкрикивать фамилии и имена:

– Каргаполов Олег... Помигалов Александр... Пучков Игорь... Безбородкин Руслан... Париков Александр... Мельбард Александр... Пухов Иван...

Вот выкрикнул и его фамилию и имя. Муж передал дочку отцу, обнял ее, жену свою. Поцеловал в щеку. Очень-то нежничать у них здесь было не принято, могли и спросить осуждающе-ядовито: «Может, вам еще кровать принести?»

– Ну, давайте, – сказал. Наклонился к сыну: – Вернись скоро. Пока ты за старшего.

Взял рюкзак и так, держа его в руке на весу, пошел к автобусу. Остановился у двери, что-то ответил на вопрос офицера, оглянулся и вошел в автобус. Стекла были тонированные – ничего не видно.

Через минуту или через десять – она не понимала, течет, бежит ли время, – дверь закрылась и автобус тронулся.

**Евгений
СЕМИЧЕВ**

САМАРСКАЯ ЛУКА

* * *

*Витийствуй, буйная гроза,
Гни небеса в дугу!..
Сегодня я – твои глаза
На волжском берегу.*

*Горючей не жалею воды,
Греми над головой!
Сегодня я – твой поводырь
И зрячий посох твой.*

*Держись, Самарская Лука,
Летим в тартарарам!
Моя надежная рука
Порукой будет нам.*

*Блистайте, молнии, оплечь.
И, ветер вольный, вей!..
Куется в грозном горне меч
Для Родины моей.*

*Пускай летит во все концы
Над Божьим миром весть:
Лихие златокузнецы
Еще в России есть.*

*Во имя мира и любви
И на позор врагу,
Господь, меня благослови
На русском берегу!*

ДЕНИКИН

*Стонет Запад дикий.
Рушатся штандарты.
Генерал Деникин
Просится в солдаты.*

*Из белогвардейцев
В роту боевую,
В строй красноармейцев
На передовую.*

*Рядовым безвестным
Он погибнуть чает.
Но на вызов лестный
Кремль не отвечает.*

*В зимнем Подмосковье
В битве за столицу
Вся залита кровью
Русская земляца.*

*Сорок первый грозный,
Беспощадный, страдный,
Слезный и морозный
И первопарадный.*

*Вышей Божьей волей
Русский снег кровавый*

Весь пропитан болью
И оваян славой.

Все святые лики
Русскому подмога...
Генерал Деникин
Слезно молит Бога.

Генерал встревожен.
Путь его неясен.
Сабли вон из ножен!
Рядовым согласен!

Он гонял германцев
До задворок прусских.
Но опять поганцы
Прут войной на русских.

Он читает сводку,
Вести фронтовые.
Пьет из кружки водку.
Словно рядовые.

В этой кружке тонет
Дорогая надпись:
«Будь здоров, Антоний,
Всем смертям на зависть!»

Господарь завидный
Горько шутит на ночь:
– Не горюй, друг ситный,
Брат Антон Иванович.

Крутит козью ножку
И за голенищем
Именную ложку
Спрятанную ищет.

Собирает вещи
В дальнюю дорогу.
Офицерской честью
Присягает Богу.

В битве за Россию
Он погибнуть чаёт.
Но ему Всесильный
Бог не отвечает.

Русские калики –
Белоземляники...
Генерал Деникин
Просится в солдаты.

...В юности далекой
Он грешил стихами
О звезде высокой,
О сердечной даме.

Стать хотел поэтом,
Был сентиментален...
И в Кремле об этом
Знал товарищ Сталин.

С той поры победной,
Обагренной кровью,
Странною легендой
Бредит Подмоскowie.

За лесным окошком
Некий местный житель
На груди у волка
Аксельбант увидел.

И народ поверил
В этот случай дикий.
Обернулся зверем
Генерал Деникин.

В роще до рассвета
Он врагов страшит.
И за все за это
Бог его прощает.

* * *

Я открыл дремучие глаза.
Прокатилась по щеке гроза.
А из пелены дремучих туч
Проскользнул последний летний луч.

Я проснулся рано поутру.
Осень закипает на ветру.
Роща лисья листьями бурлит.
Лето синим пламенем горит.

Сколько их – моих сгорело лет,
Не оставив за собою след!
Темная на озере вода.
Жизнь моя уходит в никуда.

Но в моей душе тревоги нет,
Потому что в небе есть просвет.
Луч бесстрашно рассекает тьму.
Роща аплодирует ему.

Я прижмусь к бесстрашному лучу
И его щекой пощекочу.
У меня шершавая щека.
– Друг мой, не печалуйся. Пока...

* * *

Мои стихи отважно шли под водку
В палящий летний полдень у реки.
Из газетенки, развернув селёдку,
Их русские читали мужики.

Мои еще непризнанные строчки
Старухи без особенных затей
Сворачивали в мелкие кулечки
С гостинцами для маленьких детей.

Я не жалею, что мои подборки
Сгодились на душевные дела.
Для нужд народных в качестве обертки
Газета приспособлена была.

Мои слова, в житейском бурном море
Встречавшие не раз девятый вал,
Служили тем лирическим героям,
С которыми я жизнь переживал.

Поззии неистовая сила
Тащила тяжесть бренности земной.
И может, потому моя Россия
Была тогда читающей страной.

* * *

Самолет мой, кукурузник –
Мой небесный тарантас.
Почту сельскую погрузит,
А потом посадят нас.

Все уселись. Все на месте.
Бабка с рыжею козой
Животину трижды крестит,
Окропив ее слезой.

Командир – пилот бесстрашный
С дерзким взором молодца

Говорит: «Не плачь, мамаша,
Всех доставлю до крыльца».

Бабка крестится и плачет.
Самолетик тарыхтит.
Как кузнечик он проскачет
И по небу полетит.

Улыбаясь, молча млеет
На борту народ живой.
А коза от счастья блеет
И качает головой.

До деревни нашей лёту
Ровно сорок пять минут.
Благодарные пилоту
Пассажиры руку жмут.

За бесстрашие и сноровку,
За удачный перелет.
А пилот козе морковку
Из планшета достает.

Бабка старая смеется
И беззубый крестит рот.
Над страной нашей солнце
Незакатное встает.

* * *

Когда слышу в спину: «Жень!» –
Окликает детство.
Счастья полную сажень
Загребает сердце.

Визг щенячий пацанья.
Дружеская свалка.
Боже! Это не меня.
Господи, как жалко!

Но в небесной глубине
Свет не убывает.
Отче! Это же ко мне
Ангел мой взывает.

Наталья МУРЗИНА

НУ ДАВАЙ О ХОРОШЕМ!

НОВЫЙ ГОД В ХРАМЕ

Ночь новогоднего бедлама.
Сверкает бешено салют.
А я вхожу под своды храма,
когда часы двенадцать бьют.
Здесь средоточится нетленное
и у всего иной отсчет.
Храм, как корабль, сквозь Вселенную
в морозном мареве плывет.
Снаружи грохот, улюлюканье,
звонит веселая ругня.
Все это действие многорукое
давно не трогает меня.
Вот это действие многоликое
лишь звон пустой. Не для души.
Ведь все поистине великое
всегда рождается в тиши.
Церковных огоньков мерцание,
ветхозаветные слова...
Еще немного ожидания –
и снидет чудо Рождества!

* * *

Лежат под кровом трав и тишины
ребята, не пришедшие с войны.
А сверху белый свет, паренье птиц
и облака без меры и границ.
В бессмертье и покой погружены
безмолвные свидетели войны.
А мир... предпочитает дальше жить,
безумствовать, смеяться, не тужить,
не чувствовать потери и вины,
не замечать присутствия войны,
своих предательств и чужих угроз.
И неудобный обходить вопрос.
...Солдаты, не пришедшие с войны,
о ласковых невестах смотрят сны,
и голоса несбывшихся детей
звонят для них в надмирной пустоте.
Проплачется невеста. Только мать
вовек не перестанет ждать, гадать,
что он шептал, идя в последний бой,
сгорая в топке третьей мировой,
о чем кричал он там, в тисках войны,
в объятьях трав и дикой тишины,
какую тайну до конца постиг
на пике жизни, в свой последний миг...

МУРЗИНА Наталья Петровна родилась 14 февраля 1971 года в поселке Тисуль Кемеровской области. Окончила Кемеровский государственный университет. Работала в журнале «После 12», Доме литераторов Кузбасса, редактором в издательстве «Кузбасс». Публиковалась в журналах и альманахах «Москва», «Наш современник», «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Введенская сторона», «Чаша круговая», «Иркутское время», антологиях «Стихи о матери», «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..», «Поэты университета», «Собор стихов», антологиях военной поэзии «Ты припомни, Россия, как все это было!..» и «Оберег». Автор книги стихов «Вторжение весны». Лауреат журнала «Огни Кузбасса». Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

ОСОБЫЕ ДЕТИ

От такой беды нет таблеточки, нет
страховки ни у кого.
Ах вы, деточки-безответочки – ДЦП,
аутизм, УО.
Все в нем крохотное, незрелое, разум
теплится, чуть дыша.
Это клетка – больное тело. Просто тело.
А в нем – душа.
К людям выйти с таким бедняжкою этой
маме вдвойне больней.
Ей нести эту ношу тяжкую в одиночестве
среди людей.
Ей беду из судьбы не вытравить. А тебе...
А тебе – понять,
Что такого ребенка выправить –
как на плечи скалу поднять!
Ведь такого ребенка вылечить –
подвиг нужен, как на войне.
Чтобы в нас человечность вылепить –
вот в чем суть. А не в чьей вине.
Подари им улыбку! Смилуйся! Помоги хоть
чуть-чуть! Прими!
Ведь такое дитя родилось, чтобы стали
добрее мы.

Я веточка древа, пронзившего
древность корнями.
Я тех продолжаю, чье время земное
застыло.
Они и сейчас надо мною – беззвучно,
теньями.
Их нежная страсть сокровенно течет
в моих жилах.
Густое смещение их судеб меня пробудило
И к жизни назначило. Властно,
от первоисточка
Мне в бренное тело вдохнули охранную
силу.
Я их продолжение по мудрому замыслу
Бога.
А память – бездонный колодец, в нем
боль и отрада
Прошедших годов. И забвенья тревожные
тайны.
Как пристально прошлое смотрит...
От этого взгляда

На стыке времен мне, живущей, светло
и печально.
Я веточка древа. Я список храню
неслучайный.
Его мне отец, уходя, передал во владенье.
Фамильная ценность – помянник
старинный, сакральный –
Из прежних веков от сородичей
благословенье.
Мерцает свеча. Не спеша имена называю –
Я им посылаю надежду в страну
невозврата!
Сумятицу дней и ночей до конца
пролистаю,
И тоже придется отсюда уйти. Но когда-то
Я, может, узрю сквозь прогалы
нездешнего сада,
Как дальний потомок внимательно в небо
глядится,
Приникнув к широкому древу, где тишь
и прохлада!
А в старом колодце звезда для
него отразится!

Ну давай о хорошем! Ну хватит уже
о войне.
Ведь когда-нибудь этому необходимо
случиться:
В обожженной пожаром эпохи огромной
стране
Долгожданным победным восторгом
наполнятся лица!
Справедливое солнце – поверь! –
непрерывно взойдет
И плеснет ослепительным счастьем
от края до края.
Как окурок, потухнет война. Замолчит
миномет.
И отпустит мужчин из-под смерти
передовая.
Сумасшедшим душистым кипеньем
ответит сирень.
И, букетики радостных слов раздавая
прохожим,
Мы вкусим, словно Светлую Пасху, тот
солнечный день.
И не нужно опять о войне.
Говори о хорошем!

**Евгений
ЧИРИКОВ**

**ПТИЦЫ, ЛЕТАЯ,
МАШУТ КРЫЛЬЯМИ**

П о в е с т ь

1984 год, но не по Оруэллу

ГЛАВА ПЕРВАЯ

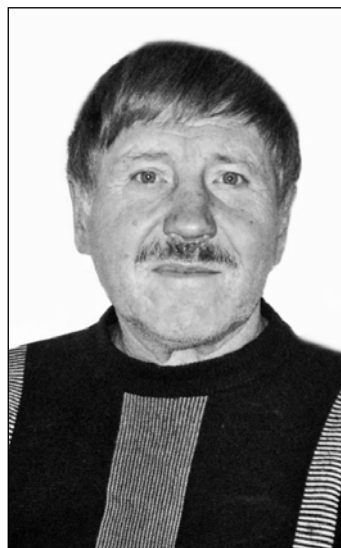
1

А это уже конечная. Воронов прыгнул с автобусной подножки и стал озиаться. Автобус развернулся и укатил, оставив его в абсолютной тишине солнечного дня. Захолустная местность напоминала край земли. Вокруг стояли деревья, за ними виднелись неказистые строения. Скорее всего, он проехал лишнюю остановку.

Из стены тополей вышли четверо молодых мужиков в синих больничных пижамах. Они тащили носилки. Из-под простыни выглядывали седые волосы покойницы. Весело балагуря, мужички перешли дорогу и скрылись в тополях другой стороны площади. Воронов зашагал по обочине.

Длинное двухэтажное здание училища темнело за начинающей желтеть листвой, вход со двора. Внутри помещения, ощутимо ветхого, валялись доски и водопроводные трубы, шел ремонт. Из просторного вестибюля направо и налево вел слепой коридор без окон.

На втором этаже в почти голой приемной сидела секретарша колхозного вида, в красной кофтенке, с гладкой прической. Директор стоял в дверях своего кабинета, скромно обставленно-

го, и встретил Воронова бурно-восторженно. Лет сорока, невысокий, с седой шевелюрой, в джинсах на кривых ногах и кожаной куртке нараспашку. Голос такой же сипло-сорванный, каким он агитировал по телефону: «Приходите к нам! У нас денег как грязи!»

Первым делом они вместе прошлись по территории училища.

36 – Дипломат возьмите с собой, могут спереть! – предупредил перед этим директор.

Звали его Лазарь Евсеевич. Он шел быстро, чуть ли не бежал. Гараж, столярка, столовая, спортзал, где посреди ремонтного хаоса физрук в маске сварщика что-то приваривал. И библиотека – комната примерно сорока квадратных метров, разделенная барьером.

Они вернулись в кабинет директора. Приемная уже пустовала.

– Коньячку не хотите? По сто грамм?

– Нет, спасибо.

– Шикарно у нас, правда?

Воронов кивнул. В дверях появилась разобитая и разъяренная толстушка в черном халате, с короткой стрижкой.

Она зывала к директору:

– Лазарь Евсеевич! Лазарь Евсеевич! Вы скажите ему, пусть он отдаст! Он закрылся и не отдает! И скажите ему: если он еще раз так сделает, я, честное слово, отправлю его в психбольницу!

ЧИРИКОВ Евгений Стефанович родился в 1952 году. Окончил филологический факультет Кемеровского государственного университета. Основная профессия – журналист. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса», в альманахе «Тобол и вся Сибирь». Издал две книги художественной и ряд книг документальной прозы, в том числе две – в серии «Замечательные люди Кузбасса». Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

Директор выслушал речь женщины, глядя на нее исподлобья. Что-то переспросил и что-то обещал. Она ушла. Воронову Лазарь Евсеевич сказал, что уходит в отпуск и оформлением на работу займется его зам. Затем директора куда-то позвали, он убежал. Воронов долго бродил в коридоре.

– Где этот лысый? – вновь прибежал Лазарь Евсеевич.

Он обращался к усатенькому мужичку, который покуривал у стены.

– Какой лысый?

– Ну, мой зам.

– Придет.

Зам, Моисеенко, мужчина плотной комплекции, неулыбчивый, но вежливый, прибыл не скоро. Оформление состоялось.

На автобусную остановку новый работник училища шел с чувством омерзения и тем страхом, который случается, когда падаешь во сне в темный провал.

2

Милейшая молодайка-библиотекарь Люба Девкина уходила в декрет, собираясь родить третьего ребенка, благодаря чему и открылась вакансия в библиотеке. Ее пышно взбитые русые волосы вполне отвечали буйной фантазии натуры, серые глаза смотрели ясно и прямо, рослую фигуру распирал живот. Девкину переполняли эмоции – то радость, то исступленный гнев.

– Юрий Сергеевич, не обращайтесь сейчас на меня внимания, мне надо выпустить пары, – предупреждала она в таких случаях. – И кричала: – Сволочи! Ненавижу!

И тут же смеялась.

Когда в библиотеку заглянул зам по УВР Попова, злая на вид загорелая блондинка в джинсах, голубенькой болоньевой курточке и в жажде заставить библиотекарей заняться подготовкой к Ленинскому уроку, Люба наотрез отказалась: она уже не библиотекарь, Юрий Сергеевич еще не библиотекарь, им необходимо закончить передачу фонда в 20 тысяч наименований. Попова вспыхнула, зашипела и заставила их пойти с нею к Моисеенко.

Там, в небольшом кабинете, сидела также англичанка Коршунова и что-то писала. Воронов молвил, что не возражает против Ленинского урока, но не представляет себе, что это такое.

– Надежда Ивановна все объяснит, – буркнул Моисеенко, имея в виду Попову. – Только не на-

до, Надежда Ивановна, перегружать его сразу, а то он испугается и уйдет. А тебя, Любовь Николаевна, скоро покладут в больницу?

– Положат! – хлестнула Любовь. – Нет глагола «покладут»!

– Ну, положат, – равнодушно согласился Моисеенко.

– Скоро! Если раньше Надежда Ивановна в гроб не загонит!

Девкина кричала, ругалась, отбивалась от критических замечаний Поповой. Моисеенко неулыбчиво слушал.

– Ладно, – махнул он мясистой белой ладонью, поросшей с тыла черной шерсткой. – Дайте преподавателям литературу, и пусть они готовятся сами.

Библиотекари спустились вниз.

Любовь Николаевна выпускала пары:

– Заититтованные враги! Благо бы она по-доброму просила! Приходила ко мне и говорила бы: Любовь Николаевна, будь другом, составь текст. А то ведь приходит и приказывает! И чуть что – сразу к директору бежит! Как ее муж терпит? Наверное, добрый мужик... Она еще и пристаёт: вы должны подготовить чтецов второго курса к Дню знаний!

– Смотри, Люба, кто у тебя родится?! Кого родишь, если будешь так волноваться? – урезонивали ее подруги – Татьяна Морозова, та самая, которая кричала в кабинете директора в первый день появления Воронова, и преподаватель химии Брызгина, женщина с загадочной джокондовской улыбкой, словно знающая и прячущая в себе что-то стыдное.

– Матерщинника рожу! – отвечала им Люба. И продолжала костерить Попову: – Гадючка! У нее политика хождения по лестницам. Если ей что-то от тебя надо, но она не добилась, то она пойдет к заму по УПР. Если он не поможет, то пойдет к директору. Не поможет директор – в райком. Не знаю, дойдет ли она когда-нибудь до ЦК! Она говорит: Любовь Николаевна, библиотека – это центр воспитательной работы. Здрасте! А на что тогда зам по УВР?

Преподаватели и мастера гурьбой заходили в библиотеку и просили дать литературу для подготовки к Ленинскому уроку.

– Брежнева сейчас цитировать не надо? – улыбнулся усатый мастер.

– У нас свобода слова, – отшутилась Любовь Николаевна. – При закрытых дверях!

Вновь зашла Попова:

– Любовь Николаевна, какая у тебя есть литература по речам Черненко?

– Литературы пока нет, – ответила Девкина. – Ее получит Юрий Сергеевич. Пока берите материалы только из газет.

Попова разочарованно вышла.

Воронов сидел за инвентарной книгой.

– Юрий Сергеевич! – раздалось из коридора. – Идите сюда! Здесь моя подруга, знаете, такая толстая, красит и нам краску предлагает, чтобы в библиотеке покрасить. Посмотрите: подойдет нам или нет?

Морозова в черном халате красила коридор, согнувшись в поясе. Белые груди почти полностью выпали из места хранения. Воронов, Любовь Николаевна и ее дочь Алла, лет девяти, стояли втроем и смотрели на красящийся пол и свисающие дыньки. Каждый из них имел об этом предмете свои понятия.

– Татьяна! Ты не халтурь! Лучше закрашывай! – покрикивала Девкина. – И не жидись на краску, чтобы нам хватило!

3

Втроем они вернулись в библиотеку, заперли дверь и продолжили инвентаризацию. Воронов сидел с калькулятором, Любовь Николаевна оформляла акты на списание, Алла помогала ставить птички в инвентарных книгах.

Кропотливая работа с непринужденной беседой продолжалась, когда из коридора постучали. Воронов открыл дверь и увидел за порогом неплохую фигурку в белом свитере, черной юбке и капроновых гольфах. Длинные волосы под блондинку и бледное личико, очки. Надежда Викторовна Коршунова. Люба сунула ей в руки стопу брошюр для Ленинского урока, но англичанка не спешила уйти.

– Что ж, Юрий Сергеевич, пойдёмте делиться.

– Чем делиться?

– Часами.

И они отправились на второй этаж.

– Смотрите не подеритесь! – напутствовала их Девкина.

– Не подеремся, мы люди вежливые, – ответила Коршунова.

В кабинете Моисеенко сидел завуч Борис Александрович Сушкин, светловолосый и краснотелый мужчина в коричневом костюме и белой рубашке, при галстуке. Он сформулировал проблему: у Надежды Викторовны 500 часов, а

для ставки нужно 720, поэтому она просит литературу. Сушкин спросил, у кого какой диплом. Коршунова сказала, что по диплому она филолог, преподаватель английского языка и литературы. Поэтому, мол, и может преподавать русскую литературу. Завуч не знал, как быть. Пришлось ждать Моисеенко. Воронов намекнул, что мог бы вести историю. Ан нет, всех историков утверждает райком партии.

Моисеенко вошел в кабинет. Начали мараковать насчет литературы. Сушкин и Моисеенко пришли к выводу, что нужно снять у Воронова 180 часов и дополнить ими нагрузку Коршуновой. Пока. А потом, возможно, когда из отпуска выйдет Сиропина (пьющая преподавательница), появятся и другие варианты.

– Сиропина вроде собиралась переходить в какой-то санаторий, что ли, – сказал Сушкин.

Коршунова длинно-длинно вздохнула в знак того, что она уже не раз слышала о возможных уходах Сиропиной.

– Как тебе нравится этот вариант? – спросил Моисеенко. – Я смотрю, что-то ты вздыхаешь. Не нравится?

Коршунова запросила все часы Воронова:

– Юрий Сергеевич работает в библиотеке. Эта ставка уже составляет 125 рублей. И моя ставка будет составлять 125 рублей. Отдайте мне всю литературу.

– А он что будет вести?

– А он пусть ведет шашки.

– Был договор с директором, что он будет вести литературу.

– Но почему я буду получать 125, а он...

– Он мужик, у него семья.

Моисеенко закурил сигарету. В наступившей паузе Коршунова медленно поднялась со стула. Воронов встал тоже. Она выходила из кабинета явно не в духе. В ней просвечивала примитивная жажда денег.

– Надежда Викторовна! – окликнул ее Воронов в коридоре.

Она остановилась и обернулась. Воронов приблизился.

– Давайте подождем до сентября.

– Ждать бесполезно, – возразила она. – Сиропина никогда отсюда не уйдет...

Юрий Сергеевич спустился в свое книжное царство. Там рядом с Любью стояла маленькая женщина, озираясь по сторонам с лирической улыбкой на губах. Девкина представила ее как свою предшественницу.

– Я двадцать лет отработала в этой библиотеке, – сообщила предшественница с ностальгической грустью в голосе. – Здесь прошла моя молодость...

Вскоре библиотекари вновь засели за нудную работу. По инвентарной книге как раз стало ясно, что в свое время только что приходившая гостя списала свежее собрание сочинений Дюма и кое-что другое.

– В книжном магазине на Северной по средам можно купить хорошую литературу, – сказала Люба.

– Seriously? – оживился Воронов.

– Да. Но раньше было лучше. Там работала пожилая продавщица. Она уже составила себе библиотеку. А сейчас работают молодые девчонки. Они не могут оставлять у себя книги, но быстро звонят подругам, те приезжают и забирают.

Воронов невольно улыбнулся все объясняющей простоте.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Между делом Воронов забежал в дежурную комнату, где коротали время мастера и преподаватели и стоял базарный гвалт.

– У меня был хороший паренек. Ходит вокруг меня, говорит тихонько, культурно. Ну, думаю, хороший парень. А в личное дело заглянул – он правонарушитель! За ним угон автомобиля, два года условного срока и отсрочка. Я подхожу к Гареёву. Есть, говорю, у меня хороший парень, тихий, хочешь взять? Хочу, говорит. И взял! Но он еще не посмотрел в личное дело, а как посмотрит!.. – с хохотом, широко открывая зубастый рот, рассказывал мастер Фомкин физику Неупокоеву, такому же алкашу, как и он сам.

У Фомкина синие глаза навывкате, ястребиный нос, рыже-бурый чуб. Он резок, горласт, груб и легко впадает в ярость, почему его и боялись ученики. Этот человек из тех, кто не любит повторять дважды.

И Фомкин, и жизнерадостный Неупокоев, и мастер с гусарскими усами Лихтенберг давно клеились к Воронову насчет «вступительных».

– Когда будем принимать в коллектив?

Тот отшучивался и отнекивался.

– Здравствуйте! – вошла Попова, казавшаяся опытной курортницей, ценительницей южного загара.

Она поглядывала на Воронова не без веселого кокетства. Присев на выступ стенда, Попова сняла телефонную трубку и начала звонить по предприятиям, просила дать места в общежитии для четверых учащихся. На училище давали 20 мест, но помещение затопило стоками канализации. Многие иногородние ученики жили на частных квартирах, да вот все окружающие дома оказались заняты.

Вопрос с общежитием Попова не решила и поручила продолжить звонки Морозовой, которая звывала в трубку к парторгу шахты «Северная»:

– Уйдут ребята, если негде будет жить. Куда их деть? Придется отправить домой. А такие неплохие ребята поступили на первый курс в этом году!

Вошел обладавший галантными манерами военрук возрастом лет под семьдесят и сказал комплимент Морозовой:

– С вас, Татьяна Семеновна, мадонну можно писать, только грудки побольше открыть.

2

Перед отъездом в Ленинград на курсы повышения квалификации, а затем в Гвинею, обезьян пугать, как выразилась Девкина, Моисеенко провёл педсовет и передал полномочия Поповой. Личико той явно отражало, как довольна она миссией руководителя.

– Хотя существует официальное постановление ЦК, чтобы не привлекать учащихся профтехучилищ к сельхозработам, в обкоме сказали: будем привлекать, – произнес речь Моисеенко. – Кушать надо всем! Поэтому все поедем работать. И чтобы ни один преподаватель не увильнул!

Он обвел взглядом людей, сидящих по периметру кабинета.

– У нас положено отходные выплачивать. Когда соберемся, Анисим Иосифович? – раздались игривые возгласы алкашей.

– Зайдешь ко мне в кабинет, я тебе налью сто грамм, – ответил Моисеенко без тени улыбки.

Военрук поднял вопрос о том, что в целях соблюдения дисциплины мастерам положено присутствовать на уроках, но успеха не имел.

С ним сцепился Фомкин:

– Почему мастера должны присутствовать? А вы на что?

В столовой Воронов сидел за одним столом с математиком Манидо и Коршуновой. Они, Манидо и Коршунова, обсуждали, как будут копать картошку на личных участках. Манидо обещал Надежде Викторовне принести мешки или сетки. Он отобедал раньше всех.

– Юрий Сергеевич, а вас хозяйственные проблемы не интересуют?.. О, так вы не женаты? Разведены? Да? Да? Серьезно? О-о, будем знать, что у нас есть свободный мужчина!

Перекурив, свободный мужчина проследовал в свою библиотечную вотчину. К нему зашла Попова, которой понадобился календарь памятных дат.

– Оттуда все можно взять, там под каждой датой статья, прямо выпишешь ее и расскажешь ребятам. Юрий Сергеевич, я вас очень попрошу: подберите мне литературу о борьбе с правонарушениями в училищах. Я готовлюсь к докладу в райкоме. У вас должно быть что-нибудь на эту тему.

Воронов обещал подыскать. Она ушла с улыбкой.

Через час с урока Поповой пришел ученик и попросил дать 15 учебников «Общая биология». Библиотекарь учебники ему не доверил, послав за самой Поповой. Та примчалась. Он дал ей учебники и две книги о борьбе с правонарушениями.

Надежда Ивановна топталась у стеллажа в нерешительности:

– Мне бы фразочку какую-нибудь отыскать. К докладу.

Она стыдливо хихикнула. Воронов отдал ей пылившийся на полке машинописный текст, возможно чье-то бывшее выступление. Попова поблагодарила.

3

В День знаний Воронов пришел на работу парадно, в галстук. При своих ста восьмидесяти двух сантиметрах роста он смотрелся монументально. Суров, торжествен.

В библиотеку никто не заглядывал, знаниями не интересовался. Он вышел на крыльцо. Весь двор запружен серой ученической массой.

«А этот волк что тут рыскает?» – услышал он за ухом грубый голос и резко обернулся. Но насчет «волка» относилось не к нему. Это общались два паренька.

И вдруг клич: «В столо-о-овку!» Со двора в дверь хлынула лавина, которая смела бы любую преграду, возникни та на ее пути.

В голову Воронова пришла мысль, которая неизбежно должна была прийти: мысль о народе. Он сам был частью народа. И эти ребята тоже народ? Так называемые «дебилы». Как известно, в училища идут одни «дебилы». Они вливаются в общество, плодят детей, формируют генофонд... И где предел деградации?

Он пошел в дежурную комнату.

– Не ставит вступительные, – увидев его, как бы пожаловался Фомкин военруку и Сушкину, игравшим в шахматы.

Фомкин поинтересовался у Воронова недостатков в четыре тысячи рублей, которая висела на библиотеке. Он что-то знал про это.

Сушкин оживился:

– Недостача? Вот как?

– Знаю я эту Веру Дорфман, – вспомнил Фомкин предшественницу Любы Девкиной. – И почему она так уволилась. У нее мужик застрелился. Ну, и директор – кто тогда был, Гуляев, кажется? – подписал ей увольнение. Ладно, мол, иди, не буду тебя терзать, раз у тебя горе.

– А почему муж застрелился? – спросил Сушкин.

– Потому что Вера налево бегала. Когда он узнал, что она того... пришел домой, поставил ружье сюда (под самый подбородок) и выстрелил.

– А где она... того? – совсем забыл о шахматах Борис Александрович. – У нас в училище?

– Откуда я знаю? Я не справочное бюро! – отрезал Фомкин.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Как и следовало ожидать, первые уроки не оставляли надежд. В 44-й группе, когда Воронов пытался вроде как непринужденно рассказать о русской литературе XIX века, в классе стоял шумок.

На полу между двумя рядами столов – тетрадный листок с похабным рисунком. Раздается смехок. Воронов заставляет ученика, ближайшего к рисунку, взять листок, вынести из класса и выбросить. Только и всего. Но ученик краснеет и не решается выполнить требование:

– Не я рисовал!

Преподаватель настаивает, и тот нехотя берет бумажку под хохоток класса. Возвращается он скованный конфузом. Вот так странность.

2

Урок с 46-й проходил в другом кабинете. Дверь открыл ключом завуч Сушкин.

– Только смотри, чтобы они не брали ничего. К стенду подойдут – бей по морде!

Увидев на стене нанесенный чем-то темным рисунок, Борис Александрович огорчился и как-то задумчиво прочитал вслух короткую надпись.

– Надо будет стереть. А, это не оттирается. В прошлом году, видимо, терли, терли, но так и не оттерли. Ладно, ототрем...

Ребята смеются, но постепенно успокаиваются. За первой партой сидят два похожих друг на друга блондинчика, Бажов и Бугров, оба в болоньевых курточках. Они дружат. Бугров молчалив, внешностью грубее и скучнее. Бажов более вдумчив, общителен, с приятными чертами лица.

– Зачем вы пришли на это место? – удивляется он.

– Какое место?

– В училище.

– Разве это плохое место?

– Зачем вам нужно нервы мотать?

Воронов выразил удивление по поводу журналов, сделанных из ученических тетрадок.

Бажов смеется:

– Еще не хватало, чтобы в училище журналы были!

А один ученик с задней парты, читавший раньше Жюль Верна и Герберта Уэллса, высказал желание, чтобы вместо русской литературы XIX века проходили научную фантастику.

В 45-й группе цеплялись к любым словам, которые можно перевести на скабрзности. Стоило коснуться Льва Толстого с его непротивлением злу насилием, как тут же послышалось:

– Насилие – это как? Изнасилование?

В душе литератора засвербило, что он прямоком попал в юдоль скотства и безумия. В голове крутилась фраза, сказанная день назад Поповой: «Юрий Сергеевич, нужно выдать учебники каждому ребенку». По его мнению, фраза лучше звучала бы так: «Юрий Сергеевич, нужно выдать учебники каждому головорезу».

В следующие дни его ужас прошел. Не так уж они и слабоумны. Да, они курят, мастера при них горласто матерятся и открыто обсуждают водочные утехы. Да, пацанов этим не удивишь. Но среди них есть и скромные, хотя и слаборазвитые ребята. Их жаль.

Вечером работников училища отвозил в Ленинский район допотопный автобус, «броневичок», выпущенный еще в хрущевскую «оттепель». Вместе со взрослыми поехали два ученика. Один из них отковырял перочинным ножом резину в окне и вставил в щель ломтик сырой картошки. Он попросил у Воронова закурить и наткнулся на вежливый отказ. Посидел, поскучал. Похлопал по плечу дружка: «Деньги есть? Пойдем зайдем в магазин и возьмем...»

Фомкин тоже сколачивал компанию выпить. Воронов решил, что надо пожертвовать. Мастер Фирсов соглашался на фомкинский искус с неохотой.

Вышли на бульваре Строителей и завалили в магазин. Внутри у Воронова все плакало от омерзения, когда он в убогой компании шествовал к винному отделу. Тимохин, коротышка в черной кожанке, подставил ладонь для рублей. Воронов дал десять и получил пять сдачи. Мастер Кошкин кривился. Его уговаривали, но он незаметно исчез, пока покупали водку. Идти собирались на квартиру Тимохина. Воронов стал отпрашиваться.

– Отпустим? – посоветовался Фомкин с коллегами.

– Пусть идет.

Они остались втроем – Фомкин, Фирсов и Тимохин. К водке докупали пиво. А при покупке водки маленький забыл взять сорок копеек сдачи, как раз на пиво. И теперь сильно жалел, прямо горевал.

3

На профсоюзном собрании присутствовало 25 человек из 42 возможных. Председателем выбрали старого военрука – лейтенанта Самсонова, секретарем – Коршунову. С отчетным докладом выступил председатель профкома Сушкин.

Начался доклад в высоком штиле. Торжественные фразы о деле всей партии сочетались с цитатами из Черненко. Не был забыт и Ленин: «профсоюзы – школа коммунизма». Сушкин рассказал о работе профкома. Некоторые его члены занимали две должности, поэтому на 50 процентов не выполняли обязанности. Средства все не использованы. Сушкин бросил упрек в адрес директора, за то что не помог с машина-

ми. Есть две машины, но ни разу не съездили за грибами, потому что они на ремонте.

– Вот жалко, что директора нет сейчас! За двадцать три года моей работы в школе и училище я такого еще не видел, такое только у нас.

– Почему не помогли с паспортизацией кабинета литературы? – спросила Нелли Петровна Сиропина, преподавательница с испитым лицом, вышедшая из отпуска.

– Мы думали, что в университете передовые кабинеты, а на самом деле лучшие кабинеты сейчас в училищах. Директор понадеялся и ошибся, – снова задел шефа Сушкин.

Далее последовал отчет председателя ревизионной комиссии Фомкина.

– Мы не работали, потому что это бесполезно. За год мы один раз проверили столовую. Пришли, поторчали, на что-то указали. Столовая исправилась. А послезавтра все пошло по старому. Какой интерес работать ревизионной комиссии? Что, пирожки считать?

Председатель собрания призывает выступить рядовых членов профсоюзной организации, но никто не рвется. На кафедру выходит Попова. Основная ее мысль: нужно укреплять трудовую дисциплину. Тем более что партия дала нам такой мощный рычаг, как закон о трудовых коллективах. Речь Надежды Ивановны бежит по проторенной эмоциональной колее, звучит по-женски скорострельно и зажигательно, личико светится энергией.

– Мы все педагоги и знаем, что воспитывать детей можно только личным примером. Так давайте подавать этот пример!

Снова призывы к выступлениям.

– Да что выступать впустую! – подал кто-то реплику.

На трибуну поднялся Соловьяненко, председатель профкома треста автобаз, то есть высокое начальство.

– Ваша пассивность непонятна мне совершенно. Если хотите грубое слово, она меня... э-э... э-э... возмущает. Почему члены коллектива не хотят выступать? Я бываю на многих автобазах, в училищах. У нас на автобазах рабочие активно выступают... Я не могу навязывать своего мнения, но думаю, что оценена работа профкома будет как неудовлетворительная.

Воронов прослушал, какую оценку поставили на голосование, но оно прошло единогласно. Председатель даже не заметил, что Воронов воздержался.

Начали выбирать новый состав профкома. Морозова огласила список из семи человек. Венерук писал фамилии мелом на доске.

– Включите в список Мисюк! – предложил кто-то.

Соловьяненко объяснил, что список кандидатур обсуждается и утверждается парткомом и администрацией, поэтому вносить новые кандидатуры в него нельзя. Вот если будет отведение кандидатуры или самоотвод, тогда можно предложить другую. Таково правило тайного голосования (это было ответом на вопрос, почему мы должны голосовать именно за этих семь человек, почему нельзя выбирать).

Самоотвод заявил Манидо. Унылым голосом он сказал:

– Я здесь работаю недавно. Когда я сюда поступал, мне было обещано, что я смогу заниматься научной работой. Я пишу диссертацию. Мне некогда.

Вместо Манидо включили Мисюк. Дальше следовали выборы ревизионной и счетной комиссий.

– Мне нельзя! Я курящий! Я курить хочу! – балагурил Неупокоев.

Для занесения кандидатур в списки сделали перекур. Все было как в лучших домах. Бюллетени – узкие полоски бумаги с отпечатанным на машинке текстом. Красный ящик. Темная каморка для вычеркивания кандидатур, если кому-нибудь захочется.

Озвучили решение собрания и протокол. Соловьяненко настаивал на том, что собрания должны проводиться два раза в месяц, но Сушкин возразил, что практически тот же самый коллектив заседает на партсобраниях, педсоветах, производственных совещаниях и профсобраниях.

– Ну и что? – не сдавался Соловьяненко. – Значит, партсобрания должны проводиться, а профсоюзные – нет?

– Раз в квартал!.. Два раза в год! – раздались крики с места.

В протоколе записали гибко: регулярно проводить...

Избранные остались в кабинете. Прочие устремились домой.

Жизнерадостно звенел голос Неупокоева:

– Нет, ты скажи, склоняются мужские фамилии или нет? Если склоняются, то я могу говорить: вижу Маниду, пошел к Маниде, говорю с Манидой! Ха-ха-ха-ха!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

После урока блондинчики Бажов и Бугров изъявили желание прочитать «Грозу». Воронов выдал им по книге. В библиотеку также записались три хороших мальчика из 43-й и мучительно долго копались на полках. Они искали фантастику.

Пообедав, Воронов вынул из пачки сигарету и пошел к выходу. У стеклянной полупрозрачной двери дежурной комнаты Клешнин мирно беседовал с мордастым и широкозадным толстяком в болоньевой куртке; штанины джинсов, бросалось в глаза, подвернуты вверх. Поодаль в позе терпеливого наблюдателя стоял стройный и культурно одетый парень при галстуке. Но что-то здесь настораживало. Воронов задержался в вестибюле.

Беседа молодых людей затянулась. Клешнин порывался уйти, но его собеседник мягко преграждал путь рукой. В отдалении одиночками стояли и ходили учащиеся. Толстяк на чем-то настаивал, Клешнин упрямо отказывался. Когда в вестибюле появились два-три мастера, Воронов прошагал на крыльцо и закурил в компании военрука. Из здания спокойно вышли толстяк и его культурно одетый товарищ. А внутри птицей пронесся тревожный шумок. Воронов заглянул в полутьму вестибюля. Навстречу – Татиринов, мастер в черном костюме и галстуке, который пропустил за вышедшими двумя парнями, но было поздно: те перешли на рысь и скрылись за углом.

Из коридора выходил заплаканный и красный Клешнин, приложив ладонь к лицу. За ним шли два мальчика, дружки-малютки, ростом намного ниже его. Другие мальчики-свидетели виновато улыбались.

Воронов спросил у Клешнина:

– Кто это был?

– Не знаю. Он попросил у меня пятнадцать копеек. Я не дал.

– Он тебя ударил?

– Да.

Юрий Сергеевич посоветовал Клешнину идти домой и не терять мужества. Если второй раз попросят деньги – не бояться и не давать. Клешнин кивнул в знак согласия.

Морозова и Брызгина с ее неизменной джондговской улыбкой были возмущены не меньше Воронова:

– Мерзавцы! Обнаглели совсем! Такие хорошие ребята поступили, а ведь уйдут! Этот, который ударил, учится у нас же, на втором курсе. Мы сидели в комнате мастеров. Слышим шум, выбежали, а он, Клешнин, уже лежит. Пусть приезжает милиция и сажает!

Морозова набрала телефонный номер.

Приехал инспектор детской комнаты милиции – молодая рослая женщина с погонами лейтенанта.

– Что она будет делать? – спросил Воронов у Татьяны.

– Обещает побеседовать. Вот так всегда. Побеседуют с ними – и все.

2

К 10 часам Воронов приехал на работу.

Во дворе от кучки курильщиков отделился Фомкин, протянул руку:

– Здорово! Давно тебя жду, сейчас приведу свою группу, выдашь им учебники.

– Я не имею права выдавать учебники до приказа о зачислении учащихся, – вдался библиотечарь в нарочитый формализм.

– Я этот вопрос выясню.

Иван помчался к завучу и с ним вместе вернулся.

– У нас тут много чего юридически не делается, – проворчал Сушкин. – Выдашь учебники под ответственность мастера. Все мастера группы уже скомплектовали, они знают своих. Никуда не денутся.

Орда первого курса получила учебники.

Уходя последним, парень в алой болоньевой куртке провякал идущему впереди:

– Видишь, а ты боялся!

Библиотечарь почуял неладное. Но парень вдруг вернулся, переступил порог и дерзнул обратиться к нему на «ты», невнятно пробормотав:

– Как тебя звать-то?

Наткнувшись на тяжелый взгляд, он переменял тон:

– Как вас звать?

Воронов представился. Парень вынул из-под ремня роман «Шахта», стоявший до того на полке новинок. Ясно: ученик, приглашенный для подтаскивания учебников, подал книгу этому парню из-за барьера.

– Дайте почитать книжку.

– Группа какая?

– Никакая. Я окончил училище в этом году. Меня здесь все знают. Моя кличка – Мамонт.

– Фамилия?

– Тупицын.

Он упрямо просил книгу.

– Я вам принесу через три дня.

Вошел какой-то ученик.

– Меня здесь все знают, – сказал Тупицын. –

Ты меня знаешь?

Ученик молчал.

– Как меня зовут?

Молчание. Мамонт стоял, облокотясь на барьер. Он завел речь о себе, но так сильно заикался, что слова плющились до полной неразборчивости.

– Я... я... я...

Между делом в библиотеку заглянул Фомкин.

– Ты знаешь меня? – спросил Мамонт. – Я хочу взять книгу. Можно?

– Ты окончил училище. Какую тебе книгу – здесь не частная лавочка!

Воронова подкупил аргумент, что Мамонт бы не вернулся, не будь честным человеком:

– Зачем я тогда вернулся? Ушел бы, да и все.

– Какую я могу получить гарантию?

– Честное слово.

Сколько «честных слов» в жизни приходилось уже слышать Воронову! И все-таки он дрогнул. Мамонт принял книжку с изъяснениями благодарности.

– Я обязательно принесу! Мне интересно прочесть. Тем более здесь про шахту.

– Ну, посмотрим.

Библиотекарь садится в кресло, что у стены напротив окон, в которые видны верхушки топей среди синевы неба. Но покой нам только снится. Начинается обычная суэта. Приходит чья-то бабушка со справкой, которую надо подписать. Бажов просит дать ему «Отцов и детей», а историчка Колодина – работы Ленина и Энгельса.

Появляется директор, сразу же исчезая:

– Я смотрю, ты уже освоился! Часов мало? Это мы исправим. Правда, я еще месяц в отпуске.

Тимохин в кожаной куртке и кедах ищет какую-то статью.

– У тебя все «Кузбассы» за сентябрь? Мне нужна статья про отпуск. В отпуск не отпускают... Я им... Фомкин сказал, что в сентябре была статья...

Заглядывает Попова:

– У вас тут нет Сосновского?.. Кстати, как у вас с планом? Я всех просила еще к субботе

представить планы на год. Жду! План работы библиотеки и библиотечного совета. – И в шутку щелкнула языком, как девочка-проказница, вроде «э-ля!».

Забредает гусар Лихтенберг:

– Где хозяйка?

– В декретном отпуске. Я за нее.

– Ты за нее? Но у тебя нет денег...

Он повертелся и ушел. Мастера пьют ежедневно и вечно рыщут в поисках займов.

Голос из-за двери:

– Опять закурить? Мишка, но я же тебе давал последнюю!..

Пора идти на урок. В коридоре Колодина и физичка, наверняка уже отметившая 50-летие, но все еще сексапильная.

– Смотрите, Раиса Игоревна, та женщина пьяна, на ногах кое-как стоит, – показывает Колодина на старую техничку, которая пытается швабрить пол.

3

Как же нелепо это ожидание! Будто стоишь на пристани вечности.

Подошли человек восемь из 44-й группы:

– Автобус не придет, мы домой. Мы пойдем домой, а?

Юрий Сергеевич ответил уклончиво.

– У вас сегодня есть литература? – спросил один из подошедших.

– Нет.

– Значит, можно не ехать, – засмеялся спросивший. – А у нас все равно три урока.

Торопливо остановился заказной автобус и забрал трех своих. У мальчиков родилась идея пойти в кино.

– Ну, мы пошли.

Остался один Богатов, паренек благообразного вида. Из-за поворота показался нужный рейсовый автобус – 82-й. Начался штурм. Воронову не повезло, так как прямо на него с подножки спускался пассажир с ведром известки. Пока Юрий сторонился, трамбовка пассажиров закончилась, места больше не осталось. Но подрулил другой заказной, который забрал всех оставшихся на остановке. Только, пожалуй, Воронову не надо было хвататься за поручень со слоем жирной пыли.

Во дворе училища царила золотая осень. На небольшом полигоне с ревом, взлетая на буграх, гоняли кругами на мотоциклах члены мотосекции.

Тимохин привел в библиотеку третьекурсника Ермоленко, чтобы подписать справку. Ермоленко был интересен тем, что год отсидел в тюрьме, весь свой второй курс, а после освобождения его сразу перевели на третий курс. На свободе он немедленно женился и в библиотеку навещался с женой.

Мимоходом зашла Попова:

– Во сколько вы открываете библиотеку?

– В десять часов.

– Не знаю, как вы договаривались с директором, но, пока я на его месте, приходите, пожалуйста, в девять часов.

Воронов запер дверь и вышел на крыльцо. Там задумчиво стояла секретарша Полина Егоровна. Она сказала, что подала заявление об уходе.

– Закурить у вас не будет? – спросил незнакомый парнишка и получил отрицательный ответ.

За ним Шашечников:

– Дайте закурить.

– Рано тебе курить.

– Ну дайте! У вас же есть, я знаю. Наверняка у вас целая пачка.

Не вынимая пачку из кармана, Юрий Сергеевич достал из нее сигарету и протянул Шашечникову, который дважды сказал спасибо.

Воронов вернулся в библиотеку, сел в кресло. Ему подумалось о блондинке на «э», которая вчера запечатлелась в утреннем автобусе. Экзотическая и экспансивная. В белой болоньевой куртке. От нее исходила слабая, тлеющая свежесть. Возможно, запах душистого мыла. «О черт!» – говорила она, когда от тряски автобуса сумочка скатывалась с колен. Чуть не прозевав свою остановку, она вскочила: «О черт!» – и прорвалась сквозь толпу. «Девушка, вы наступили мне на ногу!» – с деланным возмущением сказал парень, стоявший на ее пути, но она уже прыгала с подножки.

Обедал Воронов вместе с Фирсовым, который уработывал гору мяса в супе и обглаживал большую кость.

– Повар, которая на раздаче, явно ко мне равнодушна. Она накладывает мне больше всех. Мол, ты маленький, может быть, подрастешь еще.

Это его ежедневная присказка.

Обед прошел по-своему весело, с шуткой незнакомому первокурсника, который подходил к мастерам и преподавателям и почтительно здо-

ровался: «Здрасте!» Точно так же он подходил и второй раз: «Здрасте!» И тот, кто машинально отвечал ему, невольно улыбался.

46-й группе перед литературой ставили прививки от гриппа. Веселье и страх взрывами громыхали в классе. Глядя на пацанов странными глазами и с любопытством, как на грешников в аду, девушки и парень в белых халатах делали уколы шприцами-пистолетами. Четверо самых боязливых учеников сбежали и вернулись только после ухода медиков.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Урок в 46-й уже начался, когда по всем углам училища раскатился крик Сушкина:

– ...твою мать!

Кого-то он там, в коридоре, приструнял.

Юрий Сергеевич читал вслух начало «Отцов и детей» и для контроля спросил:

– О чем здесь говорится?

Ученик, который внимательно слушал (вообще, слушали три-четыре человека, остальные бесились), ответил:

– О том, как один солдат с товарищем приезжают к отцу.

– Почему солдат?

– Потому что он в шинели. Я услышал про шинель, так и понял, что он солдат.

М-да-а... А ведь он прав. Откуда ему знать, что... все мы вышли из гоголевской «Шинели»?

– А кто такой Николай Петрович Кирсанов?

– Богатый купец.

Игнорируя многократные замечания, Панкин на последней парте повернулся спиной. Преподаватель совершил маневр и подкрался к компании, однако ничего необычного не заметил. Но ученик сделал скрывающее движение и тем выдал тайну: в столе карты.

– Атас!

– Полундра!

Но поздно. После урока они выпросили карты обратно, пообещав больше не играть.

– Включите телевизор! – ныли они. – Давай-те включим телевизор! Ну пожалуйста! Пожалуйста!

Воронов включил встроенный в стену телевизор. Когда все после перемены подтянулись, он начал новую тему. Но урок не получился. Возбужденные мальчиши-плохиши бросались ре-

пьями, жгли спички, и в классе стояло серное смердение.

Единственный, кто не участвовал в безобразиях, был Клешнин – высокий, нескладный выходец из интерната. С припухшими чертами угловатого, топорного лица, со взглядом забитого крестьянина, с длинными руками, в черной рубахе и поношенном сером костюме. В учебе слабый, еще слабее других, в поведении же он не выходил из границ смирности и безбидности.

Клешнин пользуется случаем, чтобы вроде как вздремнуть. Он роняет голову на лежащие на парте руки. Но не спит, а уходит в себя, сосредотачивается. Пытается написать письмо матери. Оно так и не продвигается дальше «Здравствуй, мама!».

Последний урок. Все устали. Ерзали, грохали стульями, болтали языками. У плотного Бергера заболела голова. Он корчился в гримасах. Так уж они все умоляли, что пришлось отпустить их на десять минут раньше. Как обычно, тут же взрыв эмоций, стремительное бегство из класса.

В другой день на уроке Юрий Сергеевич поставил Шашечникова, молодца рослого и не без холёности, в цветном свитере, прекратить щелканье орехов. Тот послушался, зато начал вызывающе болтать с соседом. Воронов поставил ему ультиматум, заявив, что примет меры, хотя и сам не знал какие. Парень снова повиновался.

– Что вы с ним говорите? – крикнул низкорослый, но дико мускулистый здоровяк в красном свитерке, один из тех, кто сбежал от уколов. – Врежьте ему по башке!

И затем смех, радостные извинения и обещания «больше так не делать».

– Сука!.. А сука – не нецензурное слово! – веселился кто-то.

Пьяная техничка, видно, ошиблась и дала звонок на десять минут раньше. Пацаны хлынули из класса. Удерживать их не хотелось. То же самое случилось в других классах, и все с легким сердцем пошли в столовую.

На очередном уроке снова напряжение нервов. Но многие ведь сидят спокойно. Бажов лениво щурится и помалкивает. Он не лишен иронии и философского наплевательства. Но главное, бесшумен. Павлюченко чуть совестится.

А вот амбал Шашечников и мускулистый Бергер опять не дают преподавателю говорить. Что делать? Шумно, как на футбольном матче.

Впервые за долгое время Воронов возмутился:

– Где ваш мастер?

– Киряет где-нибудь, – ответил Шашечников.

Снова бесполезный призыв к порядку. Заявив, что в таких условиях вести занятие не будет, Воронов вышел. В музыкальном классе мычала труба, в красном уголке бренчало фортепьяно. По коридору как раз шли мастер Грибов, военрук и Тимохин. Они поинтересовались, как там 46-я. Да вот так.

– Ну-ка, пошли! – махнул рукой Грибов.

– Брось окуроч только, – сказал Тимохин.

Грибов дунул дымом и отдал ему папироску. Он вошел в класс, который сразу замер. Мастер сделал грозную паузу, медленно обвел глазами парты. Как и Тимохин, он был поддат.

– Ты, – назвал фамилию, – смотри у меня!

– А че я? При чем здесь я?

Пострадав, Грибов ушел. Воронов приступил к уроку. Но все повторилось без малейшей разницы. Шум стоял нестерпимый. Тогда он ушел окончательно. И курил во дворе.

– Вы не переживайте, – с нетрезвым сочувствием говорил ему подошедший Тимохин. – Если что, сразу обращайтесь к мастеру: он их приструнит.

2

Хотя молодой мастер Ежелев, соплеменник директора с грустными карими глазами, утром уже виделся с Вороновым, сейчас он поздоровался за руку. Попросил разрешения, чтобы его группа именно в библиотеке получила деньги – так называемые «сиротские», то есть квартирные. Конечно, Воронов согласился.

Группа пришла в сапогах и принесла ошметки грязи. Выдавал «сиротские» зам по АХЧ Мирра Николаевна, по 13 рублей 44 копейки каждому.

Выдача подходила к концу, когда один толстячок спросил:

– Окно открывается? Можно открыть?

От изумления библиотекарь ответил не сразу. Что за баловство – открывать окно в холодину? Но толстячок уже щелкнул оконным затвором.

– Закрой! Зачем ты открываешь? – вскричал Воронов.

– Пусть открывает, – как-то мягко сказали ребята; мастер склонился над плечом Мирры Николаевны, глядя в ведомость.

– Можно мы выйдем через окно? – спросил толстячок.

Снова какая-то чушь. Блажь и чушь.

– Не проще ли выйти через коридор?

«Что за странная причуда? Через окно ближе к дороге?»

– Нет, не проще. Через окно интереснее.

Чтобы не напачкать сапогами, они ползли на коленках по столику у подоконника, поднимались и выпрыгивали один за другим.

– Ты тоже пойдешь через окно или с мастером? – услышал библиотекарь разговор.

– Я тоже через окно.

Выскочил и побежал к дороге.

– А мне через окно или с вами? – спросил кто-то у мастера.

– Ну, давай через окно, – ответил Ежелев и даже помог ученику взобраться на подоконник.

Мастер и два ученика вышли в дверь. И лишь тут Воронова осенила догадка:

– У них отбирают деньги?

– Да, – сказала Мирра Николаевна. – Выпускники стоят в вестибюле толпой и отбирают деньги. Совсем обнаглели, нет никакой управы. Пересажать бы их всех. Это длится уже два года. Раньше такое тоже водилось, но тогда были дружные мастера. Они подкараулят, как выпускник отберет деньги, отведут его за угол и так отделают, что потом это прекратится надолго. А сейчас...

Выпускники кучковались в вестибюле и от нечего делать разминались боксированием. Издали выделялась алая куртка Мамонта. Библиотекарь подошел ближе. Мамонт увидел его, поздоровался. И когда же он вернет книгу?

– Завтра принесу...

Глаза мутные, язык заплетается. Обожрался «колес»?

3

Библиотечная жизнь кипит. Вот уж действительно, библиотека в центре воспитательной работы. Скоротать время сюда заходят выгнанные с урока историчкой Юсупов и Гавриков из 44-й. Кто-то устроил маленький взрыв, а гнев преподавателя пал на них.

– Вечно не разберутся! – ворчат они.

Ровесник революции 1917 года Демьянов выглядел еще весьма свежим стариком. Он вел историю как почасовик и зашел в библиотеку за новыми учебниками (1983 года), которых, впрочем, не имелось.

– Я им даю конспектировать, они у меня работают. Рассказывать им что-нибудь – они же

рта не дадут открыть! Новые учебники нужны, если какая-нибудь тварь придет проверять. Одна тварь привязалась в прошлом году...

Стрельнуть сигарету заходит Татаринцов. Каждый день, как и Фомкин, он стреляет у библиотекаря по одной штучке.

– Некогда было купить. Сегодня еще не купил!

– Ну бардак! Цирк! Не видел такого еще! Чтобы сразу трое мастеров не вышли! – мотает головой директор, получая учебники черчения.

– Юрий Сергеевич, у вас есть подшивка «За рулем»? – интересуется Коршунова. – Я готовлю классный час, мне нужно что-нибудь по истории автомобиля.

– Все журналы на стенде. Если «За рулем» есть, то там.

Она пошарила рукой среди журналов:

– Здесь нет ни одного номера.

– Значит, стащили.

– Каким тоном вы это говорите! Так спокойно! Меня это удивляет. Ну и нервы! Здоровые же у вас нервы! – Коршунова смеется и удаляется.

Мастер Николай Филиппович Буданов приводит ученика с подписным листом. У пареньки мешки под глазами. Попал под влияние пьющей компании. Его отчисляют. Он упрашивает, чтобы оставили. С ним два раза беседовали, хватит.

Две девочки лет пятнадцати, одна из них дочь повара Лена, желают помочь с наведением в библиотеке порядка. Лена рассортировала газеты и журналы, брошенные горами. Растолкала книги по стеллажам. А подружка стоит и смотрит, совершенно бездействуя.

Есть еще одна девушка, татарочка Рая, 23 лет, которая учится в группе ТУ (это внештатная группа) на водителя. Она симпатична и румяна, ходит в зеленом пальто. Сколько ее ни видишь, к ней всегда тянутся жадные лапы парней из ТУ, она улыбается и яростно отбивается.

С «Шахтой» Плетнева под мышкой входит Мамонт, возвращает книгу:

– Спасибо.

Просит разрешения взять еще. Выбирает Сартакова и снова книгу про шахтеров. Роман «Земля Кузнецкая» Волошина Мамонт, оказывается, уже читал. На сей раз он не заикался. Победая (незаконно) в столовой училища, он общался с кучкой матерящихся учеников.

Входит Бажов:

– Вам не нужна эта книга? Валялась в коридоре, ее все читали тут.

Библиотекарь повертел книгу в руках. «Окна ТАСС 1941–1945 годов». Как она попала в коридор?

– Спасибо.

– Да ну – спасибо! За что?

Первокурсники рассматривали картины в альбомах старых мастеров, вслух комментируя наготу:

– А почему здесь они голые?

– Да греки не очень стеснялись наготы... – объяснял библиотекарь.

– Да все равно бесстыжие... Они жили давно, но все понимали. Могли бы и не голыми... Голые... то есть обнаженные...

Некоторые рассматривали учебники «Введение в эстетику», где есть томный голый «Давид» Микеланджело. Стыдились и смеялись.

– Эту книгу надо запретить! Разве можно такое помещать? Почему голых теток так не показывают?

Бажов интересуется книгами по электронике. Он бы поступил в училище по ремонту телевизоров, но туда берут только после десятого класса.

Зевая все фигуры подряд, Бугров играл в шахматы с Глебовым, который обзывал соперника «шизофреником», и шутка имела успех. Окружающие смеялись.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Оказывается, Валентина Петровна дважды приезжала в училище и библиотекаря не застала. По просьбе Поповой («Ох, не хватало нам еще неприятностей с библиотекой!») библиотекарь дозвонился в таинственную «газетную группу», телефон которой в справочнике не указывался. Служба 09 дала номер редакции областной газеты, по нему уже удалось получить искомые координаты.

Решив не брать с собой тяжеленные инвентарные книги, библиотекарь поехал по указанному адресу. Восьмой этаж. Коридор с комнатками редакции сельской газетки «Заря». Открытая дверь углового кабинета.

– Кого вы ищете?

Это и была Валентина Петровна Кузьменко, молодая худенькая особа в очках. Пока она заканчивала разговор с посетительницей, в кабинет скользнула Люда Зяблицкая – с накрашенными губками, дочь директора завода, подвизавшаяся в мелкой журналистике.

– Здравствуйте, здравствуйте. Хотя мы работаем в одном месте, так редко видимся. Вы к нам не заходите. Что вы тут делаете? Ищете работу?

Она даже не знала, что Воронов уже не работает в институте. Из их многотиражки ушел редактор, Люда за нее.

– Заходите, заходите к нам!

Дождавшись ухода посетительницы, Кузьменко объяснила:

– Я должна проверить ваши инвентарные книги, чтобы убедиться в изъятии запрещенных книг... Разве вас не ознакомили с приказом Главного управления по изъятию запрещенных книг?

– Впервые слышу... Изъять – значит списать?

– Списать и сжечь.

– Обязательно сжечь?

– Обязательно.

Она назвала ряд запрещенных писателей. От удивления многие фамилии Воронов пропустил мимо ушей. Запомнились лишь Виктор Некрасов и Гладили. Заверив Валентину Петровну, что устроит из книг настоящий пионерский костер (а она сделала вид, что поверила ему), Воронов из мрачного средневековья спустился на лифте. Сел на остановке в автобус и приехал... куда, в какой век?

Ворча, что библиотека ни за кем не закреплена в смысле мытья пола, техничка, которую ученики звали тетя Аня, пол помыла. После обеда библиотекарь, шурша листьями и покуривая, гулял по тополиной аллее.

– Если эта выдерга, – сказал военрук, имея в виду Попову, – не начнет заседание в два тридцать, я уйду домой.

Надежда Ивановна, однако, открыла педсовет вовремя. Она начала с указаний о выезде в понедельник на турнепс, затем оседлала любимого конька – трудовую дисциплину. И дала распоряжение Сушкину, чтобы он взял объяснительную с Неупокоева, когда тот появится. Физик сегодня прогулял, поэтому завучу пришлось комкать расписание.

И вдруг – отголосок его, Воронова, одного с ней разговора:

– Иногда приходится слышать, когда мастера стоят рядом с учащимися и у них такие слова вылетают! Давайте не будем забывать, что мы с вами педагоги. Прошу вас больше не материться при учащихся! Буду наказывать, если узнаю что-нибудь подобное.

Выслушали ее в неопределенном молчании.

Так она ничего и не поняла, подумал Воронов. Недалека она, недалеко...

Закруглив педсовет, Надежда Ивановна ука-тила на синей попутной легковушке.

2

Воронов обедал за столиком с Коршуновой и немкой Ефремовой, которая в прошлом году ве-ла литературу.

Она вспомнила о том, как писали сочинение на тему «В жизни всегда есть место подвигу»:

– «Иду по Москве. Вдруг вижу, в доме пожар. Парень бросился в дом и спас ребенка. В жизни всегда есть место подвигу».

Из-за соседнего столика встала сытая Попо-ва, расточая похвалы поварам:

– Очень вкусный обед!

Совсем иные эмоции владели Сушкиным. Его возмущало, что преподаватели отпустили классы раньше времени. Возник затор у дверей столовой, так как не успели накрыть столы. Слы-шались крики и беготня по коридорам. Сушкин, красный и одичавший, как командир, сдержива-ющий панику солдат, бегал и орал на всех – уча-щихся и преподавателей.

На последний урок он дал звонок пятью ми-нутами раньше расписания, но преподаватели его прозевали, и Сушкин надрывался:

– Идите и усаживайте своих учеников! Что ж вы не смотрели на часы, когда был звонок с уро-ка, а сейчас смотрите? За 20 минут провели урок!

– За тридцать пять, – возразила Коршунова.

После обеда перекур на крыльце. Напротив голубые «Жигули». Фомкин решительно шагнул к машине, с перепоя мешки под глазами у него в гармошку.

– Ну-ка, докатите-ка меня до восьмого учи-лица! У ученика деньги отобрали!

Потерпевший, первокурсник, на вид спокоен. Отобрали у него рубль. Татаринцов, Фирсов, Ти-мохин любопытствуют, что да как.

– А кто за тебя заступился? – спросил Тимо-хин первокурсника. – Длинный тот?

3

Мало-помалу Юрий Сергеевич адаптировался. Прорезался властный металл в голосе, появилось хладнокровное пренебрежение к шумку в классе. Но всякий раз урок проходил непредсказуемо.

В 44-й группе нашелся желающий читать вслух, хотя и бубнящий как робот. Юрий Сергее-

вич дал ему «Грозу». Слушатели смеялись над именами Кабанов, Кабаниха. Некоторый инте-рес, но не более того, вызвала у них грубая речь Дикого.

На диктанте «Моторный цех» группа вела себя тихо. Только двое бездельничали на первой парте, без тетрадей и ручек, один с комсомольским знач-ком на груди. Они вертелись, болтали, щупали двигатель «зила», закрепленный на парте.

Черненький мальчик сказал:

– Я не могу сегодня писать. У меня поранена рука. Пушка неудачно выстрелила.

Пришлось выгнать Харчева – разболтанного, неуправляемого. Но мастер Фирсов попросил впустить его с условием, что после урока тот вы-моет пол.

По окончании диктанта осталось время для опроса.

– Белкин!

– Я!

– Прочитал ли ты «Отцов и детей»?

– Я видел это кино по телевизору.

– Как ты думаешь, кто такой Базаров?

– Базаров – пролетарий и анархист... Ему неприятно среди господствующих классов...

– Ельников! Где Ельников?

– Вон, толстый, на первой парте сидит.

Ельникова удалось оторвать от крестиков-ноликов, но выжать ответ не получилось, как и из того, черненького.

– Ему тяжело, он с похмелья и накурился, – с лукавой улыбкой оправдывает черненького его сосед по парте.

– Но-но, не ври! – стесняется тот.

После урока двое дежурных собрали бумажки:

– Куда их выбросить?

– Отнесите на первый этаж, там мусорное ведро.

Предложение преподавателя кажется им не-лепым, в глазах полуйспуг. Они уходят, оставив скомканные бумажки на стенде у двери.

Работа над ошибками в диктанте в 45-й и 46-й прошла сносно, а в 44-й замечательно. Сто-яла упоительная, мертвая тишина.

Степченко, мальчик, всегда ходивший в сви-тере веселой расцветки, предложил:

– А давайте перепишем диктант!

– Давайте!

Ученики взялись за авторучки. Даже Чул-ков, разгильдяй с комсомольским значком на драпом под мышкой пиджаке, устрепанном стертой со стен известкой, проявил прилежа-

ние. Конечно, правописание «не» и «ни» дано не каждому (судя по книгам и газетам, ошибаются и корректоры-профессионалы). И, несмотря на исправленный текст, лежащий перед глазами, большинство вновь сделали кучу ошибок. Однако некоторые добровольцы переписывали и в третий, а то и в четвертый раз, пока не добились пятерки. Пусть пятерка и не самая настоящая.

Предстояло написать сочинение на тему «Как я выбрал профессию». С дисциплиной и на сей раз получилось не все. Пришлось делать замечания Чулкову. Одно, второе, третье. Бесполезно.

– Выйди, пожалуйста, из класса.

– Я выйду, когда сам захочу.

Преподаватель взял его за рукав и выволок с сиденья. Чулков цеплялся за парты, но так эффектно вылетел вон, что все засмеялись и притихли. Он покинул класс в настоящем полете, распахнув дверь бросившей его силой, с руками вперед, как ныряльщик. Недалеко в коридоре стояли, беседуя, Сушкин, Попова и сексапильная Раиса Игоревна. Все трое онемело повернулись в сторону летящего Чулкова.

Урок продолжался. Поначалу казалось, что никому не удастся преодолеть сопротивление нервного вещества: «Что-то неохота думать». И все же вработались, многие выдали искренние сочинения. Пусть по самым низким меркам, но и это было победой. Воронов радовался.

«Впервые я узнал об этой профессии, когда был маленький, – писал Игорь Юсупов. – И я поехал в гости к бабушке, и к ней приехал на машине д. Валера (он так и написал: д. Валера), и он взял меня на машину кататься, и мы катались долго, и мне понравилось в кабине, как пахнет маслом. И я решил стать водителем с детства. И с тех пор я хотел побыстрее вырасти и управлять КАМАЗом или КРАЗом. Но когда я сказал родителям, что мне нравится быть водителем и я буду водить большегрузные машины, они сказали: тебе самому работать. Ты и выбирай свою будущую профессию».

Вошла Попова с Чулковым вместе. Класс притих.

– Юрий Сергеевич, допустите ученика на занятие. Если он будет плохо себя вести, напишите докладную, и мы разберем его на совете профилактики! – сказала она и ушла.

– Извините меня, я больше не буду, – сказал Чулков.

– За что я должен тебя извинить? Что ты сделал?

– Я пререкался с вами, не слушал, что вы говорите.

– Садись.

Чулков сел на отдаленную парту. Снова у него вырывалась болтовня, но стоило ему напомнить о данном им слове, как он умолкал. Затем попросился пересест на свое прежнее место.

– Ну пожалуйста! Там теплее. Я не буду больше баловаться!

Преподаватель разрешил.

Через день у 44-й снова была литература. Чулков выпросил у товарищей листок и добровольно взялся за сочинение. Писал со старанием, вознося затуманенные мыслями глаза в потолок или озираясь вокруг. Глядя на преподавателя, он не видел его, прозревая видную лишь ему даль. И написал неплохое сочинение.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Обедал Воронов вместе с «учпрофкомом» (председателем ученического профкома) Сосновским, человеком гигантского роста, историком по образованию, и Поповой, перед которой стояли тарелки с недоеденным супом и картофельным пюре. Она предпочитала свежую капусту. Повара специально готовили для нее салат.

– Я заячья душа! – улыбалась она.

– Кто такая Любовь Федоровна? – полюбопытствовал Сосновский.

– Она из управления.

– Старая?

– Про женщин не говорят, старая или нет, – смеется Надежда Ивановна.

– Привлекательная?

– Привлекательная. Живые глаза. Мужчинам она всегда нравилась.

Сосновский сказал, что сегодня на заседании профкома решится наконец вопрос об увольнении Тимохина. Он бывший мент, выгнанный из милиции за пьянство. 42-я группа написала жалобу, что он вымогал деньги. У одного взял 20 рублей. Берет из сумок как свои собственные, на бутылку. «Зачем нам нужен такой мастер?» – спрашивается в жалобе.

Актный зал считался и красным уголком. Ученик более или менее умело брэнчал там на

фортельяно. Директор Лазарь Евсеевич выпнул со смехом на порог труп мышки. Он попросил пианиста взять сухой листик, случайно занесенный чьей-то ногой, и выбросить мышку вон.

– Я трех убил у себя! – похвастал военрук.

В зале собрались учителя, директора школ, представительница районо, все пожилые. Один гость, входя, устало промолвил с безнадежной интонацией: «Как надоело ездить!»

Начался педсовет по связи училища со школами Северного района.

Лазарь Евсеевич выглядел и серьезным, и внушительным – никакой такой присущей ему импульсивности. По отношению к участникам совета он держался как бы свысока.

– Так, директор 34-й школы здесь? 76-й школы? Кто здесь? Вы директор? Из районо есть кто-нибудь? А, вы из районо! Вот и хорошо, что начальство пожаловало. Надо было бы вам в президиум сесть.

Последняя фраза прозвучала скороговоркой. Полная женщина чуть было не подалась «в президиум», но усидела на месте: предложение директора имело тональность сожаления, а вовсе не приглашения. Лазарь Евсеевич остался в единственном числе за двумя столиками.

– Сейчас я вам доложу, – начал он.

И коротко рассказал об училище, о наборе. Привел цифры.

– Всего учится 401 человек. На первый курс поступило 128 вместо 100. Привлекает ребят то, что они получают здесь специальность водителя категории С наряду с квалификацией автослесаря. Права готовить шоферов удалось добиться не сразу, в управлении до сих пор возражают. Никак не можем убедить. Кроме нас водителей готовят многие другие автошколы. Нам говорят: вы готовьте слесарей, слесаря нужны. Но не все ученики это понимают. Было несколько фильмов про слесарей, но не все смотрели эти фильмы (серьезное лицо, ирония в глубине речи). Школы поставляют нам не самых лучших, лучших оставляют себе. А ведь мы готовим рабочий класс! Давайте наоборот: лучших – нам, а худших оставляйте себе! Мы можем в целях профориентации установить со школами необходимую связь. Не позднее 10 ноября наши представители придут в каждую школу. Можем свозить на экскурсии, показать фильмы, вместе сходить в кино и так далее. Согласуем с вами план мероприятий.

Лазарь Евсеевич сел и потребовал слова от участников совета.

– Кто хочет выступить? Давайте вы, 76-я школа... Теперь вы давайте, третья...

Выступил и тот, кто сетовал на поездки, которые надоели. Чисто для проформы, без пафоса он возразил Лазарю Евсеевичу, что школа делает свое дело, воспитывает. Пусть худшие воспитываются в рабочем классе, а лучшие учатся в школе. Они будут поступать в институты, а там они тоже нужны.

Затем тоже без подъема, буднично выступили две-три женщины.

– Представитель районо будет выступать?

– Нет.

– Нет? Ладно. Кто из наших преподавателей, мастеров хочет выступить?

Желающих не оказалось.

2

До остановки минут пятнадцать ходьбы по слякоти. Впереди долгое, томительное ожидание автобуса. Тяжелый портфель, набитый инвентарными книгами, оттягивает руку. Увидев прыгающего на костылях Тельникова, Воронов пошел ему навстречу. Тельников говорит о музыке, только о музыке.

Наконец-то 82-й. Толпа устремляется к дверям. Тельникова чуть не сбивают наземь, никто не замечает инвалида.

– Ребята! Разве можно так? Пойдите! – кричит он, пошатнувшись.

Воронов ненароком загораживает его от штурмующих, чтобы тот успел вскарабкаться. Владимир Андреевич делает это очень ловко. За ним заскакивают женщины и девочки.

Воронова пихают в спину, женский голос негодует:

– Поднимайся! Чего встал? Этих пропускает, а тут с ребенком. Грамотный больно!

Он запрыгнул на ступеньки. Тельников пригнулся на сиденье. Разевает рот, как рыба на суше, не сознавая, что рев двигателя заглушает слова. Они доходят до слуха как из небытия.

Все классические мелодии, толкует Владимир Андреевич, примерно одинаковы. И марши. Есть только пять-шесть маршей, остальные их повторяют.

Тельников когда-то играл в оркестре балет «Лебединое озеро». После спектакля дирижер пожал ему руку: «Вы хорошо сыграли свою партию». Играл он и другие классические вещи. И всегда ему пожимали руку. Музыка к детскому спектаклю «Красная Шапочка» была самой трудной. Невозможно посчитать паузу и вычислить время вступления. Буквально в бок пальцем ткнут: вступай!

На остановке «Райисполком» толпа схлынула. Воронов сел рядом с Тельниковым. Слушать стало легче. А вот и знакомое, в чем-то даже красивое захолустье. Они направились к училищу. Владимир Андреевич скакал, маневрируя среди ручьев и луж. Мимо них в ворота прошла белая лошадь с телегой, нагруженной ящиками с кефиром. Рыжебородый возница слегка ударял прутом по крупу лошади. Ученики во дворе сгребали в кучу листья.

Воронов и Тельников поднялись в кабинет директора, который загибал невообразимые маты, хотя речь шла всего лишь о закупке музыкального инвентаря. В углу кабинета сгрудились трубы и барабаны. Мирра Николаевна в черном халате принесла ведомость и деньги.

– Только вышел из отпуска – и уже аванс захреначили! – удивлялся Лазарь Евсеевич.

Воронов и Тельников тоже пошли за авансом. В коридоре повстречался Сушкин.

Он кивнул Воронову:

– Я тебе деньги отдал – рубль? А то я могу и забыть! Отдал, значит?

По пути Тельников все рассказывал о себе. У него мягкий, бормочущий голос. Пятнадцать лет он работал гобоистом в оркестре театра оперетты. По совместительству играл еще и на английском рожке. Главный дирижер театра был малограмотный, ограниченный музыкант. Когда пела его жена, очень посредственная певица, дирижер давал оркестру пять «пьяно» (пиано). Когда пели другие – пять форте. Несмотря на малограмотность, он сделал себе звание народного артиста.

В училище музрук Тельников хотел привлечь к музыке Манидо, который в детстве окончил класс скрипки, однако Манидо отказался. Он предпочел бы вести фотодело. Из-за слабых способностей учащихся не получилось у Тельникова и организовать ансамбль, который играл бы в современных ритмах.

Они встали в очередь за деньгами. На подъеме ступенек Владимир Андреевич упал, воткнувшись руками в пол. Костыли, звякнув, отлетели. Воронов взял его за локоть. Нет, возразил Владимир Андреевич, он должен подняться сам. Очередь молча глазела на него.

– Споткнулся я. Я плохо себя чувствую. У меня воспалительный процесс, – уныло констатировал музрук.

Получение денег наполнило душу теплом. В коридоре к Воронову обратилась Коршунова,

она так и не выходила из типичного для нее фальшиво-обворожительного образа.

– Юрий Сергеевич, мне нужно с вами поговорить... Я узнала, что вы забираете себе эстетику, все сто пятьдесят часов.

Действительно, Сушкин предложил ему эстетику в связи с увольнением Полины Егоровны.

– Вам оплачивают шашечный кружок?.. Не будет ли это финансовым нарушением, если вы имеете ставку библиотекаря, ведете литературу и кружок да еще хотите взять эстетику? Подумайте! А мне едва набирается ставка. Подумайте. Мне кажется, вы поймете.

Он предложил компромисс. Половину ему, половину ей.

– Ну, хорошо хоть так. Две группы мне, две вам.

3

В «броневичке» ехали завхоз Миколайчик (вылитый двойник Хрущева), Неупокоев, Фомкин, его жена Вера и дочь.

Как говорили на перекурах, Вера раньше работала в училище секретарем и слыла очень капризной. Иван надул ей живот, после чего они поженились. Сегодня они собирались к матери Веры. Но Фомкин забузил.

Он закурил и сказал:

– Я домой еду сегодня.

Вера помолчала и высказала просьбу:

– Ваня, открой дверь! Ребенок ведь тут!

Муж – ноль внимания.

– Ваня, прекрати курить!

– Кончай ныть! Разнылась! Буду я тебе дверь открывать!

– Ваня!

– Не ной, я сказал!

Молчание. Подъезжали уже к ближайшему району многоэтажек – Радуге.

– Я еду домой, – повторил Фомкин.

– Ваня, мама просила, чтобы ты приехал...

Уже готовясь к выходу, она долго убеждала, упрашивала мужа.

– Пошли, пошли, выходи! – дергала его за рукав.

– Ладно, пошли! – засмеялся, сдаваясь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Только он пришел на работу, как Морозова передала просьбу директора зайти к нему.

Лазарь Евсеевич сказал, что сегодня ожидается проверка из методкабинета управления, поэтому надо написать конспект урока и заранее договориться с Сушкиным, где проводить занятия.

– Они там знают только историю да литературу, а в другом ни хрена не понимают. Но на литературу могут прийти.

В педкабинете сидели Лариса Юрьевна Мисюк, Коршунова с сыном и Манидо.

– Лариса Юрьевна, журнал 44-й у вас? Сегодня будет проверка...

– О, опять эти придут!

– Когда можно будет взять журнал?

– Зайдите через пять минут на урок... Проверка... Наверняка будут замечания...

– Пусть будут замечания, лишь бы рублем не били, – заметил Манидо.

– Надежда Викторовна, как проходят проверки? – поинтересовался Воронов.

– Вы спросите у Сушкина. Он вам все объяснит. – Но тут же она смягчила грубость, коснувшись пальцами своей груди и слабо улыбаясь: – Мне сегодня не до этого. Я не могу.

Воронов скорчил улыбку.

Возвращаясь с перекура, он увидел, что к библиотеке идут Сушкин, старший мастер и женщина в бордовом костюме.

Сушкин подергал ручку двери:

– Пока нет... Сейчас он придет. Давайте начнем с библиотеки, а потом дальше пойдем. Вот он идет!

Библиотекарь отомкнул замок и сначала сам вошел внутрь, хотя Любовь Федоровна – это была она – сделала первый полушаг. Просто он стоял вплотную к входу.

Объективно: бардак. В беспорядке замерли столы, новые и старые. На них груды учебников, шахматные доски с разбросанными фигурами. Книги на барьере. Хаос среди журналов на «ларе» у стены. Пустой книжный шкаф. Грязные окна. Мятые и нестиранные шторы. Пол затоптан до черноты.

Любови Федоровне на вид лет сорок пять. Улыбка отсутствует. Крашенные губы властно кривятся.

Она прошла к столу:

– Что это у вас тут валяется? Уберите!

– Почему вы приказываете? – вспыхнуло самолюбие библиотекаря.

– Покажите мне учебники по истории! Где они? Принесите.

– Вот они, на столе.

Она полистала:

– Что? 79-й год? Почему нет новых?

– Я не получал эти учебники. Их получала Любовь Николаевна.

– Покажите мне программу по обществоведению.

– У меня нет ее.

– Вы бываете в бибколлекторе? Бываете или нет? Мы сделали разнарядку еще 7 сентября, все училища получили. Почему вы до сих пор не получили? Вы бываете в бибколлекторе? Борис Александрович, проследите, бывает ли он в бибколлекторе или по вторникам не работает.

– Я бываю в бибколлекторе! Я спросил, когда можно получить литературу. Мне ответили: когда деньги будут, тогда и получите.

– Значит, директор виноват. Теревите директора, чтобы дал деньги.

– Я работаю здесь только два месяца, многого еще не знаю.

– Вы зарплату получаете?

– Получаю.

– Значит, работаете! Вы библиотекарь и должны знать свои обязанности!

Она прошла к другому столу.

– Покажите мне еще учебники обществоведения. Где они у вас? Принесите!

– Я и так знаю, что они старые, могу указать год.

– Я вам говорю – принесите! Быстро несите!

Скрепя сердце он принес три образца.

Открыв одну книгу, Любовь Федоровна тут же швырнула ее на стол:

– В макулатуру!

Не выдержали критики и два других учебника.

– Это учебник для ГПТУ, а у вас СГПТУ. Немедленно все в макулатуру! Почему эти учебники до сих пор не списаны? Спишите немедленно, чтобы они не стояли на полках!

– Хорошо, я сделаю это.

– Не «сделаю», а вынесите их сейчас же при мне! Убирайте их с полок!

– Да почему я при вас-то должен их выносить?

– Выносите!

– Не буду! Вы понимаете, какой это объем работы? Их сотни!

– Покажите мне учебник «Эстетическое воспитание».

Они стопой лежали на барьере, их сдала перед увольнением Полина Егоровна.

Любовь Федоровна веером пролистала страницы:

– Старый!

– Мы понимаем, Любовь Федоровна, что вас интересуют ваши учебники, по вашей специальности, – дипломатично вмешался Сушкин. – Но я могу сказать, что по другим предметам, по математике (вот я веду математику, например) все учебники новые. Каждый преподаватель (и я лично) просмотрел, проверил.

– Программу по обществоведению обменяйте на какие-нибудь книги с первым училищем. У них две. Как вы могли ее не получить?

Вошли Марьющенко и Антипов – поиграть в шахматы.

– Ребята, выйдите, пожалуйста, на некоторое время, – сказала Любовь Федоровна.

Они вышли.

– Как грязно в библиотеке! – огляделась Любовь Федоровна. – Где стенд к 40-летию Победы? Где у вас материалы партии? Ну-ка, покажите мне материалы пленумов! Где они?

Воронов указал на три брошюры, но все они оказались материалами июньского пленума.

– А где апрельский?

– Апрельский я отдал Поповой.

– Так вы не одну книжечку, наверное, получили? Материалы партии должны стоять отдельно. Срочно создайте партийный уголок! А это что? Почему Володя?

Все уставились на небольшой стенд, посвященный Володе Ульянову. Одинаковое недоумение напряглось во всех взглядах, особенно в небесной голубизне глаз Сушкина.

– Это в детском саду должен быть Володя. У вас не детский сад! – открыла разгадку Любовь Федоровна.

Недоумение во взглядах погасло.

– Все это было сделано при Девкиной.

– Вам нужно меньше бегать, а больше работать! От Девкиной! Та не работала, теперь вы не работаете! Вы зарплату получаете? Получаете. Даю вам неделю срока на оформление стендов! Где у вас уголок нравственного воспитания? Что это? Почему в этом уголке материалы о Ленине? Где стенд к 40-летию Победы?

– Я думаю, этот стенд рано оформлять.

– Рано? Рано? – преисполнилась ехидства Любовь Федоровна. – Да вы что! Когда вы предполагаете сделать этот стенд?

– К Новому году.

– К Новому году! Да вы понимаете, что говорите?! У вас какое образование?

– Извините, Любовь Федоровна, но мне не нравится ваш тон.

– Почему вам не нравится мой тон?

– Потому что ту же самую мысль можно выразить иначе! Можно говорить по-деловому. А вы то зарплатой интересуетесь, то образованием! Это плохой тон. Оставьте его!

– Вы знаете, что уже опоздали сделать стенд?.. Сорок ударных недель... Вы работаете два месяца. Скажите, что вы сделали за это время? Конкретно! Я своего библиотекаря сразу же отправила...

Ее жужжание сливалось в ушах в неясный гул.

– Сейчас я скажу, что делал! Полмесяца принимал библиотеку. Красил пол и батареи...

– В общем, вы занимались хозяйственной деятельностью... А что вы сделали сегодня, именно сегодня? Что делали и что сделали?

– Сегодня я расставлял столы и составлял акт о списании литературы...

– Акт! – закивала она. – Но разве это большая работа?

– Мне надо списать одной художественной литературы 900 книг!

– Почему вы начинаете с художественной литературы? Надо начинать с учебников!

– Я не начинаю с художественной литературы, а просто привожу пример...

– Надо начинать с учебников! Обиделись на мой тон! Конечно, ту же самую мысль можно оформить иначе... – Любовь Федоровна стояла уже у двери. – Значит, вам надо взять программу по обществоведению. И списывайте учебники!

– Можно уже? – заглянул в дверь Марьющенко.

– Можно...

2

К трем часам дня Неупокоев пригласил библиотекаря на совещание. Оно проходило в кабинетике старшего мастера. Видимо, Лазарь Евсеевич, действуя в своей манере, не удостоил проверяющих правом командовать на своей территории. Преподаватели и администрация скупчились на пяти квадратных метрах. Проверяющие в меховых пальто сидели за отводным столом.

– Наш новый методист-математик Крабова Инна Алексеевна, – представила Любовь Федоровна коллегу-злючку.

О библиотеке на совещании не упоминалось. Хватало других объектов критики. Мисюк сидела на уроке в шапке. И сколько ее ни упрасивали, она шапку так и не сняла. Колодина вступилась за Ларису Юрьевну: у нее есть уважительная причина, она болеет.

Коршунова вела урок с сыном.

– Идет литература, а на доске ничего не записано... Мы всё понимаем, мать есть мать, но ребенок на уроке!..

Демьянов весь урок заставлял учащихся конспектировать.

– Он что, хочет послать рецензии на учебник?

Методист-математик разгромил урок Манидо.

– Если это можно назвать уроком! Присутствовало девять человек. Но это одно. Второе: урок был проведен на слабом методическом уровне...

– Я был на уроке у этого преподавателя сегодня утром, – защитил Бориса Лазарь Евсеевич. – Урок прошел на хорошем уровне.

– Дело в том, что нет нужной по программе вычислительной техники, – сказал Манидо. – Нужны машинки Б-3-21, но их нет в продаже.

– Купить их можно за наличный расчет, – пояснил директор, – но мы имеем право тратить за наличный расчет не более пяти рублей – на канцелярские принадлежности. А одна машинка стоит семьдесят рублей.

– Хитрите! – посоветовала Инна Алексеевна.

– Хитрить нельзя, – веско возразил директор.

Кроме всего прочего, одна группа вообще сбежала с урока. Любовь Федоровна потребовала через неделю подать сведения о наказании мастеров, чьи группы не явились на занятия. Она подвела итоги, дала ЦУ.

– Ну, все, товарищи, спасибо, – закруглил Лазарь Евсеевич. – Будем считать совещание законченным.

Однако на сей раз фокус не удался. И все же было заметно, что к директору Любовь Федоровна обращается гораздо мягче, чем к другим.

– Нет, не все! – заявила она. – Преподаватели могут идти, а администрацию прошу остаться.

Несколько позже Воронов совершил небольшое возлияние в кабинете директора вместе с

физруком Козленко. Лазарь Евсеевич звал Сушкина, но не дозволялся, тот куда-то запропастился.

На пороге возникла Попова и смутилась:

– Вы заняты?

Лазарь Евсеевич звал и ее. Попова убежала, отнекиваясь.

– Колодина собирается уйти, – сообщил Лазарь Евсеевич.

– Почему?

– Потому что у нее нервы слабые, не выдержала проверки.

Поскольку все преподаватели истории утверждались в райкоме партии, пришлось предстать перед отцами-инквизиторами и ей. Собеседование по проверке убеждений довело ее до белого каления. Она чуть не хлопнула дверью. Например, ее попытали: «Что вы скажете, если вас спросят об аварии на заводе?..» И порекомендовали: «Говорить об этом ничего не надо. Официальных сообщений не было? Не было. Значит, и аварии не было. Мы, по крайней мере, не знаем о ней. Есть слухи. Но зачем муссировать слухи?»

– А эта сука Любовь Федоровна... – сказал Лазарь Евсеевич. – Они еще раз придут и тогда отвяжутся.

Воронову пора было ехать домой, где ждала любимая Светлана. На крыльце стоял Сушкин и затягивался сигаретой, а курил он исключительно редко.

– Ну как, обиделся? – спросил Борис Александрович.

– Я сделаю все, что она просила.

– Она не просит. Она дала указания. Они все дают указания.

3

46-я группа занималась в библиотеке. Комик Шашечников напяливал на себя шляпу преподавателя и листал энциклопедию в поисках слова «гомосексуализм». Плотный Шипулин запустил в лоб Закревскому кусок гудрона, который разлетелся на осколки. Хулигана пришлось выставить за дверь и думать о том, кому докладывать о ЧП. Сидя на стуле, пострадавший свесил голову до колен и держался рукой за лоб, мужественно терпя боль. Жаловаться не принято.

Человек десять, кто имел тетради, писали сочинения. Клешнин и Бажов ужасали безграмотностью, хотя содержание выдали по-своему неплохое. Звонок, топот ног. Шашечников повесил шляпу на графин.

Библиотекарь вышел на перекур. Фирсов заглянул в кабинет химии, там за учительским столом сидела Лариса Юрьевна Мисюк в клетчатом пальто. Она зачитывала по журналу оценки за контрольную, сплошные двойки.

В библиотеку пришла татарочка Рая с ало накрашенными губками. Ее маленькие пальчики с наманикюренными ноготками лежали на барьере. Как эти ручки будут крутить баранку? Она получила пособие «Устройство автомобиля».

Спаренный урок с 46-й проходил в кабинете физики. Туда группа перешла из библиотеки. «Водитель-гинеколог» Шашечников – так он именовал себя – отпрашивался с урока и ушел, не получив разрешения. Осталось всего одиннадцать человек. Котович и Калугин сидели за одной партой. Калугин рассуждал о том, что в столовой жрут посторонние, поэтому своим не всегда хватает. Тунеядцы приходят сюда, наедаются и отваливают. Некоторые учащиеся делают по три захода. Из-за них тоже не хватает порций. Многие не бывают на уроках. Но жрут еще как! Они бегают на улице, приходят на обед – и аппетит у них ой-ой-ой!

Калугин взял в библиотеке тоненькую книжку для чтения. Чтение почти у всех учащихся вызывает стойкое торможение. Они затрудняются читать. Многие читают по слогам. Книжный стиль учебника и вовсе не воспринимают. Один в жизни прочитал всего четыре книги. Другой...

– Я читаю одну книгу. Прочитаю, забуду и опять перечитываю. И совсем запутываюсь.

Лишь двое в классе знают, где находится Саратов. Брюшков там родился, а Бажов ездил туда летом. Наиболее развит Морозов, читавший вслух «Грозу». Бажов тоже жаловался, что читать неинтересно, трудно. Снегуркин и Глебов абсолютно тупые в учебе.

Брюшков и Снегуркин бросались в Клешнина бумажками. Брюшков развеселился и переливчато смеялся. Клешнин попросил разрешения пересестись на заднюю парту.

Звонок. Глебов по требованию преподавателя выносит ослюнявленную бумажку, которой тоже бросался. Он трусоват.

Клешнин в ссадинах на щеках.

– Что это у тебя?

– Упал с велика.

Юрий Сергеевич выяснил суть дела. Вчера после шестого урока Клешнин вышел из дверей училища. За углом его поджидали восемь чело-

век. Начали прихватывать. Слишком далеко он их посылал, за это и хотели наказать. А почему посылал – потому что обхаркивали на уроках. Среди нападавших были Шашечников, Калугин, Барсуков и даже Морозов, чтец «Грозы».

– Он сам восьмерых разогнал, – сказал, смеясь, Калугин. – Снял ремень – такой с тяжелой пряжкой – и давай махать!

– А меня там не было! – сообщил, сияя, Бажов.

Теперь Клешнин всюду ходил со своей сумкой, опасаясь, как бы в нее не подложили какую-нибудь гадость. На перемене он мило беседовал в окружении четырех однокашников, шло что-то вроде переговоров.

– У нас так: мило говорят, а потом бац, бац! – вновь просиял Бажов.

Но все обошлось.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Во всех трех группах диктант «Осенью» прошел без особых эксцессов.

«Ярко горели лампы. И все пел свою нехитрую песню самовар...» Клешнин писал медленно, чем раздражал однокашников.

– Не можешь запомнить ничего! Хватит переспрашивать!

По тому случаю, когда он разогнал восьмерых, групповое собрание так и не проводилось.

После уроков Воронов пошел на остановку к ДК шахты «Северная». Он стоял среди кучки ожидающих автобуса. Одноногий Тельников, живо прыгая на костылях, ловко пересек дорогу наперерез несущемуся транспорту. Он направлялся в училище, на репетицию своего музыкального кружка.

Подошел автобус. В нем уже ехало человек десять из 46-й группы. Они бурно приветствовали Воронова, который закомпостировал талон и сел у окна.

К нему пересел Шашечников:

– Что мы будем делать на следующем занятии?

– Писать сочинение.

– На какую тему?

– «Как я выбрал свою будущую профессию».

– Вы поставите мне пять?

– Если напишешь на шесть, я тебе и шесть поставлю.

– Значит, поставите пять? Договорились? Да? Договорились?

Он вновь пересел к друзьям. На остановке вошла девушка и засомневалась, куда бы сесть: свободных мест много.

– Конечно, она сядет к нашему учителю по литературе, ни к кому другому, – прокомментировал Шашечников.

К некоторому конфузу, так оно и вышло. За спиной Воронова раздались аплодисменты и радостный хохот. Девушка пахла душисто. Пряча смех, Воронов закрыл лицо рукой и отвернулся к окну.

– Стыдно стало, – продолжал комментировать Шашечников.

2

Пьяный Тимохин сдал в библиотеку книги и ушел с подписанным обходным листом. Наконец-то...

Лазарь Евсеевич привел за учебником советского права совместителя, которого называл Володей. Владимир Алексеевич, из Северного района КПСС.

– Эти тоже не годятся? – листал Лазарь Евсеевич учебники.

– Их забраковала Любовь Федоровна.

– Ах, эта стерва Любовь Федоровна!.. А зачем тебя Попова вызывала?

– Насчет стенда к 40-летию Победы.

– Святое дело!

На время обеда библиотеку Воронов поручил 44-й группе. Вернувшись, он застал Коршунову с романом «Что делать?» под мышкой.

– Юрий Сергеевич, я принесла вам Тургенев, а беру Чернышевского, – улыбнулась она.

На улыбку он не ответил и холодно сказал:

– Давайте запишем.

Конечно, она поняла, что это за ее «спросите у завуча», когда Воронов обратился к ней с просьбой.

Мальчик из 43-й носился в его шляпе. Он сорвал у товарища очки и ходил в них при шляпе в вестибюль посмотреть в зеркало: «Похож я на профессора?»

Мирра Николаевна прислала техничку для мытья затоптанного пола и ругалась за сломанный стул.

– Вы посмотрите на себя – где вы сидите, в грязной библиотеке! А стул! Стул сломали! Разве можно так? Я докладную директору напишу!

Домой ехали в «броневичке», то есть в автобусе училища. Старший мастер Колосников спо-

рил с Фомкиным, грозясь лишить его премии за пьянство.

– Только попробуй лиши! – гремел Иван. – Тогда увидишь, что я сделаю! Ты получишь зарплату, а я возьму и положу ее в карман. И докажи, что я взял! Я никого не боюсь!

Колосников умолк в болезненной растерянности. Четверо – Сушкин, Фомкин, Фирсов и Неупокоев – вышли у винного магазина.

3

Позвонили из бибколлектора: надо срочно забрать 39 пачек литературы. Поехали в «броневичке» с Сосновским, раньше он всегда помогал Любе. Дорогой говорили об убийстве Индиры Ганди, о Кошкине, который, как и Тимохин, тоже бывший мент и тоже уволен, о лучшем пивбаре города, что в Кировском районе. Там демократическая форма подачи закуски: хочешь – бери, хочешь – не бери. Все культурно, раздеваешься и садишься за столик. Сосновский с нетерпением ждал вечера, чтобы посетить этот пивбар.

За столом в бибколлекторе сидела девушка в очках. Пачки грузили в лифт по конвейеру. Было тесно.

– Ты ставь в сторонку, – посоветовал Сосновскому старый лифтер.

– Ты чего расшумелся?! – неожиданно вскипел Николай. – Кто ты такой, чтобы приказывать?!

– Да я только посоветовать хотел, как лучше...

– Не шуми, а то я тебя выведу отсюда! – протрубил Николай слоновым басом.

Обиделся не столько лифтер, сколько женщины, загружавшие лифт пачками. Сосновский продолжал ворчать.

– Вам подсказывают, как правильно делать, а вы кричите! – возмутилась одна из женщин.

Внизу Сосновский потащил пачки на выход.

– Почему он кричит? – спросила женщина.

– Психанул.

– Психанул! Надо сдерживаться как-то... Откуда эта библиотека? А, из училища...

Восвояси приехали как раз к перемене. 45-я помогала таскать книги. Мирра Николаевна, а потом и завхоз Миколайчик ругались за столы, вытасканные из библиотеки в вестибюль.

– Эта орда разнесет их в щепки! Сидят на них...

Миколайчик посоветовал поставить их за барьер и за центральные стеллажи, чтобы класть

на них книги. Через узкий проход пришлось протаскивать столы аж над стеллажами. Закревский забрался под самый потолок. Хороший парень, доброжелательный, живущий затаенно приподнятыми эмоциями.

– С кем ты ездил в бибколлектор? – спросил Воронова Лазарь Евсеевич. – Кто такой Медведев?

Очевидно, из библиотеки позвонили насчет скандала. Сосновский сидел здесь же, в библиотеке. От правды не уйти. Лазарь Евсеевич улыбнулся и ничего не сказал.

Он достал 32 новых (1982 года) учебника обществоведения, «сунув» за них бензин. Демьянов взял эти учебники, которые абсолютно ничем не отличались от старых, забракованных Любовью Федоровной.

Новенький мастер, лысый бородач, попахивающий бензином, искал в библиотеке учебник материаловедения. Дежурила группа Фомкина. Однако для мытья пола тот привел не своих, а Богатова и Малагина:

– Вы двое сегодня моете пол в библиотеке.

Он умеет приказывать так, что его слушаются.

– За что ты их наказываешь? – поинтересовался Воронов.

– Они знают, за что.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

– Срочно проводи диктанта! – заскочил в библиотеку Сушкин. – Из облуправления прислали текст с грамматическим заданием. Не натягивай никому троек. Ставь как есть – двойки так двойки. Нам это выгодно, чем больше двоек, тем лучше. Значит, такие они к нам пришли. Потом составим план работы по исправлению пробелов.

Ну вот, пора и домой. В ожидании Лазаря Евсеевича стояли возле машины и курили.

Тельников тронул Воронова за рукав (это его привычка) и посетовал:

– Поиграли мои эстрадники и устали. Два часа всего играли и говорят: спины устали! Трудновато мне с ними. Всего два часа. Мне этого мало. Я хочу ритм поставить. Ведь музыка – это прежде всего ритм.

Он уныло покачал головой.

Из дверей училища вышел Лазарь Евсеевич.

Тельников бросил окурочку сигареты и заторопился к «броневичку». Вслед за ним на подножку поднялась хитренькая, улыбающаяся Коршунова с бледными курицами, которые выглядывали из сумки, а за ней Фомкин, почтительный к директору, как ни к кому другому.

Тельников сидел в заднем ряду со страдальческим лицом (неважно себя чувствовал). Когда на Радуге Фомкин и Колосников вышли, он пересел поближе к директору и потерел его за рукав:

– Поиграли мои эстрадники два часа и устали. Трудновато мне с ними...

– Сколько их у тебя?

– А?

– Сколько их у тебя?

– Четыре человека.

– А шуму было на двадцать человек, – засмеялся Лазарь Евсеевич.

Все заулыбались.

– По журналу у меня двадцать человек. Я все часы расписал на месяц вперед, – печально противостоял юмору музрук.

2

45-я группа – группа мастера Татаринова. Юрий Сергеевич начал читать Тургенева перед пустыми глазами слушателей. Нахал с мутным и упрямым взглядом громко разговаривал, не реагируя на замечания. Пришлось взять его за плечо, изобразив гримасу ярости.

– Не надо, я сам выйду! – заторопился ученик.

Все притихли, испуганные угрожающим поведением преподавателя. Нахал скучал в коридоре и требовал, чтобы выгнали и его дружка. Кудрявый парень в классе рассказывал о том, что где-то вычитал: пирожки из песка осыпаются, а из глины – нет, так как песчинки круглые в отличие от волокнистой глины. Это он говорил в связи с вороновским замечанием о песчаных замках, сделанным по ходу объяснения материала.

Малагин на уроке играл в морской бой, и аллах с ним. Но он сделал из авторучки духовое ружье, которое пришлось отобрать. Ахметгареев сбрасывал на пол здоровячка Жарова вместе со стулом и устраивал шумливую возню. Шанин отрешен. Он даже не смотрит в книгу и не вертит ее в руках, зато и не балуется. Черкасов сидел задумчиво-мечтательный. Все они отбывают время. Как им хватает терпения?

Группа буквально умоляла отпустить их с шестого урока. Мольба уперлась в твердую волю преподавателя. На уроке присутствовало 22 человека.

День спустя Малагин не переставая играл в морской бой. Только отберешь лист, он снова расчерчивает квадратики.

Многих задирал Жаров, вообще-то приятный, доброжелательный к преподавателю мальчик. Он довел до взрыва Ахметгареева, который бешено матерился и пытался ударить его в ухо. Юрий Сергеевич усмирил обоих. Ахметгареев зловеще прошипел, что разберется с Жаровым на перемене. Впрочем, на следующем уроке оба сидели вместе, предупредительные друг к другу до нежности.

Когда группа дежурила, человек десять - пятнадцать оккупировали библиотеку и начали резаться в шахматы. Звонок.

– Поднимайтесь на второй этаж.

– Давайте лучше здесь! Будем играть в шахматы! Все равно наша группа дежурная.

Уговоры не помогли. Пришел Сушкин.

– Не идут? Ну-ка, давайте поднимайтесь в кабинет!

– Нет, мы лучше здесь!

Сушкин ушел ни с чем.

– Хорошо, тогда вымойте библиотеку, раз ваша группа дежурная, – решил Воронов зайти с другой стороны. – Принесите ведро воды. Каждому достанется по квадратному метру пола.

– Давайте. По квадратному метру – это немного.

Двое в шахматы не играли, был резон послать их за водой. Гуреев пошел бы вместе с Черепановым, но тот поленился. В библиотеку ворвались еще несколько человек и тоже не пошли за водой.

– Это что – урок? – удивился Лазарь Евсеевич, случайно зайдя.

– Они говорят, что сегодня дежурят, поэтому не хотят учиться.

– Это они придуриваются.

Директор подвел Воронова к столам, стоявшим штабелями в вестибюле.

– Возьми несколько новых, а старые кому-нибудь отдай. Если кто спросит, скажи, что директор разрешил.

– Это мы можем, – согласилась 45-я принести столы.

Они приволокли несколько столов и снова уселись за шахматы. Ахметгареев спорил с Жаровым, сыгравшим по подсказке.

– Если еще раз так сделаешь, то я спорить не буду, а сразу врежу! – показал кулаком Ахметгареев на жаровский лоб.

Жаров по инерции вяло спорил. Ахметгареев с трудом остыл.

3

В честь Дня учителя в столовой за счет профкома организовали застолье с шампанским, водкой и хорошими закусками. «Любительница абсента», как называл ее Сосновский, Нелли Петровна Сиропина с вожделением смотрела на стаканы. Скупую речь произнес председатель профкома Протасеня. Попова поздравила коллектив от имени администрации.

Музрук Тельников пришел от водки в добродушное настроение. Чем-то неприятен был новый военрук, отец Татарина, слишком жгучий брюнет лет шестидесяти, неприветливый, в форме капитана. С библиотекарем он всегда здоровался за руку, оставляя послечувствие огромной, рыхлой и вялой ладони.

Музыка из магнитофона в сочетании с напитками обостряла лирические желания. По окончании основной части застолья большинство сбросилось по два рубля и продолжило мероприятие. Сушкин сел за шахматы с Татаринвым.

– Боря! Пойдем домой! – звала Сушкина жена, Колодина.

– Сейчас, сейчас.

– Боря, пойдем! Там Катя болеет.

– Сейчас, сейчас...

Борис Александрович углубился в размышления над партией. Не меньше часа длилось «сейчас, сейчас».

В вестибюле училища висит стенд, популяризирующий статьи Уголовного кодекса. Во дворе сырость, дождь, желтые листья, мрак от туч, затянувших небо.

Пора домой, к любимой Светлане. «Броневичок» тронулся, выкатился из ворот, пристроился на трассе. У Коршуновой чуть гнусавый, смычковый голосок.

– Давайте поедем по старому мосту! А? Ну давайте! Леонид Александрович!

– Надя, говорите громче, вас не слышно, – просит музрук.

– У меня всегда один и тот же маршрут – только по новому мосту, – изрекает водитель Леонид Александрович.

Возле детской поликлиники ДТП. Мотоцикл с разбитой фарой у лужи на краю дороги. Огромная машина с прицепом ломаной кривой перегородила асфальт. Пришлось огибать это место через трамвайные пути и линию встречного движения. Все пассажиры прильнули к окнам.

– Не будет ездить на мотоцикле, – пошутил Фирсов.

– Надежда Викторовна, берите все часы по эстетике! – сказал Воронов, разрешая свои сомнения и угрызения.

Почему он должен жадничать?

Коршунова поблагодарила.

– Недавно я ехал с женой на своих «Жигулях», – начал Буданов. – Увидел, что у «зила» болтается номер и дребезжит фара. И надо же... Решил обогнать и сказать водителю. Только поравнялся с ним, как он, не обозначив поворота сигналом, начал разворачиваться – и в мою машину! Ну, права у него отобрали, за ремонт будет платить...

Дома у Воронова Светлана, телевизор и демагогическая речь Генерального секретаря ЦК КПСС Черненко о народном контроле.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Утро началось с линейки.

– Че ты толкаешься?! – упирался ученик, пока Татаринов с искаженным от гнева лицом выталкивал его на лестницу и спускал с нее.

Военрук отдал рапорт. Лазарь Евсеевич говорил с военными интонациями, не обращая внимания на ученика, стоящего напротив по стойке смирно с рукой в кармане телогрейки. Несколько учеников, сказал Лазарь Евсеевич, попало в вытрезвитель. У кого-то сняли сапоги, разули среди бела дня. И драка в 46-й! Полгруппы напало на одного! Мастер Грибов должен провести собрание с протоколом и выявить зачинщика. Если этого не будет сделано, то всей группе откажут в награждении по итогам соцсоревнования, если даже заслужат по главным показателям.

– По кабинетам разой-тись!

Курение на крыльце – это необходимая отрада. Нервы успокаиваются, мысли уходят за горизонт училища. Во дворе Фирсов с метлой. Чуть пьян и весел.

– Я как Баба Яга! – шутит он.

Рая, смеясь, отбивается от двух жлобов сразу...

В библиотеке мастера Буданов и Коробков сражаются в шахматы. У Николая Филипповича Буданова две страсти – шахматы и рыбалка. Сегодня он жалуется на погоду, влияющую на самочувствие. Кладет под язык валидол. Морозова ищет речь Черненко о народном контроле. В училище она отвечает за народный контроль.

Хотя у литератора «окно», Сушкин приводит в библиотеку «на занятие» 45-ю группу, так как у них нет истории, стоящей в расписании. Пацаны играют в шахматы и шашки. Закревскому шашек не хватило.

– А если использовать костяшки старых счетов?

Счеты давно были разобраны, костяшки хранились в тарелке. Закревский обрадовался. Он уже знал, где костяшки лежат, и передал их над головой Козульского, перегородившего креслом вход за барьер. От партии с Шаниным, игравшим сравнительно неплохо, детская радость была ключом в Закревском. И еще оттого была радость, что мешал Богатов, совсем не умевший играть. Шутки и смех наполняли библиотеку. Пришел музрук и забрал пятерых на репетицию. Из его комнатки доносилось минорное дудение.

После занятий Воронов бродил по коридору в поисках Сушкина, чтобы отдать ключ от кабинета. Из углового класса крадучись вышел Козульский и тут же нырнул обратно. Услышав шум и смех, Юрий Сергеевич вошел вслед за ним.

Несколько человек сидело на партах верхом, другие стояли. На замызганном десятками ног и белом от мела полу катались два борющихся тела.

– Что здесь происходит?

– Ничего. Вытирают пол, – засмеялся Мельников. – Мы тут моем пол.

Как добродушно он это сказал! Борцы застыли в какой-то мертвой позе, одно тело накрыло другое. Юрий Сергеевич шагнул вперед и заглянул в их лица. Лица, задохнувшиеся в злобе и напряжении. Он схватил верхнего, вцепившегося в горло противнику, и отлепил его от посиневшего Закревского. В верхнем он узнал Малагина. Юрий Сергеевич оторвал его хватку, однако в самого Малагина снизу вцепился лежащий Закревский. Он вертелся на полу и хватал противника за нижние конечности. Малагин размахнулся ногой и подло, ужасно пнул ботинком в лицо. Закревский вскочил и напал на Малагина с кулаками.

– Чего стоите? Возьмите его! – крикнул Юрий Сергеевич в возмущении троем свидетелям, спокойно стоявшим рядом.

В этот момент он держал уже Закревского. Трое встrepенулись.

– Че стоите?! Возьмите его! – бросил им кто-то.

Они (среди них был и Мельников) живо схватили Закревского и уволокли за учительский стол, посадили на стул между столом и партой. Закревский оскорбил Мельникова матом. Ответил не один Мельников – все трое осыпали Закревского серией ругательств. Юрий Сергеевич прикрикнул на них.

Малагина тоже оттащили в сторону. Кто-то похлопал его по плечу в знак поздравления с победой.

– Иди умойся, – сказали ему, и он вышел в сопровождении как бы почетного эскорта.

Козульского упрекнули за то, что он вышел из класса, из-за чего и появился литератор. Закревский медленно и горько остывал, сидя как арестованный. Стремительно вошла 43-я группа, а вслед Коршунова с альбомом по истории автомобиля. У 43-й и 45-й – объединенный классный час. Позже всех показался Татаринцов в синем рабочем халате.

– Не говорите ничего, – услышал Воронов шепоток проходящего мимо ученика.

Тем не менее он сообщил о ЧП мастеру.

– Малагин? Это маленький такой? С кем?.. Помиряется потом, – спокойно отреагировал Татаринцов.

У Закревского на лице проступили черные синяки. Малагин вернулся из туалета розовый, остуженный и сел на свое место.

На следующий день урок с 45-й начался в неполном составе. Вскоре появился Богатов.

– Почему опоздал?

– Я их упрашивал, а они не идут.

Немного погодя хлынула толпа остальных, 13 человек. Урок прошел относительно спокойно. Ильин, Юрьев, Баранов, Ефремов, Закревский и Малагин – последние двое вместе сидели на первой парте – с трудом постигали смысл причастий и деепричастий и все же поддавались натаскиванию. Юрьев никак не мог понять разницу между «летая» и «летя». Он придумал предложение: «Птицы, летая, машут крыльями», но не мог, несмотря на подсказку и образцы, переделать его в «Птицы, летя в воздухе, машут крыльями».

Отработав урок, Воронов вышел из класса. В коридоре его ждал Татаринцов.

– Вы не выручите еще раз?

– Рад бы, но ни копейки... Малагин и Закревский помирились?

– Помирились. Я их помирил. Они вместе мыли пол, раз вместе провинились. И староста тоже с ними, Варламов, высокий такой, за то что не препятствовал драке, она при нем началась. Закревский – звеньевой, а Малагин затеял с ним драку. Сделал бы он это в армии с сержантом – узнал бы!

2

44-я пришла в класс на спаренный урок. Сушкин предложил дать им учебники, пусть читают. Если бы читали! Никто не читает, некоторые лишь делают вид. «Неинтересно читать. Лучше помечтать». Один смотрит в пустоту блестящими синими глазами, лишенными мысли, другой – староста Гавриков, член ВОИР – бездумно полистывает страницы. Ученик по фамилии Фридрих и Степченко пытаются играть в морской бой. Преподаватель отбирает у них бумажки.

Фридрих любит индийские фильмы. Кое-что он слышал и о Дон Кихоте.

– Кого мы называем донкихотом сейчас, в наше время?

– Это человек, который влюбляется в девушку, – выдал Фридрих неожиданный ответ.

В последнее время обнаглел Харчев. Он изводил взглядом Степченко.

– Ты че смотришь?

– Может, ты красивый! (Смех.)

У Харчева нет большого пальца на правой руке, в детстве оторвало железкой (залез под машину для сварки, с кузова скатилась бочка). Его дразнят «беспалым». Он занимался боксом у Козленко. Занимался бы и Чулков, да боится, что выбьют зубы.

Замечания на Харчева не действовали, пришлось изгнать. Чулков просил это сделать «так же, как меня», то есть сильным броском. Харчев, впрочем, не ждал повторного приглашения выйти. Зато, выйдя, он приоткрывал дверь и всовывался в щель. Юрий Сергеевич вытолкнул его в коридор.

– Че ты толкаешься?! – вызверился Харчев с жалким протестом воробышка.

Юрий Сергеевич вежливо извинился и заметил, что при его поведении другого выхода не

видит. На какое-то время Харчев исчез. И – вновь кривляется в дырке разбитой стеклянной двери. Чулков попросил разрешения «сделать так, чтобы Харчев больше не появлялся». Как это можно сделать? Вместо объяснений Чулков вышел и прогнал Харчева. Тот замаячил за стеклом лишь в конце занятия. Что до Чулкова, то он был не такой уж и простой. Еще в школе собрал снегоход-мопед на трех лыжах с максимальной скоростью 60 километров в час.

Хохотушка Степченко устраивал драчки с Большоголовом, Фридрихом и Мамой, то есть полненьким Ермолкиным. Тот стойко туп в учебе, но при этом неплохой шашист, что выяснилось в библиотеке. Лучше всех в шашки играл Бубенцов, у него отец – разрядник. Юрий Сергеевич с большим напряжением выиграл у Бубенцова матч.

Через небольшое время Харчев вдруг стал ручной, его дикость прошла. Теперь он всегда почтительно здоровался и прощался. Любопытно было видеть, как этот хулиганишка сюсюкал с дочкой-малышкой Фомкина.

Харчев, Фомин и Гавриков ходили в новой, полученной у Мирры Николаевны форме – одинаковых синих болоньевых курточках и фуражках.

И вот однажды Юрий Сергеевич решил на замену классики фантастикой.

– Кто может рассказать о прочитанном?

Первым вызвался Юсупов. Он пересказал романы Беляева «Вечный хлеб» и «Продавец воздуха», называя их «рассказами».

Рыжий Григорьев вышел к доске и рассказал «451 градус по Фаренгейту» Брэдбери. «Был один пожарник. И там еще была одна механическая собака. Ну, он сжигал книги...» Далее все действующие лица слились в «он» и «она».

– Стой прямо, не ломайся! – кричали Григорьеву с парт. – Ты что все «он» да «он»? Кто «он»?

Тем не менее его дослушали. Затем Бубенцов поделился «Туманностью Андромеды».

В русском языке и в этой группе дошли до причастий и деепричастий. Причастие от «плыть» они упорно образовывали – «плыл».

– Расскажите нам лучше какую-нибудь историю!

Кое-как удалось добиться образования причастий от Мамы и Трофимова. Не меньше мучился Степченко.

– Если к концу урока не придумаешь, поставлю двойку.

Он придумал.

– Теперь двойку не поставите?

– Проверьте мой диктант, – сам вызвался в конце урока Бубенцов и неслышно считал, сколько раз авторучка с красной пастой опустится на бумагу.

– Вынужден поставить два, – тихо сказал ему Воронов.

Бубенцов шагнул от учительского стола с листком в руке.

– Сколько? Сколько? – посыпались вопросы.

– Три.

– Сколько?!

– Три, – глухо врал он, стесняясь сказать правду.

Да, он старался писать этот диктант...

3

Загоревшись идеей литературно-художественной композиции, впервые в жизни Воронов решил проявить свои невидимые миру способности. Он порылся на стендах и отыскал сборники Маяковского и Блока, на ходу выбрав несколько отрывков из «Хорошо!», «Левого марша» и «Двенадцати».

Собрав на репетицию чтецов – Юсупова, Фридриха, Бубенцова, Степченко, Колобкова, он показал им, с какой мощью должен декламироваться стих Маяковского.

Предвкушая эффект на публике, Юсупов восхищенно хихикал, проговаривая:

– Какой-то смущенный сукин сын. Над ним путиловец нежней папаша...

Тельников обещал, что кто-нибудь ударит тарелкой в тот самый момент «Двенадцати», когда «и – бац – растянулась!».

Зайдя на репетицию, Фирсов хотел стрелкнуть сигарету у Колобкова, читавшего «Левый марш». У того не нашлось. Тогда мастер где-то раздобыл сигаретку и поделился с учеником, оставил Колобкову бычок.

Между делом Попова забежала в поисках материала для доклада.

– Разве трудно сказать все простыми словами?

– Трудно. Помогите мне.

– Какова основная мысль?

– Октябрь.

– Октябрь – это не мысль, а тема.

Попова порылась в журналах «Агитатор»,

ничего не нашла. Библиотекарь снова намекнул, что выступать можно и без «материалов».

– Насколько я знаю, – возразила она, – все так готовятся. Никто из своей головы не выдумывает.

Литературную композицию репетировали в библиотеке. Генеральную репетицию провели на сцене красного уголка. Чтецы бросились к пианино сыграть «Собачий вальс». Степченко спорил с Бубенцовым о праве на «бац», а Юсупов все восхищался тем, как он будет «материться» со сцены: «какой-то смущенный сукин сын...» С трудом удалось оторвать разболтанных пацанов от игр и беготни. Степченко бегал по залу, за ним гонялся Фридрих. Но репетиция показала хорошие результаты, акустика работала на стих. В центре композиции стоял Женя Колобков. Они с Сережей Бубенцовым относились ко всему серьезно, без баловства.

В библиотеке чтецы сделали уборку. Колобков и Юсупов подмели пол. Но Степченко наотрез отказался мыть окна. Фирсов пытался отправить его на уборку в красный уголок.

– Не пойду!

– Ты как со мной разговариваешь?

– А че?

– Поговори еще у меня!

– А че?

– Степченко, ты подумай, как со мной разговариваешь! Ведь нам с тобой еще три года жить вместе! И может быть, за эти три года ты не выйдешь отсюда шофером: аттестат о среднем образовании получишь, а шофером не будешь! Я, как мастер, сделаю все от меня зависящее, – завершил монолог Фирсов, уходя.

– Напугал! – крикнул Степченко вслед ему.

Колобков и Юсупов ловили его, чтобы заставить мыть окно, а он убегал, хохоча.

Три солидных парня зашли поиграть в шахматы.

Появился Иван Фомкин:

– Быстро встали и застеклили окна на втором этаже!

Молчание.

– Быстро встали и вставили окна! Ну!

Молча сидят.

– Из какой вы группы?

– Мы из 823-й! Уроки кончились, мы уже всё – свободны!

– Встали!

– Ладно, пойдем, – сдается один.

За ним встает и другой.

– Из 823-й самые блатные, что ли?

– Да, самые блатные, – огрызается третьекурсник, но покорно следует за Фомкиным.

– Юрий Сергеевич, зайдите к Поповой, пожалуйста, – открыл дверь Протасеня.

В кабинете Поповой стояла Раиса Игоревна, которую директор за глаза называл не иначе как «старой шлюхой». Она славилась похождениями и до сих пор не ушла на покой.

– Юрий Сергеевич, – подняла глаза Попова, – помните, о чем мы с вами договаривались? Я вас просила помочь в подготовке доклада.

– Ах вот что! Но мы ни о чем не договаривались. Вы порылись в журналах и ушли. Я сделал вывод, что вы этим удовлетворились.

– Нет, мне нужны материалы к докладу. Обязательно! Завтра доклад, мне срочно нужны материалы. Я сегодня здесь до четырех часов. Юрий Сергеевич, помогите мне, пожалуйста!

– Чем я могу помочь?

– Я так поняла, что вам легко было бы написать. Напишите! Может быть, вы сами его и прочтете? Любовь Николаевна читала у нас доклад об Октябре.

– Нет, нет...

– Ну, тогда подберите что-нибудь!

– Вся библиотека к вашим услугам. Приходите и выбирайте.

– Вы, как библиотекарь, должны подбирать литературу.

– Я не знаю, что вас интересует.

– Октябрь.

– Это слишком большая тема.

– Вы должны владеть материалом, – неприятно вмешалась Раиса Игоревна. – Мы можем попросить вас подобрать литературу по любому вопросу.

– Надежда Ивановна, сформулируйте задание конкретно.

– Подобрать передовицу любого журнала или газеты, лучше двух.

Он принес пару передовиц.

– Спасибо!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Чтецы ждали у библиотеки. А внутри нее печаль разрухи. Еще один стул расшатан. От шахматных фигур остались обломки. Пришедший с группой длинный, тонкий, пустоглазый Глебов нахально лез за барьер, пришлось его вытурить.

Когда орда ушла, Воронов обнаружил пару разорванных картонных шахматных досок, брошенные как попало автомобильные журналы, валявшийся микрокалькулятор со снятым футляром.

– Юра, ты что?! Иди в мой кабинет, там тебя ждет Попова! – заглянул в дверь Лазарь Евсеевич.

Кроме Поповой в кабинете сидел Сосновский.

– Юрий Сергеевич, а мы вас потеряли! – сказала Попова. – Директор назначил торжественное заседание на двенадцать часов, а мы из-за вас не можем его начать. Ведь вы отвечаете за литературно-художественную композицию, а без вас ребята не смогут. Они оставили в библиотеке все материалы!

– Но мне сказали, что торжественное заседание начнется в четырнадцать тридцать! Ладно, не стоит поднимать панику.

Попова улыбнулась. Цветущая женщина в праздничный день.

Снова Воронов провел репетицию. Все было готово к выступлению. Чтецы настроены побоевому, хотя, естественно, робеют и волнуются.

Колобков попросил спички:

– Я потом отдам. Мы пока сходим перекурим.

Он собирается бросить курить. Недавно бросил Бубенцов. А начал он с третьего класса.

2

Чтецы в переполненном зале «забронировали» для Воронова место в первом ряду, даже не пустили завуча Сушкина, захотевшего присесть на свободный стул. Фирсов и Фомкин приволокли огромный барабан и оставили его у двери.

Торжественное заседание началось с гимна СССР. Попова прочитала доклад, составленный из двух передовиц и напоминавший лекцию о международном положении, бойко проговоренную в высоком стиле. Акцент ставился на происки врагов. Читая доклад, она посматривала на Воронова. Манидо щелкал фотоаппаратом, снимая зал, президиум, в котором сидели директор и Сосновский, стоящую за кафедрой Попову.

После доклада Сосновский подвел итоги соцсоревнования. Первое место заняла 43-я группа. Профорг группы Эйх зачитал с кафедры достигнутые показатели. Сосновский огласил приказ о благодарностях преподавателям и мастерам. Им вручили почетные грамоты.

Наступил самый волнующий момент. Черед

выступать с композицией. Воронов и все чтецы напряглись и приготовились к выходу на сцену. Перед заседанием Попова предупредила: я вам лично махну рукой. Но она не махнула.

Потому что Лазарь Евсеевич совершенно внезапно выстрелил:

– Выступать не будете?

– Нет... – поспешно бормотнул Фридрих.

– Нет? – И Лазарь Евсеевич стремительно подскочил к проигрывателю, включая гимн.

Воронов и глазом не успел моргнуть. Безусловно, он мог бы пресечь импульсивную выходку Лазаря Евсеевича, но его остановило трусливое «нет» Фридриха и сомнение в качестве выступления, риск опозориться. Пока мозг Воронова спешно анализировал ситуацию, директор еще раньше успел решить вопрос.

Библиотекарь смотрел на Попову. Та сидела за столом президиума озадаченная. Грянул гимн. Все встали.

– Возьмите книгу, – просто сказал Юсупов, протягивая Юрию Сергеевичу сборник Маяковского.

– И слава богу, – сказал Колобков, словно успокаивая его.

Хороший, интересный паренек, мечтавший попасть на армейскую службу в Афганистан, где шла война.

3

Обида легко читалась на лице Воронова. С обидой он смотрел на Попову, которая отвечала долгим сочувственным взглядом. Гимн кончился. Лазарь Евсеевич еще раз призвал всех прийти завтра на демонстрацию. Ученики стали расходиться.

Воронов подскочил к Поповой с возмущением:

– Как же так безобразно получилось, Надежда Ивановна?

– Вы видите, какой у нас директор? Скажите ему! Конечно, это безобразие!

Воронов пошел к себе в библиотеку, надел шапку, вышел на крыльцо и с горя закурил. Вернувшись к себе, увидел Раису Игоревну.

– Что же это? Готовились, готовились столько! Вы высказали директору свои претензии? Выскажите обязательно!

– Конечно! – поддержала Колодина. – Так нельзя! Как можно работать в таких условиях? Готовились... Ребята какой урок получили? Обязательно скажите директору!

– Если в следующий раз нас попросят, мы директору покажем фигу! – заявил Фирсов, стоявший у кабинета старшего мастера.

– Юрий Сергеевич, давайте вместе сходим к директору и скажем! – предложила Попова. – Я тоже возмущена! Сценарий был отпечатан на машинке и неделю лежал у него на столе!

– Не ходите к директору! – посоветовал Сосновский. – Не надо перед праздником. Что, я слышал, вы подготовили пламенный монтаж, а его отменили? Ничего, покажете в следующий раз. Перед праздником не надо лезть к директору. И себе испортите настроение, и ему! С духовым оркестром тоже получилось не по сценарию.

– А что с духовым оркестром?

– О, там сразу не расскажешь! Там целая поэма! – сказала Попова.

Она празднично возбуждена. Загорелое лицо, чуть тронутое дряблостью. Улыбка, накрашенные губки. Несмотря на уговоры Сосновского, она все же рвалась к директору. Но его кабинет был закрыт.

– Уехал шеф? – спросил Сосновский у Полины Егоровны, которая как будто и не увольнялась и снова сидела в приемной.

– Уехал.

Все ходили взад-вперед перед праздничным застольем. Мирра Николаевна выдала зарплату, а Жанна Федоровна, жена Протасени – талоны на отоварку. За столом Воронов сидел рядом с плотником Яковом Григорьевичем. Напротив военрук в парадном зеленом мундире. Рядом с ним Козленко, родившийся 9 мая 1945 года. Верхние зубы у него выбиты в боксерских баталиях прошлого, а искусственные закреплены на проволочках.

– Как вкусно вы приготовили, девчонки! Молодцы! – нахваливала поваров Попова.

Справа от Воронова пристроилась старуха Горбунькова – уборщица в черном рабочем ха-

лате. Она уговаривала его выпить и закусить. Потянувшись за стаканом водки, прижалась всем телом и особенно компактной грудью. Воронов пожевал салат, съел пару конфет «Маска» и вышел из-за стола.

– Вы уже все, Юрий Сергеевич? – обернулась к нему пышущая женственностью Попова.

– Да, спасибо, все.

В вестибюле гулял на костылях Тельников. Кроме него в галстук обычно ходил лишь Татаринов. Директор и Сосновский сидели на торжественном заседании без галстуков, а ребята, набившие зал, так те и вовсе чуть ли не в драненьких одежонках.

Музрук пожаловался Воронову на трудности работы. Одну песню разучивали весь день! Сегодня оркестр должен был играть гимн, но оркестранты просто-напросто не пришли.

Вместе с Татариновым и Козленко библиотекарь пошел в магазин отовариваться. Татаринов получил квартальную премию 205 рублей и был очень доволен. Зарплата поднимает его дух (да и не только его), дает чувство кайфа. Шагая по дорожке, Татаринов вспоминал о бывшем старшем мастере, здоровом мужике. Тот, мол, действительно болел за мастеров.

65

– Зато спорт у него был в загоне, – возразил Козленко. – Вот был низенький такой, так у него всегда порядок! Очередь в столовую у него стояла в коридоре. А сейчас в столовую не пройдешь – облепят дверь толпой!

В магазине дали на талон сыр, колбасу, зеленый горошек, кабачковую икру, шоколадные конфеты, сухое вино, банку сгущенки. Подкладывая конфеты по весу, продавщица с бешеной скоростью отшвыривала лишние горсти назад в ящик – не глядя, но точно.

И вдруг до Воронова дошло: это любовь. Это любовь, которой к нему, библиотекарю, цветет зам по УВР Надежда Ивановна Попова...

Ольга
ХАПИЛОВА

ЗИМА – ЭТО ПРОСТО ОТСУТСТВИЕ ЛЕТА

* * *

Всему свое время: на долгую зиму роптали,
А небо меж тем, как и прежде, светло
и высоко;
И слышится запах нагретых на солнце
проталин,
Чуть-чуть сладковатый, чуть-чуть
муравьиного сока.
Не кажутся больше угрюмыми дебри
глухие, 66
Куда забредешь ненароком в минуты
смятений;
Немного еще – и, раздвинув былинки сухие,
Появятся петли зеленые новых растений;
Земля загудит, перевозданному вторя
напеву,
И все устремится навстречу благому
светилу –
Ладонь прижимаю к огромному, теплomu
чреву –
Попробуй сдержи этот рост, эту жизнь,
эту силу!
И вот уж шмелями звенят пожелтевшие
ивы,
Но рядом с тобой – не упомнишь, в которое
время, –
С такою любовью иные засеяны нивы,

Что крестиком сверху помечено каждое
семя.
Я в слух превращаюсь, я каждому шороху
внемлю,
Исчезли давно за горой отголоски
мирские –
Но как ни уложены бережно в добрую
землю,
А все не проклюнутся тихие зерна
людские.

* * *

Октябрь, и лес как будто поредел;
Но сердце радо тихому раздолью.
О Боже, если есть скорбям предел
И точно плачешь Ты над нашей болью –

Здесь, на планете, проклятой навек,
Оставленный на горестные муки,
Приходит ли, уходит человек,
А принимают нас земные руки –

Настанет час, померкнет слава дня,
Вздохнет природа в траурном убранстве,
Позволь тому, что будет от меня,
Не затеряться сумрачном пространстве!

ХАПИЛОВА (СЕМЕНОВА) Ольга Сергеевна родилась 14 июля 1981 года в пгт Темиртау Кемеровской области. Окончила Новокузнецкое медицинское училище. Фельдшер-лаборант участковой больницы. Публиковалась в литературных журналах «Огни Кузбасса», «После 12» (Кемерово), «Русское эхо» (Самара), «Камчатка» (Петропавловск-Камчатский), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Сибирь» (Иркутск), «Подъем» (Воронеж), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Сибирский Парнас» (Новосибирск), «Парус» (Москва). Автор двух книг стихов: «Молодое вино» (2012) и «Заповедное русское слово» (2017). Член Союза писателей России. Живет и работает в Темиртау.

Не истекло и века,
Ленты венка лоскут.
Атомы человека
В жилах дерев текут.

Карликовый некрополь,
Вместо ограды – жердь.
Ветром свалило тополь –
Что же, вторая смерть?

Неизвестным поэтам

Скрижали надгробий. Как в книге святой
голубиной,
Читаю их буквицы между сквозных
силуэтов —
Нигде так не любят, как в доброй России
глубинной,
Своих самородков, своих местночтимых
поэтов.

Отсюда начало берут рудоносные жилы,
В земле неприметной, покрытой плющом
и бетоном.
Здесь с радостью светлой расскажут
тебе старожилы,
Как в парке с поэтом встречали друг друга
с поклоном.

Невольно подумаешь с необъяснимой
тоскою,
Настолько привычны и камень холодный,
и дата —
Не верится даже, что жизнью обычной,
людскую
На грешной земле проживали поэты
когда-то.

* * *

Покуда росток не зачах,
Пора собираться, пора:
Купаясь в последних лучах,
Стоит на закате гора.
Идешь на нее, молчалив,
Наследником славных эпох.
Не заросли древних олив –
Березы кривые и мох
Предстанут в таинственной мгле,
Качнется головка цветка.
И, сердцем прижавшись к земле,
Я стану предельно чутка.

Из шести неизбывных, как горе, сосновых 67
досок.

Даже этот казавшийся вечным
искрыщийся снег.

Ах, не все ли равно, если знаешь великую тайну –

В Галилейское море впадают ручьи
по весне.

Может, после меня все опять повторится
сначала –

Но волна подо мною, как жизнь, неизменно
быстра:

Только вынес бы ветер меня к дорожному
причаду.

Где предложат отведать печеную рыбу
с костра.

* * *

Брошенная деревня.
Тополі в полный рост.
Эх, деревья-деревья –
Прячут в себе погост!

Чтоб слышать иные миры:
Травинку, листок, муравья.
Не с этой ли малой горы
Придет ко мне помощь Твоя?

* * *

Случится мне – уже не за горой –
Не просто в одночасие сомлеть,
Но колос мой назначенной порой
От тяжести наклонится к земле

И спелых-спелых, теплых зерен горсть
Отсыплет Богу в добрую ладонь.
Не говори, что всякий только гость,
И жизнь и смерть не видевший ладом.

* * *

Полыхают зарницы в ночном небе,
Наливается светом ржаной колос;
Не пригрезилась ль, часом, та быть-небыль,
Но доносится сверху святой голос.
Для меня для одной, а чудес столько,
И вокруг благодать – хорошо, страшно!
И поведает голос: «Пошли, Ольго!
Нынче в ночь заступает твоя стража!»
И цепочка следов от ступней босых
Серебром заблестит между звезд спелых.
И услышу чудное: «Держи посох
И паси им стада облаков белых!»

* * *

Над речкою навис скалистый склон,
Скупое солнце чуть нагрело камень;
Исчерчен белым мелом небосклон,
И дальний гул плывет за облаками.

Из перисто разбросанных тенет
У горизонта вырвавшийся ладно,
Вновь черточкой блестящей самолет
Летит маршрутом Чина – Нидерланды...

И лоскуток отчаянный Темир,
На карте света малая крупинка!
Но чудеса: вмещает целый мир
Моя простая русская глубинка!

* * *

Скоро-то как отпорхало вокруг,
отрезвилось,
Сыпятся сверху крупинки небесного
брашна.
Ты в ноябре ощущаешь острее
уязвимость,
В принципе, если подкинуть полено,
не страшно,

Да кипятку отхлебнуть, да теплее
одеться...
Вряд ли по жилам прольется забытая
нега:
Как ни крути, притупляются запахи
детства –
Где эта светлая радость от нового
снега?

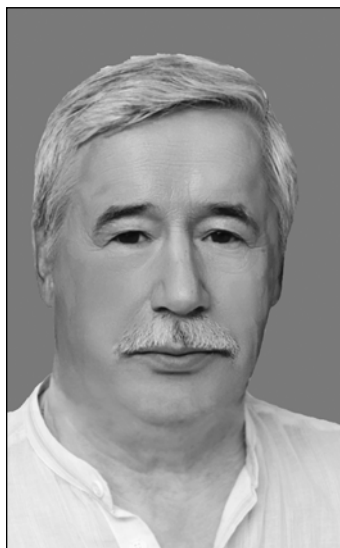
Что же вы ищете здесь,
пилигримы-калики?
Песней сионских? Но, милые, песенка
спета –
Бог где-то там, в благодатных полях
земляники,
Если зима – это просто отсутствие
лета.

Павел КРЕНЁВ

ПУНАШКИ, ВОРОТЧА И ГОСЬБА

Р а с с к а з

Весна у нас на Летнем берегу Белого моря долгая. Месяц март за весенний даже и держать нельзя. В средней полосе России говорят: «Пришел марток – надевай семь порток», а у нас до середины марта чистый февраль. И вьюги, и морозы, и колотун, особенно на открытых местах. Сидят рыбаки у лунок на озерах и прячут красные физиономии от сиверка, а тот замечает порошей лежащих на льду окуней... И солнце уже высоконочко висит, и дни вполне длинные, но не могут они пока, не могут совладать с холодами.

Только к концу марта начинает старичье выполнять из-под надоевших за зиму хоромин. С утра пошел по крышам светлый денек, заиграл искорками в сосульках, затенькали по ноздреватому от первого тепла снегу быстрые, острые капельки – и вот, кряхтя и бурча, незлобиво переругиваясь, выбирают на свет божий старички и старушки (в основном старушки), рассаживаются по своим крылечкам и, опираясь на потертые батожки, с ребяческим интересом, со вниманием разглядывают распавшееся перед ними Божье мирозданье. Дожили до новой весны! Опять солнышко греет старческие щеки, опять прыгают по улице и ковыряются в размякших лошадиных кучках веселые галки.

На море, что напротив деревни, лед еще стоит крепкой коркой, и белое ледяное поле бесконечной полосой уходит вдаль. Но вот наконец на

самом горизонте появляется темная полоса: это сильные весенние южные ветра поднимают потеплевшую волну и разбивают ледяную кромку. Опять к уставшим от зимы людям приходит их вечный добрый сосед – море, морюшко.

Деревенским мужикам, кто помоложе да острее глазом, не терпится сходить на зверя – морского тюленя (нерпу) и морского зайца (лах-така). Поэтому сейчас идет пристрелка винтовок-трехлинеек. Винтовки выдал им колхоз, которому спущен план на тюленьи шкуры и тюленье сало. Мужик ставит к морской кромке полено, сам ложится за бревно у амбара и долго целится. Наконец раздается оглушительный хлопок, который улетает за угоры, окружающие деревню, и пропадает в лесных даях.

А вокруг стрелка, пооткрывав рты, стоит стайка местных сорванцов, среди которых и автор этих строк, с замиранием сердца следит за всеми приготовлениями, манипуляциями с винтовкой и канючит:

– Дядя Толя, дай нам тоже стрелить!

Дядя Толя, конечно же, суров, потому как он не просто сейчас мужичок на конюшне или там на тракторе, а человек, которому Родина доверила такую великую драгоценность, как ружье! И он не дрова, допустим, колет, а готовится к зверовому промыслу!

КРЕНЁВ (ПОЗДЕЕВ) Павел Григорьевич родился 28 октября 1950 года в деревне Лопшеньга Приморского района Архангельской области. Окончил Ленинградское суворовское военное училище, Школу военных корреспондентов, факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Автор 18 книг и множества журнальных публикаций. Лауреат всероссийских премий им. Н. С. Лескова и Александра Невского. Заместитель председателя правления Союза писателей России. Живет в Москве.

На мальчишеское нытье он поначалу не реагирует. Лишь позволяет кому-нибудь из нас принести с берега простреленную чурку и поставить новую. Но в конце пристрелки все же наступает счастливая минута: дядя Толя дает каждому из нас лечь за винтовку и прицелиться. При этом он старательно разъясняет, как следует совмещать мушку с целиком, наводить их на мишень, как медленно надо нажимать на спусковой крючок. Это было блаженство!

Настоящая весна начинается с апреля. Солнце уже высоко и долго стоит в синем небе, все ближе подбирается к зенитной маковке, все сильнее греет. С теплой стороны логовин сквозь снег начинает до земли просачиваться талая вода. Скатываясь по пологим склонам, она достигает дна и попадает в мелкие ручейки, слабо журчащие, мирно себе текущие под снегом по узким ложбинам. Но вскоре наплыв талой воды вспучивает ручьи, превращая их в бурные потоки. Темная, насыщенная полевой грязью вода вырывается из-под снега и, смешиваясь с ним, с весенним мусором, волнуется, шипит, бурлит, пенится, несется по еще не разломанному льду к морю. Даже ничемные ручьишки, раньше текшие спокойно и незамысловато, становятся речками. И уже чувствуется надвигающийся гром весны, вступающей в свои права.

Первыми из перелетных птиц в наши края прилетают галки и чайки. Маленькие вороны – галки, не боясь людей и собак, деловито, похозяйски, скрипуче переговариваясь друг с дружкой, начинают вышагивать по деревенским подтаявшим дорогам, ковыряются в высунувшихся из-под снега черновинах, шныряют на взвозах, ворошат утоптанное старое сено, гуляют по навозным кучам. А чайки кричат там, у открывшегося моря. Их гомон, так памятный от прошлого, давно ушедшего лета, манит, зовет весну.

В самом конце марта или в начале апреля прилетают пунашки*. Веселые стайки этих вездесущих птичек обрушиваются на деревню как радостный блавест, как долгожданное событие. Их звонкое пение, похожее на треньканье маленьких колокольчиков, звенит то там, то здесь. Птички эти, размером чуть больше воробья, удивительно красивы. С бело-серо-черным опереньем, они отчетливо видны на фоне синего неба, но трудно различимы на подтаявшем, грязноватом весеннем снегу.

Пунашки – мальчишеская радость. Исполон

века мужское подрастающее поколение любит ловить пунашек в силки. Это подлинное спортивное состязание, это охота, это страсть! Кто поймал больше, кто оказался удачливее, кому подфартило сильнее? Это подлинная разминка после зимнего тягомотья перед веселым летом.

А чего стоит сама подготовка к ловле пунашек! Сначала надо подготовить плашки, которые и являются главным охотничьим устройством для организации пунашкового промысла. У кого лучше плашки, тот ходит промежду всеми гоголем, и в деревне бабки, тетки и мужики рассказывают: «Васька, младший-от, Гаврилы-то Логиновича который, на эту весну самой удачливой в деревне. Уж четырнадцать пунашков взял постреленок. Весь в батька! Тот-то охотник дак!»

А Гаврило Логинович, местный лесник и по совместительству лютый браконьер, важную походку имеющий и от природы, еще больше важничает и ходит по деревне вперед пузом. У него ведь не только сын знаменит пунашками, он и сам не оплошал: взял в эту зиму медведя на берлоге и крупную рысь-кота из-под собаки. А сколько лося, неучтенного в лицензиях, добыл – это только ему самому известно... Да и все довольны: полдеревни в эту зиму мяско браконьерское кушало, и вот интересный факт – никто не подавился. Поэтому Гаврилу Логиновича деревня уважает. Завидует, но уважает. А теперь еще вот Васька вперед вышел... Конечно, Гаврило Логинович помог своему Ваське сделать плашки, это знают все, но от этого Васькин успех не становится менее славным.

Изготовить добротные, ловистые плашки – дело, на первый взгляд, пустяшное. Какая тут хитрость? Доски да конский волос. Но на деле те, кто так считает, приходят домой пустые и грызут ногти от непонятной неудачи. А грамотные, добычливые охотники десяти-двенадцатилетнего возраста производят их следующим образом.

Сначала надо пойти на конюшню и выклянчить у конюхов конский волос. Ну, это только звучит так просто: пойти да выпросить. А ты пойд и выпроси. А я на тебя погляжу, на наивного человека...

Конюх, брат ты мой, это сугубо занятой человек. Ему надо лошадь вывести, запрячь, встретить, распрячь, поставить в стойло, сани на место поставить. Ему надо упряжь содержать, чинить, хранить. Он должен сенца подкинуть, овса трухнуть, а для этого и сено, и овес надо откуда-то принести... Опять же, лошадка должна быть в

* Пунашка – местное название птички пуночки. Вьет гнезда за полярным кругом в притундровой и тундровой зонах.

чистоте, ей в своем стойле надо отдохнуть от тяжелой работы за день, потому что завтра у нее опять трудная, нудная ходьба между оглоблями. И конюху, конечно, в течение дня на конюшне требуется перекурить, передохнуть. А тут ты, малолетний сын деревни, подходишь, отвлекаешь его от работы или от перекура и с наглой молокососной физиономией заявляешь:

– Слышь, дядя Федя, мне нужен конский волос для силков, пунашек хочу ловить.

Конюхи таких бесцеремонных не любят. Где уважительный подход? Где слова о его значимости как конюха и как доброго человека? Он, возможно, тебя и не треснет (твой батька ему потом может крепко накостылять), но промолчит, скривит свою образину, сплюнет на подталый лед какую-то сине-зеленую гадость и молча уйдет в темное чрево конюшни, где пофыркивают и пританцовывают в своих стойлах деревенские кони.

Еще раз к нему подходить бесполезно, дядя Федя разговаривать с тобой больше не будет. Я такую картину однажды видел и потому сейчас обратился за советом к отцу.

Папа мне сказал:

– Дак сосед-то наш Николай Семенович в этом годе на конюшне работает. Иди к нему. Я ему прошлым летом рюжу давал навагу ловить. Не должен отказать.

И я поймал около конюшни Николая Семеновича, дорогого своего соседа, у которого с отцом, в самом деле, были хорошие отношения.

Дело было после школьных занятий. День клонился к вечеру, но еще вовсю светило апрельское солнышко, и справный конюх дядя Коля сидел на южном крыльце конюшни, на разогрее, в одной рубашке с накинутой на плечи ватной «горбушкой» и чинил упряжь. Толстую иглу он просовывал в дырки, протаскивал капроновую нитку и сшивал кожаные пластинки сбруи (от долгого употребления нитки в местах крепления с кольцами перетираются, поэтому нужен постоянный догляд; хуже нет, когда в пути расползется упряжь, особенно зимой в лесу, да с возом, да на морозе, да когда один-одинешенек: сиди кукуй, мерзни, некому помочь).

Дядя Коля сидел с уже раскрасневшейся от солнышка физиономией, крутил своей иглой и мурлыкал невесть какую песенку.

Когда меня увидел, обрадовался:

– Пашка, вот ештвоюлять, ты откуда здесь?

Уж такая странная, не понятная никому при- сказка была у Николая Семеновича: ештвою-

лять. Он применял ее постоянно, при любом разговоре и в любой обстановке – хоть дома, хоть на людях. За глаза его кое-кто так и звал – Коля-ештвоюлять. Но все его любили за незлобивость и безотказность.

– К тебе пришел, дядя Коля. Дело вот есть.

– Како тако дело? Сказывай, сосед.

Я запереминался, стал чего-то мямлить, неловко было сразу просить, мол, отрежь волосьев от хвоста... Но потом все же сформулировал главную задачу:

– Плошки надо бы поставить, пунашек бы наловить, дядя Коля.

Николай Семенович воткнул иглу в дырку, зияющую в деревянном настиле, отложил кожаные ремешки, поерзал на бревнышке и развернул художавое свое тело ко мне. Красивое его лицо всеми молодыми морщинками, всей давненько не бритой щетиной устремилось со вниманием к моей персоне.

– Тэк-тэк, Пашка. Стало быть, за сильями пришел.

– Ага, за сильями, дядя Коля.

Слава богу, не пришлось долго ничего объяснять. Догадливый у меня сосед.

Николай Семенович вытянул вперед правую ногу и как-то сразу двумя руками полез в карман своих грязнящих штанов. Пошаркал там и вынул крепко измятую пачку «Севера», вернее то, что от нее осталось. Мне даже интересно стало, как в таком комке картона может сохраниться хоть одна папироса. А дядя Коля подергал этот комок в разные стороны, расправил его и вытащил из какого-то боку нечто бесформенное. Потом, бурча какие-то слова, из которых ясно слышалось только несколько раз повторенное «ештвоюлять», положил это нечто на свою широкую крестьянскую ладонь, другой прихлопнул, поката- тал туда-сюда, приподнял верхнюю ладонь – и вот на нижней уже лежит обычная папироса. Прямо фокусник! Я на все это смотрел с восторгом.

Николай Семенович как ни в чем не бывало зажег папиросу, широко вытаращил зеленые глаза, уставил их в какую-то небесную точку и вдохнул всей неширокой своей грудью, как самый изысканный и вкусный, аромат неизвестно на какой фабрике сварганенного «Севера». Несколько секунд он не выдыхал, уставясь в небо, видимо, наслаждаясь тем, как табачный дым заполняет легкие, переваливается там с боку на бок, согревая и услаждая живую ткань. Потом

блаженно, со сладким надрывом сказал отчетливо: «Хо-о-о», и из его округленного рта, как из маленькой печной трубы, вырвались остатки того, что не застряло в закоулках груди.

Меня от этой картины передернуло. Однажды на повети у своего приятеля Васьки Федотова мы спрятались и тайком распечатали пачку «Севера». Я совершил судорожную попытку сделать затяжку. Меня тогда вырвало, Ваську тоже. Кроме того, мне досталось от батьки, который все откуда-то узнал... Курить после этого больше не хотелось.

— У тебя плашки-то есть? А знаешь ли ты, как их делать да ставить? — задал мне такие вопросы дядя Коля.

Что мне было ответить? Теоретически я кое-что знал: и отец поднаучил кое-чему, и ребята рассказывали. Но с реальным делом я еще не сталкивался.

— Конечно, знаю, — сказал я бахвальски. — Что я, маленький какой?

Я боялся одного: конского волоса дядя Коля не даст, если поймет, что я ничего не умею. Зачем на неумеху добро переводить? Или сунет то, что только взять да выбросить.

Дяде Коле на ту минуту делать было особенно нечего: кони на выгоне, все почти работают там да сям, одна только вот эта упряжь... И он стал со мной говорить.

Вообще, в нашей деревне взрослые мужики с такими молокососами, как я, особо-то и не разговаривают. Чего время зря тратить, чего рассоливать и воду в ступе толочь? Вот если подзатыльник, если за дело — это пожалуйста. Но Николай Семенович отложил свои дела и стал разговаривать со мной как с равным, очень рассудительно, обстоятельно, как с таким же, как он, мужиком. Это меня потрясло и наполнило великой гордостью и важностью.

— Перво-наперво, как должны быть плашки? Это досочки, как в амбаре или дровянике найдешь. Но не длинные, а так полметра примерно. А лучше всего, Паша, смотри... — И он нарисовал пальцем на истоптанном старом снегу оконную раму. А потом продолжил: — Найди где-нибудь или выпроси у кого-нибудь, ештвоюлять, старую раму, которая на выброс. Самолучша плашка будет, вот что я тебе скажу, Паша. А ставить ее надо будет так. Вот рама, а вот в этих проемах ты закапывашь еще по одной или по две плашечки, и у тебя весь этот кусок земли будет закрыт. Бери с меня пример. Я раньше все время так ставил —

пунашкам некуда деваться. Самый уловистый вариант. Всех, ештвоюлять, облавливал. По десять штук зараз! Было время-времечко...

Николай Семенович попыхтел опять папироской. Глаза его блестели, в них прыгали огоньки азарта. Видно было, что инструктировать меня, молодого бойца, ему, как бывшему сержанту Советской армии, самому стало нравиться.

— Плашки — это дело важное, а силья — еще важнее! Вот, к примеру, ты, ештвоюлять, знашь, как правильно сделать сило? А, знашь?

— Конечно, знаю, кто этого не знает? Велика важность!

— Да не знашь ты, Паша, не знашь! Никто этого не знат, потому как знаю это только я один — Николай Семенович Майзеров, лопшеньгский мужик. А вот я сейчас тебе покажу.

И он убежал к себе в торец конюшни, в конторку, где конюхи обычно бражничали. Это помещение знали все деревенские мужики. Знали и жены тех мужиков и самих конюхов, и всё обещали конторку ту спалить. Да как ее спалишь — она ведь в конюшне. Не будут же бабы палить конюшню?

Из конторки Николай Семенович принес пучок белесого конского волоса:

— Это от Поратка волос. Самолучший припас для себя. Да куда теперь, ештвоюлять, мне за пунашками ходить? Хотя хочу, Паша, ох, темне-ченько как хочу. — Он опять уселся на бревенчатый настил, отделил от пучка две волосины, остальные отдал мне: — Забирай, пока не передумал. Лучше нету, сам убедишься. Смотри, как надо делать.

Дядя Коля взял один волос, согнул его пополам, поднял петелькой вверх, а затем пальцами обеих рук начал скать сверху вниз. Очень быстро получилась длинная косичка с круглым ушком на конце. Дядя Коля подтянул нижний конец косички и просунул его в ушко. Получилась самая настоящая петля.

— Вот теперь эту петлю надо приладить к плашке. Научить?

— Научить, дядя Коля, научить.

— Ни хрена, ештвоюлять, не умеете, молодежь.

Он поднял с земли щепку, достал из ножен рыбацкий ножик, обстругал, получилась маленькая острая лопатка. Потом продавил кончиком ножа поверхность бревна, чтобы образовалась маленькая щель, взял приготовленную петлю и спросил меня:

– Ну-ка, скажи мне, охотник, каких размеров петелька должна быть?

Вопрос был сложный. Ясно, что пунашок должен попадать в петлю головкой, но я не знал его настоящих размеров, видел птичек только в полете.

– Вот, дорогой мой сосед, на этом прокалываются все пунашочки. Они делают маленькие петли, потому пунашки в них не попадают. Они разгуливают, ештвоюлять, по плашкам, как по Невскому проспекту, и не попадают!

Я не бывал на Невском проспекте и не знал, как по нему так разгульно можно гулять пунашкам. А Николай Семенович бывал на нем проездом из Германии, где служил срочную.

– А какие должны быть петли? – не мог я не задать этот важный вопрос.

– Иди сюда, пунашочник, следи.

Он просунул в петлю три толстенных конюховых своих пальца.

– Вот секрет тебе показываю. Проверено, ештвоюлять. Только никому не рассказывай, это я тебе по-соседски тайну раскрываю. Ну-ко, давай свою пятерню.

Он просунул мою ладонь в только что отмеренную уловистую петлю. Она влезла вся.

– Вот так вот и примеривай, сосед. Наловишь больше всех, Паша. А теперь гляди, как крепить надо.

И дядя Коля заостренной щепкой вогнал конец силка в расщелинку на бревне, легко постукал полешком по торцу щепки. После чего ловко качательными движениями отломил щепку от того, что осталось в бревне, и звонко прикрикнул:

– Гат-тов-в-вая!

Из бревна ровнехонько и красиво торчал белесый силок, сделанный из волоса, до недавнего времени украшавшего хвост колхозного коня Поратка.

Николай Семенович сделал из двух пальцев фигурку, изображающую чьи-то ножки, и эти ножки стремительно, ничего не подозревая, побежали по бревнышку прямо в раззявленную смертельную пасть петли. Перед этой жуткой пастью они остановились, вместо двух ножек образовался вдруг один торчащий указательный палец, и вот он-то, бесшабашный, рванулся в коварную ловушку.

– Этть, ештвоюлять! – крикнул опять с детским восторгом дядя Коля, и его палец затрепыхался, завертелся в коварной петле в бесполез-

ных попытках из нее выдернуться. – Доставай пунашка, Пашка! Гат-тов-вая! – победно взвизгнул Николай Семенович и порвал сило согнутым пальцем.

Потом он помолчал, несколько раз переменил сидячую позу и, наконец, перешел к самому важному.

– Знашь ли ты, Паша, отчего у которых-то деревенских обормотов пунашки имеются и рыба клюет, а у которых-то и нет совсем?

Я хлопал глазами: я не знал. По сути дела, это была тайна из тайн. Ключ к охотничьему и рыбацкому успеху. Добычливых людей в народе уважают, над неудачливыми посмеиваются. А мужики с удачей есть! Вон возьми хоть, например, Николая Васильевича Пунанцева по кличке Копачка. Он даже если на свой огород рюжу поставит, ему навага весь кут зальет. А на нерпу ему и в море ходить не надо – напротив дома, с берега, сколько хошь настреляет. Вот добытчик так добытчик. Добрая за ним слава водится.

Я хотел быть таким же удачливым и иметь такую же славу. Поэтому я хотел наловить много пунашек.

А Николай Семенович замолчал надолго. Повернув свое тонко устремленное лицо на небо, сильно сощурившись, глядел он куда-то в сторону теплого солнышка, катившегося к окончанию дня. Наверно, там, в далекой-далекой сторонushке, высмотрел он и теперь разглядывал ту самую главную тайну мужицкого успеха. А та, словно вертлявая бабенка, поворачивалась перед ним то одним, то другим заманчивым боком. Красовалась перед симпатичным дядей Колей.

Я, сидя перед ним на бревнышке, тоже весь извертелся. Очень уж хотелось мне узнать то, чего не знаю я, а дядя Коля знает. Но задавать вопросы и канючить: «Скажи, ну скажи!» – было нельзя. В деревне не любят тех, кто много болтает, уважают тех, кто много делает. Я старался расти степенным, сдержанным, как, допустим, мой отец. Если уж что сказал, так сказал, как железный столб на метр в землю загнал – трактором не выдернешь.

Дядя Коля поднялся на ноги и встал передо мной во весь немаленький свой рост. От этого стал он для меня еще внушительнее и загадочнее. От него пахло лошадыми и сеном, пахло коношной – и нашей деревней.

Вдруг он полунаклонился ко мне и, приложив ладонь стенкой ко рту, проговорил вполголоса, как бы украдкой, так, чтобы никто больше не слышал:

– Воротча пройти надо, Паша, воротча. А без этого пунашков ты не поймашь. От стариков это идет, никому этого не переломить...

И заглядывался по сторонам, мол, не сболтнул ли лишнего, и заторопился куда-то. Напоследок потряс мою руку, поправил свою горбушку и быстро шагнул к конюшне.

Уже от дверей вернулся, наклонился опять ко мне и, страшно воняя табачиной, пропыхтел на ухо:

– Только ты, сосед, никому, ештворюлять, про это не сказывай. А то ежели, ештворюлять, все будут знать про ето – всех пунашек переловят, тебе и не оставят. Понимашь аль нет?

Я не знал, чего и сказать, глядел на него ошалело, только кивнул в знак согласия. Хотя не понимал ничего.

Дядя Коля опять шагнул пару раз к конюшне и опять вернулся. На лице у него было выражение человека, выдающего государственный секрет.

– Ты вот что, сосед, понимать должен: не у всех наших старух воротча подходящи. Таки заразины водятся, ештворюлять. Ты у ней воротча пройдешь, а тебе, ештворюлять, еще хуже пунашки запопадают. Выбери, каку надо, Паша, спроси у батки, он знат. – Он позыркал по сторонам своими зелеными, будто в великой опаске сощуренными глазами и сообщил мне совсем уж стратегическую информацию: – Вопше, ты знашь, Паша, у родни твоей, у Сусаньи Петровны, воротча самолучши. Я сам какой-то год проходил у нее. Пунашки попадали – спасу нету. Верна бабаня.

И ушел за дверь. На этот раз насовсем.

А я еще долго сидел на бревнышке и никак не мог сообразить: что это за штуковина такая – воротча? Почему их надо проходить у деревенских старух? Потом побежал домой делать плашки.

За ужином я извелся весь. Хотел у отца спросить про эти самые воротча, но сомневался, с какого боку подойти. Чувствовал, есть в этом какой-то подвох.

– Ты пошто худо ешь, Пашко? – поинтересовался батя, загребая ложкой свежую уху.

Ну, случай подвернулся, надо спрашивать.

– Папа, а у кого мне воротча пройти? У какой бабки?

Отец только-только откусил от хлебного ломтя, ему надо было жевать, но жевать он не начал. Какое-то время сидел с набитым ртом и с вытаращенными глазами. А мама, уже было поднесшая ложку ко рту, вдруг положила ее обратно в тарелку, задрала голову да как начала хохотать!

Глядя на смеющуюся маму, и отец вдруг прыснул. Потом себя пересилил, посерьезнел и спросил меня вполне строго:

– Тебя, Пашко, кто ето научил воротча проходить?

Но я уже знал эту напускную отцовскую суровость. Брови хмурит, а в глазах доброта...

– Сосед наш Николай Семенович. Ты же сам меня к нему послал. Он сказал, что самолучшие воротча у родни нашей – у Сусаньи Петровны. Иначе пунашки ловиться не будут и рыба клевать.

Тут плечи у отца затряслись и он побежал за дверь, на поветь. Я понял – чтобы просмеяться.

А мама открыто хохотала во весь голос. Она положила руки на стол и уперлась в них лбом, смеялась очень звонко.

Я же не понимал, чего это мои родители так развеселились. Про воротча эти я давно слышал, знал, что проходить их надо, хотя и не догадывался, что это такое. Но теперь для меня было совершенно очевидно: штука это важная, даже необходимая в промысловом деле. Тогда почему родители к ней так несерьезно относятся?

Вскоре отец как ни в чем не бывало вернулся с повети и уселся на свое место в торце стола. Начал есть рыбу – пойманную еще зимой щуку. Мы ее много тогда привезли на санях с озера Никиткина.

И мама сказала:

– К Сусанье Петровне нельзя идти, я с ней поругалась.

– Когда эт ты успела? – округлил глаза папа. – Ты все время с ней ладишь.

– Лажу, да не всегда, оказывается, – резковато ответила мама, подбоченилась, поглядела в окно и фыркнула.

Она всегда так фыркала, когда говорила о женщинах, с которыми была не в ладах.

– Ну и в чем же вы не сошлись, кумушки? – хмуро поинтересовался отец, снимая мундир с вареной картошины.

Он страсть как любил вареную картошку с соленой рыбой. Я тоже.

– Она тебя шаляком назвала. Старушка сама, а все ей обзывать надо.

– Может, я шаляк и есть. Форменный. Может, так оно и есть. Родня – она родня и есть. Может и сказать.

Но все же в краю глаза у отца мелькнула искорка обиды, и тему он продолжил:

– Чего эт Сусанья Петровна меня костить стала? Вроде я ей ничего худого и не делал.

– Ты, Гриша, за что-то ругнул Павлу Гавриловну, вот бабушка и осердилась.

Павла Гавриловна была дочкой Сусаньи Петровны. Жила она с большим семейством в другой половине нашего дома и приходилась нам близкой родней. Но, по правде говоря, всякое бывало в наших отношениях в разные времена...

– А чего она, деинка, овец своих на нашей половине держит? Огороду разгорила. Нам самим травка нужна. У нас вон пять штук своих. Ягушка ходит суягня. Траву нашу изводит деинка. Родня – родней, а каша наша, а не ваша. – Отец посмотрел на меня с видом человека, наконец-то докопавшегося до истины, и громко хлопнул ладонями по коленам: – Вот оно что! А я думаю, чего это Павла Гавриловна на меня глазами рыскат да не разговариват. Я и матюгнул-то ее маленько всего. Так, для легкой острастки. А она, гляди-ко ты, осердилась, соседка, губу выпятила.

– Не надо бы ругаться с соседями, Гриша. Вон оно как получается, ругань одна вышла да обида. Пусть она, эта трава... Отношения дороже. А для овечек ребята вон из припольков травы наносят.

Отец крепко уважал своего дядю, женой которого и была Павла Гавриловна. Конечно, ему не хотелось никаких конфликтов, но куда теперь деваться – матюги уже вылетели из его возмущенного рта. Теперь надо все улаживать. Зря он погорячился, зря.

Он попил чаю и засобирался куда-то по делам. А мне наказал:

– Ты, Паша, насчет Сусаньи Петровны правильно все решил. Пойди к ней воротча проходить. Она, в самом деле, бабушка справная. Да и любит она тебя, я знаю... Не должна отказать. Только один не ходи, неудобно, собери ребят. Не ты один в деревне пунашочник...

На другой день в школе я собрал ватагу таких же, как я, оголтелых охотников-промысловиков из второго-третьего-четвертого классов. Все они жаждали пройти воротча, все понимали сугубую важность этого неотъемлемого от удачной охоты дела: воротча не прошел – дичь пролетит

мимо тебя, зверь пройдет мимо, точно так же минует тебя и рыба.

И вот после школы я повел этот отряд искателей удачи к дому Сусаньи Петровны. Она жила в центре деревни, почти напротив здания бывшей церкви, где теперь располагался клуб.

Дом ее стоял на пригорке, и мы, как и полагаются охотникам, не стали ломом туда ломиться, а остановились неподалеку, спрятались за большим костром дров, что стоял на обочине улицы, и начали подглядывать из-за него: где же объект нашего охотничьего интереса Сусанья Петровна? Дома ли она? Чем занимается?

А Сусанья Петровна была около дома. Она ходила в больших мужских резиновых сапогах, в старенькой залатанной фуфайке по закрайку огорода и собирала оттаявшие из-под снега сырые чурочки и полешки. Все эти дрова она складывала на просушку поверх кучи старых досок. Обстановка была вполне благоприятной.

Увидев такое дело, я сказал единомышленникам:

– Можно выходить.

Сам я часто дышал, мне было страшновато появление из-за поленницы на белый свет и на глаза Сусаньи Петровны. Я откровенно трусил. Так, наверно, побаивается молодой солдат в первый раз вылезать из окопа и идти в атаку на пулеметы. Но вылезать надо было, потому что ребята знали: я родня, а родне в деревне не принято отказывать. Поэтому на пулеметы я пошел первым, отряд промысловиков нерешительно плелся сзади.

Сусанья Петровна стояла возле кучи старых досок и двумя руками держала перед собой сырую чурочку, как будто играла на гармонии. Увидав нас, целую ватагу человек из десяти, она изумилась и замерла с полуоткрытым ртом. Морщинистое лицо ее, немного припухлое от ветра и весеннего солнышка, сейчас порозовело, посвежело.

Уже слегка скособоченная от тяжести прожитых лет, она вдруг разогнулась, вытянулась вверх и спросила нас дружелюбно и весело:

– А куда это вы, мужики таки красивые, путь-дорогу направляете? В какую такую сторону?

Все молчали, шмыгали носами. А я вроде как за старшего, ведь это я всех сгношил за воротчами идти. Мне и надо было начинать разговор. Сложный разговор, непонятный, но чрезвычайно важный.

И я начал:

– Мы, это, бабушка Сусанья, по делу к тебе пришли.

– Да что ты, Паша, да что вы, родненькие вы мои! – Сусанья Петровна всплеснула бы привычно руками, да чурка в руках ей мешала, вот она и поводила туда-сюда чуркой. А потом запричитала: – Да чем же я, старушка така, смогу вам помочь-то, голубочки-то вы мои? Не могу я уж боле ничего. В больших уж годочках-то стала я...

И тут я честно назвал цель нашего прихода:

– Нам бы воротча у тебя пройти, баба Сусанья.

Сусанья Петровна как стояла, так и села на старые досочки. Посидела она на них, поглядела на нас с приветливой улыбкой и спросила вполне радушно:

– А послал-то вас кто ко мне, окаянные?

Тут уже все вступились, загалдели, видя, что дело может и выгореть:

– Вся деревня нас послала, бабушка, вся деревня. Все говорят, что у тебя воротча самы лучши.

Сусанья Петровна посидела еще маленько на досочках, поохала, но уже видно было, что притворно. Потом незлобно поругала и нас, и всю деревню: вот удумали, окаянные, изгаляют-ся над старухой, такие-сякие...

Наконец она с кряхтеньем, но довольно бойко поднялась, оглядела нас насмешливо и приказала:

– Ну, пришли, дак и пойдём. Заходите в избу, хулиганье. Только ноги выколачивайте. Грязно, подит-ко, на улке-то теперича.

В избе Сусанья Петровна усадила нас на длинную лавку, что стояла вдоль всей левой стены. Кому лавки не досталось – заняли табуретки, а кто-то уселся прямо на пол.

– За пунашками собрались? – поинтересовалась старушка, а сама зачем-то взяла веник, стоявший у печки в углу, и положила его в правую руку.

Примерила, крепко ли сидит он у нее в руке. Было видно, что веник держался в руке крепко.

«Зачем ей веник-то? – подумалось нам всем. – Да еще такой, без листьев совсем, одни ветки голые... Если таким веником по одному месту...»

– Ну что же, детки, будут вам пунашки, – сказала Сусанья Петровна. – Хорошо наловите. У меня воротча легки.

Она подошла к двери и настезь распахнула ее, но сама перекрыла выход, встав на пороге лицом к нам. В правой руке веник, левой она по-

добрала подол сарафана, сколько можно было, задрала его кверху и широко расставила ноги. Между оголенных старушечьих ног образовалось что-то вроде маленьких ворот.

«Вот они какие такие воротча, – понял я. – Но теперь надо же как-то через эти воротча проходить. А как?»

– Кто первой-то будет? Давайте по очереди.

Куда мне было деваться? Я и пошел первым. Так, наверно, прыгает из самолета в ночь, в неизвестность первый десантник. Ему труднее всего. За ним – все остальные. Им легче.

Я скакнул к бабушке Сусанье, упал перед ней на карачки и так, на четвереньках, проскочил ее воротча, при этом крепко получив по заднице метелкой. Пулей вылетел из дверей на улицу. Пролетел над ступеньками. Выскочил на улицу как ошпаренный. Словно в сугробе после бани побывал: и страшно, и весело. За мной на улицу стали выскакивать другие промысловики. У всех в глазах веселый азарт. Многие почесывали свои задницы. Сусанья Петровна каждого одарила метелочкой.

Вскоре все разбежались по своим ребячьим делам, а я все стоял у крылечка, будто ждал чего-то, а чего – и сам не знал. Что-то держало меня.

76

Может быть, тревожила образовавшаяся трещина в отношениях между отцом и Сусаньей Петровной. Ведь мы родственники, я любил и его и ее. Кроме того, я знал, что она вместе с моей бабушкой Агафьей Павловной еще и крестила меня.

И вот Сусанья Петровна – дородная, статная, раскрасневшаяся после проведенной процедуры – выплыла из дверей на крылечко.

– О, – сказала она с отчетливым удовольствием, – Пашко, ты чего, окаянной, здесь ишшо?

– Тебя жду, бабушка Сусанья.

– Чего же в дом тогда не заходишь, дитятко?

– Да чего-то боязно.

– Лешой-то с тобой! Разве можно родни своей страшиться? Совсем ты, Пашко, стыд потерял. Срамоток-то какой! Ох, темнеченько... – Сусанья Петровна сокрушенно закачала головой, запричитала: – Вот родня дак уже родня! Срам, да и все!

– А чего это ты, бабушка Сусанья, к нам в гости не заходишь? – осторожно задал я свой первый вопрос. – И бабушка Агафья тебя давно ждет...

Тут она подбоченилась, положила кулаки на широкие бедра и прямо высказала то, что тяжёстью лежало на душе:

– А как я к вам ходить буду, если твой батько – шаляк? Ты че, не знашь, че он Павле, дочке моей, наговорил?

Я, конечно, знал, что там было. Там и вправду было мало литературных слов. Но я очень хотел, чтобы они помирились, и потому пошел на военную хитрость. И нашел для этого самые правильные слова.

– Не знаю, чего уж он ей мог сказать такого... Он ведь деинку Павлу очень уважат. А че меж соседями не бывает? Так ведь, бабушка Сусанья?

И тут же я выстрелил из пушки в дальнюю-дальнюю десятку. И кажется, попал.

– Кажинный вечер, когда ужинать садимся, папа спрашивает: чего это Сусанья Петровна, наша самолучшая родня, к нам в гости не заходит? Вот бы с ней опять в петушка-та сыграть.

Половина деревни знала бесконечную бабушкину страсть: очень уж она любила картежного петушка и была в этой игре всегдашним чемпионом. Мой аргумент Сусанью Петровну прямо-таки ошелолил.

Она вздернула так и не выпавшие с годами длинные ресницы бывшей первой деревенской красавицы и дрогнувшим, помягчелым голосом спросила:

– Че, в самом деле меня вспоминает, дурак этакой?

– Вспоминает, бабушка, вспоминает. Да все добрым словом. Куда, говорит, родня самолучша пропала? А бабушка Агафья ему подпевает. Да и мама тоже.

Сусанья Петровна приоткрыла рот, грузно села на ступеньку и уставилась в одну точку.

– Вот окаянный! И надо ему было дочку мою ругать, – произнесла она задумчиво, но уже как-то вполне умиротворенно.

– А может, и не ругал он ее совсем. Может, и она не в духе была, мало ли чего ей показалось...

Бабушка Сусанья поглядела на меня весело:

– Вот ишло заступник нашелся! Ждут там меня, поди ты как, нате-ко. Ладно, хорошо, што и сказал. – И стала меня прогонять: – Ты, Пашко, или в дом заходи, чаи будем гонять, или побегай с богом – пунашек ловить. У меня воротча ладны, много поймашь.

И я помчался по своим делам. На душе лежала радость от удачно проведенного разговора.

За ужином я опять весь извертелся. Ведь столько было событий за сегодняшний день, а отца с матерью как будто ничего не интересовало. Отец старательно хлебал уху из соленой вымоченной щуки, доставал ложкой рыбу и внимательно разглядывал приличные куски, с разных сторон их обкусывал, обсасывал кости. Они с мамой вели бесконечный разговор о хозяйстве, о корове, которая вот-вот отелится, и, скорее всего, будет не бычок, а телушка, и ее надо будет выгуливать до следующей зимы.

Я похмыкивал и разглядывал родителей с крепкой досадой: ну о чем они толкуют? О каких-то пустяках. Тут вон какие события состоялись...

– Ты, Пашко, чего как на шиле сидишь? – наконец-то заинтересовался отец.

– Дак у него же сегодня воротча были, – хмыкнула мама и заулыбалась.

– А у кого же ты их проходил? – спросил отец, как будто первый раз об этом услышал.

– Дак у Сусаньи же Петровны. Ты же сам меня к ней направил.

– К этой карге старой? Не мог я тебя к ней послать. Греховодница она, кокорина. Меня обзывают страхи божьи как!

Ну и характер у моего батяни! Ругается показушно, это видно сразу. Видно, что любит родню свою Сусанью Петровну, жалеет о размолвке с ней, но норов выказать все равно надо. И самое главное, не знает, как снова наладить с ней отношения. Сам ведь не пойдешь в ножки падать: прости, мол, меня, шаляка, дорогая тетя! А где гордость мужицкая? Да-а, нехорошо получилось, неладно. Отец взглядывал на меня, и в глазах его явно читалась надежда: не принес ли я какую-нибудь добрую весточку?

– Не выгнала она тебя, греховодница, родню свою? А может, и в дом не пустила?

Я подробно рассказал о том, как бригада местной шантрапы проходила воротча. Мама опять хохотала, а отец держал суровое лицо, но все время как-то вздрагивал и подавался вперед. Видно, ему тоже хотелось посмеяться, но он всеми силами давил этот смех, ведь речь шла о Сусанье Петровне, а он был сейчас с ней не в ладах. Но когда я начал рассказывать о разговоре с бабушкой, состоявшемся на ее огороде, лицо отца стало выражать искреннее недоумение.

Отхлебывая чай из граненого стакана, он тарачился на меня и спрашивал:

– Чего, так и сказала, что больше на меня не сердита? Так и сказала?

Сусанья Петровна так не говорила, но мне очень хотелось внести в семью лад. Почему-то казалось, что от этого всем будет хорошо. И я весь изошелся в своем вранье:

– Нагольну правду сказываю. Так мне и сказала. Грит, батко твой – шаляк, но мужик он все-таки справной.

Папа озадаченно уставился на маму. Он явно испытывал растерянность от такого нахальства и глубоко спрятанную радость одновременно. Какое-то время он сидел молча с полуобвисшей нижней губой. Наконец пробормотал:

– Ну, не знай, что тут и делать, не знай...

– А что делать, мириться тебе надо с ней, Гриша, – решительно высказалась мама.

– А как? – спросил после раздумья отец.

Не допив чай, он вдруг вскочил, схватил пачку «Звездочки», что сушилась на теплом надпечнике, и убежал на крыльцо. Теперь сидел там, часто кашлял и проворачивал, наверно, в своей голове так и этак всякие думы насчет внезапно изменившейся ситуации.

Потом, пропахший табачиной, он вернулся, плюхнулся на стул, стал допивать чай. Мы с мамой внимательно его разглядывали, ведь папа, наверно, что-то решил и сейчас объявит свое решение. И отец наконец сказал:

– Ты, Паша, если такое дело, сходил бы к бабушке Сусанье. Пусть она придет к нам в гости.

Пока он это говорил, глядел в одну точку – на маму. Говорил мне, а глядел на маму. Он всегда так делал, когда не был вполне уверен в своей правоте. Мама была главным оценщиком его слов и решений. На этот раз решение принять было трудно, но он так рассудил, и мама ему не возразила.

Эх, как же возрадовалась тогда авантюрная моя душа! Не зря, значит, замутил я весь этот концерт. Родители шли уверенной поступью в заданном мною направлении.

– Сейчас-то поздновато уже, пап. Может, завтра схожу?

– Кака тут спешка может быть? Кака? Пошто суету разводить? Сразу торопиться не надо. Тоже надо фасон выдержать. А то скажет Сусанья: не успела пригласить, а они уже под окошками шастают. Прискакали... Не-е, до завтра надо выждать.

Глаза у отца светились тайным светом радости: спала с плеч тягость глупой, никчемной ссоры.

В тот вечер он еще несколько раз выходил на

крылечко. Там курил и курил и кашлял, но уже как-то весело. Так переживал он пришедшую на сердце радость.

А я на другой день после школы пришел к Сусанье Петровне.

Изба ее была не на запоре, но хозяйки в ней не оказалось. Я заглянул в дверь, постучал прислоненным к углу батожком, покричал. Нет, ни слуху ни духу. Обошел вокруг весь дом – пусто. Куда-то убрела старушка.

Пришлось применять какие-никакие охотничьи навыки. Стал изучать следы. Около крыльца натоптано было много чего: к бабушке народец похаживает, и я в том числе. Но метрах в трех от крылечка вроде бы обнаружился и ее след. Резиновые чуни направились куда-то по огороду. Да вон куда убрали старые ножки – в дальний угол, туда, где находился погребок с картошкой да другими припасами. Погребок был укрыт в чреве старенького амбарчика, приплюснутого временем и тяжелыми зимними снегами. Выстроенный лет двести назад в лапу, с торчащими теперь по сторонам в углах неровными гнилыми бревнами, покрытый рваным от старости тесом, амбарчик походил на взъерошенную ворону, на которую сверху что-то упало и маленько придавило.

Сусанья Петровна и впрямь была в погребе. Она шебаршила на дне его всякими деревяшками да ведрами, чего-то там перекадывала. Кряхтела при этом и тихонько напевала какую-то старую-престарую песню.

– Здравствуй, бабушка Сусанья! – крикнул я вниз.

– Ох, темнеченько, хто ето там? – заволновалась бабушка и полезла по лесенке вверх.

Я сидел на корточках перед дырой погреба. Лицо Сусаньи Петровны, окантованное серым теплым платком, не по-старушечьи зарумяненное весенней работой, оказалось передо мной.

– О, Пашко! Здравствуй-косе! Ты откуда тут, окаянной?

Видно было, что она рада мне. Она не ждала от меня нехороших вестей. Да и мне было радостно видеть ее. Бабушка Сусанья всегда меня привечала.

– Папа и мама приглашают тебя к нам в гости. Чаю пить.

Сусанья Петровна поднялась до конца по ступенькам, кряхтя выползла из амбарчика на улицу, распрямилась, отряхнула с одежды погребной мусор и села на порожек.

Меня она усадила напротив, на чурочку, и, щурясь от весеннего солнышка, сказала:

– Чевой это, Паша, твои батько с маткой меня приглашать удумали? Я им разве нравлюсь? Я же собачусь с имя.

– Не-е, бабушка, они тебя любят.

Сусанья Петровна повернула лицо к морю и задумалась. Старые глаза ее глядели на плавающие по синей воде белые льдинки. Она о чем-то думала, развязывала узелки памяти.

Потом, будто выкидывая из дома старые, уже залежалые вещи, сбросила с лица следы отжившей печали и сказала с широкой улыбкой:

– Вот родня так родня! Одно названье! Чаю попить зовут! А я, может, и не согласна совсем. Кто так мирово устраиват?

– А как надо, бабушка?

Я и в самом деле не понимал, чего удумала Сусанья Петровна. А ведь чего-то удумала!

А она поднялась с порожка, встала во весь свой крупный рост, воткнула кулаки в бока и, хитро и едко улыбаясь, сказала твердо:

– Ты, Пашко, скажи им, этим, родне моей, твоим батьке с маткой, пускай они дураков-то не строят сами из себя. Я чаю попить и у себя могу. А ежели они хотят мирно со мной жить, с бабушкой, родней своей, пусть госьбу устраивают. – Она потянулась вся, тряхнула бойко плечами, словно молодуха, и, считай, пропела: – Давненько я, Паша, на госьбах не плясывала!

Отец, выслушав мой отчет, вытаращил глаза:

– Кака ишшо така госьба? Праздника-то вроде нет никакого. С какого такого матюка петь да плясать-то будем?

Было совершенно очевидно, что отец поражен таким поворотом дела. Он крепко уважал Сусанью Петровну и страх как хотел с ней замориться. Но, с другой стороны, собрание гостей, веселье с песнями да плясками ни с какого боку в ситуацию не укладывалось.

И он стал звать на совет маму. Та, услышав такую новость, поначалу тоже застыла в недоумении. Потом села на крылечко и стала хохотать.

– Ну бабушка Сусанья, вот так бабушка! Ведь все в свою сторону поворотит! – выговаривала она сквозь смех. – Потом, успокоившись, сказала нам: – Садись, Гриша, рядом и ты, Паша, садись. Будем думать, чего тут делать.

Мы посидели, подождали мамино решение.

– Вот, мужички, чего я вам скажу. Денег, конечно, нету, а делать нечего, надо в какой-то вечер людей позвать, посидеть, песен попеть. Давно песен не пели... (Эх, мама любила песни петь.) А бабушка Сусанья – человек всяко не чужой, близка родня. Помрет, не приведи господи, и помириться не успеем. Не-ет, чего уж тут, надо посидеть, надо госьбу делать.

Папа к госьбе был готов всегда.

– А в кадке и браги ишшо изрядно осталось! – бодро подхватил он начатую тему.

И тут же осекся. Зря он сейчас про брагу ввернул, не ко времени. Мама поморщилась и отвернулась: для нее это был больной вопрос. Брага в кадушке у нас на печке почему-то все время неведомым образом убывала.

– Ладно, – сказала мама, – думай не думай, все тут одно – надо обряжать госьбу. Давай, Гриша, решать, кого звать будем...

Госьба получилась знатная.

Изрядно попив винца да бражки, гости сидели по лавкам, по стульям и задушевно распевали песни. И «Виноградье» исполнили, и «Хасбулат удалой», и «Называют меня некрасивою», и много чего другого. В промежутках между песнями велись шумные разговоры. А потом какая-нибудь раздумавшаяся женочка обязательно задорно-задиристо выпевала: «Песню спели до конца – кабы по рюмочке винца. А кто не пел – дак никакой, а нам налейте по другой!»

Мама сидела рядышком с Сусаньей Петровной, вместе с ней пела, о чем-то с ней ворковала. И вдруг громко-громко, чтобы слышно было всем, мама обратилась к ней, попросила:

– Бабушка Сусанья, ну-ко спой-ко свою любимую.

Сусанья Петровна, будто не понимая, о чем идет речь, для порядку стушевавшись, поинтересовалась:

– Каку ишшо таку?

– Да про уставшего-то солдатику, который на войне, да домой хочет.

– Ой, да я и слова-то забыла все, – всплеснула руками бабушка. – Да и голосу-то нету никакого уже, старуха ведь я...

Все понимали: эта скромность только для порядка, так на госьбах положено маленько кобениться.

– Спой давай уж, спой! – запричитала госьба.

Сусанья Петровна покорно потупилась, глубоко вздохнула, набрала в грудь воздуха и, глядя на какую-то точку над столом, над гостями,

затянула густо-грудным, совсем не старческим голосом:

*Ой, туманы вы, да разноцветные,
Пораскинулись вы предо мной.
Что же вы застите мою заветную
Да путь-дороженьку да в дом родной?..*

И так у нее душевно-трогательно, так нарядно получилось спеть и про то, что у солдатики кругом война и враги, что он тоскует по родителям и по любимой красной девушке, и про то, как сильно устал он воевать...

Гости долго ей хлопали, а бабушка сидела вся и впрямь растроганная, раскрасневшаяся, и на лбу ее светились мелкие-мелкие бусинки пота. Давно, видно, она не выступала так на людях, давно.

Госьба, задуманная ею, получилась знатная.

Надо было завершать мирово с моим отцом, который явно для нее расстарался. Сусанья Петровна хорошо это понимала.

Она встала, вышла из-за стола и подошла к нему, сидевшему в обнимку с гармонистом Автономом Кирилловичем, старым своим другом. Тот тоже был военмором, а сейчас задушевно пел вместе с отцом про то, как «дрались по-геройски, по-русски два друга в пехоте морской».

Бабушка Сусанья бесцеремонно разорвала объятия этой пары и, приказав гармонисту играть «Колхозную кадрили», потащила отца в танец.

Приседать она по своей старости уже не могла, а только стояла, подбоченясь, и кружилась тихонько, держа над головой белый платочек. Зато частушку запела громко и озорно, пусть и не совсем в такт музыке:

*Встала баба на носок,
А потом на пятку,
Пошла русского плясать,
А потом вприсядку.*

А отец, мой отец кружился вокруг нее в матросском танце яблочко и выделял такие фортели, которых я никогда ни раньше, ни потом не видывал.

Сусанья же Петровна при этом похлопывала его по голове и выговаривала:

– Шаляк ты, Гришка, шаляк, конечно. Да ведь люблю я тебя! Родня ведь ты мне!

А папа от этих слов еще больше входил в азарт, радостно позыркивал на Сусанью Петровну, звонко и хулиганисто покрикивал что-то и кружил, кружил вокруг нее в матросской присядке.

Вот такими и запомнил я их навсегда на той госьбе: радостные глаза мамы, величественную позу Сусаньи Петровны в ярком сарафане и с белым платком в руке, папу, кружащегося вокруг нее в веселом яблочке, бесконечно счастливого от восстановленного в семье мира, бабушку Агафью Павловну, почти слепую, но тоже улыбающуюся, и гармониста Автонома Кирилловича, подвыпившего, склонившего лысую голову к гармошке, неимоверно растягивающего старые ее меха и без усталости наяривающего песню за песней, танец за танцем.

Теперь я совсем не помню, сколько пунашков поймал в ту весну. Да и поймал ли сколько-нибудь вообще. Скорее всего – поймал, ведь у бабушки Сусаньи воротча были ладные.

Однако дело совсем не в этом. Оно в том, что мне удалось узнать что-то новое, помирить милых моему сердцу людей, увереннее, крепче войти в мир совсем не простых деревенских отношений, крепче встать на ноги.

Давно уже нету среди живых почти всех, кого я упомянул в этом рассказе. Да и на деревенском кладбище, куда они переселились, могилы не всех сразу и найдешь. Кое у кого кресты упали, вросли в мох. Сквозь гнилое дерево проросла трава. Деревня потихоньку пустеет, пустеют дома, и за некоторыми могилами больше некому приглядывать. Скоро умрем и мы, и неизвестна долюшка и наших крестов да могил.

Но пока я ношу по земле бранные свои кости, не забуду их, добрых моих односельчан, не погаснет в сердце моем память о них и любовь.

Многое угасает: и чувства, и память. И только одна заботушка неустанно бережит живое пока что тело: в тот последний час, в оставшуюся предзакатную минуточку успеть добежать, дойти, доползти к тому теплomu, укрытому соснами местечку, где лежат в покойном сне мои предки, папа, мама, дедушки и бабушки, крестившие меня Агафья Павловна и Сусанья Петровна, мои земляки, которых я хорошо знал.

И лечь рядом с ними.

Я знаю: они примут меня дружески. Ведь я люблю их всех.

Дорогие читатели! Мы живем в суровое, тревожное, но и удивительное время. Не оставаясь в стороне от животрепещущих вопросов, в этом номере журнала мы открываем новую рубрику «Все для Победы». В ней журнал будет знакомить вас с равнодушными и отчаянными людьми, нашими современниками, которые самоотверженно трудятся, создавая для наших бойцов надежный тыл. Приближаем Победу вместе!

Наталья МУРЗИНА

Я НОСКИ ВЯЖУ, или ЗАПИСКИ ВОЛОНТЕРА

Я – доброволец помощи фронту. Сегодня, спустя два года после начала спецоперации, по всей России нас тысячи и тысячи – тех, кто в свободное время плетет маскировочные сети, отликает окопные свечи, варит буржуйки, шьет солдатам балаклавы и плащи, вяжет носки, отвозит гуманитарную помощь на передовую и в госпитали или просто жертвует деньги. Хотя уместны ли сейчас слова «свободное время»? Нам, как когда-то нашим дедам, выпало схлестнуться с нацизмом. Мы попали в историческое пекло. В наш дом пришла война. Но есть люди, и их немало, для которых это неочевидно. Мы все еще сильный, единый народ? У скольких западная зараза успела разесть волю и исказить разум? От того, каким окажется ответ, зависит дальнейшая судьба страны.

Пережив первый шок и осознание новой реальности в феврале 2022 года, люди в тылу начали стихийно объединяться для помощи фронту. По роду деятельности, по месту работы или жительства, вокруг своего лидера – кто как мог. Спешно вырабатывались правила, приобретался совершенно новый опыт взаимодействия в условиях войны.

Не спрашивайте меня, почему государство не может обеспечить наших бойцов всем необходимым. У меня нет ответа. Некоторые используют это как уловку, чтобы оправдать собственное бездействие. Для меня такая позиция неприемлема. «Ты записался добровольцем?» Острый вопрос. Как и в годы великих войн прошлого, он грозно обращен сейчас к каждому дееспособному гражданину страны. На фронте или в тылу, но защищать свою Родину – дело чести и совести каждого.

Сегодня во всех российских городах есть волонтерские организации, созданные для помощи фронту. Их невозможно перечислить. В городе Ке-

мерово наиболее известные, на мой взгляд: «Тепло родного Кузбасса», «Золотые руки ангела», «Кузбасс. Приближаем Победу», «Союз православных женщин Кузбасса». К сожалению, нет единой информационной базы, дающей исчерпывающее представление о деятельности таких движений, их численности, возможных путях сотрудничества. А это было бы полезно хотя бы для того, чтобы понять: волонтерское движение – это удивительное социальное явление, которое появилось на наших глазах в ответ на исторический вызов. Ради помощи своим бойцам на фронте за очень короткий срок монолитно объединились люди разных возрастов, профессий и сословий. Объединились те, кто в мирное время, может быть, никогда в жизни и не встретился бы друг с другом. Объединились люди, разные во всем, но схожие своей готовностью жертвовать временем и личными ресурсами ради Победы. Оказывается, патриотизм – это не пустой звук, не пережиток прошлого. Нет, наша Родина не пропала, пережив лихолетье девяностых и безыдейный туман нулевых...

Я вижу, как работают волонтеры. Самоотверженно, очень организованно и единодушно, без праздников и выходных. За два военных года в России неожиданно и самопроизвольно образовалась общественная структура, где люди тесно связаны между собой – общей идеей, общим упованием, общим бескорыстным трудом. Когда-нибудь война закончится. И я надеюсь, что те, кто вернется с фронта, и те, кто приближал Победу в тылу, составят костяк гражданского общества, которое будет способно действительно решать важнейшие вопросы в жизни страны.

Мне выпало заниматься солдатскими носками. Если бы кто-нибудь сказал мне об этом еще два года назад, я бы с недоумением пожала плечами. Но настал момент, когда пришлось взять в руки спицы и клубок, вспомнить все, чему учила бабушка, и связать первую пару. Испытанное при этом запечатлелось в стихотворении и стало песней. «Тыловая» нашла отклик у огромного числа слушателей. Видимо, нам с композитором Максимом Шампоровым удалось задеть какую-то чуткую струну, озвучить что-то очень важное. Вот тогда мне и довелось познакомиться с этими необычными людьми – волонтерами, и не только познакомиться, но и встать в один ряд с ними.

Присоединившись к волонтерскому движению «Писатели – фронту!», которое возглавляет известный российский писатель Даниэль Орлов, автор и лауреат журнала «Огни Кузбасса», я взялась за сбор и отправку солдатских носков. Даниэль, который занимается закупкой очень серьезных и дорогостоящих вещей для фронта и сам отвозит их туда, попросил: «А вы, Сибирь, дайте носки». Пришлось ду-

мать, где взять их в большом количестве. Так возникла «производственная цепочка»: поиск средств на пряжу, покупка, раздача в вязальные группы, сбор готовых изделий, сортировка по размерам, оформление посылки со всеми необходимыми дополнениями (письма, детские рисунки), отправка.

О, эти письма и детские рисунки! В суровой военной реальности не важнее ли они порой всего остального? Ведь человеку, находящемуся в тяжелых боевых условиях, слова любви нужны как воздух и солнечный свет. Бывает, бабушка, которая связала носки, положит в них маленькую записочку: «Сынок! Храни тебя Господь!» Или: «Приезжай после войны ко мне в гости на чай, я пирогов испеку» – и адрес. Или ребенок большими неровными буквами напишет: «Дорогой солдат! Возвращайся живой! Я Катя, 6 лет». Или женским почерком: «Ребята! Родные вы наши! За вас вся Россия молится! Ждем вас домой с Победой!» Когда готовишь посылку, прошибает иной раз до слез... Вот за кого ты воюешь, солдат! Не за бесстыжих «звездулк», не за продажную рублевскую «элитку». За тобой – глубинная Россия-матушка, миллионы простых людей-тружеников, не потерявших совести и чувства Родины, чающих Победы и духовного возрождения своего народа!

Большие объемы невозможно сделать малым количеством рук. А нас на самом деле и немало, нас около сотни (это те, с кем я работаю напрямую). Объединение «СпицНаз «Кировчанки», созданное при совете ветеранов Кировского района города Кемерово, насчитывает более 50 женщин. Они добровольно работают ради помощи бойцам уже второй год. «Серебряные волонтеры» из города Мариинска – второе по численности объединение, с которым мы сроднились. Налажены связи с Гурьевском, поселками Крапивинским и Зеленогорским, деревнями Успенкой и Юго-Александровкой. Есть труженицы, с которыми я даже не знакома. Передаю пряжу – получаю готовые носки – отправляю на фронт. Таким образом совместными усилиями за три месяца мы собрали и отправили нашим воинам более 150 кг (носки, как, впрочем, и другие грузы, измеряются в килограммах и кубометрах). Как когда-то в военном прошлом, так и сейчас женщины кротко и бескорыстно выполняют свое святое дело – теплым словом и благословением, трудом рук своих помогают воинам, вставшим на защиту страны.

Под Новый год по волонтерским чатам ходила шутка: Дедушка Мороз выбился из сил. Красивые женщины не хотят украшений. Они хотят Победы России, теплодроны, прицелы, полноприводные машины и противодроновые купола под елку. Знаете, о чем мечтала я? Чтобы три мешка с носками, шоколадом и письмами, общим весом 27 килограм-

мов, отправленные «Почтой России» в конце ноября, дошли наконец-то до воинской части. Я с этими мешками уже мысленно попрощалась, испытывая горькое сожаление о затраченных впустую ресурсах и, самое главное, о напрасном труде рук человеческих. Но чудо произошло, Дедушка Мороз исполнил-таки мое желание. Аккурат к Рождеству все мешки оказались доставлены нашим бойцам.

Вяжешь эти носки – и невольно думаешь о человеке, который их наденет. Господи, спаси его, сохрани ему жизнь, верни невредимым в семью! Ведь это чей-то сын, муж, брат, отец... Мы становимся родными друг другу во время смертельной опасности. Война соединяет невидимыми нитями совершенно незнакомых людей просто потому, что все мы дети одной страны, одной истории, одного народа.

После очередной отправки долго еще эти носки стоят у меня перед глазами: разных цветов, с длинной голяшкой – под берцы и с короткой – для отдыха, с полосками и без, из овечьей шерсти или полушерстяные с акриловой примесью. Как грибку после леса снятся грибы, так мне всю ночь снятся эти носки солдатские.

Однажды мы приготовили несколько пар для сапера с очень большим размером ноги. Подписали специально: «Носки-великаны», как бы давая ему сигнал, чтобы сразу нашел в общей куче. Знали про него только, что зовут его Володя. А когда наша посылка дошла в воинскую часть, парня уже не было в живых. Долго мы не могли успокоиться, как будто потеряли очень близкого человека. Да ведь так и есть. Потеряли, и очень близкого. Царствие Небесное русскому воину Владимиру!

Вязанные носки, переданные на фронт, – это не просто предмет одежды. Сколько ассоциаций с домом, теплом и родными руками сразу должно возникать от одного только прикосновения к их мягкой шерстяной поверхности! Связанные с молитвой и любовью, носки согревают и тело и душу. И нужны они солдату не только в зимние месяцы, но практически круглый год. Вот что пишет мой хороший знакомый, побывавший на фронте: «Это не просто тепло, которое дает шерсть, это трудно выразить словами... Сырой, напитанный влагой воздух, землянка, в которой немного теплее, чем на улице, даже если есть печка (топить чаще всего очень нежелательно: днем – дым, ночью – дроны с тепляками), сырая одежда и, конечно, носки. И вот скидываешь эти самые сырые носки, ноги немного зябнут, даешь им подсохнуть и натягиваешь сухие, тепло от которых тут же начинает подниматься от ступней вверх. И с благодарностью думаешь о тех, кто позаботился о тебе, кто тебя не знает, но готов поддержать издалека своим трудом фронту такой простой и незатейливой вещицей, как пара шерстя-

ных носков. И тепло это физическое перерастает в душевное тепло».

Носки вовсе не единственное, чем можно помочь бойцам на передовой. Волонтеры Кузбасса работают в широком спектре, стараясь обеспечить бойцов на фронте и в госпиталях всем необходимым. А это огромный список. Медикаменты, окопные свечи, печки-буржуйки, стратегические носилки, пятиточечники, утепленные пояса, одежда и обувь, постельное белье, одеяла, ковры для утепления блиндажей, инструменты и многое-многое другое.

Мы стараемся передавать собранную гуманитарную помощь только через людей, которых знаем

лично, поскольку осознаем большую ответственность и перед воинами, и перед теми, кто участвовал в сборе. Примкнув к одному из авторитетных волонтерских движений, вы можете внести свою лепту. Присоединяйтесь! Мы вас ждем!

Средства на пряжу для солдатских носков можно перечислять на карту Сбербанка 2202200436099160, Наталья Петровна М., с пометкой «На пряжу».

Оказать помощь через волонтерскую организацию «Писатели – фронту!» можно перечислением на карту Сбербанка 2202203601365333, Даниэль Всеволодович О.

Алиса КОРОЛЕВА

ПАМЯТИ ЛЮБОВИ ШЕВЦОВОЙ

Люба Шевцова,
смешливая Любка-артистка,
Девичья жизнь задушевною песней лилась.
Светлая легкость задора,
восторженность риска,
Пристальный взгляд озорных,
проницательных глаз.

Девушка пламенно, страстно мечтала
о сцене,
Грезила славой, блестящей актерской
игрой.
Дамскую сумочку вскоре на рацию сменит:
Ей сценаристкой-войною назначена роль.

В школе радистов ускоренно шла
подготовка:
Медлить нельзя, оккупанты стоят
у дверей.
Люба Шевцова училась стрелять
из винтовки,
Слышалось сквозь дремоту
«точка-точка-тире».

Ей вспоминалось не раз обучение в школе.
Девушка часто во снах возвращалась туда
Позже, сражаясь с врагом в краснодонском
подполье
И поджигая немецкую биржу труда.

В полночь пожар запылал посреди
Краснодона,
Люба смеялась: хотелось смотреть
и смотреть.
Здание биржи в огне – спасены от угона
Сотни людей, обреченных на скорую
смерть.

Даже в тюрьме, собирая последние силы,
Пела Любаша, когда заставляли молчать,
Теплые вещи соседкам своим раздала,
Корчась от боли, смеялась в лицо палачам.

Вечер последний увенчан зарею багровой.
Ночью вневременной звезды на небе
зажались –
Это глаза матерей обещали героям:

«Мы сбережем для бессмертия каждую
жизнь!»

Небо над лесом спустилось по-зимнему
низко.
Выстрел гремит. Распростерлась
на сером снегу
Люба Шевцова,
смешливая Любка-артистка,
Чтобы ни пяди земли не досталось врагу.

ПАМЯТИ УЛЬЯНЫ ГРОВОЙ

Я всю ночь не спала, глядя в лунно-седую
даль.
Я прочла с упоением «Как закалялась
сталь».
До последних минут сердце Павла горит
борьбой.
Можно все потерять, но остаться самим
собой!

А над Каменкой-речкою «мессеров» кружит
рой.
Отдала я в те дни юность «гвардии
молодой».
Впереди трудный путь: горе, ненависть,
страх, азарт...
«Кровь за кровь, смерть за смерть» –
данной клятвы не взять назад.

Мы писали листовки и клеили по ночам.
В Краснодоне враги – как тут прятаться
и молчать?
Много сладких речей вам захватчики
говорят,
Но сражается Ржев, стойко держится
Ленинград!

Хмурым утром вдруг ожил захваченный
Краснодон:
Над больницей, над школой, над шахтой –
со всех сторон
Взвились флаги борьбы, точно пламени
языки,
Вопреки немоте, оккупации вопреки,

В грозном сорок втором, в день Великого
Октября!
В сердце вспыхнула искорка радости:
все не зря!

Столько сделать хочу для советской
родной земли...
Мне всего девятнадцать. Однажды
за мной пришли.

За допросом допрос. Трое суток в глухом
бреду:
Близко Красная армия, наши придут,
придут!
Ребра страшно болят. Не засну этой
ночью. Пусть.
Я подругам прочту снова «Демона»
наизусть.

Как окрасилась кровью звезда на моей
спине...
Горло ссохлось от жажды.
Лицом бы зарыться в снег,
Сладко жмурясь, глотать комья, черные
от угля.
Есть ли мукам предел? Задыхаясь,
ревет земля.

Одного за другим нас швыряют в глубокий
шурф.
Почему я жива? Для чего я еще дышу?
Болью скованный мрак. Обезличенный
бездной стон.
Завещаю вам жизнь. Уля Громова.
Краснодон.

г. Тверь

Владимир КЕЛЛЕР

ПРОХОРЯ

Любой чердак родительского дома
(Никто не скажет, для нужды какой)
Хранит старье обносков и поломок,
Отправленных владельцем на покой.

На чердаки я лажу, непоседа.
И к хламу есть особый интерес.
Растут во мне зачатки краеведа:
В чердачном фонде – той эпохи срез.

Здесь не нужны особенные средства
Признаний исторических глубин.
Любая вещь вернет в былое детство
С воспроизводством бытовых картин:

Услышу бой гитары семиструнной,
Как керогаз пыхтит до синевы,
Стиральную доску, уютно чугунный,
Буржуйку память звуком оживит.

У лампы-трехлинейки в зимний вечер,
За разговором время позабыв,
Веретеном спрядались наши встречи,
И каждый – нитями простой судьбы.

С вещами вновь пройдуся не понарошку,
Их с прошлым только памятью скрепи.
Вот хромовые сапоги стоят гармошкой,
Обуй – и в прошлое ступай-скрипи.

Отец любил на молниях вельветку,
На клешах стрелки чтоб острее бритвы.
И, увенчавшись шестиклинкой-кепкой,
Влезал в ужасный сапожный скрип.

Что шел шахтер-стахановец, все знали:
Ходить не приходилось втихаря.
По улице пошагово стонали
Надраенные ваксой прохоря.

Походкою озвучено здоровье,
Тому свидетельство – скрипучий фарт.
Вся улица шахтерского сословья
Старалась модный обрести стандарт.

Часы, ткань, обувь обретались теми
Не в лавке, где хоть покати шаром.
Их в праздники вручали в виде премий
Ударникам под одобренья гром.

Так и отцу вручили сапожища.
Не обошлось без форса и греха:
Чугунным утюжищем голенища
Он собирал в гармошечьи меха.

Так было современно, модно, стильно.
Но мода – кратковременный диктат.
И время мы остановить бессильны,
И моду задержать, вернуть назад.

Но я любил то золотое время
Без хитрости, лукавства и вранья.
Что я вернулся к позабытой теме,
Спасибо старым, пыльным прохорям.

г. Междуреченск

Андрей БОЛДЫРЕВ

* * *

По аллеям и бульварам,
с юных лет и до седин,
с головой – воздушным шаром
ходит тихий гражданин,
а его на этом свете
мама за руку ведет,
а не то подхватит ветер
и на небо заберет.

День придет – и свет забрезжит
сквозь густые облака:
сына больше не удержит
охладевшая рука,
ветром в небеса подхвачен,
улетит он – и опять
будет по аллеям мальчик
с мамой за руку гулять.

* * *

В жаркий полдень прешь как танк, облитый
потом, дома голову забыв.
Майский жук летит в кусты подбитый.
Во дворе сирени взрыв.

Стрекоза как беспилотник зависает.
Мать зовет детей:
– Пора домой!
О войне никто не вспоминает.
А рубашка к телу прилипает.
Все пропитано войной.

г. Курск

Андрей ЛОГУТЕНКО

* * *

Не-а поезд не придет
Жизнь идет со знаком минус
Время сутки напролет
Длилось.

По дороге тишиной
Надышаться и оглохнуть
Ох пропал мой выходной
Слов нет.

Всех эмоций не прочесть
Все казалось как-то проще

Жизни нет но время есть
В общем.

И шагать себе вперед
Все по рельсам да по шпалам
Где-то песенка без нот
Играла.

Пел ей в такт неслышно так
Ведь дойду когда-то все же
Только странный липкий страх
По коже.

* * *

От абонента до абонента
Вьется извилистый путь.
Перемотать этот мир изолентой
И наконец отдохнуть.

Пусть говорят, что идти нету смысла
И не дойти никогда.
Вновь набираю заветные числа,
Соединяю года...

г. Новокузнецк

Елена ВЕЛИЧКО

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Святая Русь качала в колыбели
Младенца с соколиными очами,
Пока во тьму дозорные глядели
И шевеленье ветра примечали.

Сверкали в небе красные зарницы,
Как отблески костров, давно потухших.
Все чуяли: вот-вот – и разгорится
Огонь, что теплился годами в душах.

А Кто-то укрывал ладонью пашни
И направлял речные воды в море,
Он говорил, что засыпать не страшно,
Когда другой сменил тебя в дозоре.

* * *

Слабó, как в девяностые, опять
Нам за «Макдоналдс» Родину продать?
Слабó? Ну слава богу. Слава богу.
Лишь Запад запер двери на засов,

Как грянул хор визгливых голосов,
Нацистам обещая перемогу.

Но, к счастью, мы не видели Мальдив,
Не жили в замках с видом на залив –
Мы, в общем, ничего не потеряли.
А что макдак – пускай. Сойдет и так.
У нас ведь тоже хлеб, а не сорняк:
Поля пшеницы – золотые дали...

г. Королев

Марина ЕРОФЕЕВСКАЯ

СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Под гармошку частушки весело
Пел народ,
Солнце с неба устало свесилось,
Как ядро.
Лето красное сорок первого,
Спит заря.
В Бога нынче не каждый верует,
Видно зря.
Ночь сегодня на день поменяна,
Там вдали
Вместо солнца грядет затмение,
Смерть сулит.
Потекут ручейками слезными
Реки вспять.
Люди Богом на то и созданы –
Воевать.
Обжигаются крылья бабочки
О лучи.
Помолчи за солдата, бабушка,
Покричи.
Ночь, надев балаклаву смолоду,
Отберет

87

Время-платину, время-золото
Наперед.
Спи, младенец в кроватке, баюшки,
Спи, свеча.
Не качать колыбели батюшке,
Не качать.
Помолись у Христа распятого
Да иди...
Лето красное сорок пятого
Впереди.

ФАНТОМНОЕ

Боль нарастает и ставит меня на «стоп»,
Слева под ребрами перегорает чип.
– Доктор, скорей доставайте

фонендоскоп!

Дайте таблетку, которая не горчит.

Доктор, пишите – симптомы мои просты:
Руки немеют и ток разрывает грудь,
Если гляжу на стоящие в ряд кресты,
Если гляжу на притоптанный свежий
грунт.

Если я вижу на мусорке черствый хлеб,
Сбитую кошку и связку бесценных книг.
Дом мой давно превратился в закрытый
склеп,
Имя мое превратилось в обычный ник.

Доктор, ответьте мне: сколько осталось
лет?
Что там внутри, отчего так болит оно?

– Я удивлю вас, но нечему там болеть:
Даже душа ампутирована давно.

Архангельская обл., г. Кораяма

Вера ТЮМЕРОВА

«БОЛЬШЕ ВСЕГО ОН ЛЮБИЛ РОДНУЮ ЗЕМЛЮ»

К 120-летию А. П. Гайдара

Настоящие книги нельзя делить на взрослые и детские. Они написаны для всех и сопровождают нас всегда. Именно такие книги сочинял Аркадий Петрович Гайдар. Не оставляли они равнодушными ни маленьких, ни больших читателей. Почему? Может быть, потому, что писал он о том, что знал и испытал сам? А испытал он за свою короткую, но яркую и тревожную, как вспышка зарницы, жизнь многое.

Родился он 22 января 1904 года в городе Льгове Курской губернии и погиб 26 октября 1941-го под Черкассами.

Арзамасское детство Аркадия Голикова (эту фамилию он носил с рождения), наполненное обычными мальчишескими делами – играми, «морскими сраженьями» на пруду, учебой в реальном училище, первыми стихами, – совпало с Первой мировой войной и революцией. Он назвал то время веселым. Сбывались мечты: можно было запросто выменять на базаре револьвер, услышать живьем революционеров – эсеров, кадетов, большевиков. В большевики и подался четырнадцатилетний Голиков, став едва ли не самым юным членом этой партии. Но это уже не было игрой.

Он верил в новую, прекрасную жизнь и пошел ее защищать. За четыре года Гражданской войны он прошел путь от адъютанта до командира полка. Ранения, контузия, кочевая жизнь, окружающая жестокость не прошли даром для чувствительного юноши. В результате – тяжелая болезнь, заставившая Аркадия уйти из армии, преследовавшая его потом всю оставшуюся жизнь. Не удалось и продолжить образование. Но крепко желание рассказать людям, и прежде всего юным, про то, что увидел и испытал.

Еще во время службы в Сибири появилась мысль написать книгу. Так в перерывах между поис-

ками и преследованием банд создавалась повесть «В дни поражений и побед» – по сути, его автобиография. Это была первая повесть Голикова, но еще не Гайдара. Такой псевдоним впервые появился под рассказом «Угловой дом», опубликованным 7 ноября 1925-го пермской газетой «Звезда». И он настолько прижился, что стал фамилией. Сын у Аркадия Петровича тоже был Гайдар, и дочка, и внуки. Откуда же взялось это слово – звонкое и раскатистое?

Сам писатель на такой вопрос не отвечал, отделивался шуткой. Уже после его гибели начали возникать догадки. Автором самой известной версии стал его друг, писатель Борис Емельянов: «Помонгольски «гайдар» – всадник, скачущий впереди». А вот сын Аркадия Петровича Тимур приводил другую «расшифровку»:

Г – первая буква фамилии Голиков,

АЙ – первая и последняя буква имени Аркадий,

Д – по-французски «из»,

АР – первые две буквы названия родного города.

Г-АЙ-Д-АР – Голиков Аркадий из Арзамаса.

Как бы то ни было, возникло имя, в котором слились и зазывное детское «айда», и вольное слово «гайдамак», да еще будто перекачивается барабанной дробью любимое писателем «р-р-р».

Когда страна воевала, он был солдатом; в мирные годы писал книжки для детей. Большинство его героев – это хорошие люди, умеющие крепко дружить, мужественно сносить невзгоды, любить Родину. Вынужденно рано повзрослев, Гайдар все же сумел сохранить в душе ребяческий задор и фантазию. Тонкий психолог и знаток детской души, он наполнил свои произведения неповторимой романтической приключений.

«РВС» (1925), «Школа» (1930), «Голубая чашка» (1936), «Судьба барабанщика» (1938), «Тимур и его команда» (1940)... На этих книгах выросли наши бабушки и дедушки, папы и мамы.

Есть и у меня особенно любимое произведение, созданное Гайдаром, – очень светлое, берущее за сердце. В 1939 году в журнале «Красная новь» впервые был опубликован рассказ «Телеграмма», который известен теперь под названием «Чук и Гек». Задумал его Аркадий Петрович, когда гостил на даче у своего друга Рувима Фраермана в Солотче, под Рязанью. Однажды они удачно порыбачили и вечером возвращались домой. Перед сном Гайдар сказал: «Как хорошо жить на земле! Как хорошо быть человеком! Надо непременно про это написать!» А потом замысел воплотился в жизнь.

Военная тема была очень важна для писателя. Однако ни в одной книге Гайдара не найти агрессивности, воинственности. Есть тревога – не боязнь, не мания, именно тревога – за будущее Со-

ветской страны и ее мальчишек. Есть несвойственная литературе того времени жалость. Жалко всех. Или почти всех – Чубука, Мальчиша-Кибальчиша, Альку, Сережу Щербачева. Скорее всего, поэтому не было у писателя много званий и наград. Зато была заслуженная слава и любовь читателей.

Осенью 1941 года в журнале «Мурзилка» был опубликован последний рассказ Гайдара «Горячий камень». Он словно стал наказом детям – всегда быть смелыми и честными. Так, чтобы не хотелось переделывать жизнь, начинать ее сначала. Книги писателя – его жизнь. У Гайдара слово и дело были неразрывны. Герои его книг поступали так же, как поступил бы сам Гайдар. Прочтите их, окунитесь в романтику далеких лет и следуйте заветам Гайдара: «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной». Как бы страна теперь ни называлась.

Гайдар не умел писать запершись в кабинете, за удобным письменным столом, да и не было у него ни такого стола, ни кабинета. Он сочинял свои книги повсюду, обдумывая в дороге, твердил наизусть целые страницы, сложившиеся у него в голове, а

потом записывал их в простых ученических тетрадках. Таким образом повесть «Школа» появилась в Архангельске, «Дальние страны» – в Крыму, «Военная тайна» – на Дальнем Востоке, «Четвертый блиндаж» – в Подмосковье.

В чем же секрет книг Гайдара? А в том, что говорит он о самом главном так задушевно и негромко, словно не стоит во весь рост перед миллионами читателей, а только одному, кто склонится сейчас над его страницей, по праву дружбы передает свои мысли и надежды.

«Он умер, храбро защищая все, что любил на земле. А любил он многое: маленьких детей и хороших товарищей... и цветы, и книги, и дом родной, и больше всего родную землю...» (Р. Фраерман)

Гайдар погиб, сраженный пулеметной очередью во время доставки продуктов бойцам партизанского отряда. Случилось это 26 октября 1941 года. Обнаружив вражескую засаду, Аркадий Петрович успел крикнуть товарищам, что здесь фашисты. Сам получил смертельное ранение, но помог другим нашим бойцам спастись.

В 1947 году останки писателя были перенесены в украинский город Канев. Аркадия Гайдара похоронили так же, как и его главного героя Мальчиша-Кибальчиша, – на высоком холме у Синей Реки.

Владимир КРУПИН

ИСЦЕЛЕНИЕ

Р а с с к а з

Ранней осенью в монастыре отпевали хорошего человека. Сладкий кадильный дым, умилительные слова молитв, согласное пение хора снимали скорбь, умиротворяли.

После отпевания архимандрит пригласил меня к себе и решительно сказал:

– Сколько я еще могу отпевать? Конечно, Богу виднее, кого призывать, но Он не возбраняет нам заботиться о здоровье. А оно необходимо для трудов во славу Божию. Так? Вы согласны?

– Н-ну да, – не понял я, к чему это сказано.

– Вот что! – решительно сказал архимандрит. – И не вздумайте отказываться от моего предложения.

– Какого?

– Вы плохо выглядите. Надо вам немедленно лечь на обследование. У нашего спонсора есть договоренность с одним очень хорошим лечебным центром. За неделю ничего не изменится. Вас полностью обследуют, дадут какие-то рекомендации. Может, где-то что-то надо подвинтить, что-то убавить, а что-то прибавить. Усилить защиту против инфаркта-инсульта. Как раз сегодня арендованная спонсором отдельная палата освободилась. Завтра с утра будьте готовы.

– Но...

– Вы служили в армии?

– Так точно.

– А у нас дисциплина сильнее, чем в армии. Примите как послушание.

Вернулся домой – жена встречает очень радостная.

– Это же очень хорошо – обследоваться. Врач звонил, говорит, чтоб ты взял халат, пижаму и шлепанцы.

– Но у меня нет халата и пижамы, – обрадовался я. – Может, не примут?

– Есть же летние брюки легкие, и туфли летние есть. И приличные тапочки. И курточка легкая. Я уже приготовила. Вот ложечка для заварки, тебе Валя подарил, вот чай. Но врач сказал: там нет посещений. Почему?

– Почему вообще меня туда везут?

– Обследоваться! Тебе это надо. Ты плохо спишь.

– Да сейчас уже и медведи в берлоге плохо спят...

И вот назавтра с утра жизнь моя резко изменилась: в сопровождении монастырского врача я был доставлен в этот медицинский центр. Ехал с великой неохотой, надеялся, что что-то сорвется и я вернусь. Еще ограда устроила – высокая, плотная, поверху обведенная колючей проволокой. Проволоку лишь немного облагораживал оплетающий ее дикий виноград.

– Тут был связанный с обороной режимный объект. В девяностых ликвидировали, потом ни то ни се, потом вот медицина, – объясняла врачиха.

На проходной, оказывается, и пропуск был уже заказан. В приемном отделении она меня сдала другому врачу, та велела мною заняться женщине в синем халате. А эта отобрала у меня верхнюю одежду и обувь, видимо, чтобы не сбежал, дала больничные тапочки и сопроводила в терапевтическое отделение.

Просторный лифт, потом длиннющие, чисто вымытые пустые коридоры с дверьми справа и слева. Очень похоже на тюрьму для блатных. Завела в кабинет, где у меня прослушали грудь и спину, измерили давление, и еще одна сопровождающая привела наконец в отдельную палату. Стол, стул и какая-то замысловатая кровать на шарнирах. На стене провода, кнопки, табличка: время приема пищи, процедуры, подъем, отбой, номера телефонов дежурной.

Я хотел полежать на кровати, я же лег на обследование. Собирался осмыслить перемену в жизни, но даже и не присел: пришла медсестра и повела к заведующей. Попросила отключить телефон. На ходу сообщила, что из центра выходить нельзя, только по заявлению, которое подпишет лечащий врач и которое заверит заведующей.

А вскоре сама заведующей обрадовала еще и тем, что это обследование не неделя, а минимум десять дней. Да и то, сказала, это очень быстро для полного обследования. Очень много анализов – и разовых, и повторных, все это скоро не бывает. И из пальца, и из вены, и сок желудочный, и, конечно, моча. И капельница, и таблетки утром и вечером, и всякие рентгены. Кардиограммы, энцефалограммы. УЗИ. И процедуры. И глотание маленькой телекамеры – тоже все будет.

– А выходить, значит, нельзя?

– По специальному разрешению. Но у вас будет такой плотный график, что выходить будет просто некогда.

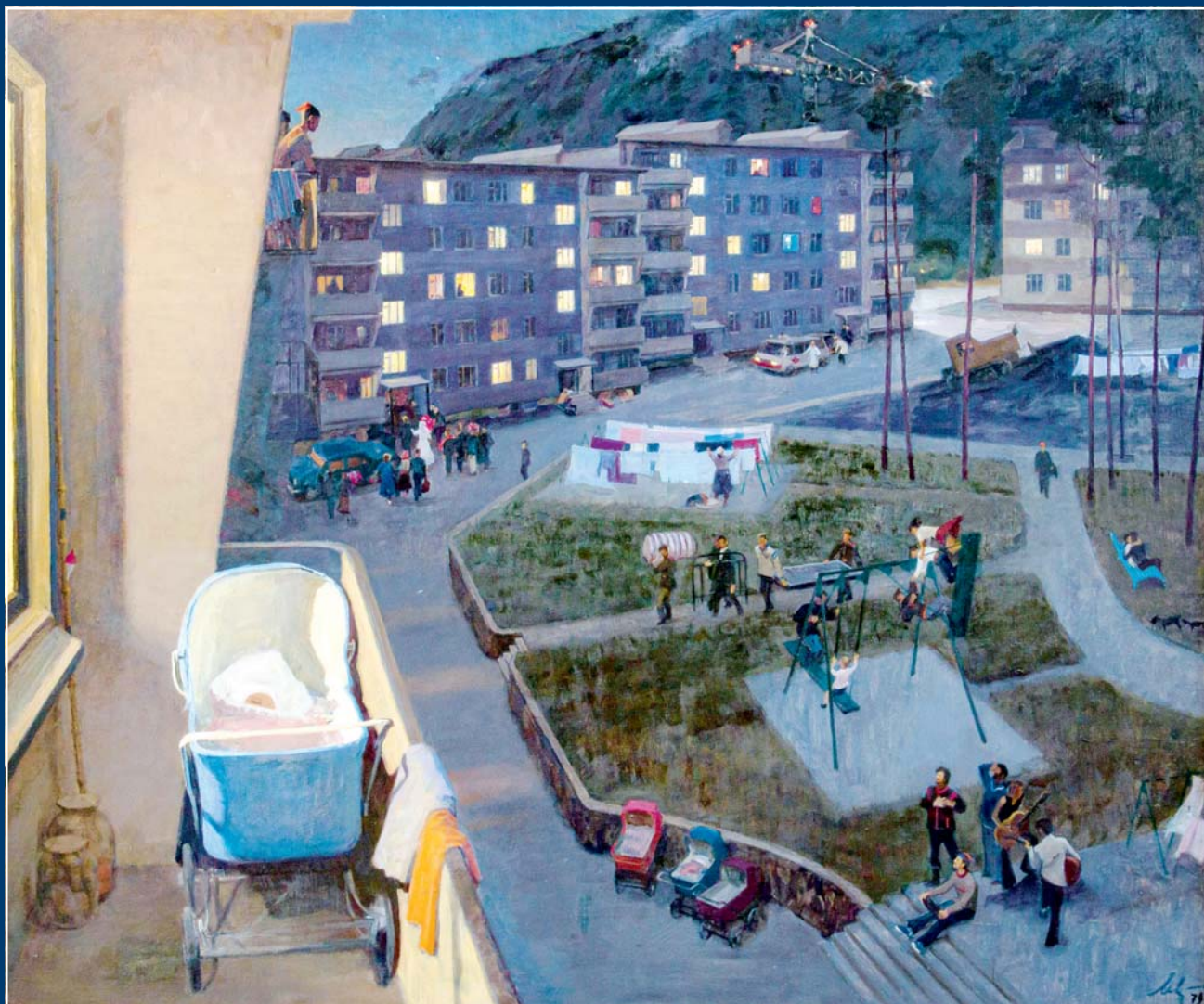
Я затосковал: уж хватило бы в моей жизни заборов, ограждений и оград, но куда тут денешься, архимандриту надо подчиняться.

Подписал, не читая, несколько многостраничных

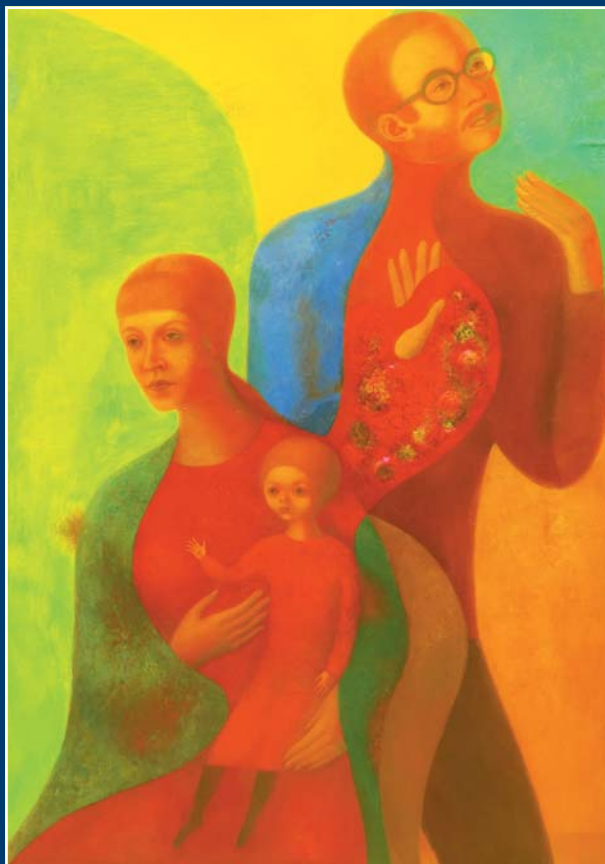
В Музее изобразительных искусств Кузбасса состоялось открытие экспозиции «Родные берега», посвященной Году семьи.

Наступивший 2024 год объявлен Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным Годом семьи – «в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения семейных ценностей».

Актуальность заявленной проблематики стала поводом для презентации музейной коллекции, раскрывающей тему семейных отношений, бытования, связей.

А. П. Левитин. Вечер в саянских Черемушках. 1979

О. В. Булгакова. Семья художника. 1986

Г. П. Кичигин. Автопортрет с папой. 2009

В. А. Игошев. Первый шаг. 1979

С. П. Ткачев, А.П. Ткачев. В субботний день. 1974

Л. Н. Кириллова. Лето. 1973

В. Г. Светлицкий. Первые телепередачи с Большой земли. Поселок Ларьяк. 1977

бумаг, вернулся в палату. Подошел к окну. И такой мне вид открылся! Он меня необычайно восхитил и даже примирил с ролью временного жителя в запертом пространстве. Центр этот на юго-востоке столицы. Из окна палаты был вид на Московскую кольцевую автодорогу, МКАД, за ней Николо-Угрешский монастырь. В нем я, конечно, бывал. Но была видна еще и церковь села Беседы – вот что впечатлило. Я ее многократно замечал, когда проносился по кольцевой трассе. И справа налево, и слева направо. Сейчас невольно возникло сравнение с наброшенными на город обручами хулахуп. И Москва их крутит, вращаясь одновременно и туда и сюда. Она такая – всех завертит.

А вот почему-то в церковь Рождества Христова в Беседах у меня не получалось заехать: или торопился, или еще что. Всегда жалел: село Беседы значительно для русской истории. Не только оттого, что тут располагались великокняжеские угодья; главное, что тут происходил военный совет – беседа перед Куликовской битвой.

И я возмечтал побывать в Беседах. Казалось, село близко. Дойти до кольцевой автострады, перейти ее – тут и церковь. Может, тут километра два. Да, надо жене позвонить, обещал же. Но когда было звонить?

И только начал тыкать в кнопки мобильного, как в палату, без всякого стука, пришла женщина в белом, в затемненных очках и – ни здравствуйте, ни прошу прощения – сразу:

– Отключите телефон, садитесь. Я ваш лечащий врач. Римма Оскаровна. Левую руку вверх ладонью на стол.

Стала измерять давление. Потом прослушивать.

– А от чего меня лечить? – спросил я. – От старости же не лечат. У меня оба дедушки у врачей не бывали, а жизнь-то какая им досталась, и ничего, жили. До старости дрова пилили-кололи. Хочу на них походить.

Моя разговорчивость ей не понравилась. Так я понял. Или она немножко недослышивала. Также я сообразил, что они у меня все равно чего-то найдут. А дальше по кругу: примутся одно лечить, другое тоже захочет лечиться, и уже из этого круга не выскочить. Тут только начни.

– Меня же только на обследование положили? Так-то я себя хорошо чувствую. Если что-то и есть, так возраст все-таки.

Я все-таки надеялся, что она даст мне от ворот поворот, то есть получится, что не сам отсюда убегу. А убежать мне захотелось.

– Зачем меня здесь держать? – рассуждал я, отскливая глядя на голые стены. – Живу же. Не слепой, не глухой. А если что и есть, так это нормально. Надо же от чего-то умирать.

Врачица, никак не реагируя на мое нытье, при-

села к столу и стала заполнять бумажки, похожие на квитанции. Может, она меня и не слышала.

Протянула несколько штук:

– Это уже на сегодня. На завтра у дежурной медсестры. С утра не завтракать, анализ крови.

И она снова померяла мне давление.

– Нормальное? – спросил я. – Третий раз за два часа измеряете. Конечно, оно от переживаний прыгает.

– А какое для вас нормальное? – спросила она.

– Не знаю, – честно сказал я. – Да зачем и знать? Прекрасно себя ощущаю! Может, ничего мне и не нужно? Поеду обратно?

– Вы прибыли на обследование, – холодно сказала она, – а в этом обследовании многие десятки параметров кроме кровяного давления.

– Хорошо, спасибо, – взял я бумажки.

– Давайте познакомимся, – сказала она.

– Так мы же уже знакомы. Вы Римма Оскаровна.

– С вашим организмом. Снимите рубашку.

Выслушивала она мои внутренности внимательно. Эти с детства знакомые «дышите – не дышите».

– Повернитесь спиной.

Простучала мне лопатки и ребра.

– Ребра ломали?

– Да. Восьмое-девятое слева. Но все зажило.

Она присела к столу. И стала допрашивать и записывать, будто сама вела протокол.

– Рост?

– Прямо военкомат. Вообще, всегда было метр восемьдесят, но сейчас, чувствую, уменьшаюсь.

– Вес?

– Тоже по-разному. Но стараюсь за семьдесят семь не заезжать. Две семерки, а не три. Шутка. Был портвейн знаменитый «Три семерки».

– Пьете?

– В тяжком прошлом. «Для пьянства вот какие поводы: крестины, свадьба, встречи, проводы, уха, защита, новый чин и... просто пьянство без причин».

Даже не моргнула.

– Бывает утомляемость?

– Ну да, я ж не трактор. Трактор и то...

– Изжога?

– Бывает. Но это у меня с армии. Там знаете чем изжогу лечил? Пеплом от сигареты. Я же дураком был, еще и курил.

– Головокружение при перемене положения тела?

– Так как не бывает, бывает. Если согнуться да резко разогнуться. Но можно резко и не разгибаться.

– Дискомфорт в левой стороне груди?

– Поволнуюсь когда. С женой когда поссорюсь. Тут да, дискомфорт.

– Боли в шейном отделе позвоночника?

Я напряг затылок и признался:

– Это тоже есть. Но это опять же все как у всех.

– За всех не надо отвечать. Снижение памяти?

– Да вроде пока помню. Где позавтракал, туда же обедать иду. – Я надеялся, что врач понимает шутки. – Конечно, уже не как молодой. Да и зачем много-то помнить? «Отче наш» выучил – и хватает.

– Горечь во рту? Запоры? Отрыжка? Газы в кишечнике?

– Можно я рубашку надену? – спросил я.

– Можно не спрашивать. Икота?

– Бывает. Но скажу: «Икота, икота, иди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого» – без всякого лекарства проходит.

Нет, врачаха, а ведь молодая еще, была вообще без эмоций.

– Перенесенные заболевания, операции? Какие, когда, под каким наркозом? Общим, местным? Контакт с инфекционными больными?

Я перестал шутить, просто отвечал на вопросы. Сообщил о перенесенных пяти операциях под общим наркозом.

– Но они были давно, хорошо прошли, все прошло.

– Ложитесь. Расстегните ремень. Спустите брюки. – Она стала мять живот. – Тут чувствуете? Тут? Тут?

– Везде чувствую, – доложил я. – Но нигде не болит.

– Сядьте. Покажите язык. Высуньте побольше. Уберите. Повернитесь вправо. Так. Теперь влево.

Она и в уши поглядела, и глаза проверила, заставив меня поводить ими в разные стороны.

– Это так, прикидочно. Подробнее – уже специалисты.

Подержалась за пульс. Чего-то еще пописала. Нет, это была не женщина, это был робот. Ее, наверное, делали в Японии по спецзаказу.

Она встала:

– Какие будут просьбы?

– Будут. Убрать телевизор.

– Но можно же не смотреть.

– Нет, даже один его вид вызывает аллергию. Начинаю чесаться.

Она пожала плечами и вышла. Я включил телефон, сразу занывший. На экранчике прочел: номер такой-то. Конечно, жена. Звонила семь раз. Вызвал ее, даже оправдываться не стал: она с ума сходила, думала, что случилось, я же не отвечал. Не сумев до меня дозвониться, в интернете нашла телефоны центра, меня отыскивали в списках отделения, даже сказали ей номер телефона палаты. Но и он не отвечает.

– Ты меня в могилу загонишь!

– У меня минуты не было, чтоб позвонить.

– Именно для меня не было.

– Я не знал, что в палате есть телефон. А, вижу –

над кроватью. А, он в розетку не включенный. Включаю. А какой у меня номер? Ты же знаешь. Звони.

– Сам теперь звони.

– Дай хоть очнусь.

– От чего?

– Осмотр был.

– И что?

– Я весь больной.

– Я это знала. Что-то серьезное? Будут лечить?

– Будут в гроб загонять. Помнишь шутку про врачей? Консилиум: «Ну что, лечить будем или пусть живет?» Или вторая: «Несмотря на все наши старания, больной выжил». Уже всего запугали.

– Что-то серьезное, я спрашиваю?

– Абсолютно здоров. Хоть в космос отправляй. Будешь женой космонавта.

В этот момент в палату постучали.

– Извини, пришли, позвоню, – сказал я жене. Потом громче: – Да!

Пришел мужчина в синем халате с белым воротником.

– Сказали телевизор у вас забрать. Они не шутят?

– Здесь разве шутить умеют? Да, спасибо, заберите.

– А что так?

– Ненавижу.

– Так-то так, – согласился он. – Но, а вдруг «Барселона» играет?

– Так чего ж ты не за своих болеешь?

– Я за игру болею. А наши что? По минуте думают: пнуть по мячу или указаний подождать? В Лондоне, в 68-м, по-моему, когда мы победили, им нечего было на прием к королеве надеть. За родину воевали. А нынешние – за деньги. Где ж тут победы будут? Ну, вообще-то на чемпионате поднатужились, да и то – даже не четвертушка, восьмушка. Так и то какое ликование развели.

– Но победы нужны, как без них?

– Без них никак. Какая боль, какая боль: Россия – Саудовская Аравия: пять – ноль.

Он ушел, я стал звонить жене. Она ответила, но в дверь вновь постучали. Дежурная. Принесла еще листочки. Разложила на столе. И те, что заполнила врачаха, тоже разложила. Стала объяснять порядок посещения кабинетов.

– Этаж, номер, время – все прописано. Сложено по порядку. Лучше приходите заранее. А то у нас есть любители лечиться. Еще запомните номер стола. У вас пока общий. То есть не диета. Уже скоро обед. Или сюда принести?

– Это уже когда залечите до лежачего положения – тогда.

И эта хотя бы улыбнулась.

На обеде, куда потихоньку сходились люди в пижамах, меня удивила тишина. Даже ложки-вилки не

брякали. За компотом все ходили со своими кружками. У меня своей не было.

Раздатчица удивилась, но тут же взяла белую больничную кружку, ополоснула, потом сказала:

– Кипятком поливаю, это будет ваша персонально, возьмите с собой в палату. У вас должен быть чайник.

– Нет, не видел.

Когда вернулся в палату, чайник, тоже белый, стоял на тумбочке. Подошел к окну – в воздухе пропархивали мелкие желтые листочки. Смеркалось. Сейчас все раньше будет наступать вечер, потом и вовсе зима.

Стук в дверь. Да, надо же куда-то, в какой-то кабинет. Медсестра, уже другая, принесла капельницу. В перевернутой большой мензурке болталась какая-то жидкость.

– Ложитесь. Закатайте рукав левой руки. Поработайте кулачком, пожимайте и поразжимайте пальцы.

Прощупала пальцами с маникюром кожу у меня на сгибе локтя, протерла влажной ваткой, уколола в это место иглой, которая продолжалась прозрачной трубкой, и по ней из мензурки начало поступать в мой организм, прямо в кровь, какое-то... что? Лекарство? Какое, от чего?

– Когда раствор дойдет до вот досюда, нажмите эту кнопку, – сказала она и ушла.

Ни имени не знаю, ни облика не запомнил.

Что ж я улегся под капельницу без книги, без молитвенника? Да, телефон же есть.

– Ну и новость! – воскликнула сразу жена.

– Какая?

– Ты не знаешь? У вас объявлен карантин. Посещения запрещены.

– Ну, все одно к одному: и меня не скоро выпустят. Я под капельницей лежу. Что вливают, не знаю. Пока жив.

Опять входят, и опять без стука. Вроде рано капельницу убирать. Нет, не медсестра – моя врачиха. С бумагами. Села, их пересматривает. Я молчу. Капли каплют.

– В интернете нашла ваши данные трехлетней давности. Были серьезные болезни за это время?

– Нет.

– Но отчего так резко снизились все параметры? Еще подождем анализов. – Поддержала за запястье: – Ничего не беспокоит?

– Нет.

Ушла. Еще поговорил с женой.

– Я отсюда сбегу.

– Не вздумай. Перед отцом Тихоном как ты будешь выглядеть?

Сняли капельницу. Ходил по коридорам и кабинетам. В одном брали на анализ слюну, в другом был какой-то тест, в котором требовалось находить

что-то похожее в разных картинках. Уровень детского сада. Может, меня за дурака принимали? В третьем несколько раз дышал в широкую трубку.

– Вы как гаишники, поймавшие водителя за превышение скорости и подозревающие алкоголь!

Но сотрудницы кабинета ничего даже на это не сказали. Я понял: шутить здесь лучше не надо.

У меня наступило какое-то состояние прострации. То есть я как бы замер в своих чувствах, внушив себе, что надо просто пережить эти дни, это обследование. Ну да, тюрьма. Но ведь кормят, отдельная палата. Отдыхай. А все равно что-то томило и угнетало. Хотя чего, кажется, горевать: жизнь идет, еще чего-то делаешь, никому не в тягость. А то, что ничего тебе в этой теперешней жизни не нравится, так это стариковское брюзжание. Ты такой не один. Я в отца. Такой же. «До какого сраму дошли, – говорил, – а еще до какого дойдем». Так что к старости я встал на накатанные рельсы. Но это же не эгоизм, не о себе думаю – о России. Да я, в общем-то, и в юности не был всем довольным, хотя и бунтарем особо не был. И диссидентство всегда было мне противно. Открытая борьба – это да. Понятие родины, страны, державы, Отечества было для меня святым. А отсюда все остальное. И когда, уже давным-давно, стал причащаться, жить стало и легче, и труднее. Легче, потому что знал: Господь не оставит. Труднее, потому что резче увиделась вся насевшая на Россию бесовщина.

Ходил и ходил по коридорам и лестницам. И все эти передвижения около казенных стен напоминали о посещениях в больницах много болевших друзей. Да. А эта врачиха спрашивает: чем переболел? Друзей потерял – вот и вся причина. И сам в свою очередь заумирал.

Вспомнил, как мы с поэтом Анатолием Гребневым (естественно, вятским) навещали в Перми, в обкомовской больнице, Виктора Астафьева. Его слабые легкие потребовали ремонта. Сидели у него в отдельной палате. Помогли переодеться в сухую рубашку. Смотреть на его шрамы, рубцы, напоминающие о ранениях, было тяжело. На месте левой лопатки под кожей даже видно было, как бьется сердце. Но он всю шутил, веселил нас фронтовыми историями. Речь сдабривал матерками. Пришла медсестра: «Вам укольчик». – «Куда?» – Она покраснела: «В мышцу». – «Ой, девушка, – сказал Виктор Петрович, разворачиваясь, – уж какая там мышца, давно задница».

Когда мы уходили, в коридоре эта девушка-медсестра отчитывала важного дядю, видно, что начальника: «У вас такая пустяковая болячка, и вы так по-хамски себя ведете, такие капризы. А вот в седьмой палате фронтовик, весь израненный, еле дышит и еще шутит».

А вообще, думал я, вся моя московская жизнь – это, по сути, сплошные больницы. И свои, и родных, и близких. И эти похожие друг на друга коридоры, в которых санитарка орудует шваброй, примотав к ней мокрую мешковину, эти столы дежурных медсестер за барьером с постоянно трещащими телефонами, процедурные кабинеты, запахи столовой, в которую бредут со своими кружками, ароматы мочи и хлорки – все более-менее похоже. И эти больные, половина из которых непременно недовольна порядками в больнице: врачам тут надо нести дорогие подарки, медсестры делают уколы за деньги, а если не платишь, то делают уколы больно, на кухне воруют, а санитарка специально открывает окно, чтоб сделать сквозняк.

Всех больниц, где лежал, где делали операции, где кого-то навещал, ни за что подробно не вспомнить. Но хотя бы помянуть добрым словом 68-ю в Текстильщиках и родильный дом рядом, детскую Морозовскую и детскую Филатовскую, Медсантруд на Таганке, больницу МПС, военные госпитали в Сокольниках и Красногорске, ветеранскую в Кузьминках, общедоступную Московскую на Спортивной, городскую в Филях, Пироговской центр. И конечно, самый мрачный центр онкологии на Каширке и детскую онкологию имени Димы Рогачева. И больше всего – Боткинскую, в которой и сам леживал, и знакомый батюшка, и теща и в которую на скорой увозили жену, а мне позволили сидеть у нее в ногах...

А что говорить о последних десяти годах тяжело болевшего друга? Его помещали и в самые простые больницы, и в элитарные, военные, профильные, в медицинские и обычные, и научно-исследовательские институты. Везде лечили. Лечили, лечили и залечили. Вот его вроде вылечат, выпишут всегда очень дорогие лекарства и отпустят. Улетает на родину. А там... снова попадает в больницу. Бывало, а и там его навещал.

– Как понять? – рассуждал он. – Тут спрашивают: как вас лечили? Откуда я знаю? Ну, анализы всякие брали, лекарства вот такие прописали. Говорят: вас неправильно лечили, выбросьте эти лекарства. Вам нужны другие. Мы вас вылечим. А я что, я слушаюсь.

У него после двух страшных избиений, черепной травмы были провалы памяти, тяжелейшие головные боли. Как он все переносил? И находил еще силы шутить. Даже работал иногда. А главное, что досаждало, убавляло здоровья: его вытаскивали на многие официальные, чаще всего ему совсем не нужные мероприятия. Он, по общему негласному признанию и друзей, и врагов, был лицом русской литературы, и ему приходилось тащить воз этого признания. Пойти в Центральный комитет, в Совет Министров, во всякие другие органы, чтобы чего-то

добиться, за кого-то попросить, – это все лежало на нем. Председатель Союза писателей иногда был безжалостен: «Валентин, у нас завтра монголы, очень хотят тебя видеть. Ну, удели полчаса». Какое там полчаса, день пропадал. Потом и китайцы, и сербы приезжают, и вся Европа, и несчастному Валентину опять приходилось тащиться в Союз писателей, подолгу пить чай с очередной делегацией, говорить ни о чем, терять время и здоровье. А как его донимали просьбами написать предисловие, дать интервью! А сколько напрашивалось в гости! И приходили, и подолгу сидели, будто готовя будущую фразу в воспоминаниях: «И когда я приходил к нему в квартиру на Староконюшенном, то всегда говорил ему: «Валентин Григорьевич, берегите себя, вы нам очень нужны». Сберегли.

Горбачев просил его войти в Президентский совет. Вошел. Не чего-то ради, а для добрых дел во славу России. То, что Оптину пустынь вернули церкви, – прямая заслуга Распутина. Он говорил об Оптиной и с Горбачевым, и с «архитектором перестройки» Яковлевым. До этого мы бывали в ней и видели «мерзость запустения, пророком предреченную». Вспоминали потом пьющего мужичка, которому дали квартиру в келье преподобного Амвросия Оптинского и который извлекал из этого много полезного себе. «Я же вижу, шапки снимают, крестятся, ну и я. Я тоже человек. Когда и денежку подбросят». Подбросили и мы. Очень благодарил и сказал, что это ему на вечер, а пока у него есть. И закуска есть. «Садитесь, парни. Сейчас стаканы вымою».

Сорок три года мы были дружны. Осенью 72-го я прилетел на совещание молодых писателей от издательства «Современник». Два месяца назад утонул Александр Вампилов, друг Распутина. Вечером сидели в обкомовской гостинице, теперь она «Русь», Валя неожиданно сказал: «А поехали на могилу Сани». Получилось, что поехали только мы вдвоем. Поймали частника. Был гололед, машина на подъеме перед кладбищем буксовала. Вышли, толкали. Я даже снял свой полушубок и швырял под колесо. Сей полушубок был упомянут в стихе Валерия Фокина «На проводах»: «Нынче солнышко светит ласково. Может, кто и нетрезв, да не глуп. Не похож на дубленку канадскую твой тяжелый ямщицкий тулуп».

Сорок три года. Это же сотни чаепитий, то у него, то у меня. Как он описывал заварку чая, так и заваривал. Процедура, священнодействие. Ополаскивал чайник, разогревал. Заварку клал бережно, но не экономил. Смеялся, вспоминая анекдот: «Евреи, не жалейте заварки». Смешивал чай. Добавлял привезенного чая «Курильского» или «Золотого корня». У него и жена Света такая же была, как он, ча-

евница. «У нас может быть все самое скромное, но не чай». Воду сильно не кипятил. Свежим кипятком заливал чай не до верха, накрывал шерстяной плетеной салфеткой, настаивал, потом отливал немного из чайника в чашку и выливал обратно. Это он называл «поджентить». У нас в Вятке делали так же, только называлось «учередить». Возил с собой в непрерывные поездки «заварную» ложечку с крышечкой в дырках, кипятильник. От этой ложечки разом все вспомнилось – дороги по Японии, Монголии, Италии, Финляндии, Болгарии. А поездка в Тунис по приглашению Ясира Арафата! А на схождение Благодатного огня в Иерусалим! И все эти выездные секретариаты, пленумы, съезды, Дни литературы в союзных республиках. Да на одно им начатое и проводимое событие каждого года, «Сияние России», сколько раз прилетал! А Карелия, Новгород, Минск, Киев, Белгород, Орел... В Киеве долго шли от Киево-Печерской лавры через Аскольдову могилу, стояли потом у памятника великому князю Владимиру. Мурманск особенно запомнился: под Мурманском был ранен его отец. Почему-то ближе к полночи вышли. Площадь Пяти Углов. Странно и непривычно: по времени глухая ночь, а стоит белый день, солнце ходит, как наливное яблочко по блюдечку, на улицах никого, сонное царство.

Днем встреча на атомоходе «Ленин». Вначале экскурсия по этой громадине. «Не могу понять, чудо это или чудовище», – сказал он тогда. Еще в Североморске встреча была. И в Апатитах. Или в Кировске? Нет, в Кандалакше. А его приезд в родную мою Вятку, в Великорецкое! Но все бегом и бегом. Все вспомнишь, да не все перескажешь.

А как забыть финскую баню – сауну? Это 76-й год. Тогда эти сауны были где-то за заборами (песня была «А за городом заборы, за заборами вожди»), простые смертные о них только читали. Но вот нас, мы приехали на совещание писателей Финляндии, повели в сауну. Мы побаивались: дело небывалое, вдруг опозоримся? Зашли с ними в парную. Они сидят, молчат. И мы сидим, молчим. Иногда поддают. Но вроде терпимо. А они почему-то стали по одному выходить. Выходят, выходят, и вот мы остались одни. Сидим, сидим, греемся. «Слушай, вроде неудобно, они ушли, давай и мы выйдем». Выходим, а они в ладоши хлопают. Оказывается, мы их всех победили.

И опять проблески воспоминаний. В Монголии такое есть место – нетающий ледник. Жара плюс сорок, а под ногами лед. Ходим по нему босиком.

В Италии, в Ватикане, в 1988-м, на приеме у Папы Римского, кардиналы в лиловом висят над ухом и интимно сообщают, что мы можем говорить с Папой, но недолго, минуты по две. Валя говорит: «Бери мои минуты и говори с ним четыре».

А Божественная литургия, причащение в Успен-

ском соборе Кремля. А заседания Комитета общественного спасения у отца Александра Шаргунова. Движение за прославление императора Николая и царской семьи.

А длительные поездки по Русскому Северу со знаменитым народным академиком Фатеем Шипуновым. Ночлег у костра с видом на Ферапонтов монастырь. Утром ехали в Нилову пустынь, к Нилу Сорскому. Грязища, буксовали. В пустыни мужская психиатрическая больница. В центре огромная клумба, на которой, как на лужайке, лежат душевнобольные. Над ними высится статуя основоположнику – конечно, с ленинским жестом. Такие памятники повсеместно называли «Всю жизнь с протянутой рукой». Также психиатрическая больница, но уже женская, была и в бывшем Задонском монастыре. И туда Фатей нас привозил. Тяжелейшие впечатления. Фатей умел воспитывать русских писателей.

Дни славянской письменности и культуры в Новгороде, Москве, Минске... Много раз Алтай. Подмосковные научные центры: Черноголовка, Зеленоград, Обнинск – разве все перечислить? Но было же. Ну, не зря же было.

Вообще, Валя был человек, лишенный оптимизма. Часто грустно шутил: «А если б к утру умереть, то лучше было бы еще». И вместе с тем необыкновенно решительный. Мы с ним состояли членами Комитета по Ленинским и Государственным премиям. А была выдвинута на премию постановка Театра имени Ленинского комсомола по Шолом-Алейхему. И нам ее надо было смотреть. А там по ходу изображался еврейский погром. Зрелище еще то. Страшные хари русских охотнорядцев, несчастные избиваемые евреи. Валя поглядел на меня и резко встал. Я понял, тоже встал, и мы, ясно, что не под аплодисменты, вышли. В комитете по премиям, конечно, наш демарш восприняли болезненно, особенно секретарь его Зоя Богуславская. Там она всем и всеми командовала. «Ах, ах, хотя бы вы в перерыв ушли».

Беды России, нападения на нее он воспринимал остро, болезненно. Особо не обольщался тем, что кто-то в мире любит нас, читал: «Хорошо, что никого, хорошо, что ничего... – и заканчивал: – И никто нам не поможет, и не надо помогать». Когда, вроде как в утешение побежденному коренному населению, демократы вывесили триколор над Верховным Советом, Валя, выступая на Всемирном русском соборе, сказал: «Россию можно похоронить и под таким знаменем, и под музыку Глинки». И вспомнил эмигрантское: «Над нами трехцветным позором полощется нищенский флаг». Да, флаг этот доселе не знаю, как кого, а меня не вдохновляет. Его еще и на лице стали рисовать. Как татуировку. А она знак или дикарей, или уголовников.

И когда в 93-м расстреливали здание Верховно-

го Совета и передавали этот расстрел в прямом эфире, перемежая рекламой наш несмываемый позор, когда русские стреляли в русских, Валя говорил, что ему уже никогда не очнуться от этого ужаса: «Когда все кончилось, я отошел от телевизора весь обугленный».

Потом он вместе с журналистом Виктором Кожемяко выпустил книгу «Эти двадцать убийственных лет» о 90-х годах, об уничтожении России.

И за пронзительные повести и рассказы, особенно за образы русских женщин, за выступления в защиту достоинства русского человека его любили. Вот пример. Улетали с Ольхона и уже стояли у самолета. Валя даже как-то виновато сказал: «Да, вот омулем на распылке не успели угостить». Это слышал кто-то из экипажа. И задержали рейс. Запылал костер, явилось ведро свежего омуля, его стали особым образом разделявать, укреплять на рогульках перед огнем. Прошло всего двадцать, много двадцать пять минут – и мы пробовали незабвенный благоухающий продукт.

Сколько времени, здоровья, нервов убавляла борьба за сохранение памятников истории и культуры, борьба за издание исторического и философского наследия! Например, за «Историю государства Российского» Карамзина. Наивные люди, мы думали: вот издадим Карамзина – и Россия спасена. Писали в инстанции, просили. Нам отвечали: нет бумаги. Тогда, в сентябре 91-го, пришли в Комитет по печати Сергей Залыгин, Виктор Астафьев, Владимир Личутин, Гариф Ахунов, Анатолий Ким, Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Потанин, аз многогрешный и сказали: мы отказываемся от изданий своих книг и отдаем бумагу на Карамзина. И подействовало!

А борьба с поворотом северных рек на юг. Первым начал писать о повороте рек Василий Белов. Статья называлась «Спасут ли Воже и Лаца Каспийское море?». Потом Михаил Лемешев, ученые. А сколько сил ушло на «Байкальское движение», тут полностью заслуга Распутина. Бросали все свои дела и вставали грудью за Россию. Эти многолюдные вечера, поездки, хождение по кабинетам. Меня встретила Вика Токарева (мы с ней в конце шестидесятых были сценаристами Центрального телевидения) и спросила: «Слушай, зачем вам это надо? Вы же писатели». Да, писатели, но писатели русские.

Именно благодаря во многом Распутину и Белову роль писателя в России была самой авторитетной. Даже так бывало: что-то случается в стране – тут же вопрос: а куда смотрят писатели? Во всем верили нам. Например, выступаем на встрече, говорим, поэты стихи читают. Встает в первом ряду старик: «Это вы все хорошо отобразили. Но скажите: как бороться с колорадским жуком?»

...В палате я устроил иконостасик в углу, обращенном как раз одновременно и на восток, и на церковь в Беседах. Палату стал называть своей больничной кельей. И уже привык к ней и бежал в нее отдохнуть от процедур и очередей перед кабинетами. И постоянно утыкался в стекло с видом на церковь в Беседах. И все больше хотелось побывать в ней. Вроде недалеко. Конечно, пересечь окружную дорогу, по которой по шестирядным шоссе в одну сторону и шестирядным в другую несутся машины, сотни машин за минуту, немыслимо. Но бывают же интервалы. Я даже вычислял: вот вроде напор схлынул, тут бы я успел до середины добежать, отдохнул бы и дождался и на той стороне паузы в движении. Рискованно, конечно. Но если что, можно пройти вправо или влево, должны же быть переходы.

Но как пойти, когда каждый день расписан чуть ли не по минутам? Ты все время на виду, тебя опекают врачи, медсестры и санитарка, постоянно увлажняющая полы в коридорах и палатах. Как?

И врачаха моя заглядывала и здоровьем интересовалась и даже удивлялась вроде, что чувствую себя хорошо. Как тут уйдешь? А ведь туда и сюда надо самое малое часа три.

И все-таки такой день представился. Мне сказали, что послезавтра на меня наденут прибор – холтер, который нельзя снимать целые сутки. С ним спать, с ним ходить, с ним есть и пить. И давать организму нагрузки и непременно их записывать. Дали специальный лист, в котором велели отмечать, что с тобой было каждый час: ходил ли, лежал ли, спал или питался. Все процедуры на эти сутки отменялись, как и ежедневная капельница. То есть я был только под своим контролем.

Я понял: другого случая не будет.

А назавтра были предварительные выводы обследований. Римма Оскаровна много не говорила, но я и сам понимал, что у меня нашли или массу болезней, или их начатки, букет, как говорится. Всяких: от головы до сердца и легких, от сердца до желудка и ниже. Порции таблеток, приносимые с вечера и утром и выкладываемые на тумбочку, увеличивались количественно, а уж было ли количество качественным, знать мне было не дано. Но в этой больничной атмосфере казалось, что мне все хуже.

На приеме увидел много нового внутри себя. Сердце, непонятно как снятое, трепетно и как-то судорожно трепыхалось на экране монитора. Уменьшалось, увеличивалось, играло, прямо как солнце после пасхальной службы. Но то солнце, на миллионы лет рассчитанное, а тут маленькое сердечко. Казалось, вот-вот выдохнется.

– А еще хотите посмотреть изнутри свой желудок? – спросила Римма Оскаровна.

И показала его на экране. Для этого я и глотал крохотную телекамеру. Противно было, конечно, но зато впервые увидел красоту своих мраморно блестящих стенок желудка. Представить, что им приходится соприкасаться со всякой животной и растительной, белковой и углеводной, твердой и жидкой, пережеванной и наспех проглоченной пищей, было почти невозможно. И вот эту красоту заливать мерзостью мутного пива, обжигать водкой и коньяком, сваливать сюда, как в помойку, и заставлять перерабатывать недожаренное мясо, переваренную рыбу, всякие помидоры и картошку! Бедный ты мой, милый желудок!

Да и что желудок! Разве почкам легче? Какое только пойло не льем в глотку организма, а почки все это пропускают. А бедняжка мочевого пузыря! Что говорить. Дивно ли, что они устают и просят на покой? Одному только сердцу как достается. А могучая наша кроветворная печень. Да что говорить! Ходим мы, созданные Господом на диво, живые храмы духа Божия, и над собой издеваемся. Себя не ценим, не бережем. А ведь обязаны.

За день я все продумал. Попросился на прогулку. По территории разрешили. Я еще из-за того попросился, чтобы вернуть из камеры хранения куртку и ботинки. Сдал взамен больничные тапочки. Обулся, вышел и пошел направо вокруг зданий по периметру. Глухо: заборы и проволока, оплетенная зеленью. Порядок лагерный: клумбы, аллеи, стенды о здоровой жизни, деревья и кустарники. Все подстриженное, все по линейке.

Я взаперти. Да еще этот карантин. Но давай завершу круг почета. И не зря: в направлении как раз к окружной кольцевой, которая ощутимо напоминала о себе гудением, обнаружил, что за деревьями в одном месте бетонный забор заменен временным, деревянными щитами. Видимо, ремонт канализации. Экскаватор, маленькая бетономешалка, вагончик. Забор тоже высоковатый, но хотя бы без проволоки. И от корпуса далековато. И никого: ни охраны, ни рабочих. А-а, сегодня же суббота. Так ведь и завтра воскресенье. Они же специально навешивают на меня аппарат на выходные.

Вот тут-то мне и путь-дорога.

Вернулся в корпус. Внизу в буфете попил чаю с булочкой. Конечно, куртку не сдал. Скрутил ее в сверток, взял под мышку и пошагал по лестницам. В лифте решил не ехать, там лифтерша заметит запрещенный груз. Ботинки тоже были запрещены, но я как-то прошмыгнул мимо санитарки. А тапочки больничные остались в камере хранения, пусть думают, что меня выписали, искать не будут. У меня в палате свои, домашние, жена позаботилась, в них уютнее.

Вечерние, а после ночи (спал неважно) и утренние молитвы читал, обращаясь в сторону церкви.

Пошел на процедуру навешивания аппарата. Боялся, что будут долго возиться. Нет, молоденькая медсестра быстро-быстро напрытывала на разные места моей верхней части тела присоски с проводами, привесила на ремень коробочку, к которой эти провода сбегались, вручила листок, разлинованный на двадцать четыре деления. Это по часам наступающих суток. Надо было записывать, что делаю, чем занимался каждый час.

– Но эти датчики – они крепко держатся?

Завтракать не стал. Может, надеялся на причастие? Хлеба все-таки взял, положил в пакет. В палате выложил на видное место листок, в котором отмечал свои передвижения, написал: «С 9-00 до 12-00 прогулка по территории». Про себя подумал: врать нехорошо. Но тут же придумал оправдание: нет, не вру, у меня не самовольная отлучка, у меня прогулка конкретно по территории Москвы и Подмоскovie.

Позвонил жене, попросил молиться за меня.

– Я о тебе и так все время молюсь.

– Сегодня особенно надо, – непроизвольно вырвалось у меня.

– Пожалуйста, не пугай. Какое-то новое обследование?

– Нет-нет, все нормально.

– А почему «особенно»? Чего-то скрываешь?

Как мог успокоил ее. Телефон оставил в палате. Вышел из корпуса, перекрестился и пошагал. У щитов ограждения выбрал заранее намеченное место, закрытое высоким кустарником, проверил навешенную на меня сбрую, еще поозирался по сторонам (вроде все спокойно) и полез. Но с ходу не получилось. Не оттого, что не было сил, а от мелькнувшего страха, что зацеплю за что-то проводами, сдерну датчики-присоски и нарушу работу аппарата. Оглянулся, увидел ящик, подтащил, убедился в его устойчивости и с его помощью поднялся на забор. Перевесился на другую сторону, ухватился руками за край щита, спустил ноги и отцепился. Удачно: не упал и ни одна присоска не отлипла. Слава Богу.

Надо было пройти мокрую низину, плотно заросшую ивняком, понизу осокой. Ботинки сразу промокли. Впереди был ручей. Разглядел самодельную плотину из срубленных ветвей, перешел по ней водную преграду. Значит, кто-то же ходил тут.

И еще были преграды. Непонятно для чего раскопки, залитые водой, спиленные и неубранные деревья. И это в черте Москвы. Наверное, строить чего-то собираются. А это место с моего этажа выглядело парково: пышная, красивая зелень. Уже с желтыми осенними сединками. Наконец выкарабкался наверх и передохнул. Аппарату моему было что записать, эти нагрузки и тревоги.

И вот я перед Московской кольцевой автодорогой. Слева, но очень далеко, виднелся переход. Буду ждать, может, движение на немножко прервется. Стоял пять минут, стоял десять. Какие там интервалы, о чем я наивно мечтал? Несутся стада ревуших механических, изрыгающих выхлопные газы животных, сигналият, злятся друг на друга. Им в одно удовольствие смести меня с лица земли.

Куда деваться, двинулся к переходу. Хороша прогулочка на свежем воздухе, надышался досыта. Помогало то, что радовался близости церкви, которая иногда мелькала в просветах между зарослей придорожных деревьев.

На середине перехода, на эстакаде, постоял. Подо мною неслась многотысячная колесная жизнь: фуры, трейлеры, другие всякие большегрузы и бесчисленные легковые автомашины всех марок стран-производителей. Усмехнулся, вспомнив, как внук, уже очень современный ребенок, все допрашивал меня: «А это какая машина? А эта?» И раза два-три поймал меня на незнании: не смог я отличить «хонду» от «хендая» и один «опель» от другого. Тогда я, чтобы внук не очень-то задирал нос, выучил по значкам все марки и, торжественно допрашивая его, подловил на незнании «лексуса». Вернул свой авторитет и имел право сказать: «Ты б с таким усердием книжки читал».

А его папочка, мой сын, тоже Володя (у нас в семье все Володи), когда был еще меньше, меня один раз чуть до сердечного приступа не довел. С семейством Беловых были в Пицунде. Сынок не на машине, на мне ездил. На пляже я посадил его на плечи и пошагал вдоль берега. Анечка Белова увидела такое дело и тоже запросилась на плечи отца. И вот идем рядом, мой сыночек прыгает и прикрикивает в такт: «А мой-то папа выше! А мой-то папа выше!» У меня ноги подкосились: быть выше, и кого? Белова?!

Эта Анечка вертела папочкой как хотела, любил он ее сильно и все прощал. Возвращались из Пицунды, и они у нас в Москве ночевали. Улетали в Вологду назавтра из Быкова. Вызвали такси, поехали. И вдруг Анечка в голос зарыдала: у куклы с ноги где-то соскочила туфелька. И что? Василий Иванович велит таксисту поворачивать. «Вася, опоздаем!» – Ольга Сергеевна нервничает. Но Василий Иванович не может огорчить Анну Васильевну. Возвращаемся. И мы, четыре взрослых человека, ползаем по квартире, ищем туфельку. И находим! И вновь едем. И успеваем. Оказывается, вылет задержали на сорок минут.

Уж заодно вспомню и о шапке скульптора Клыкова. С ним меня познакомил как раз Василий Иванович. Он уезжал домой и просил проводить его: «Много книг нахватал. Еще Слава Клыков придет». А я уже знал работы Клыкова, особенно поразила

меня скульптура «Старик и карлик». Познакомились. А тогда жили мы с Надей тяжело, не печатали меня. И у меня была очень дешевая шапка, какая-то синтетика. И Слава все на нее поглядывал. Уже пора собираться на вокзал. Слава встает из-за стола, берет шапку, подходит к окну (а мы на одиннадцатом этаже гостиницы «Россия») и выбрасывает шапку со словами: «Русский писатель не должен носить таких шапок!» Тут же берет свою роскошную шапку, даже не знаю, какой это мех, видно, что очень дорогая, нахлобучивает ее на меня: «Носи. Дарю!» Тогда я беру ее, подхожу к окну и тоже выбрасываю со словами: «Русский писатель чужих шапок не носит». А декабрь, мороз. Василий Иванович кричит: «Ну дураки, ну дураки!» А мы вначале хотели на метро ехать, но тут как? Василий Иванович побежал к дежурной, вызвал такси. На вокзале бегом-бегом загрузили его, попрощались, бегом на стоянку. К Клыкову, на Ордынку, все хотят ехать, а ко мне, в Печатники, никто. «Поехали ко мне, – решает Слава. – Найдем там у меня шапки». А вскоре и ему, и мне пришли посылочки из Вологды: Василий Иванович наградил двух дураков хорошими шапками.

В Харовске установлен памятник Василию Ивановичу. И на нем очень честные слова от имени жителей района, в котором как раз находится его деревня Тимониха: «Василия-то Белова мы знаем и любим, да вот не больно-то слушаем».

Я вышел за черту столицы. Ощущение России здесь было несомненное: улица села, деревянные крепкие дома, трава на обочинах дороги, красота! Пожалел даже, что иду не босиком. Пришел к храму. Очень он напоминал храм Вознесения Господня в Коломенском по своим летящим вверх формам, а по раскраске сиял чистотой белого и синего цветов. Зашел. Служба, конечно, закончилась: поздно я вышел, долго шел. В церковной лавке старушка подарила мне просфорку: «Сегодняшняя». Заполнил поминания о здравии и о упокоении. Купил свечи и ставил их. Зажег только две: у праздничной иконы и у распятия. Остальные укрепил на подсвечниках. Даст бог, зажгут на службе, может быть уже сегодня. Прикладывался к иконам и к мощам. И в главном приделе Рождества Христова, и в Ильинском, и в Покровском, и во Всехскорбященском. Прочел и историю храма. И так знал, но читать ее не в книге, не в интернете, а в самом храме было ощутимо благодатней.

Справа от входа стоял продолговатый невысокий стол, ясно, что для гробов. Видимо, недавно кого-то отпевали. Сколько же я помню отпеваний! И в сельских храмах, и в соборах: Георгия Свиридова и Владимира Солоухина в храме Христа Спасителя, Леонида Леонова и Юрия Кузнецова в называемом москвичами «пушкинским» храме Большого Возне-

сения. Леонов жил рядышком с храмом, и мы с Валей бывали у него. Он рассказывал, как к нему приходил Сталин. Еще, к великому сожалению, много говорил о болгарской Ванге. Он ей верил. И не он один. А для Юры Кузнецова символично было то, что в день его отпевания впервые пробовали колокола, вознесенные на колокольню храма. Очень сильные, звучные. И стихи Кузнецова в русской поэзии можно с колоколами сравнить. Стоял у гроба, вспоминал его первые московские книги стихов «Во мне и рядом даль» и «Край света за каждым углом» в издательстве «Современник», где мы работали и где я был парторгом. Выходили его книги с трудом. И помогло то, что я уговорил Юру вступить в партию и дал рекомендацию. «Это же не для карьеры – для прохождения рукописей». И в самом деле, помогло. Гораздо позднее прочел письмо Василия Шукшина Белову о том, что членство им помогало издавать книги. Хоть за это дорогой компартии спасибо. Тут же вспомнился фольклор 60-х: «Спасибо партии родной за любовь и ласку: отменили выходной, отменили Пасху». То есть объявили пасхальное воскресенье рабочим днем. Вот до чего доходило.

В церковном дворе были удобные для отдыха лавки. На одну я присел, вытянув приятно занывшие ноги. И вновь, будто дождавшись этой минуты, прихлынули воспоминания.

Василия Ивановича отпевали в кафедральном соборе Вологды. Сильно мешала мельтешня телевизионщиков, журналистов, очень, видимо, обрадованных тем, что ушел Белов и некому будет их ругать, называть «смишниками», называть телекамеру «свиным рылом», вынюхивающим только мерзости о России. Великий писатель, борец, пример во всем. Совершенно бесхитростный, прямой, смелый до безрассудства, часто обидчивый, но никогда не помнивший обид. Прямо ребенок. Да еще небольшого роста. «Я стеснялся, что я невысокий. И на гармошке выучился играть, чтобы как-то стеснительность побороть». Странно, но я никогда не чувствовал, что он меня старше, он казался мне младшим братом, которого я обязан защищать. Но не мы, а он защищал, он был крепостью, а не мы. Несгибаемый в своей борьбе за человека на земле. На трибуне Верховного Совета он был страшен врагам России. Жириновский завизжал (это должно быть в стенограмме): «Уберите этого колхозника!»

Вот уж от кого никто не слышал бранного слова. И в их расхождении с Астафьевым ругань последнего (он даже при женщинах вставлял соленые словечки для украшения речи) сыграла не последнюю роль.

Виктор Петрович – особый случай. Конечно, мы ему в рот глядели. Когда он был в компании, то говорил только он. Первый раз я увидел его в его воло-

годской вотчине, в деревне Сибле, на рыбалке. Меня туда привез Владимир Шириков, редактор областной молодежи, начинающий тогда писатель. Ели уху из пойманной Виктором Петровичем рыбы. Тогда я был покорен силой импровизации и складом его речи. Говорил – будто пробовал на слушателях новые тексты. О том, как на нейтральной полосе хрюкал поросенок, за ним ночью поползли и немцы, и наши и как встретились у этого поросенка. Воевать, драться не стали, поросенка поделили и вернулись: наши к нашим, немцы к немцам. Очень ругал военачальников, вообще всю номенклатуру. Молодых писателей ругал за то, что торопятся писать: «Если хочется работать – ляг поспи, это пройдет». Смеялся над теми, кто гордился рабоче-крестьянской биографией: «У нас про таких говорили: гли-ко, был рахит, а ходит». Ругал «поэтов-туристов» Вознесенского и Евтушенко. И упоминаемого с ними Рождественского. «Они место заняли, вытеснили настоящую поэзию. Вместо них надо ставить Рубцова, Горбовского, Кузнецова». – «А Высоцкий?» – «Это для сытых и для уголовников». Из сверстников ругал авторов повестей про тихие зори и про белого кобеля с черным ухом. «Девчонки против диверсантов? Чего врать? Они бы им как цыплятам шеи бы свернули. А еще бежит, стреляет, приплясывает да еще и поет. Тьфу! И этот, собаку жалеет! Тут люди сотнями, тысячами гибнут, трупами заваливали, вот чего об этом молчит? Фронтовики, мать их!» Был ярый болельщик, помнил все матчи и по хоккею, и по футболу. «Вы понятия не имеете, кто такие Бобер и Стрелец». На удивление знал кино. Из актрис нравилась ему Маргарита Терехова.

Знал я Астафьева наизусть, особенно его «Последний поклон», «Оду русскому огороду», «Васюткино озеро», «Царь-рыбу». И конечно, «Пастуха и пастушку», но в том, первом виде, а не в потом доработанном за счет окопного словаря. В первой публикации у него тоже была цензурная правка. Иногда несправедливая. «Вот у меня, – говорил он, – «солдаты в серых шинелях лежали на снегу, как немая картошка». Чем плохо?» И мы соглашались, что это очень даже впечатляет. Тут и зрительный образ, и ощущение войны. Возмущались: какие ж собаки в этой цензуре – их бы под обстрел на снег положить. Но когда пошли у него тексты ненормативной лексики, это была беда. Правда жизни замаскировалась похабщиной. Мало ли кто и как выражается, есть же традиции русской целомудренной литературы. Тут мы были единодушны: нельзя пачкать икону русского языка. Уже и «Людочка», и «Печальный детектив» читались с трудом, а роман «Прокляты и убиты» отвращал от себя матерщиной, как и совсем невеселый «Веселый солдат».

К ним с Беловым в Вологде приходил Рубцов. Виктор Петрович прекрасно пел песни на его стихи.

И легко понять, что пути Белова и Астафьева разошлись. Еще повлияло то, что Мария Семеновна, выпустив книгу, подала документы в Союз писателей. Белов был против. Но тут мы защищали Марию Семеновну: пишет ничуть не хуже сотен других писателей, жизнь прожила тяжелейшую. Фронт. И для Астафьева спасение. Евгений Носов называл ее «мать-героиня с младенцем Витей на руках». Членство в Союзе писателей входило в рабочий стаж и давало право на пенсию. «А я загнусь, весь перекалеченный, – как ей жить?» – горячился Виктор Петрович. Она вообще была в чистом виде каторжница: разбирала сверхкорявый почерк мужа, перепечатывала его тексты на пишущей машинке, он правил по машинописному, опять все исперечеркивал, и она опять это перепечатывала. И так несколько раз. «Да книжки мои Витя даже и не читал», – говорила Мария Семеновна и с улыбкой рассказывала нам, как на одной из встреч с писателем к нему подошла женщина с ее книгой и попросила: «Виктор Петрович, у меня с собой нет вашей книги, подпишите книгу жены». Он, недолго думая, черкнул: «Бабе от бабы».

Переезд в Красноярск, на родину, восстановление родового поместья в Овсянке, рыбалка на Енисее были спасительными для Виктора Петровича. В Красноярске на него стал благотворно действовать отец Михаил Капранов, отсидевший вместе с Леонидом Бородиным за членство в антисоветской организации. Приходит батюшка к писателю. Сидят 100 разговаривают. Виктор Петрович увлечется, залепит в свою живописную речь нецензурное словечко, а отец Михаил тут же: «Пять поклончиков перед иконами!» Сделает Виктор Петрович земные поклоны, вернется за стол. Забудется, и опять гнилое слово выскочит. Батюшка снова и снова непреклонно: «Раб Божий Виктор! Десять поклончиков!» Виктор Петрович его слушался и жаловался нам: «А мне-то какво с моим пузом?» Благодаря батюшке лексикон писателя очищался, и продолжайся так, мы бы не получили загрязненных матерщиной астафьевских текстов последнего времени. Но бесы не дремали: отца Михаила перевели в Барнаульскую епархию.

В Японии мы с Василием Ивановичем были в гостях у профессора-русиста, и он подарил нам книги, которые издавала так называемая «третья эмиграция». В том числе сборник «Неподцензурная советская частушка». Вернулись в гостиницу. Через десять минут Василий Иванович ворвался ко мне в номер: «Ты смотрел эту мерзость?» – «Какую?» – «Частушки». – «Нет». – «Выкинь!» – «Но мне интересно». – «Выкинь! Дай сюда, сам выкинь!» И забрал у меня подарок профессора. «Смотри!» – ткнул наугад. И в самом деле, была явно сочиненная гадость, вроде антисоветская, а на самом деле анти-русская, сделанная под частушечный размер. Ко-

нечно, образ сегодняшней России, созданный на Западе, создавали как раз не западные люди, а уехавшие от нас диссиденты, которым было все равно, где жить, лишь бы жить сыто. А за что Россию не любили? За то, что легко обошлась без них.

О, а как мы с Валею переходили на обращение к Василию Ивановичу на «ты»! Он требовал: «Какой я вам Василий Иванович? Вася, и все! И никакого на «вы». И дотребовался. С великим трудом мы, видя пример Виктора Потанина, который был на «ты» с Виктором Астафьевым, и Виктора Лихоносова, бывшего на «ты» с Беловым, наконец осмелились. Но отсечь отчество от имени Василия так и не могли. «Василий Иванович, – говорил Валя, – не уговаривай, не сможем ни за что». – «Ты только для Толи Заболоцкого Вася, – поддержал я. – У него два писателя, два Васи: ты и Шукшин. Остальных он за людей не считает».

И как хорошо, еще при их жизни Анатолий Гребнев написал: «Тревожно за русское слово, но вспомнишь – светлеет вокруг: пока есть Распутин с Беловым, не надо тревожиться, друг».

А когда они ушли, написал прощальное, из которого особенно помнилось: «Я знаю, былью станет небыль, мы и в гробу не уложим. И босиком с тобой по небу друзьям навстречу побежим. По зову сердца мы над бездной по звездной тропочке пройдем и на скамейке поднебесной друзей потерянных найдем. И, вспомнив радостно бывшее, забудет вечность о часах, когда Распутина с Беловым обнимем мы на небесах».

Толю они оба любили и ценили. Белов через меня передал для Толи листочек с такими строками: «От Степанова до Крылатского, то с улыбкой, то с тихой болью соловел я от слова вятского, послушмянного Анатолию. Прочитал наизусть, что было, жаль, до Вологды не хватило».

Что говорить, в церковной ограде было самое время и место вспомнить об ушедших в вечность друзьях. А сейчас еще и о том месте, на котором находился. Это здесь происходил военный совет перед Куликовской битвой, крупнейшей битвой Средневековья, его я и пытался представить. Конечно, на нем говорили о неизбежной уже битве. Слушали доклады гонцов из тех княжеств, которые также откликнулись на призыв Димитрия и митрополита Алексия. Уже знали, что поход против Мамая благословил сам преподобный Сергий, а его благословение для русских было решающим. Спешили воссоединиться с основным войском. Слушали доклады гонцов от степной «сторожи», которая следила за передвижением войск Мамаю. Считали силы, оружие, припасы продовольствия и для людей, и для коней. Положили провести смотр войск в Коломне на просторном Девичьем поле у выпадающей

в Оку Москвы-реки. О Коломна, город, где свершилось венчание юного Димитрия с нижегородкой Евдокией, будущей великой святой преподобной Ефросинией! В селе Беседы Димитрий сразу после битвы заложил храм. Вначале, как водилось на святой Руси, деревянный, потом Борис Годунов свершил каменный. Храм этот всегда был на особинку, именовался дворцовым.

Обошел его вокруг, представляя бывавшие здесь и будущие крестные пасхальные ходы. Цветы устилали ограду. Вдруг, а не вдруг ничего не бывает, увидел указатель: «К источнику». Конечно, обрадовался. Напьюсь, умоюсь. И напился, и умылся. Но источник этот был еще и купелью. Иконы на восточной стене, свеча горит. Раньше бы и думать не думал, погрузился бы. Но сейчас-то я был с навешенным на меня аппаратом. Но уже руки сами расстегивали пуговицы на рубашке и стаскивали брюки. А ботинки сами всех вперед отскочили. Присоски не отпадут, думал я, проблема в этой коробочке: нельзя ее замочить. Может, не рисковать? Но желание погрузиться в целебные, несомненно, многократно освящаемые воды отмело сомнения. Я сообразил упрятать коробочку в целлофановый пакет, добавочно окрутил этот узел снятой майкой. Не успеет промокнуть. Хлебушек из пакета и просфору положил под икону Божией Матери.

Подошел к купели. Немного трусил. Прочел молитвы: «Отче наш», «Богородице Дево», «Царю Небесный», «Правило веры». Молитвы прибавили решимости. Спустился по ступенькам, зажал в левой руке сверток с коробочкой (правой крестясь, троекратно, во имя Отца и Сына и Святаго Духа), погрузился с головой. Вышел. Испытанное ощущение, когда боязно погружаться, но зато потом так хорошо, так отрадно, так жарко, что об этом и не расскажешь. Можно только испытать самому. Это прообраз умирания и воскрешения. Конечно, страшно умирать, но зато воскрешаться в жизнь вечную – надеюсь-молюсь-верю – прекрасно!

Размотал майку, выжал. Выпростал из целлофана коробочку. Вроде сухая и целая. Одеваться! На ремне опять укрепил прибор.

О, отрада и утешение! Принял вначале просфору, потом поел больничного хлеба, запил водой. Остатки, выйдя из купели, раскрошил птичкам.

И еще поднялся к храму, и еще зашел, и еще поставил свечи. И записочки подал о родных и близких, и о себе многогрешном, болящем.

Да, болящем. Но ведь по своей же вине. Врачей-то надо слушать. Все мы такие бываем: Господь не оставит, лечиться не буду, положусь на Его милосердие. Но и святые бывали врачи, и много их, и Амвросий Оптинский, сказав, что монахам «полезно прибалывать», советовал и лечиться, и наш старец

Кирилл (Павлов) поправлял здоровье у врачей. Другое дело, что врач, к которому идешь, непременно должен быть верящим в Бога.

А мои врачи? Верят? А врачи, лечившие Валю? А Василия Ивановича? Каких врачей надо слушать? Ответ: только верящих в Бога. Иначе никаких гарантий.

Обратный мой путь был куда легче и даже веселее. Еще бы, шагал новорожденный в купели. Даже хотел идти к лечебному центру напрямую, но потом себя урезонил. Опять вдоль ревущей окружной до перехода, по нему, потом вдоль трассы в обратном направлении и через хворостяную плотинку – к забору. Посмотрел в щели, вроде тихо. Тут была проблема: с улицы не было подставки. Но как-то сумел. Подтянулся, вытянул себя, а на внутренней стороне помог ящик. Оттащил его на старое место. И вернулся в свою больничную келью. Позвонил жене.

– Я очень молилась. Ты меня напугал, я переживала.

– Но теперь-то успокойся. На свежем воздухе долго был. Ты знаешь, я что-то очень Василия Ивановича и Валю вспоминал.

– Я их никогда не забываю, всегда записки подаю.

– Да-а, твой борщ они всегда помнили.

После обеда долго лежал. Опять мысленно заново проходил путь к Беседам, храму, купели. Пытался оживить облик Димитрия Донского, виденный на иконе, перевести его в живого человека, сидящего с воеводами на военном совете-беседе, но было трудно. И не смог. И представить движение войска, храп и ржание коней мешал, конечно, доносящийся даже в палату надрывный рев несущейся по кольцу техники. Будто два обруча – один слева направо, другой справа налево – закручивались вокруг Москвы. То ли брали ее в плен и охраняли, то ли оберегали от нашествий. Но особенно четко вспоминалась наша с Валею поездка на поле Куликово. Как мы ехали, как были у слияния Дона и Непрядвы, как потом ночевали в домике прямо на поле, недалеко от храма постройки Щусева, от памятника-колонны. Как ночью вышли, молча шли к нему и молча вернулись. Храм с куполами в виде шлемов древнерусских воинов в слабом свете луны помнился отчетливо.

Валя, помню, потом сказал:

– Щусев человек был набожный, хотел во спасение души построить сорок храмов, а закончил тем, что построил Мавзолей для Ленина. Вот как так?

На обратном пути поехали в Елец, и там наш первый духовник схиеромонах Нектарий (Овчинников) благословил Валю окреститься. Крестил на дому архимандрит Исаакий. Помню, как потом пили чай, какой просветлевший был Валя в белой рубаш-

ке. Отец Исаакий рассказывал, как отбывал срок в Средней Азии и как издевался над его верой начальник лагеря.

– Когда пришел ему приказ о досрочном моем освобождении, то он на построении при всех издевательски говорит: «Это что, тебя твой Бог освобождает?» А со мной сидел уголовник, такой детина, меня слушал, когда я с ними говорил. И вот когда начальник так спросил, то уголовник прямо из строя ему врзал: «А ты как думал?»

Да, вспомнил я белую рубашку, и кажется мне сейчас, что в ней или в такой же он был, когда иеромонах Иоасаф из Заиконо-Спасского монастыря приехал к нему, уже не встающему с постели, на последнюю в жизни исповедь и причастие. Я тогда впервые увидел Вальку заросшего крепкой седой щетиной. Полное ощущение старца. Хотел еще пошутить, мол, вот, Валя, всегда тебя уговаривал бороду носить и вижу, как она тебе идет. Но уже не произнеслось.

Прощались. Нагнулся к нему и невольно встал на колени. Поцеловал. Тихо, но разборчиво Валя произнес: «Больше не увидимся».

И вскоре было прощание с ним в храме Христа Спасителя, в алтаре которого есть памятная доска с начертанными фамилиями членов первого Общественного совета по возрождению храма. Там рядом с фамилиями Георгия Свиридова, Владимира Солоухина, Владимира Мокроусова, Игоря Шафаревича написаны и наши. Валя тогда сказал: «Ради такой доски стоило жизнь прожить». После московского отпевания было и иркутское. А вот уже и на могиле я побывал. И деревянный крест заменен на мраморный, и цветов по-прежнему много. И пусто вокруг.

Но вообще, как хорошо, что русские писатели сейчас избирают себе вечный покой на родине. Не в большом смысле – Родина, Россия, а в самом сердечном – там, где родились и росли. Александр Яшин у себя в вологодском Никольске, Виктор Астафьев в красноярской Овсянке, Федор Абрамов в архангельской Верколе, Владимир Солоухин во владимирском Алепине, Петр Проскурин на Брянщине... Жалко, что Василий Шукшин похоронен не на Алтае, а в Москве. Белов, помню, очень сожалел: «Какая глупость эта «престижность»! Что Новодевичье, что какое любое другое – одна земля. А Новодевичье – одна показуха. Скульптура: Юрий Никулин с папиросой, у ног собака, сидит на своей могиле – это что? Лежать надо на родине, ее стеречь». «Могила великого человека – национальное достояние», – сказал Пушкин.

И Валя писал в завещании: похоронить рядом с погибшей любимой доченькой Марусей, с любимой женой Светой, ему и их уходы пришлось пережить.

Но похоронили в ограде монастыря, в междуречье Ангары и Ушаковки. Но это очень хорошо. Валя всегда всех гостей водил в монастырь, к могиле землепроходца Шелихова. На памятнике стихи Державина: «Коломб здесь русский погребен...» И это практически в центре города, а до Смоленского кладбища доехать не так просто: на мосту через Ангару постоянные пробки, и около кладбища трасса, машины, шум, покоя нет.

Как все летит! Нет Вали, и нет Василия Ивановича. Куда в Москве ни пойду – тут были, тут выступали, тут заседали, тут в театр, в консерваторию шли. И как теперь без них?

Василия Ивановича тоже долгие годы лечили. Страдал сильно, уже сидел в кресле, в письмах от него строчки становились все слабее, сползали в конце вправо и вниз.

Узнали о его уходе в Доме литераторов на юбилее Станислава Куняева. В самом конце, после заключительных аплодисментов, будто он пожалел нарушить радость друга.

Поехали в Сретенский монастырь, еще с нами Анатолий Заболоцкий, за рулем настоятель монастыря Тихон. Уже близилась полночь. Подняли семинаристов, отслужили первую поминальную молитву о новопреставленном Василии. Отец Тихон при нас позвонил вологодскому владыке Максимилиану и губернатору, просил их посодействовать захоронению Белова в Спасо-Прилуцком монастыре, рядом с могилой Батюшкова. И договорились, и Ольге Сергеевне, уже вдове, позвонили, и она согласилась. Но воложане, ссылаясь на его слова о захоронении рядом с матушкой Анфисой Ивановой, увезли в Тимонику. А там уже на многие километры вокруг пусто. Когда он говорил, были еще деревни, сейчас же человека не встретишь. Но возвышается и стоит на страже земли Белова церковь, почти в одиночку им восстановленная, стоит, не сдается.

Наконец я уснул. И спал аж до самого ужина. Чего же я в этот листок запишу: спал без задних ног, ибо свершил обряд исцеления – был в церкви и погрузился в источник? Написал просто: сон.

На следующее утро та же миловидная медсестра сняла с меня все присоски-датчики, унесла их, и вскоре меня вызвали к лечащему врачу Римме Оскаровне. И она, глядя на изломанные линии кардикуль кардиограммы, читая их, изумленно вопрошала:

– А что это пишете: прогулка по территории. И откуда на прогулке такие нагрузки?

– Физзарядка для бодрости, – ответил я.

А про себя понял: это же я в то время через забор перелезал.

– А вот, около полудня, что это? Учащение пуль-

са, резкий прыжок давления и резкий спад. Потом подъем до нормального. И потом все хорошо. Странно. Потом, после обеда, такой долгий сон. Снотворное принимали?

– Нет.

– И ночь прошла нормально?

– Нормально. А сейчас как давление? – спросил я, чтобы отвлечь ее от медицинских раздумий.

Померяла давление.

– Ничего не болит?

– Нет. Здоров, как призывник. Который не уклоняется от службы в армии. Выпустите меня. На свободу с чистой совестью.

– Нет-нет, два-три дня понаблюдаем. Какой-то именно с вами особый случай.

На мое счастье, до меня дозвонился врач из монастыря, деликатно поинтересовался моим состоянием. Я понял: у них появился кандидат на излечение или на исследование и палату мне надо освободить. Попросил ее позвонить здешним моим распорядителям.

А она, здешняя моя врачиха, Римма Оскаровна, вошла сама. Опять несла белые листы-полотенца записей моего состояния прибором, висевшим на мне сутки.

– Простите, не могу успокоиться. Проверили прибор – нормальный. Думала, он неверно показывает. Что вчера было с вами от девяти до двенадцати? Смотрите: читается напряжение, взволнованность, перебои в давлении, потом какой-то прыжок и потом все прекрасно. Спокойный сон, ровный пульс. Нет, что-то было. Но что? Завтра снова на сутки поставим холтер.

– Нет-нет! – всерьез испугался я. – Надо палату освободить.

– Но как понять ваше вчерашнее состояние?

– Хорошо, признаюсь. Я был в самоволке. В самовольной отлучке. Перелез через забор...

– Ужас! Но это же грубейшее нарушение режима!

– ... перелез и пошел через окружную дорогу в церковь. Тут село Беседы, я его вам из окна покажу. Оно связано с Куликовской битвой, тут был военный совет, беседа. Димитрий Донской. Но он тогда еще не был Донским. Я вам расскажу.

– Какой Донской? При чем тут давление? – спросила она.

– При том, что там я погрузился, не нырнул, а погрузился трижды с молитвой в источник, вот и все. И здоров. Тем более вчера было воскресенье. Малая Пасха.

– Какая Пасха?! Что вы мне будете глупости говорить! – разбушевалась Римма Оскаровна. – Вы понимаете, что это ненормально? Мы вас лечим, а вы? Лепите мне тут всякую фантастику. Вы же могли простыть!

– Какая фантастика? Православная реальность. Но вы правы: грубейшее нарушение больничной дисциплины тоже реальность. За это меня надо наказать и выписать. На свободу с чистой совестью.

Я уже дома. Подхожу к окну. Гладкость и прохладность стекла напоминают окно моей больничной кельи. И вижу бело-синюю церковь в Беседах. И вспоминаю, как от нее можно спуститься к источнику. И перекреститься, и погрузиться. И исцелить. И зажечь в храме свечи у икон, и подать записочки об ушедших друзьях. И быть уверенным, что они тебя видят.

Владимир КРУПИН

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ГЛАВНОЙ ВОЙНЫ

О черк

События истории не могут происходить в разных вариантах, они всегда единственны. Но вот бывает, что они по какой-либо причине искажаются. Однако рано или поздно правда о событии торжествует.

Вот неправда, одна из самых значительных в истории Великой Отечественной войны: кто водрузил Знамя Победы над Рейхстагом? Привыкли считать: это бойцы Егоров и Кантария. Нет, не они. То есть и они тоже. Но гораздо позднее первого знаменосца Победы Григория Булатова.

Он вятский уроженец из города Слободского. Его отец погиб в первые дни войны. И Гриша сразу помчался в райвоенкомат: «Хочу отомстить фашистам за отца!» По молодости не брали. Семнадцать лет. Но он был настойчив. Послали от военкомата на курсы шоферов. Потом зачислили в войска охраны военных складов и сопровождения эшелонов с военными грузами. Наконец, в 1943 году Булатов с эшелонном лошадей прибыл на фронт – на самый кровопролитный, Северо-Западный, в Великие Луки. Где и принял боевое крещение. Напомним, что именно там свершил свой исключительный по самоотверженности подвиг рядовой Александр Матросов.

После шестидневных боев от роты, в составе которой воевал Булатов, осталось двенадцать человек. Гриша проявил себя как исключительно смелый, ловкий и сообразительный боец и был взят в роту разведки. Воевал так успешно и храбро, что заслужил орден Славы и две медали «За отвагу». Его очень любили сослуживцы. Всегда веселый, сноровистый, быстрый на решения. Именно ему в будущей Берлинской операции друзья единодушно доверяют нести знамя.

Командиром разведчиков был москвич Семен Сорокин, лейтенант. Отличный токарь высшего, шестого разряда, он имел бронь от призыва, но так же, как Булатов, рвался в Действующую армию. Забегая вперед, скажем, что москвичи из района Щукино, где он жил, свято хранят его память. И в Московском авиационном институте (МАИ), в котором Сорокин выполнял сложнейшие токарные работы и до, и после войны, героя чтят по-прежнему.

Память об этих разведчиках не может быть занесена пылью забвения, ибо слишком велик их вклад в Победу. Но все дело в том, что подвиг их никак не вписывался в привычные схемы того времени, когда в нашей стране всем и вся руководила коммунистическая партия, а разведчики самостоятельно решили пойти на крышу Рейхстага. Такое не прощается: компартия не могла допустить, чтобы такое великое событие было свершено без ее указаний и без ее участия.

Надо сказать, что в Музее Вооруженных сил хранится подлинное Знамя Победы. Оно было сшито руками разведчиков Семена Сорокина из алой материи. На память они отрезали от нее полоску, которую сразу разделили на восемь кусочков. И потом легко доказали подлинность знамени. Это превосходно знал маршал Жуков.

В приснопамятный день 30 апреля 1945 года разведчики ворвались в Рейхстаг. Свинцовая смертоносная метель бушевала непрерывно снаружи и внутри здания. И только Господь сохранил их живыми. Другого объяснения нет.

Выскочили на чердак, оттуда вылезли в окно и побежали по крыше Рейхстага. От грохота выстрелов не слышно было, как гремело под ногами кровельное железо. Булатов увидел высшую точку на крыше – скульптурную группу – и кинулся к ней. На ходу разматывал красную ткань знамени. Пули бились поблизости. Со свистом летели осколки.

«Вятские – парни хватские», – подбадривал себя Григорий, уже почти оглохший от взрывов бомб, разрывов снарядов, пулеметных очередей. Страх был, но его подавила охватившая сердце отвага и уверенность, что вознесется над Берлином Знамя Победы.

Присел за трубой, привязал к древку полотнище. Оно сразу радостно заплескалось в пропахшем кровью и порохом воздухе. А когда развернулось, тут уж Григорий, совсем ничего не опасаясь, – дело сделано – открыто выпрямился, раскинул руки наподобие креста и крикнул вниз, на площадь перед Рейхстагом: «Всем видно? Знамя всем видно?»

И его увидели! И бойцы, и маршал Жуков увидел. В стереотрубу. Именно он сам вскоре распорядился отправить великую святыню на вечное хранение в Москву. Именно Жуков при встрече сказал Григорию о том, что его представляют к званию Героя Советского Союза.

В наградном листе рядового Григория Петровича Булатова написано: «29.04.1945 года полк вел ожесточенные бои на подступах к Рейхстагу, вышел на реку Шпрее. Тов. Булатов был из тех, кому было приказано на подручных средствах форсировать р. Шпрее, пробиться к зданию Рейхстага и водру-

зять над ним Знамя Победы. Беря с боя каждый метр площади, в 14 часов 30.04.1945 г. ворвались в здание Рейхстага. С ходу захватили выход одного из подвалов, заперев там до 300 немецких солдат гарнизона Рейхстага. Пробившись на верхний этаж, тов. Булатов в группе разведчиков в 14 час. 25 мин. водрузил над Рейхстагом Красное Знамя. Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Возвращаясь в Москву, маршал Жуков взял с собой знаменосцев из разведроты: лейтенанта Семёна Сорокина, рядовых Григория Булатова и Виктора Провоторова. Они ехали на прием в Кремль по личному приглашению генералиссимуса Сталина.

А там «вождь всех времен и народов» налил Григорию фужер коньяку и сказал: «От тебя требуется еще один подвиг: двадцать лет молчать о том, что ты установил знамя над Рейхстагом. Такова сейчас международная обстановка». Вот так. То есть, по мнению вождя, для международной обстановки было лучше, что знамя вознесут грузин и русский, а не один русский. Тогда, видимо, возникла в голове Сталина и формула ответа на вопрос, кто он по национальности. «Я русский грузинского происхождения». Еще к разведчикам присоединили потом лейтенанта-казаха Кошкарбаева.

У Мелитона Кантарии не было таких боевых наград, как у Булатова, но было достоинство, которым Григорий не обладал. Кантария был грузин. И они с Егоровым несли знамя и укрепляли его у ног германской скульптуры через девять часов после Булатова. В ночь на первое мая. Не под пулями несли. Смело шагали по крыше поверженной фашистской цитадели. Одетые в штатное воинское обмундирование, они, конечно, не были похожи на бойцов-разведчиков в телогрейках (командир которых лейтенант Сорокин вообще был в неуставной трофейной кожанке).

Нашей пропаганде нужна была заснятая на пленку установка Знамени Победы над Рейхстагом. Такую и представили наши исполнительные служаки. Такие кадры всегда видели мы, и справедливо полнились наши сердца гордостью за нашу армию.

Пора, давно пора поклониться могиле первого знаменосца Победы Григория Булатова. К чести его вятских земляков, на родине героя это уже свершено. Установлен ему памятник, отчеканена памятная медаль, снят хороший фильм «Солдат и маршал» Марины Дохматской и Бориса Свистунова. Но повсеместной, широкой, общероссийской правдивой известности о Булатове пока нет. И общемировая известность нужна. Ведь шел он фактически на верную смерть и достоин войти в мировую историю.

А далее все в его жизни после подвига и уже до самой кончины было горько и тяжело. Из Кремля его повезли на дачу. Он потом говорил, что это была дача Берии. Такой тогда у Григория был невероятный день: встреча с маршалом Жуковым, с вождем, Кремль, ожидание Звезды Героя и тут же неожиданная просьба молчать двадцать лет – все смешалось в его голове. А коридорная в белом кружевном фартучке была так любезна, прямо сама льнула к солдатику, говорила, как счастлива ухаживать за ним. Да он ее и не коснулся, даже рук не протянул. Он и парнем-то был нецелованным, стеснялся девушек.

А эта девица повалилась вдруг на пол, задрала юбку, оголилась и завизжала: «На помощь!»

Через секунду (значит, стояли у дверей) ворвались офицеры, избили Григория, скрутили, утащили в черный воронок. А девица под их диктовку написала «показания», как рядовой Булатов хотел ее изнасиловать.

И дали герою войны 15 лет за «попытку изнасилования». И такой метод (кто не знает, пусть узнает) наши эмвэдэшники и кагэбэшники использовали во многих случаях. Старшее поколение должно помнить, как так же посадили футболиста Эдуарда Стрельцова, знаменитого Стрельца. Повезли его после матча за город, на дачу, а там тоже подкатили девицы – вот и все.

Но здесь не футбол все-таки. Речь о человеке, поставившем точку в Великой Отечественной войне. Он не просто герой, он русский человек в чистом виде. Который берет на себя самое трудное. Но он не вписывался в каноны партии и правительства. Все же должно было свершаться по их указаниям.

К штурму Рейхстага было подготовлено девять знаменных групп. У каждой знамя, у каждой задание – установить его на крыше. На одну группу не надеялись: кого-то убьют – другие дойдут. Расчет суровый, но это война.

А тут незапланированная разведрота из армии Шатилова. Разведчики, которым позволено действовать самостоятельно. Они и загорелись. Они видывали такие виды, бывали в таких переплетках, а уж что говорить об общем любимце Грише Булатове. Самый молодой! И на всех снимках он стоит на первом плане – совсем парнишка, полный радости. И снимки эти обошли многие центральные газеты. А делали снимки фотокоры и «Правды», и «Красной звезды», и «Комсомольской правды». Ясно, что не так просто ставили на первое место Григория.

Но потом уже снимков этих не появлялось нигде вплоть до 70-х годов.

А как же двадцать сталинских лет? Да никак. О них Григорий помнил. И о нем маршал Жуков и генерал Шатилов помнили. К ним из заключения пи-

сал Булатов. Его, по их ходатайству, освободили в 47-м. Еще два года он шоферил в Группе советских войск в Германии, потом вернулся в Слободской. И жил. И молчал. А маршал Жуков впал в немилость.

Давайте представим жизнь Григория. Он держал слово, данное вождю. Работал водителем, мотористом на речном катере, слесарем на фанерном комбинате «Красный якорь». Но когда прошло 20 лет, рассказал обо всем друзьям. А те его высмеяли. Да и какие уже там были друзья – просто собутыльники. И попробуйте не выпить, когда тебя считают лгуном, самозванцем. Какой ты герой, когда во всех учебниках значатся другие знаменосцы?

Да еще надо сказать, что, несомненно, Григория вели незримые цепкие руки спецслужб. И подпавали, и втравливали в драки. Нашли в доме банку краски – протокол: ворованная. Вторая судимость тут же. Кто там будет разбираться, за что была первая. Вскоре схватил и третью. Поцапался по пьянке. Другому бы простили, его – за решетку. Ну какой же он герой после этого? Героев в школу приглашают перед ребятами выступать, а тут дядька, которого дети и у пивной видели. Какой же это пример для подражания?

Да что говорить, когда сам маршал Победы в немилости и у Сталина, и у Хрущева. Кто там будет заниматься рядовым солдатом?

За два дня до его ухода с земли в Слободском появились двое крепких мужчин в штатском. В день кончины Григория Петровича (еще никто не знал о трагедии – свидетельство дочери и зятя) они заявили к нему домой, изъяли его записи, письма к нему маршала Жукова и генерала Шатилова. Существование этих писем подтверждали многие. В частности, жена вспоминала строчки Жукова: «Гриша, ты топтал сапогами Рейхстаг, растопчи ими проклятую бутылку». Зять вспоминал, что Григорий Петрович оставил много записей о войне и конце войны.

Бог мне простит, уверен, что смерть Григория Булатова не была самоубийством. Он мешал легенде о Знамени Победы. Сейчас это все исследовано досконально. Свидетель снятия тела из петли ука-

зывает на высокую трубу под потолком. Как невысокий ростом человек мог привязать за нее веревку? И как без какой-либо подставки влез в петлю? Прямо с пола? Нет, его, скорее всего, повесили. Повесили и закрыли дело. Ни следствия, ни каких-то выводов.

Это очень напоминает гибель Сергея Есенина. Тоже труба под потолком, тоже непонятно как привязанная к ней веревка...

Виктор Провоторов, призванный из Макеевки и помогавший Григорию Булатову нести Знамя Победы, оставил на Рейхстаге гордую надпись (есть фотография): «Мы из Донбасса! Знай наших!» И его судьба трагична. Он не ждал 20 лет и кому-то раньше рассказал о подвиге. И вскоре погиб – якобы от того, что взялся руками за оголенные провода под напряжением. И это фронтовой разведчик. Кто поверит?

Вот хроника водружения знамени. Первая картинка: бегут разведчики Семена Сорокина. Следующий кадр: Булатов укрепляет древко. Рядом Сорокин, за ними Провоторов. Вторая съемка, отредактированная: разведчики бегут, но кадр уже со спины. И прикручивает знамя уже не Булатов в пилотке, а воин в шлеме танкиста.

И в воспоминаниях маршала Жукова время установления знамени указано так: 30 апреля в 14.25 по московскому времени. Да, еще шли бои, но уже Знамя Победы, вдохновляя, реяло над Берлином.

Совсем не поздно нам, живым, требовать подробного исследования жизни и кончины героя войны Григория Петровича Булатова. Каково ему было жить с кличкой Гришка-Рейхстаг?! От обиды и боли он даже вытатуировал эти слова на своем теле. Осуждаете? А вы примерьте его судьбу на себя.

Нельзя, чтобы ложь, даже красивая, продолжала жить в истории. Думаю, это и грузинам, и казакам не надо. Фактически был затравлен, доведен до самоубийства или, скорее всего, убит национальный герой русского народа. И от этого очень тяжело.

г. Москва

Максим ДОЛГОВ

НЕДОСКАЗАННОЕ

Как-то светлым августом 2019 года мне позволили с новосибирского телевидения. Я тогда служил заведомо прозы журнала «Сибирские огни», а жил в знаменитом Академгородке, который считал (и до сих пор считаю) лучшим местом на земле. Молодой человек, назвавшийся Игорем Мельниковым, пригласил меня в свою передачу для разговора о журнале и о современной литературе.

Я в общем-то человек не публичный, можно сказать – книжный червь, всегда имел дело с печатным словом, а не звучащим и поэтому слегка заробел. Но потом рассудил, что в кои-то веки мне представляется случай донести свои выстраданные мысли до широкой аудитории, и согласился.

На следующий день тележурналист прислал примерный список вопросов, которых он хотел бы коснуться. Готовясь к эфиру, я между делом навел справки о будущем собеседнике. Информация интернета повергла меня в изумление: ведущий телевизионной передачи оказался... слепым! Что больше могло бы потрясти воображение? Только если бы работник радио был глухим. Впрочем, без всякой предвзятости я набросал предварительные соображения по обозначенным темам и отправил их Мельникову.

...И вот я стою в футуристическом фойе телецентра, невольно приклеившись взглядом к огромному экрану, где струится некий отвлеченный видеоряд, а когда поворачиваю голову на приблизившиеся голоса, вижу улыбающегося парня в непроницаемых очках, с протянутой в пространство рукой. Мы обменялись рукопожатием.

Об этом человеке стоило бы написать отдельно, однако здесь я не ставлю такой задачи; кроме того, меня останавливает соображение, что, вне сомнения, это уже многие сделали до меня.

Прежде чем в сопровождении девушки с внешностью фотомодели пройти в студию, мы немного поговорили в коридоре. Когда я сравнил редактора с акушером (ведь хороший редактор, по сути, помогает автору родить в свет свое детище), а работу корректора уподобил ратному делу сапера («мин нет!»), Игорь искренне пришел в восторг и был полон энтузиазма.

Увы, в студии живого, непринужденного разговора не получилось. Разглагольствовать в частной

беседе и рассуждать под пристальным оком телекамеры, да еще литературным языком, – две большие разницы. Недостаток опыта выступлений в эфире сказался. Я был скован, косноязычен, да и отсутствие между нами визуального контакта все-таки мешало.

Сейчас, спустя годы, я, волею семейных обстоятельств переехав в родной город Кемерово, смотрю на бывшее с трепетом и ностальгией. Журналу «Сибирские огни» я многим обязан, это была отличная школа, и все, что с ним связано, дорого мне. С другой стороны, сказанное тогда нисколько не потеряло актуальности, и я решил придать той забытой беседе на телевидении форму интервью, воспользовавшись моими старыми набросками – но основательно переработав их. Не все из предлагаемого материала прозвучало в эфире, а если прозвучало, то в иных выражениях. Так что настоящие записи представляют собой не столько отражение того, что было, сколько то, что должно было быть...

– Литературный журнал – зеркало времени. Поэты и прозаики пишут о тех темах, которые их волнуют и отражают ситуацию общественной жизни. Какую картину мира представляют нам «Сибирские огни»? Иными словами, что сегодня беспокоит, волнует писателей?

– В одной рукописи, которая лежит в нашем редакционном портфеле, есть такая формула: «Жизнь в целом незавидна, но в частностях прекрасна». Мне кажется, это очень точное наблюдение.

Если охватить широким взглядом публикуемую в журнале прозу, то картина мира вырисовывается, прямо скажем, не радужная. Порой товарищи, с которыми я советуюсь по поводу того или иного произведения, говорят: «Написано хорошо, слов нет, только больно уж мрачно». А что я могу поделать? Такова жизнь. Приведу лишь некоторые заголовки: «Одиночество», «Выкидыш», «Жизнь собачья», «Бальщина»...

В рассказе ангарского писателя Игоря Корниенко «Развилка» малыш на прогулке говорит: «А давайте кто быстрее?» – и бежит по левой дорожке, а родители – по правой. Через сотню шагов обе дорожки должны сойтись. Больше родители дочку не видели... В современной России ежегодно пропадает без вести 70 тысяч человек, и это стало уже обыденностью. Корниенко же показал эту чудовищную ситуацию через объектив художника. Он художественными средствами изобразил, как по-разному восприняли трагедию отец и мать, как исчезновение ребенка изменило их жизнь.

Или возьмем рассказ Марии Косовской «Открытый космос». Тринадцатилетняя девочка становится свидетельницей супружеской измены отца. Она летит кубарем со скамейки, с которой нечаянно под-

глядела шокирующую сцену, и вместе со скамейкой весь мир для нее переворачивается. Она переживает крушение своей детской вселенной...

Темы, которые волнуют писателей, в общем-то, вечные: любовь, смерть, материнство, совесть, предательство. Но на них проецируются, конечно, и специфические социальные пертурбации, которые страна переживает последние тридцать лет.

– А с каким периодом в развитии литературы вы бы сравнили нынешнее время?

– Лично я не стал бы соотносить наше время ни с какой другой исторической эпохой. Потому что время, в которое мы живем, во многом уникально. И хотя еще в древности сказано: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен» – однако *таких* перемен еще не было. Никогда в мировой истории социалистическая формация не сменялась капиталистической. Сейчас это произошло на наших глазах. Я – советский человек, и многие люди моего поколения воспринимают случившуюся контрреволюцию как крушение основ.

Интересно, что в редакционной почте попадают произведения совсем молодых авторов, проникнутые ностальгией по советскому прошлому. Казалось бы, откуда у 25-летних это чувство? Они родились уже не в СССР, они Советский Союз не застали. И тем не менее остро чувствуют несправедливость настоящего общественного устройства, выхолащивание человеческих отношений, видят вопиющее социальное расслоение, которое ничем невозможно оправдать.

– Как живет сегодня журнальная культура? Умирает ли она?

– Когда-то мы были самой читающей нацией в мире. Мои родители имели большую библиотеку, выписывали три-четыре журнала, пусть не литературно-художественных, но познавательных, дающих пищу для ума, например «Науку и жизнь». Кстати, в наши дни даже активный читатель интерес к научно-популярной литературе потерял и имеет слабое представление о современном состоянии науки. Отсюда (особенно в связи с развитием социальных сетей) массовая утрата рационального мышления: люди не способны отличить великое от заурядного, подлинную новость от фейка и т. д.

Если посмотреть на журнальные тиражи, то трудно видеть: с 1990 года, последнего года советского века, тираж «Сибирских огней» упал в 60 раз. Тираж «Знамени» – почти в 1000 раз! Справедливо-сти ради отмечу, что в лихие девяностые положение было еще хуже: те перебои и провалы в выходе номеров можно сравнить только с временами Великой Отечественной войны. Сегодня ситуация более-менее стабильная, но когда на планерке главный редактор Михаил Николаевич Щукин говорит с юмором: «Был в министерстве – хорошие новости:

бюджет на будущий год не урезан» – ты понимаешь, как все зыбко.

Литература питается соками жизни. И точно так же, как целые социальные слои не живут, а выживают, так и журналы борются за жизнь ежедневно, ежечасно.

И все-таки надо жить... Мне вспоминается история, описанная шведским режиссером Ингмаром Бергманом. В поисках заключительной сцены для фильма он с престарелым отцом пришел в церковь. Священник на службу опаздывал. А когда появился, то сообщил прихожанам, что очень болен, температура – тридцать восемь и настоятель разрешил ему сократить богослужение. Отца Бергмана это страшно возмутило (он тоже был во время оно пастором, но уже отошел от дел). Он прошел в ризницу, и там состоялся сердитый разговор. После чего служба радостно объявил, что служба пройдет по полной программе, священнику поможет его старший коллега. Так Бергман обрел финал для фильма и правило, которому стал следовать всегда: *ты обязан, невзирая ни на что, совершить свое богослужение.*

У каждого бог – свой. У журнала бог – литература. И мы, литературные работники, стараемся служить ему по мере сил. Редакция – это обогащающая фабрика, где перемалываются «тысячи тонн словесной руды». И в напряженные моменты подготовки очередного номера я порой забываю, какое сегодня число, какой день недели. Только знаю как редактор: я нахожусь... на 55-й странице повести Мамонтова «А потом поедem в Ялту». Честно, я мыслю в координатах рукописи.

– Вот вы упомянули социальные сети, правда, в негативном аспекте. Однако согласитесь, что интернет велик, могуч и безграничен. Он дает огромные возможности для популяризации, стирает границы общения. В связи с этим хочется спросить: кто кого ищет? Литературный журнал – писателя или наоборот?

– Интернет-то безграничен, но не безграничны силы редакционных работников. Смотрите: на портале «Проза.ру» 300 тысяч авторов! Ясно, что журнал не может искать здесь писателя вслепую. Даже когда ты обращаешься к конкретному, проверенному автору с просьбой дать новую вещь, всегда есть опасность, что эта новая вещь окажется хуже предыдущей. Творческая неудача – с кем не бывает? И тогда мы оба – и редактор и автор – окажемся в неудобном положении.

Ныне благодаря интернету и авторитету нашего бренда поток писем в редакцию очень большой, и всегда есть из чего выбрать. Поэтому, как правило, именно автор ищет журнал, а не наоборот. Я не говорю про именитых писателей, таких как Тарковский, Пращкевич, Сенчин, – с ними разговор особый.

– Как много авторов желают быть опубликованными и часто ли приходится им отказывать?

– Только прозаиков, которые присылают в редакцию свои произведения, у нас набирается до пятисот и более в год. Приходится ли им отказывать? А как же! Реально печатается примерно десятая часть. Причем эта доля будет уменьшаться, потому что по мере развития интернета объем почты будет расти, а объем журнала – нет.

– Какие основные причины отказа? Произведения не соответствуют уровню журнала?

– Да, эта причина – основная. Я всегда придерживался такой позиции: литература – это не «что», а «как». Как написано – это самое главное. Вы можете взять животрепещущую тему, но если написано шаблонно, среднеарифметическими словами – это никому не нужно. И у лучших авторов «Огней» язык ярко индивидуален. В упомянутом мной рассказе Корниенко «Развилка», когда мы еще не знаем, что пропала девочка, вдруг читаем загадочную фразу: «Отец был уверен: сороки всё видели». Что видели сороки? При чем тут сороки? От этой недосказанности – мурашки по коже. Вот это и есть настоящая литература – когда мурашки по коже.

Недостаточный литературный уровень не единственная причина отказов. Бывает, написано вроде и складно, но языком, не несущим на себе печати времени. Ты читаешь и не можешь понять: это написано сегодня или в 60-х годах? А ведь по «Сибирским огням» библиофил будущего будет судить о том, как говорили люди в начале XXI века, какие у них были прикольные словечки, выражения.

Иногда редакцию не устраивает предложенная автором тема. Наш журнал не закрыт для эмигрантов, он периодически публикует представителей русского зарубежья, но когда автор начинает расписывать подробности воинского призыва в армию Государства Израиль, остается только недоуменно пожать плечами.

– Дорожат ли сегодня авторитетом издания? Или, если не опубликовали здесь, пойду в другое место?

– Многие – дорожат. Зачастую даже слишком. Так, один географически очень удаленный автор (не буду называть его имени) уже не первый месяц

бомбардирует редакцию своими опусами. Для него почему-то важно опубликоваться непременно в «Сибирских огнях».

Однако для большинства, я думаю, сам факт публикации важнее того, в каком именно журнале она состоялась. Иначе не существовало бы такого явления, как веерная рассылка, когда автор направляет произведения в несколько изданий одновременно. Кто-нибудь да примет рукопись, рассуждает он. Мы же такие рукописи вообще не рассматриваем. Мы тоже хотим быть первыми – открывать новые имена, новые произведения. Печатать пусть даже достойную вещь вдогонку «Нашему современнику» нам неинтересно.

– Главная проблема толстых литературных журналов?

– Общей бедой всех журналов мне видится недостаточное финансирование. О низких тиражах я уже говорил. Другой момент. Уже несколько лет существует премия «Сибирских огней», которая раз в год, в январе, вручается лучшим авторам по целому ряду номинаций. И вот, представьте, Геннадий Башкуев за отличный роман «Чемодан из Хайлара» – роман! – получает премию, в денежном выражении сопоставимую с зарплатой продавца супермаркета. Вообразите, сколько нужно труда и таланта, чтобы написать хороший роман! Вот вам рыночная оценка писательского труда, вот вам престиж профессии... Другой наболевший вопрос из той же оперы – символические гонорары. Впрочем, во многих журналах их вовсе нет.

Надо поднять материальную обеспеченность журналов. Только как это сделать при капитализме? Скажу вам честно: я не знаю.

Закончить хотелось бы словами поэта и прозаика из Академгородка с незапоминающейся фамилией Иванов, но запоминающимся именем-отчеством Константин Константинович, который когда-то написал: «Культуру спасает не тот, кто ее спасает, а тот, кто ее продолжает делать». И миссия толстых журналов в этом – продолжать делать культуру. Продолжать, невзирая ни на что.

г. Кемерово

Эдуард АНАШКИН

ЗЕМНОЙ КОМПАС НЕБЕСНЫХ СТИХОВ

Юбилей лауреата Государственной премии СССР, лауреата премии Ленинского комсомола Николая Николаевича Добронравова – большое событие для миллионов читателей-соотечественников, которые выросли на стихах этого поэта. Впрочем, почему только соотечественников? После развала СССР кто-то из советских людей остался на территориях национальных республик, другие были вынуждены покинуть родные места. Но у всех продолжали жить в душе песни, ставшие частью их личности и судьбы. В этом главная заслуга удивительного творческого и семейного союза поэта Николая Добронравова и композитора Александры Пахмутовой. Созданные ими песни всегда с нами по самым разным поводам, ведь они очень разные: лирические, ностальгические, заряжающие энтузиазмом... Слушая их, хочется творить, любить, верить, надеяться на лучшее. Именно строка Николая Добронравова: «Надежда – мой компас земной!» – для многих стала жизненным девизом.

...Последний раз я встретился с этой поразительной парой в Москве в день Крещения Господня – 19 января 2015 года. Тогда в правлении Союза писателей России награждали лауреатов премии «Имперская культура». До начала торжества еще было время, и Николай Николаевич, заметив меня, направился в мою сторону. А пока он шел ко мне, я живо вспомнил нашу встречу-знакомство (о которой расскажу позже), и сердце мое облилось теплой волной...

После церемонии (там композитору Пахмутовой вручили премию в номинации музыкального искусства) Александра Николаевна потянула меня за рукав пиджака и обратилась к мужу: «Коленька, земляка приглашаю к нам в гости, поговорим и заодно поужинаем». Я и обрадовался, и огорчился безмерно. Ведь меня позвали к себе такие великие люди, а я вынужден отказаться: заранее купил билет на обратный поезд в этот же вечер...

Плодами вдохновения творческого союза двух этих выдающихся личностей отечественная культура подпитывается и сегодня. Кто из нас не пел их песни? И уж наверняка все слышали – «Опустела без тебя земля», «Команда молодости нашей», «До свиданья, Москва, до свиданья!», «Трус не играет

хоккей» и многие-многие другие. Эти песни созданы душой и для души, они будут жить долго, как и их создатели, чей брак длиною в жизнь сегодня для многих может служить примером. А помог встрече этих ярких людей, встрече Поэзии и Музыки счастливый творческий случай.

После окончания Школы-судии МХАТ Николай Добронравов успешно работал актером в Московском театре юного зрителя. Одновременно пробоval себя в кино (сыграл в фильмах «Спортивная честь», «Возвращение Василия Бортникова»). Но стихи, которые он любил еще со школьных лет, не отпускали. Именно к литературному творчеству он и начал больше склоняться. Молодого поэта стали часто приглашать на детское радио. Там-то в далеком 1956 году Николай и нашел свою судьбу.

Дело было накануне школьных каникул, когда Добронравову предложили написать стихи к уже готовой мелодии. Автором ее была Александра Пахмутова. Молодой поэт и молодая девушка-композитор увлеклись не только совместным творчеством, но и друг другом. Подружило их общее первое детище – песня «Лодочка моторная». А уже через три месяца после знакомства Александра стала женой Николая. На пышную свадьбу денег не было, а кредитов на это действо тогда брать было не принято...

Добронравова называют человеком-эпохой. Но если говорить по существу, он яркое явление сразу нескольких эпох. Да, сегодня не слишком часто поют «И Ленин такой молодой», но я знаю немало молодых людей, которые считают современной песню «Ты моя мелодия» и другие лирические произведения двух этих авторов, столь созвучные юной душе. При всем мирном своем, дружелюбном характере Добронравов и Пахмутова всю жизнь находятся «на передовой», потому что стране всегда нужны песни, которые вдохновляют и воодушевляют. И эти песни не знают старости! А вот чувство ностальгии по хорошему и веру в хорошее вызывают всегда.

Хочу привести отрывок из адресованного мне письма. «Мы несказанно Вам признательны за то, что Вы бережно храните один из самых первых наших сборников песен, – написал Николай Николаевич одновременно и от себя, и от жены. – С удовольствием выполняем Вашу просьбу – высылаем новый сборник стихов. Сейчас с этим гораздо труднее. Если раньше тиражи поэтических сборников (и моих тоже) исчислялись десятками, а то и сотнями тысяч, то сейчас (обратите внимание!) тираж сборника – 250 экземпляров. Тем не менее я искренне благодарен за то, что Союз писателей России выпустил совершенно безвозмездно (что по нашим временам очень редко) сборник, в который я успел поместить довольно много новых стихов. Еще раз огромное Вам спасибо за любовь к стихам и пес-

ням! С наилучшими пожеланиями Вашим детям и внукам. Ваши А. Пахмутова, Н. Добронравов».

О каком же «одном из самых первых сборников» речь в письме? Самое время рассказать, что личным знакомством со знаменитой семьей я обязан... Валентину Распутину. В конце мая 2003 года, закончив дела на огороде, уехал я в Переделкино (жена называет такие мои поездки творческим отпуском и относится понимающе). Номер в старом Доме творчества мне достался двухместный, но жил я в нем один. Не было бы счастья, да несчастье помогло: мало кто из писателей мог тогда наскрести денег на подобную поездку, так что я оказался одним из немногих везунчиков. А тут еще, к моей великой радости, в Переделкино приехал и Валентин Григорьевич. Он в то время работал над новой повестью «Дочь Ивана, мать Ивана».

В Переделкино мне позвонили из правления Союза писателей России, сообщили, что в их книжную лавку поступили новые книги – Бушина, Грибанова, Станислава Куняева. Издания, которых в самарской провинции не купишь! Я отправился в Москву и уже в центре города увидел интеллигентную старушку, прямо на улице разложившую книги на продажу: видно, пришлось вот так заняться «коммерцией», чтобы на хлеб деньги были. Я решил хоть как-то поддержать «бизнес» пожилой москвички, стал рассматривать издания. И в числе прочего разглядел сборник песен «Чьи песни ты поешь. А. Пахмутова». На обложке фото Александры Николаевны. Выпущена книга была в 1965 году в издательстве «Музыка». Раритет! И не беда, что этот сборник произведений Добронравова и Пахмутовой был изрядно потрепан. Потрепанность книг меня всегда радует, говоря об их востребованности читателями!

И вот иду я довольный, что и старушку копеечкой поддержал, и книгу уникальную обрел, а на крыльце правления Союза писателей России стоит Распутин. Ну, думаю, какой удачный день! А Валентин Григорьевич увидел у меня в руках сборник и спросил коротко: «Что это?» – «Да вот купил сейчас у бабульки недалеко...» – пояснил я. Распутин взял книгу, неспешно пролистал и сказал, на правах старого друга обращаясь ко мне просто по отчеству: «Константинович, а сборник-то замечательный! Но еще лучше будет, если авторы тебе его подпишут! А так тут много песен о Сибири нашей родной, он просто веет Сибирью...» И сейчас помню, как перехватило у меня горло от этих слов, потому что, хоть и живу я многие десятилетия вдали от Сибири, все больше понимаю и чувствую неразрывную связь с малой своей забайкальской родиной.

Валентин Григорьевич раскрыл портфель, достал записную книжку: «Записывай адрес. Комсомольский проспект, 45...» И назвал номер квартиры, добавив: «По этому адресу живут Пахмутова и До-

бронравов. Автобус ходит. Садись и езжай к ним. Познакомься и возьми автограф...»

Я, конечно, выразил осторожное сомнение: стоит ли вот так без предварительной договоренности являться в дом именитых классиков, удобно ли это будет? На что Валентин Григорьевич улыбнулся: «Это хорошие люди и дружная семья. Объяснишь им все, и, поверь, тебя примут. Удачи! Вечером в Переделкине встретимся!»

Переходя на правую сторону Комсомольского проспекта, я думал, до чего порой удивительна жизнь: один классик отправляет меня к двум другим классикам! Такое бывает, может, раз в жизни. Так чего я буду экономить на такси? Остановив машину, назвал адрес. Пожилой водитель спросил с улыбкой: «В дом Пахмутовой едете?» Не без гордости я ответил, что не только в дом Пахмутовой, но и непосредственно к ней и ее мужу-поэту. Таксист улыбнулся еще радушнее: «Знаю, знаю этот маршрут. Частенько к ним гостей вожу, поэтому даже к нужному подъезду вас подвезу!»

Нажав кнопку звонка у двери квартиры, я услышал мелодичный голос Пахмутовой: «Кто это?» Постарался говорить спокойно, хотя волнение все же сказывалось: «Александра Николаевна, я писатель из Самарской области. Купил раритетный сборник ваших песен «Чьи песни ты поешь», хотел бы, чтобы вы его мне подписали». Сказав это, сам понял, как странно звучит такая просьба от незнакомца, но мне ответили: «Проходите!» Меня встретила миниатюрная женщина и великий композитор в одном лице, с улыбкой одновременно и открытой, и застенчивой. «А как вы наш адрес узнали?» – поинтересовалась Пахмутова. «Так мне Валентин Распутин его дал!» – честно признался я. «О, сам Распутин!» – вступил в разговор Николай Николаевич Добронравов. Я достал из портфеля сборник «Чьи песни ты поешь» и протянул его поэту.

«Аленька, ты только посмотри, сборник-то как зачитан, – поразился тот. – Видимо, до сих пор гуляет по рукам!» – «Коленька, – откликнулась Александра Николаевна, – гостя приглашай за стол!» И обратилась ко мне: «Чай? Кофе?» Все еще робея, я попросил кофе. А потом пил его и ел предложенное Александрой Николаевной простое, но очень вкусное печенье. И отвечал на ее вопросы о Самарской области, что стала мне второй родиной. Свой интерес к этим местам она объяснила так: «Я же волжанка. У меня папа и мама из Куйбышевской области, корни мои там... И как вы там сейчас живете?» – спросила Александра Николаевна.

Я, осмелев, начал читать одно из любимых стихотворений: «Стою и книги продаю, // Облюбовав с утра скамейку. // Как будто друга продаю // За соразмерную копейку. // Купите книгу, господа! // И опускаю взор при этом. // – Да кто ты есть? – Ну,

был поэтом! // Так это было-то когда? // Когда под знаменем труда // Ценили явленное слово... // Стоять на паперти не ново... // Купите книгу, господа! // Я сам пишу, сам издаю // И у скамейки еле-еле // Стою, как будто на панели, // И сам себя внаем сдаю. // Купите книгу, господа! // Но как знакомых вижу лица, // Готов сквозь землю провалиться // От набежавшего стыда».

Александра Николаевна смотрела на меня изумленными глазами. Николай Николаевич опустил голову: «Тяжело стало в этой жизни, и всех нас это коснулось...» – «А кто автор стихотворения, Эдуард Константинович? Это вы написали?» – прервала молчание Пахмутова. Я назвал имя куйбышевского поэта Владимира Суслова, добавив, что не так давно он переехал в Челябинск. А меня так поразила честность этого стихотворения, что я его запомнил буквально с нескольких прочтений...

Разговор продолжился, пока не раздался звонок в дверь. Николай Николаевич подошел к двери, поговорил с кем-то и обратился к жене: «Аленька, к тебе гости с телевидения. Ты им назначала встречу? Они говорят, что да». – «Хорошо, Коленька, – спокойно и ласково ответила Пахмутова. А потом извиняющимся тоном обратилась ко мне: – Даже поговорить мы как следует не успели. Давайте договоримся, что завтра в 12 часов дня вы к нам приедете опять. Вы где остановились? В Переделкине? Ну, тогда уж, пожалуйста, не обедайте там. Пообедаем и поговорим здесь. Договорились?»

К сожалению, на следующий день я приехать в

Москву не смог. Приболел и вообще был вынужден прервать свой творческий отпуск... Но когда вернулся домой, меня уже ждал подарок – заказная бандероль от Александры Пахмутовой со сборником песен для детей и юношества «Звездопад». Да еще и с ее автографом! И на этом сюрпризы не закончились. Следующим подарком стала присланная книга стихотворений Николая Добронравова «Вера моя». И тоже с автографом!

При каждой следующей поездке в Первопрестольную я, конечно, думал о возможной встрече с этой замечательной семьей выдающихся творцов, но не хотелось обременять их, понимал их занятость. Ну, а потом серьезная болезнь сделала меня невыездным за пределы своего села... Зато всякий раз, слыша по радио или по телевидению песню Добронравова и Пахмутовой, я будто снова общаюсь с этими не по таланту скромными людьми.

И надеюсь на новую встречу.

Потому что надежда – мой компас земной.

Самарская обл., с. Майское

От редакции.

Пока этот номер готовился к печати, стало известно о кончине Николая Николаевича Добронравова. Редакция «Огней Кузбасса» присоединяется к словам соболезнования родным, близким и всем почитателям таланта покойного.

Александр САВЧЕНКО

ТЫСЯЧА ДНЕЙ И НОЧЕЙ*

Героическая повесть

ХАРЬКОВ. 1929. КОМАНДИРОВКА

До чего ж замечательна эта улица! Почти к каждому его приезду обновляется то один, то другой фасад. Да и как иначе? Столичные города всегда растут быстрее и благоденствуют заметнее окраинных поселений...

Бардин спешил, но даже от беглого его взгляда не ускользало ни одно приметное сооружение. А их тут кругом множество – не то что в его сорокатысячном Запорожье-Каменском.

Высится Ветеринарный институт, в котором до революции находился Институт благородных девиц. Тянется линия старинных домов, возле них когда-то студенты пытались митинговать против редакции самодержавной газеты «Южный край». Тут же в пятом году таились явочные квартиры большевиков, замаскированные под кафе и аптеки. По сохранившимся камням мостовой на празднование Первомая шли колонны демонстрантов. Ну, а в доме под несчастливым номером 13 работало первое рабоче-крестьянское правительство и располагался Центральный исполнительный комитет Советов Украины.

Взгляд остановился на здании драматического театра. Туда теперь заманивает своими постановками новоявленный театр «Березиль» под руководством Леся Курбаса. Новые времена – новые песни. Наискосок в угловом четырехэтажном доме живет сам Василий Блюхер – герой Каховки и Перекопа, ныне помощник командующего Украинским военным округом Ионы Якира.

А вот и здание строгих архитектурных форм стиля неоренессанса – это бывший Совет горнопромышленников юга России. Сразу после революции в нем размещалось студенческое общежитие и редакция журнала «Студент революции». Сейчас тут находится управление треста «Югосталь». Управляющих и технических директоров металлургических заводов в эти дни ждут здесь неотложные дела: отчеты по работе за прошедший год и планы на будущий...

113

Бардин облегченно вздохнул. Теперь все улажено, нет за ним никаких долгов. Позади властные кабинеты, в которых начальство любит давать указания. Розданы последние презенты и реверансы секретаршам с пальчиками, совершающими чудеса на пишущих машинках. К этим симпатичным девушкам Бардин обращался часто – когда надо было срочно перепечатать испорченный лист отчета или допечатать несколько недостающих фраз.

Директор завода Иосиф Петрович Манаенков предложил ехать домой в его легковушке. Но Бардин отказался, представив, что придется всю дорогу сидеть или возле его дражайшей Марии Стефановны, или рядом с шофером, что тоже несерьезно. К тому же надо было забежать в хозяйственный магазин и купить новую терку для овощей, уж очень просила его перед отъездом Мария.

Собрался было взять извозчика. Но увидел копошащуюся около коновязи публику и отправился пешком. Через сотню шагов, правда, пожалел: долго идти. Дорогу перед ним пересек мужчина в шляпе и в пальто с высоко поднятым воротником, под мышкой сверток; видимо, человек подался в баню. Но потом мелькнуло в голове: ведь у людей завтра православное Рождество, некоторые еще до сих пор умудряются ставить у себя в доме елочку! Хотя несколько дней назад «Правда» писала, что этот праздник советской властью навсегда отменен, а вместо него вводится новый, который будет называться Днем индустриализации.

Бардину не терпелось добраться до своего временного пристанища. Придя наконец, разделся и лег, ожидая, чтоб умиротворилось в нем все – и дух и тело. Утром домой в Каменское, а там опять нескончаемые горы работы...

Кажется, задремал. Но неожиданно в дверь постучали. Наверно, обслуга. Чего еще надо в такой час?

– Открыто!

Вкатился подвижный, как ртуть, человек, напоминающий эстрадного конферансье. Было видно, что он откуда-то летел и спешит дальше. Здесь оказался случайно, но успел выдохнуть:

– Здравствуйте! Я не обознался: вы лично Иван Павлович Бардин?

– Совершенно так!

А сам подумал: тип не из ГПУ, оттуда приходят другие люди и обращаются совсем не так...

Приподнимаясь с кровати, произнес:

– Чем вам обязан?

– Я представляю интересы Тельбессбюро. Моя фамилия Шагаев.

– И что?

В этот момент Бардина озарила догадка. Он вспомнил о бюро с таким странным названием, по

* Журнальный вариант.

нынешним временам серьезной конторе, которая занимается строительством нового металлургического завода в Сибири. Неужели это *то самое*?

– И что бы вы хотели от меня, товарищ?

Нежданый гость выпалил на одном дыхании:

– Мне поручено передать вам устное приглашение поехать в Кузнецк главным инженером на строительство нового завода. В Москве вы рекомендованы ответственными работниками Совнаркома...

Это просто невероятно! Бардин совсем недавно прокручивал в голове мысль: как бы побольше узнать об этом Тельбесском заводе. А он, оказываясь, сам собой вдруг приплыл в белы рученьки... Не ошибка ли?

– Но я же работаю, причем вы, наверно, знаете, где и в какой должности.

– Иван Павлович, все уже обговорено по телефону с товарищем Штокманом. Он понимает важность и остроту момента. С Москвой спорить не станет. Товарищ Манаенков тоже в курсе событий...

Бардин никогда не чувствовал себя таким растерянным. Этот человечек ставит его в глупое положение! Захотелось даже выпроводить странного вестника. Но Шагаев, похоже, говорил серьезно, хотя взгляд по-прежнему был веселым и нахальным.

– Думаю, что с нашим переводом все решится как нельзя лучше. Скажите последнее: сколько вы хотите получать за работу на новом месте?

Теперь до Бардина дошло, что это не сон и не розыгрыш. Манаенков явно был в курсе событий. И видимо, хотел что-то сказать по дороге в своем авто. Не зря ж приглашал поехать вместе с ним...

– Скажите своим людям, что я согласен! – взорвавшись, выпалил Бардин. – А деньги для меня не так важны, как вы считаете. Если дело дойдет до серьезного разговора, то могу вас заверить: Тельбесстрой из-за моего присутствия финансово не страдает!

Было видно, что Шагаев не ожидал столь скорого благоприятного исхода. Зачем-то расстегнул, потом застегнул свой портфель.

Еще раз удовлетворенно блеснул горячим взором:

– Большое спасибо, Иван Павлович! За ваш быстрый ответ и согласие!

И он, словно ртутный комочек, выкатился за дверь.

А Бардин уже не мог успокоиться. Чувство неясности, неопределенности и, главное, недоговоренности томило его весь вечер и почти всю ночь. Хотел отмахнуться, забыть, не думать больше ни о каком Тельбесстрое. Но ничего не получалось...

Как только он появился в своем рабочем кабинете, первым к нему заглянул завкадрами Штокман:

– Иван Павлович, я вас поздравляю... Пришла телеграмма из Москвы. По-моему, что-то связано с

вашим переводом на другую работу. Иосиф Петрович тоже в курсе.

Больше у Бардина никаких сомнений не было.

МОСКВА. 1929. В КАБИНЕТЕ КУЙБЫШЕВА

Сначала, наскоро позавтракав в буфете Киевского вокзала, он побывал в Главметалле, размещавшемся в начале Ногинского переулка. Получил направление и отправился с ним в Ветошный переулок: там обосновалось представительство Тельбесстроя. И только под самый вечер попал на Тверскую.

Свернул за угол. Огромное серое здание с весьма значительной вывеской: «Совнарком». Здесь работал Совет Народных Комиссаров страны. Бардину уже приходилось бывать в этих хоромах. На входе, как и раньше, двое из охраны: один с винтовкой, второй проверяет документы. Протянул телеграмму. Проверяющий скользнул взглядом – сначала по тексту, потом по лицу прибывшего.

– Второй этаж, по коридору справа.

Сжимая ручку портфеля, скорым шагом поднялся по широкой лестнице. Думал, что окажется в хвосте длинной очереди, какая нередко скапливается к вечеру перед дверями высокого начальства. Но оказалось, что у кабинета председателя ВСНХ безлюдно.

«Этого еще не хватало! – подумал Бардин, входя в приемную. – Заболел или куда-то уехал».

Так и есть. Пустота. Иван Павлович вздохнул, хотел было присесть на стул с сиденьем, обтянутым зеленым сукном, – видимо, еще из гарнитура царских времен, теперь такие никто не делает... Решил немного отдышаться.

Но в этот момент отворилась половина массивной двухстворчатой двери, показался высокий молодой человек с короткой стрижкой. Улыбнулся и, глядя Бардину в глаза, произнес:

– Товарищ Куйбышев на это время отменил все встречи. Он ждет только вас, Иван Павлович!

Значит, с проходной уже доложили о его прибытии.

Хозяин кабинета встретил Бардина почти у самого порога. Иван Павлович знал этого человека по разговорам среди начальствующей братии металлургов. Куйбышев не славился ораторством, не был бойким говоруном. Но около него и после него всегда оставался заметный след толкового, умудренного опытом хозяйственника. Жизнь страны невозможно было представить без такой фигуры. Куйбышев продавливал трудности, словно растущее дерево, вздымал землю, поднимал вверх не только прикатанный асфальт, но и уложенную на века брусчатку... Совнарком был для него настоящим домом. Он в полном смысле здесь дневал и ночевал. Квартира Куйбышева находилась в этом же здании.

Не всех руководителей страны Бардин воспринимал всерьез и с особым трепетом. Сталина, безусловно, если не обожествлял, то ставил во главу угла. Еще Серго Орджоникидзе, потом Мироныч, то есть Киров. Деловой мужик Лазарь Моисеевич Каганович... Со своего насеста Бардин видел среди руководства страны и явных прилипал. Но не ему судить: сам он всю жизнь ходил беспартийным, а до этих куда ему – все они носили на плечах умные головы и считались большевиками с огромным революционным стажем...

Бросилось в глаза, как гармонично Куйбышев вписывается в пространство кабинета. Мужчине немногим за сорок. Не красавец, зато высокий, плотный, широкоплечий, лобастый, с темным оттенком лица. Большие ясные глаза. Голову охватила шевелюра густых темно-каштановых волос. И до странности простецкая одежда по сравнению с бардиновской: не раз побывавшая в стирке гимнастерка, опоясанная узким коричневым ремешком, английские бриджи серого цвета и белые бурки.

– Вы не стесняйтесь, Иван Павлович! – проговорил Куйбышев и движением ладони указал на кресло около письменного стола.

Молча пересек кабинет по диагонали, глянул в широкое окно, будто высматривая на улице кого-то.

Не поворачиваясь к посетителю, проговорил:

– Вы, я думаю, успели вникнуть в проектные материалы по Сибирскому заводу. Скажу честно: кроме вас, мне не у кого узнать достоверно о состоянии новостройки. Буду спрашивать долго и с пристрастием.

Постоял в некоторой задумчивости.

Наконец повернулся к Бардину, улыбнулся с детской непосредственностью:

– Вообще, проблему кузнецкого строительства я знаю достаточно хорошо. Но хотел бы знать еще глубже. А вы живой свидетель этого разворачивающегося грандиозного процесса...

Бардин почувствовал себя неуютно от таких лестных слов.

– Валериан Владимирович, готов изложить свое мнение. Я, насколько мог, влез в проект только сегодня. Фактически о стройке еще ничего не знаю.

Куйбышев сел. Но слушал недолго.

Попросил:

– Изложите свое видение проекта завода в целом. Думаю, что фирма «Фрейн» сумела понять наши цели и задачи... Или все-таки имеются существенные упущения? – Не дождавшись, когда Бардин начнет отвечать, он вышел на середину кабинета и стал произносить слова, будто заученные наизусть: – Совсем недавно я видел, как первоначальный проект Тельбесского завода разваливался на глазах. Скажу честно, то была для меня драматическая ситуация. Ведь даже некото-

рые ответственные товарищи у нас вели открытые и закулисные игры. И до сих пор эту затею кое-кто считает никчемным делом. Но Совет Труда и Обороны, приняв общее решение о строительстве завода, потребовал от меня ускорения строительства. Вы, наверно, в курсе, что в конце марта прошлого года была образована строительная организация Тельбесстрой...

Да, примерно тогда до Бардина и докатились слухи о строительстве завода в Сибири.

– Мы постарались, чтобы в составе руководства Тельбесстрой оказались активные сторонники строительства и разработчики нового проекта, – объяснял председатель ВСНХ. – Например, председатель Сибкрайсовнархоза товарищ Терехов, профессора Томского технологического института Гувовский и Усов, член Сибплана инженер Зуев и другие. Руководить общей работой в период организации будет Петр Иванович Подзаходников. Это бывший рабочий-металлист судомеханического завода, активный участник революционных событий. В отличие от остальных он, правда, имеет только начальное образование, но проявил способности в организации производства.

Куйбышев задумчиво помолчал.

С горечью усмехнулся:

– Но, как говорится, опять у бабы заболело порося... Стройка получалась нерентабельной. По последним расчетам, запасов тельбесской руды можно наскрести кое-как на 20 лет... К тому же должен выродиться малюсенький заводик мощностью всего в 300 тысяч тонн чугуна в год – это ж совсем не серьезно. За рубежом теперь строят заводы в несколько раз крупнее... В последнее время предложено возить уголь Кузбасса на Урал, а оттуда – в тех же вагонах – руду в Кузбасс. Такая идея имеет под собой основание. Кроме того, в проект уже вложены большие деньги... Как видите, отступать больше некуда... Такое вот дело.

Снова последовала пауза.

Потом Куйбышев добавил:

– Первым делом сейчас должны решить кадровые вопросы. Подзаходникова заменим на бывшего заместителя председателя Сибкрайсовнархоза Филомея Тимофеевича Колгушкина. Ну, а главным инженером будущей стройки будете назначены вы, Иван Павлович... Какие мысли на этот счет роятся в вашей голове?

Бардин не ожидал, что Куйбышев так резко сменит направление своего, можно сказать, выступления. В тон председателю ВСНХ он ответил:

– Скажу откровенно: у меня имеется ряд вопросов к проекту. Но в целом американские специалисты правильно определились с мощностью и составом завода. У нас в России достаточно своих маломерок. А в Сибири должна расти настоящая металлургическая мощь. Вы правильно заметили,

что некоторые товарищи сомневаются. И на самом деле: где найдем строителей, откуда возьмем механизмы? Как быть с недостатком квалифицированных кадров? Мол, нет даже серьезных точек сбыта товарной продукции. Но у меня на этот счет другое мнение. Стоит глянуть на карту России. Сколько километров железных дорог проложено от Москвы до Владивостока, сотни мостов... Все это скоро потребует обновления. А новые города, фабрики, трубы электростанций... Линии электропередачи. Россия во все времена была деревянной страной. Теперь понемногу становится кирпичной. Но в будущем должна стать настоящей железной державой...

Куйбышев нахмурил брови. Было видно, что он ожидал от приглашенного более конкретных слов.

– Вы, Иван Павлович, скажите лучше о выбранной заводской площадке. Она вас как металлурга устраивает? Там же сплошь одни топи, болота...

Бардин пожевал сухими губами. Про какие болота ведет речь Куйбышев? Он успел просмотреть имевшийся отчет гидрогеологов. Изыскания говорят, что грунты в основании будущего завода достаточно прочные. Да, местами есть верховодка, даже обозначены водяные линзы. Но сплошных топей нет. Возможны, конечно, непредвиденные обстоятельства... Однако при нынешнем уровне техники и технологии можно решить любой вопрос. Каких только каверз не пришлось решать русским инженерам при строительстве Транссиба! Столько великих рек смогли пересечь! Да и настоящие болота тянутся там на сотни километров. Накоплен громадный опыт сложного строительства.

Как всегда, Бардин начал заводиться. Он знал за собой это и научился сдерживаться, надеясь, что внешне его взволнованность никак не проявляется.

Но Куйбышев все-таки уловил состояние собеседника. Подошел, положил ладонь на его плечо:

– Иван Павлович, дорогой!.. Я же родом почти из тех мест. Кузнецкий край знаю по самую крышу. Там на правом берегу Томи стоит мой отчий дом... Отец не раз брал меня с собой на осеннюю охоту. Утка – дело тонкое и увлекательное... Полазили мы по этим болотам. На левом берегу истоптали столько дорог и тропинок. Все села в округе знаю наперечет. Как сейчас они перед глазами. Бессоновка, она ж Черноусово, подальше Горбуново... В Редаково и в Точилюно не удалось побывать, далеко – на горе селенья... Где от дождя пришлось укрываться, где просили водички попить. До самой Старцевой горы пробирались по кочкам среди камышей. Вот мне и любопытно сравнить свое представление о местности с выводами настоящего специалиста.

У Бардина отлегло на душе. Теперь он почувствовал в Куйбышеве не просто высокого руководителя,

а своего, близкого по духу человека. А тот, изредка поглядывая на большие напольные часы, продолжал:

– Меня, Иван Павлович, как хозяйственника, интересуют насущные, с первого раза невидимые проблемы. Кто все-таки конкретно станет руководить стройкой? Откуда потянется рабочая сила? И не только землекопы, а настоящие спецы и люди, склонные к строительству, к металлургии... Большой вопрос к грузовому транспорту. Не вечно ж нам возить землю в тачках да на подводах... Или, например, как будет организован быт трудящихся? Там соберется много семейного люда. Поселенцы через год-два народят новых строителей. Всем понадобится быстрое и удобное жилье... Так что проблем много. А политическими вопросами у нас есть кому заниматься. И в Москве, и, думаю, на местах. Хотя это тоже важный момент. Товарищ Сталин чуть не каждый раз заостряет внимание членов Политбюро... Нынешнее время не для расслабления. Тем более к нам скоро нахлынут тысячи иностранцев. Коминтерн работает вплотную, торговые и дипломатические каналы пришли в движение. А как же? Капиталисты хоть и являются эксплуататорами пролетарских масс, но кое в чем разбираются получше нашего. Вот и надо нам подтянуться до Америки или той же Германии. Нам нельзя упускать такого шанса: у буржуев разворачивается глубокий экономический кризис...

116

Куйбышев подошел к высокому книжному шкафу из красного дерева. Вытянул книгу в переплете кофейного цвета. Открыл страницу, отмеченную бумажной закладкой.

– Подумали, что Маркс или Энгельс? Нет, Александр Иванович Герцен. Человек вроде бы столетней давности. Его «Былое и думы», можно сказать, шедевр мемуарной литературы. А написано словно вчера и про нас. Вы только послушайте: «Сибирь имеет большую будущность; на нее смотрят только как на подвал, в котором много золота, много меху и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не населен. Это неверно. Мертвящее русское правительство, делающее все насильем, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед...» Поняли? И дальше: «Увидим, когда... Америка встретится с Сибирью». Мне кажется, что теперь намечается первая встреча Сибири с Америкой. А вот какие встречи будут в будущем – это полностью зависит от нас. И что в результате этого получится: социалистическая Америка или капиталистическая Сибирь. На этот вопрос я пока ответа не знаю...

На большом столе, заваленном разными бумагами, зазвонил телефон. Звонил он долго и настойчиво. Куйбышев как бы в ответ на это с меньшим

упорством бросал недовольные взгляды в сторону звякающего аппарата.

Наконец отворилась дверь, молодой человек из приемной произнес вполголоса, но жестко:

– Иосиф Виссарионович!

Куйбышев подошел к столу, поднял трубку:

– Да! Да! Буду как обычно! У меня все готово, товарищ Сталин. – И положил трубку на рычажки. Приблизился к Бардину, протянул широкую ладонь: – Не прощаюсь, Иван Павлович. Жизнь только начинается. Думаю, что вы еще не раз порадуете нас трудовыми успехами и достижениями. А чтобы добиться этого, желаю вам и вашим близким самого доброго здоровья!

НОВОСИБИРСК. 1929. СИБКРАЙКОМ

Прогромыхав по мосту через Обь, поезд вскоре остановился. Вот он какой, бывший Новониколаевск! Рядовой городишко, который по воле судьбы оказался на пути Транссибирской железной дороги. А теперь неожиданно для всех задает тон, сделавшись центром Сибирского края!

Деревянное одноэтажное здание вокзала, построенное по типовому проекту. Не омский, конечно, вокзалище, где в архитектуре каменного сооружения просматривалась грандиозность и уникальность постройки. Зато с двумя кирпичными двухэтажными пристройками по бокам. Эти спесивые строения напоминали, что находишься не в захудалой деревне...

После теплого вагона почувствовался холодный неуют. Бардин зашел внутрь вокзала. Небольшой и совершенно пустой зал ожидания, окошечко буфета, дверь с надписью: «Почта». В буфете попросил булочку и стакан чая. Поскольку вымыть руки было негде, пришлось использовать кусок взятой в дорогу газеты. Наскоро перекусив, достал записную книжку, отыскал телефоны секретарей крайкома партии. Эйхе – 4-65, Зайцев – 4-62. Хотел позвонить, но почта оказалась закрыта.

Бардин пошел к двери, ведущей в город. Толпа пассажиров, которая добиралась до Новосибирска, к его изумлению, почти рассосалась.

Мужичок в фуфайке под коричневым фартуком, очевидно привокзальный дворник, на вопрос Бардина: «Как, товарищ, добраться до крайкома партии?» – махнул рукой:

– Вишь, вон там напротив церковка пресвятейшего Данилы? Возле нее и толкуются извозчики... Они тебя, мил человек, за руль хоть на тот свет свезут. – И вроде как засмеялся, обнажив ряд желтых от курева зубов.

Бардину приглянулась кошевая повозка с бритым парнем лет тридцати. Сел в нее.

Уже ехали по улочке со старыми одноэтажными домишками, когда возница искоса глянул на седока:

– Видать, из самой России?

– Что, очень заметно? – поинтересовался Бардин.

– А то ж нет? Загар южный на лице, и бурочки не по сезону...

– Из Москвы. Командировка.

– К нам мало кто в гости едет. В основном по нужде да по государственным делам.

Бардин продолжал разглядывать незамысловатую архитектуру деревянных построек, потому что кирпичных зданий – ни одного...

– Наверно, не по душе наша глухомань? – продолжил возница.

– Отчего ж не по душе?

А сам подумал, как хорошо, что в последний момент жена уговорила надеть бурки. Дурак же, хотел в штиблетах с галошами...

Говорливый парень при вожжах оказался еще и поэтически подкованным. Замахнувшись на лошадь плетью, изрек:

– Ничего! Здесь будет город заложен назло надменному соседу...

Бардин от таких слов даже повеселел:

– Кто же они такие – ваши надменные соседи?

Парень сдвинул меховую шапку на левое ухо:

– Как кто? А тот же Омск или Красноярск. Опять же, Томск с Барнаулом. Все хотят быть указчиками. Токо, заметьте, у нас у одних по-революционному смененное имя. Как стали после Новониколаевска Новосибирском, так сразу я подумал, что быть нашему городу главным по всей Сибири!

Через несколько минут Бардин оказался на месте.

– Ну вот и адресочек ваш, товарищ, – остановив лошадь, произнес возница. – Бывший Николаевский, теперь проспект Красный, ровно пять.

Серое трехэтажное здание не отличалось замысловатостью, но в ряду соседствующих построек выглядело даже несколько помпезно. Особенно бросался в глаза приплюснутый, словно кепка, купол с красным флагом. И, как полагается, по бокам фронтона здание украшали и одновременно стерегли местные устои двое трудящихся явно пролетарского происхождения.

По широкой лестнице Бардин поднялся к главному входу, показал командировочное направление. К сожалению, ни Эйхе, ни второго секретаря Зайцева на месте не оказалось. Зато нашелся еще один секретарь, не назвавший своей фамилии, который был в курсе почти всех дел и событий в крае. Но перво-наперво расспросил Бардина, куда и когда тот намеревается держать свой путь дальше. Узнав, что в Томск, тут же дал распоряжение забронировать место на ближайший поезд, отправляющийся завтрашним утром.

Беседа с представителем крайкома партии, ко-

того, как выяснилось в ходе разговора, зовут Николаем Николаевичем, Бардина не воодушевила. При этом он почерпнул много полезных сведений о здешних местах, о планах краевого руководства, о положении в Кузнецке.

Наконец Николай Николаевич, дунув в телефонную трубку, попросил барышню соединить его с каким-то человеком из краевого совнархоза. Располагался совнархоз в этом же здании, и нужный для разговора товарищ вскоре прибыл.

Глядя в небритое с дороги лицо Бардина, он отрекомендовался:

– Игнашевич Сергей Павлович. Руководитель секции обработки металлов.

Сославшись на срочные дела, Николай Николаевич вышел из своего кабинета, и Бардин обрадовался, что его беседе с Игнашевичем никто не будет мешать.

– Конечно, строительство завода у нас под боком – это прозорливая политика партии, – начал представитель краевого совнархоза. – К примеру, товарищ Эйхе стоит горой, чтоб его непременно воздвигнуть в нашем крае. Причем не далее как за одну пятилетку... Только вы сами подумайте: там, в том Кузнецке, еще конь не валялся. Не скрою, Горбуновская площадка была принята не с бухты-барашки. И дело вроде кипит. Тельбесбюро шлет отчеты о большой проделанной работе. Но ежели потолковому разобраться – с чего такая радость? Людей как не бывало там, так и нету. Матерьялы и всяческую технику никто не засылает, да и некому все это запрашивать из глуши той...

Вспомнив о «матерьялах», Игнашевич совершил безмолвный круг по чужому кабинету. Остановился, чтобы налить из графина воды.

Пояснил:

– Вчера немножко взбодрились у себя дома. У тещи юбилейный день выдался, семьдесят, не приведи господи... Что ни говорите, Иван Павлович, годы. Дал бы Он, – Игнашевич строго указал пальцем в потолок, – чтобы мы все дожили до таких годочков...

Еще налил полный стакан, опустошив крайкомовский графин. Выпил до дна и продолжил:

– Если честно, то наши товарищи из совнархоза имеют несколько иное мнение. Вот вы, к примеру, прибыли сегодня из столицы. Утречком сядете в поезд до Томска. Потом еще раз, потом еще. И снова, проделав преогромное колечко по краю, окажетесь на этом же ровно месте. Задается естественный вопрос: а почему бы заводик воздвигнуть не в какой-то дикой глуши, а вон там, на бережку великой и могучей реки Оби? Тут вам, Иван Павлович, не то что там. И с кадрами куда наилучше, и электроток готовый почти под самым носом. По крайней мере, осветиться всегда можете и подцепить какой-нибудь насосик или другой механизм.

Бардина царапнуло слово «механизм», произнесенное с явно подчеркнутым мягким знаком. Он понял, что надеяться на серьезную помощь товарищей из совнархоза ему не стоит. С другой стороны, это и обрадовало: не будут влезать по всяким пустякам. Он давно знал, что хорошей помощью бывает и то, когда не суют нос в твоё дело и не мешают...

Но Игнашевич не унимался и продолжал свой стратегический экскурс. Видимо, тещин юбилей наложил отпечаток.

– И подвоз людей и стройматериалов куда экономичней... Вы и сами можете подсчитать большую пользу завода в наших местах.

Бардин по ходу его речи проделывал в голове несложные расчеты. И думал только об одном: хорошо, что есть на свете дельные и понимающие люди – не зря же принято наконец Москвой решение строить завод именно в Кузнецке.

Николай Николаевич появился к концу разговора. По лицам своих гостей понял, что все интересующие их вопросы обговорены. Поблагодарил Игнашевича за участие в важной беседе и, когда тот оказался за порогом кабинета, глухо сказал:

– Думаю, вы уловили настрой совнархозовских товарищей. Это, простите, наша беда... Частный результат неорганизованности в управлении производством на местах. Бывший первый секретарь краевого комитета партии товарищ Сырцов здесь прочно укоренил мысль, что планы индустриального развития Сибири – это всего лишь промышленный романтизм. Дело, мол, очень далекого будущего. Лучше, считал, все силы сосредоточить на развитии сельского хозяйства. Хотя по крупному счету он даже прав. Для этого есть все необходимые условия. Как для земледелия, так и для молочного животноводства... Такая же позиция и сомнения прослеживаются в высказываниях товарищей Рыкова и Бухарина. А Лев Давыдович Троцкий в своей речи на встрече с сибиряками в Москве вообще заявил, что Сибирь не сможет в ближайшем будущем преодолеть то, что заложено столетиями в ее прошлом. То есть беда в нашей отсталой экономике, в отсутствии транспортных путей и, само собой, в слабой заселенности. Какое уж тут развитие в Сибири крупной промышленности! Да еще металлургии...

Кроме того, есть еще один момент. Как вы знаете, страна только примеривается к своим нуждам и потребностям. Сейчас в верхах прорабатывается вопрос эффективного переустройства и перераспределения власти. Возможно, в ближайшее время местные совнархозы волеются в состав исполкомов. Вот отсюда значится, что некоторые ответственные товарищи, в том числе и у нас, почувствовали, что под задницей становится горячо. Каждый старается себе подстелить соломку...

Николай Николаевич подошел к столу, хотел налить воды, но обнаружил пустой графин. Лицо его скривилось в саркастической улыбке.

– М-да... – коротко заключил он. И продолжил: – А вот Роберт Индрикович, считаю, имеет правильное и принципиальное направление. Тельбесский завод в Кузнецке – это то, чего не хватает сейчас нашему государству в Сибири...

Потом Николай Николаевич в виде предисловия описал московскому гостю картину проживания в заезжем доме, после чего пригласил его переночевать у себя.

Бардин не любил затруднять хозяев присутствием чужого человека. Но, подумав, все-таки согласился. Ночевать в казенной, плохо прогретой гостинице, да еще, возможно, с клопами и тараканами, ему сильно не хотелось...

Утром он отправился в Томск.

ТОМСК. 1929. ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

...Проводник объявил, что поезд прибывает в Томск. В окошке показался далекий силуэт незнакомого города. Слева коптели дымом производственные постройки, скорее всего, там работал кирпичный завод. Поодаль растянулось сооружение, смахивающее на ипподром. За ним были отчетливо видны торчащие из снега кресты и памятники – надо полагать, местное кладбище.

Местность выглядела серой и унылой. Но Бардина влекло живое дело. Где-то здесь находятся ключи от его будущей работы. Поэтому мысли об увиденном он выкинул из головы...

Мартовское солнце ложилось искоса, слепило глаза. Тени не по-городскому растекались по прихваченному теплом снегу. Вот оно как, оказывается. Вот как встречает гостей глубокая Сибирь. «Томск-2», – прочитал Иван Павлович над входом станционного вокзала.

По дощатому настилу перрона направился к входу в вокзал. Перед ним предстало высокое одноэтажное сооружение с мансардным выступом, имеющим три больших окна. Деревянное здание выглядело необычно фигурным для этих мест. Железнодорожное ведомство царской России не расщедрилось облагородить губернский город прямой дорогой на Владивосток, построив лишь небольшую ветку от промежуточной станции Тайга. Зато вокзальчик смастерило с изыском и с учетом значения столицы губернии. Правда, от глаза Бардина не ускользнули шапки небурного снега на кровле здания, особенно над верандой; под ней летом, видать, любил посидеть в прохладе встречающий или провожающий народ.

Левее от вокзала расположилось багажное отделение, справа тянулась цепочка других мелких пристанционных построек.

В это время кто-то окликнул Бардина:

– Иван Павлович!

Метрах в десяти стоял высокий мужчина в черном полушубке. На ногах большие валенки, обтянутые самодельными резиновыми галошами.

Мужчина подошел, протянул руку:

– С приездом! Я вас свободно вычислил! – И тут же представился: – Щепочкин Викентий Николаевич, главный инженер Тельбесского бюро. Как доехали?

На его корявом, но сохранившем мужскую красоту лице проступило смущение.

– Мы ж как-никак не каждый день встречаем гостей из Москвы. Хотелось бы знать о ваших планах...

Планы у Бардина были простые: узнать все о будущем заводе.

– Везите меня к себе, знакомьте с ситуацией, рассказывайте все, что знаете. Показывайте то, что есть. Потом попрошу ответить на мои вопросы, если они возникнут по ходу дела. Ну и, конечно, надо будет побывать на Горбуновской площадке, посмотреть, прикоснуться, пощупать... Вот, собственно, и все. Как думаете: не многовато для первого раза?

– Да вы что! Так и сделаем. Надеюсь, что за неделю, максимум дней за десять управимся.

– Я тоже так думаю. Тогда в путь.

Обогнули здание вокзала. У коновязи их ожидал экипаж – гнедая лошадь, впряженная в возок с откидным верхом. Щепочкин и взялся за вожжи.

Оказалось, что вокзал располагается на отшибе. Сам город примерно в версте от него. Вскоре пошли добротные дома. Бардину они даже понравились. Не то что приземистые развалюхи в Новосибирске. Въехали на широкую улицу.

– Наша Бульварная, – пояснил Щепочкин. – Всех встречает и всех провожает!

Дальше он, видимо, не знал, о чем вести речь. Гость тоже молчал.

Прервал молчание Щепочкин при пересечении новой улочки:

– Тверская. Дальше Преображенская, Красноармейская, Торговая, Белинского... А вот эта в начале века звалась Почтамтской.

– Интересно... – сквозь зевоту сказал Бардин. – Многие, видать, раньше иначе именовались.

– А как же! – оживился Щепочкин. – Народ в городе еще к некоторым названиям не попривык. Смена эпох – нешуточный вопрос... Ну а вот наша краса и гордость – улочка Миллионная! Близ нее почти все главные учреждения и конторы. Тут центр города все ж! Потерпите немного, и въедем в пункт нашей дислокации.

Наконец подъехали к огромному бревенчатому зданию барачного типа.

– Вот, считайте, мы и дома. Коммунистический проспект, одиннадцать. Это, Иван Павлович, на всякий случай, чтоб не заблудиться. Там вон у нас дрожжевой завод. Тоже объект приметный, и для горожан дело нужное...

Бардин понимал, что многие из руководства Тельбессбюро знали о его предстоящем приезде, но почти никто не придавал этому большого значения. Мало ли всяких персон посылает сюда столица. К тому же у местного народа сохранилось еще крепкое чувство губернского величия, которое, правда, в последнее время перехватил Новосибирск. Томск всеми силами старался удержать высокую марку своего бывшего превосходства...

При первом ознакомлении с делами Бардину не понравилось многое. Строительство завода находится в разных руках. Есть научное ядро, в котором главную роль играют специалисты по руде и углю. Люди высокого класса. Можно сказать, настоящие научные светила. Но мало того, они в основном кабинетные работники, заняты студенчеством, лекциями, научными опытами. А таких, кто лазит каждодневно по горам, нет.

– Мне бы, Викентий Николаевич, хотелось поведаться с вашей профессурой. Есть несколько вопросов, которые бы могли решиться вмиг.

Щепочкин неловко помялся. Видимо, он был в курсе общего настроения со стороны ученых мужей, которым было поручено заниматься организацией строительства завода в Кузнецке.

Потом, подбирая слова, все-таки начал говорить:

– Тут такое дело. Профессор Гутовский против того, чтобы заводом занимались пришлые люди. А остальные следуют его указаниям и советам. Если честно, то с назначением товарища Колгушкина нам отказано даже в обещанных площадях на территории университета...

Бардина удивило, что в проектной части нет ни одного специалиста-металлурга. Есть строители, механики, энергетики, сетевики, но как строить завод без металлургов? Здесь большинство людей в глаза не видели настоящей домны, живой мартеновской печи или прокатного стана... И наконец, бюро находится на удалении четырехсот верст от места строительства. Какая может быть оперативность в решении вопросов? Телефон – показатель прогресса, но он порой только мешает нормальному общению.

Щепочкин завел Бардина в комнату, где сидели четыре женщины и двое мужчин.

– А вот наши наработки по генплану, – пояснил главный инженер Тельбесского бюро. – Собственно, не генеральный, а ситуационный план. Но представление дает.

На двух склеенных встык листах ватмана были обозначены контуры будущих цехов, вспомога-

тельных и подсобных сооружений. Бардин сразу оживился. Надел очки. Он впервые увидел план площадки, на которой разместится завод. Правда, в мелком масштабе, но здесь хотя бы вырисовывалось уже что-то зримое. Иван Павлович будто прикоснулся к будущему Кузнецкого завода. Такое ощущение, наверно, испытывает мать, когда вдруг почувствует шевеление ребенка в своей утробе...

– Какой максимальный перепад отметок на площадке строительства?

Мужчина в синей рубаше с черными нарукавниками на локтях погрыз кончик карандаша:

– До пяти-шести метров. Но мы стараемся принять такую планировочную отметку, чтобы был минимум земляных работ.

Вмешался Щепочкин:

– Главное, Иван Павлович, чтобы не оказалось перепада в пределах промплощадки и все железнодорожные пути были практически на одной отметке. Кстати, в одном месте надо скосыгнуть земельку толщиной около двадцати метров. Но это как исключение. Стараемся предусмотреть беспрепятственное присоединение завода к путям станции Кузнецкой.

– Вы абсолютно правы! Я грубо прикинул и удивился: железных дорог на заводе будет больше трехсот километров. За неделю не обойдешь пешком...

Видно было, что московскому гостю приготовленный план разворачиваемой стройки понравился. А сам Бардин продолжал въедаться взглядом в нанесенные на ватманы силуэты будущих цехов.

– Я вас, товарищи, прошу учесть, что завод будет расти. Будет наверняка увеличиваться и его расчетная мощность. Добавятся сооружения, о которых мы пока имеем смутное представление и даже ничего не знаем. Это закон жизни. Прогресс устанавливает свои правила. Поэтому еще раз прошу обратить внимание на возможные резервы.

– Да, но они сегодня для нас обойдутся в копейку, – с сомнением заметил Щепочкин.

– Зато учтите: завтра это обернется выигранным рублем! – парировал Бардин.

...По намеченному плану Иван Павлович выехал из Томска. Но на узловой станции Тайга что-то случилось с паровозом. Его отцепили и увезли, пассажирам объявили, что их ожидает задержка около двух часов. Все высыпали на улицу. Молодежь галдела, люди постарше осматривали станционные постройки. Мужчины большей частью курили на свежем воздухе. Бардин тоже прохаживался среди всколыхнувшегося народа.

Смотреть особо не на что. Пустое безрадостное место. Только в две противоположные стороны – на запад и на восток – уходят серебристые линии рельсов...

Невдалеке шло строительство дома. Видимо, предназначенного для местных железнодорожников. Бардин подошел поближе. Поднимался жилой двухэтажный дом. Вполне обычный. Но строители использовали одну диковинку. Для подачи кирпичей на второй этаж было установлено сооружение наподобие беличьего колеса. В нем то и дело перебирал ногами человек в растоптанных ботах и ветхой фуфайке. Колесо при этом приходило в движение, поднимая груз. Если требовался спуск каких-либо материалов, топтание человека в колесе происходило в обратном направлении.

Бардин с внутренним смехом и одновременно с грустью смотрел на такую работу. Ему представилось, что на будущей стройке поставят сотни подобных колес, в них и потянутся вверх кирпичи, раствор, бетон... Нет, для работы в гигантском масштабе такой способ механизации непригоден. Подавать строительные материалы на высоту надо только с использованием настоящей механизации и электричества, только с помощью лебедок и кранов. Вручную современный завод не построить!

Подумав так, Бардин поскорее пошел прочь.

ТОМСК, ЩЕГЛОВСК. 1929. ВСТРЕЧА С ЭЙХЕ

Итак, в начале февраля 1926 года было принято постановление по Тельбесскому заводу. Предполагалось, что работать он должен на базе тельбесской железной руды и каменного угля Кузбасса. Название правительственного документа оказалось длинным и не отражающим суть основного вопроса: «О проведении подготовительных и исследовательских работ технико-экономического характера на месте постройки, составлении детальных рабочих проектов и смет».

Менее чем через месяц в Томске была создана специальная проектная организация – Тельбессбюро, филиал организованного накануне в Ленинграде Гипромеза (так сокращенно вошло в историю название Государственного института по проектированию металлургических заводов). Началась лихорадочная работа по доведению имеющегося проекта завода до полной готовности и начала строительства. Но работа эта по разным причинам шла ни шатко ни валко.

Наступил год 1929-й. Сменилось руководство Тельбесстройа. Начальником строительства поставили Филомея Тимофеевича Колгушкина, бывшего заместителя председателя Сибкрайсовнархоза. Главным инженером был назначен Иван Павлович Бардин.

28 февраля в «Торгово-промышленной газете» вышла статья о начале строительства Тельбесского завода. В ней были опубликованы выступления новых руководителей строительства. С этого дня и развернулась настоящая работа по переделке имеющегося проекта. Правление Гипромеза поручило

его корректировку крупнейшим западным фирмам, специализирующимся на строительстве современных металлургических заводов. Из десяти представленных на рассмотрение проектов технический совет института выбрал проект фирмы «Фрейн». Он был утвержден Главчерметом ВСНХ СССР и предусматривал выпуск 400 тысяч тонн чугуна и 430 тысяч тонн проката в год.

Выбор площадки для строительства пал на территорию, принадлежащую Горбуновскому сельскому совету, – на противоположном от Кузнецка левом берегу реки Томи. Пока что это была заболоченная котловина, богатая дичью, ягодами и грибами. Удачное сочетание месторождений каменного угля и руды поблизости давало замечательную возможность строительства металлургического завода именно здесь. Кроме того, к предполагаемому району строительства уже была проложена железная дорога, а под боком протекала многоводная река Томь.

Первые строительные работы начались здесь еще весной 1927 года, когда на склоне Старцевой горы появились деревянные домики в один этаж для лиц, занятых подготовкой к возведению завода. Потом ажиотаж спал, и люди, вселившиеся в эти жилища, начали собственное обустройство. Они ставили сараюшки, разводили скот и птицу. Устраивали огороды, переходя на обычный сельский образ жизни. У многих создалось впечатление, что никакого завода в этих местах еще век не будет.

Никто в Кузнецке не догадывался, что за рубежом и в советских проектных конторах кипит упорная работа над будущим огромным предприятием. Российские инженеры проектировали вспомогательные сооружения и объекты смежных производств. За работами следили не только Главчермет, Гипромез, Тельбессбюро, но и лично Роберт Индрикович Эйхе.

С секретарем Сибкрайкома партии Эйхе Бардин встретился в Щегловске, в его персональном вагоне. Это было незабываемо.

Одинокий вагон стоял вблизи строящегося здания вокзала. Вдали торчала высокая водонапорная башня. Ее окружили десятки разных повозок с понурыми лошадьми. То и дело, поскрипывая, по рельсам проплывали вагоны, доверху груженные коксом.

«Пойдут на Урал», – отметил про себя Бардин.

Попасть к Эйхе удалось не сразу: тот долго и громко разговаривал с местным руководством, которое пригласил для беседы после недавно закончившейся партконференции. Потом в «предбаннике» высокого начальника Бардину многозначительно шепнули, что Эйхе будет ужинать.

Наконец, когда дело шло уже к глубокому вечеру и за окошком вагона перестал снова маневровый паровоз, полноватый мужчина с усталым взглядом изрек:

– Можете пройти в кабинет Роберта Индриковича.

О многом хотелось Бардину поведать самому могущественному человеку в Сибири. Прежде всего о том, как он собирается строить завод, какие у него за плечами силенки. А еще о том, что по наущению Хренникова из Главчермета некоторые деятели из Тельбесбюро высказывают много сомнений и, как принято в таких случаях, скатываются к вариантинне. А профессор Гутовский из технологического института вообще отказался от встречи с ним...

Принял Эйхе московского назначенца очень сухо. Точнее, с явной неохотой и поэтому неприветливо. По-видимому, Бардин не произвел на него впечатления специалиста, которому можно было доверить выполнение задачи государственного значения. Много таких развелось в последнее время в столице. Учужали в Сибири новые возможности, большую выгоду. Вот и поперли сюда сорвать хороший рубль...

Закуток, в котором окопался Эйхе, трудно было назвать кабинетом. За небольшим столом сидел человек сурового вида. Темные, несколько вклученные волосы. Проницательный взор, причем один глаз немного прищурен – словно старается въехать в нутро вошедшего человека (потом выяснилось, что так Эйхе скрывает частое подергивание этого глаза от нервного тика). Длинный неровный нос, густые, коротко стриженные усы и борода, выступающая клинышком. Впалые, забывшие про бритье щеки. Грубая рубаха из серо-зеленого сукна. Большие коричневые пуговицы, прихваченные к материи черным «крестиком».

– Садитесь! – Эйхе указал взглядом на дальний от себя стул. – Мне доложили, что вы намерены стать главным технологом нового завода в Кузнецке. Это так?

По всему было видно, что секретарь Сибкрайкома уже заранее настроен негативно. И Бардин понял, что столь много значащего для него разговора в этот раз не получится. Тем более что Эйхе даже не дал ему ответить на свой вопрос.

– Дело огромнейшей государственной важности! – продолжил секретарь. Потом вынул из пачки папиросу, прикурил и, облегченно выпустив перед собой клуб дыма, спросил: – Вы знаете, в какой стороне находится место строительства?

Бардин был ошеломлен вопросом. Но ответил:

– Я именно туда направляюсь. Был пока только в Томске...

Эйхе резко ткнул пальцем в сторону, где находился один из тамбуров вагона:

– Там! Именно там находится Кузнецк. От нас строго на юг! От этого рельса ровно двести верст. Я думаю, что вам, товарищ... – он мельком глянул в

свой «поминальник», уточняя фамилию посетителя, – товарищ Бардин, хорошо бы ознакомиться с местом и условиями будущего строительства. Я осведомлен о ваших предыдущих заслугах. Вижу: весьма значимы. Но, признаться, на этот раз они не в счет. Ваши успехи мы будем учитывать не менее чем через год-два, отсчитывая от сего момента...

Эйхе явно дал понять, что тема разговора исчерпана. Его папироса была докурена. Возможно, на такие промежутки перекура у этого человека и была рассчитана вся жизнь...

– Желаю вам доброго пути. Очень тщательно ознакомьтесь с площадкой. Если представится возможность, поговорим об этом более содержательно, – сказал секретарь Сибкрайкома и отвернулся к полке, занятой книгами и разными папками.

Ни при встрече, ни при расставании, отметил Бардин, Эйхе не протянул ему руку.

КУЗНЕЦК. 1929. ПЕРВЫЙ ПРИЕЗД

Небо высилось в далекой синеве. И воздух опьяняюще чист. Такого воздуха Бардин не видел в своих краях. Москва тоже не могла этим похвастать: там копительных труб было еще больше, чем в Каменском...

С Бреусом добрались до станции, где вчера Бардин вылез из вагона. Пошли на ближайшую улицу. Железнодорожная – само название говорило, что здесь должна находиться контора, которая интересовала Бардина.

Начальником строительного управления Наркомата путей сообщения оказался некто Лебедев, энергичный молодой человек с ясными голубыми глазами. Главным инженером при нем состоял Куликов, довольно пожилой путеец с округлой бородкой и коротко стриженными усами. Оба толковые, понимающие люди. Разговорились. Оказалось, что Куликов был лично знаком с Михаилом Константиновичем Курако. Ему даже пришлось хоронить его в феврале двадцатого года. Бардин впервые узнал, что великий металлург похоронен совсем недалеко – на Шушталепской площадке в окрестностях Осинников. Загадал наперед: надо посетить эти места...

Много говорили о новом строительстве. Оба путейца захотели принять в нем участие. Бардин тут же предложил новым знакомым построить железнодорожную ветку от станции до территории завода.

– Много не беру на себя, но обещаю: все документы оформим сразу же после моего возвращения из Москвы. Тогда пойдут деньги... А сейчас пока не имею полномочий.

Железнодорожники, к его радости, согласились на работу и с такими условиями. Он им тоже показался человеком дельным.

Куликов уговорил Бардина поехать к нему в Кузнецк. Там на правом берегу Томи показал бывшую квартиру Михаила Константиновича. Потом пригласил гостя к себе на ночлег. Вместе с Куликовым и его женой Натальей Андреевной Бардин весь вечер провел в воспоминаниях о Курако.

– Человек был особенный, – рассказывала Наталья Андреевна, – еще много нашенских его помнят... У него всякие каверзы случались при той жизни... Цельный рассказ можно составить только о случае, как он на автомобиле убежал от генерала Путилова. Генерал чуть не час на своем Гнедке за ним гонялся по городу. Одна умора...

Бардин неторопливо жевал шанежки с творогом, запивал чаем. И, вспоминая прошлые дни, в свою очередь рассказывал хозяевам:

– Замечательный был мастер доменного дела, оставил значимый и светлый след не только у нас в Юзовке, но и в истории отечественной металлургии. Большого образования, правда, не смог получить. А вот оказался одним из тех редких, всесторонне одаренных людей, которые умели не только наилучшим образом организовать труд, но и увлечь широтой и смелостью замыслов, собирать вокруг себя таланты, быть их вдохновителем. Щедрой души был человек и высокой русской культуры.

– А ведь у нас сохранилась одна карточка от Михаила Константиновича! – спохватилась жена Куликова.

Она достала с этажерки толстенную книгу, из нее вытащила пожелтевшую фотографию.

– Вот, точно он! – воскликнул Бардин. – Как живой!

– Это он у нас перед смертью сфотографировался, будто предчувствовал свой конец, – пояснила Наталья Андреевна.

На фотографии лицо у Курако выглядело худым, воспаленным, глаза острые, пронизательные. Но, как и на многих снимках, вид нарядный, если не сказать парадный. Чистый черный костюм, крахмальный воротничок, галстук. Сам он называл такой вид «формой высокого давления».

Бардин с интересом вглядывался в лицо близкого ему человека.

– В такой одежде он бывал раньше, может быть, один процент своей жизни, а все остальное время костюм его состоял из черной рубашки-косоворотки, хорошо сшитого синего однобортного пиджака, таких же брюк и сапог до колен. Порой бывал щеголем, но только по исключительному и важному в его жизни случаю...

Бардин знал, что серьезная попытка создать металлургическую промышленность в Сибири была предпринята еще Копикузом. Тот в 1912 году получил в концессию большую часть Кузбасса. Планиро-

валось построить металлургический завод на тельбесской руде. Копикуз пригласил Курако. Предложили Михаилу Константиновичу построить завод с домами американского типа. Но помешала разгоревшаяся Гражданская война.

– Да, у нас долго менялась власть: то белые, то опять красные. То партизаны, то бандитское отродье. И главное, одних от других и не отличишь никаким способом!

Куликов убрал с носа тяжелое пенсне, сурово глянул на супругу:

– Не совсем так, Наташа. Гость подумает, что у нас сплошь дикий край... Хотя верно: в России советской власти уже двенадцать лет, а в Сибири кое-как наскребется восемь. А это большая разница для государства и для края в таком масштабе... Ты вот лучше Расскажи гостю, как с горы на иконах катались.

Наталья Андреевна вроде как смутилась, даже зарделась.

– Так одни только сказки теперь. Дело прошлое, совсем давнее. Но в голове торчит...

И она стала рассказывать о своей младшей сестре, первой комсомолке Кузнецка. Как молодежь власть в свои руки брала, помогала порядок наводить в городе.

– Церкву нашу после ухода Рогова больше никто и не восстанавливал. От Бога народ тогда быстро отрунул. Не знаю, правильно оно ли нет. А вот Нюрка, сестрица моя, первой из девок в комсомол записалась. Тимофея Николаича сынок был там же, еще братья Полосухины... И вот в двадцать пятом на Рождество по-старому игрища молодежь у крепости устроила. Такую катушку по Водопадной смастерили, что ни пройти ни проехать. Сверху кто на санях, кто на тазу побитом, кто на старой столешнице – все с визгом да хохотом чуть не до дома купца Фонарева неслись. А Нюрка с подружками туда без всего пришла. Вот девки и позарились в церкви на иконы, что остались после погрома... Написаны были краской на старинных досках. Некоторые в половину этого стола. – Она ткнула пальцем в накиннутую на стол белую скатерть. Помолчав, продолжила: – Значит, усядется деваха задницей на икону и вниз – пока доска под ней не переломится... Только дело, видно, совершили не богоугодное. После одного захода понеслась Нюрка – да так, что столкнулась с лучшей подруженькой своей Настеной лоб в лоб... Вот так зараз две смерти.

Бардин поднялся. Подошел к ведру с водой. Зачерпнул ковшиком. Потом медленно сглатывал жидкость. Ему казалось, что когда-то в своей жизни он уже встречался с бедолажной Нюркой. От этого в груди разливалась давно не подступавшая тоска.

КУЗНЕЦК. 1929. СТЫЧКА С ЯНУШКЕВИЧЕМ

Пока Бардин прощался с Каменским, а потом оформлял свой отъезд в Москве, на площадке в Сибири появился гражданский инженер Янушкевич (гражданскими в то время называли инженеров-строителей).

При знакомстве он произвел на Бардина приятное впечатление. Подтянутый, в инженерной форме, застегнутой на все пуговицы. На вид около шестидесяти, но выглядел еще полным сил и энергии. Казалось, что человек понимает свое предназначение, свою роль на стройке и готов сворачивать горы. Более того, он постоянно подчеркивал, что осведомлен почти во всех вопросах строительства, на все имеет свое профессиональное суждение. Правда, несколько смущала солдафонская манера отвечать на указания или советы по-старомодному: «Так-с точно!», «Никак нет-с!»

Бардин посчитал, что с таким специалистом, пока позволяет погода, можно развернуть широкий фронт работ. Надо было срочно начинать разработку карьеров, вести планировочные работы, ускорить строительство бараков для прибывающих рабочих. К осени должен подойти из тайги сплавной лес – значит, на Томи надо успеть обустроить пристани. Дел, что называется, было по горло.

Но через некоторое время Бардин стал замечать, что дела у Янушкевича постоянно отстают от намеченных сроков, а то и вовсе срываются. Хорошо, что не поставили его на строительство большого деревообделочного и лесопильного завода на берегу реки, где с начала лета обваливали специальную площадку.

В разговорах с главным инженером Янушкевич вел себя с излишней осторожностью, а в последнее время стал совсем замкнут. Сразу ставить ему на вид Бардину не хотелось: мало ли что может быть, ведь человек впервые столкнулся со строительством крупного завода. Но все-таки наметнул товарищу инженеру раз-другой: мол, заметна излишняя медлительность в проведении самых необходимых мероприятий.

К сожалению, дела у Янушкевича все равно двигались с трудом. Когда Бардин приходил к плотникам, занятым строительством бараков, выяснялось, что Янушкевич был у них только несколько дней назад. Искать же его по всей стройке – пустые хлопоты.

В конце концов Бардин пригласил Янушкевича для беседы. Не было желания даже отчитывать, как он умел. Решил просто поговорить по душам.

– Эммануил Федосеевич, хотел бы побеседовать с вами без свидетелей. Ответьте честно: что вам мешает выполнять мои указания?

Янушкевич вздернул подбородок, неприязненно сощурился:

– Я не всегда разделяю суть ваших указаний.

– Но вы же никогда не возражали мне и не говорили об этом вслух!

– Если желаете, теперь буду поступать именно так. Вы думаете, что я безропотное существо. Я уже многое оставил после себя и понимаю цену решений...

Бардин вспыхнул, но удержал в себе гнев, чтобы не сорваться в ответ на хамское поведение подчиненного. А тот не унимался:

– Ваши указания часто противоречат законам и правилам строительства. Вы же чистый металлург. А я настоящий строитель. И могу заявить, что намного больше вашего осведомлен в технологии и правилах строительного дела.

Бардин осмысливал сказанное Янушкевичем. Наконец спросил:

– Как же, вы считаете, я должен строить дальнейшую работу с вами?

– Я, как нижестоящий работник, буду обязан выполнять ваши указания. Но, как человек с головой, должен заявить, что по вопросам, с которыми я принципиально не согласен, вы должны давать мне письменные указания. У меня, должны знать, дети, больная жена... Я не хочу, чтобы они пострадали из-за моей глупости и опрометчивости.

С этого момента отношения с Янушкевичем совсем испортились. Тот считал, что Бардин суется не в свое дело. В открытую не подчинялся и постоянно требовал письменных распоряжений.

Еще в самом начале Бардин поручил Янушкевичу срочно приступить к разбивке базисных осей на площадке завода. Надо было поставить более сотни бетонных знаков с заделкой их на незамерзающей глубине. Без этого невозможно было размещать на местности будущие цеха и сооружения. Прошло почти три недели, а работа так и не началась.

– Считаю, что без окончательно утвержденного генерального плана это делать не имеет смысла. Если настаиваете, дайте мне письменное распоряжение. Потом посмотрим...

Пришлось пойти на компромисс. В письменной форме Бардин предложил Янушкевичу приступить к разбивке осей, а также выполнить испытание грунтов.

– Все равно без утвержденного генплана делать эту работу считаю преступлением, – долдонил Янушкевич.

– В конце концов, за все, что делается здесь, отвечаю я! – в сердцах ответил Бардин.

После этого он поручил выполнять работу миную Янушкевича. Исполнителями в основном оказались молодые, но уже освоившиеся со строительством ребята, прекрасно знающие, что надо делать.

Конечно, можно было бы сразу отстранить Янушкевича от обязанностей. Но не было никакой замены – ни одного человека, имеющего высшее образование или хотя бы приличный опыт работы в строительстве.

Бардин видел, как молодежь с увлеченностью ухватилась за порученную работу. Однажды утром, проходя мимо кучки ребят, обвешанных разными геодезическими инструментами, по привычке остановился. Поздоровался. У всех треноги, рейки, мерные ленты, приборы в чехлах и футлярах. Узнал двух девушек (ехал с ними в одном вагоне из Томска). Одна худенькая, с жидкими косичками, словно девочка-школьница, вторая высокая, крепкого сложения, с короткой стрижкой. Девушки тоже узнали главного инженера.

– Здравствуйте, Иван Павлович! – с улыбкой произнесла та, что поменьше. – Мы выполнили свое обещание. Остались здесь до конца. Теперь настоящие кузнечкостроевцы...

– Как устроились?

– Просто замечательно. Наши томские все в одном бараке, в шестнадцатом. И ребята, и девчонки.

– Ну-ну... А поверку своим инструментам давно делали?

– Ой, что вы! Как положено. Наш Виктор Николаевич за этим следит строго! – И девушка увела взгляд на стоявшего рядом парня лет тридцати.

Бардину было приятно находиться среди этих молодых людей. Но почти сразу он вспомнил: возле коксовых печей предстоит еще незавершенный со вчерашнего дня тяжелый разговор. И все равно он не спешил уходить. Оставался стоять перед ватагой ясноглазых ребят, готовых свернуть любые горы.

– Приборы у вас заграничные?

– Не только. Работаем в основном с американскими нивелирами «Висслер», – начала объяснять девушка в красной косынке. – Хоть и давно выпущены, но показали себя превосходно. Есть еще польские «Герлях» разных годов. А теодолиты почти все наши, поступили прямо с завода «Геофизика». Безотказны в любую погоду. Говорят, что не подводят даже в сильные холода...

И все-таки рабочий день Бардина оказался испорчен. Взяв просмотреть щегловскую газету, он наткнулся на статью под заголовком «Так дальше нельзя!». Внизу стояла подпись некоего Норда. Явно псевдоним. Речь в публикации шла о беспорядках, которые якобы имеют место на строительстве металлургического завода в Кузнецке.

Автор отмечал, что строителям будущего гиганта мешают ничего не понимающие металлурги, чем создается полная безответственность. Делался намек на то, что главным виновником хаоса на строительной площадке является не кто иной, как лично главный инженер стройки. И соответственно, следо-

вали выводы, что в случае непринятия мер последствия будут неисправимы. В качестве доказательства приводились факты неправильно принятых решений – в частности, по строительству фундамента главного здания заводууправления. Почему-то руководство дало указание строить его на ленточном фундаменте, а не на свайных опорах. В связи с этим здание долго не простоит, неизбежно развалится. Говорилось и об ошибочности задания на испытание грунтов и выполнение разбивочных осей до окончательно согласованного генплана.

Было ясно, что все это инспирировалось Янушкевичем и другими специалистами, несогласными с решениями Бардина. В частности, гидрогеолог Кучин рекомендовал для снижения уровня грунтовых вод и прекращения их доступа с окрестных гор сделать штольню длиной более трех километров: она бы перехватывала все поверхностные и грунтовые воды, направляющиеся к площадке с горы.

Предложение Кучина имело свое обоснование, но Бардин его не принял, считая, что это повлечет за собой большую и ненужную работу.

Теперь, поскольку появились, по сути, официальные обвинения в газете, главному инженеру ничего не оставалось, как вызвать для консультации гидрогеолога из Москвы и ждать окончательного решения вопроса на месте.

Через неделю в Кузнецк прибыл профессор Дмыховский, известный знаток по части грунтов и оснований. В течение трех дней он знакомился со всеми данными, побывал на месте заложения фундамента строящегося здания. Наконец тряхнул козлиной бородкой и густым басом изрек, что полностью одобряет принятый Бардиным тип ленточного фундамента.

После такого заключения работа пошла более уверенно. Но статья сделала свое дело. Она породила сомнения в квалифицированности руководства стройки, точнее в состоятельности главного инженера. Бардин понимал, что отныне разговоры о его личной некомпетентности будут подниматься при любом удобном случае. Опережая события, он отправился в Томск, чтобы доложить Колгушкину обо всем, что произошло. Рассказал о случившемся и потребовал от начальника своей отставки.

– Так дальше нельзя, Филомей Тимофеевич! Завтра возникнут еще более сложные вопросы! Я же не мальчик для битья! Каждый раз апеллировать к Москве – это не дело... Нет, пока не наломал дров, увольняйте меня с этого места.

Колгушкин подался вперед:

– Ну что вы, Иван Павлович, так близко принимаете к сердцу. Оно вам еще пригодится для больших дел. А на чужой роток не накинешь платок! Сколько людей, столько и мнений. Другое дело, люди не слышат друг друга... Я вот сам недавно в Москве

чуть до грудков не дошел в разговоре с одним деятелем из Совнаркома. Я ему, понимаешь, про Фому, а он про Ерему... Нет и еще раз нет! Никуда я вас, Иван Павлович, не отпущу! Я кадрами не разбрасываюсь! Точка...

В конце концов Колгушкин уговорил Бардина не предпринимать ничего до его переговоров с Новосибирском, куда он наметил отправиться в ближайшие дни.

Вроде уговорил, но в душе Бардина осталась заноза. Чтобы вытащить ее, решил из Томска ехать в Щегловск, в редакцию окружной газеты, поместившей обвинительную статью. На Исполкомовской, 18 нашел бревенчатый дом под тесовой крышей. Разыскал редактора. Представился. Редактор назвался Борисом Голубчиком.

Бардин долго рассказывал о проблемах стройки, о трудностях, о ближайших задачах и перспективе. Редактор смотрел на него, часто мигал сквозь мутные очки и молчал.

А когда речь посетителя закончилась, не меняя выражения лица, произнес:

– Ну и че вы хотите?

Бардина это взбесило:

– Я вынужден завтра же отправиться на прием к товарищу Эйхе! Не думаю, что пасквилянтам крайком партии предоставляет свободу слова!

Услышав о товарище Эйхе, редактор сразу переменился в лице. Снял с носа очки и требовательно крикнул:

– Наташа! Севрюкова немедленно ко мне!

Менее чем через минуту в дверях показался молодой парень в ситцевой косоворотке.

– Володя, расскажи товарищу Бардину, как ты готовил свой материал, как побывал на Кузнецкстрое. В общем, убеди человека, что никакого навета в твоей статье нет. – Потом снова повернулся к посетителю: – Это, товарищ Бардин, не наша редакционная политика и тем более не кухонные придумки. Мы идем четко в фарватере решений партии и правительства!

Володя начал сбивчиво рассказывать, как к нему попало письмо из Кузнецка. Группа товарищей, мол, писала о безобразиях, которые творятся вдали от глаз новосибирского и томского руководства. Фамилия Бардина там не упоминалась.

Севрюков хотел передать материал газетному фельетонисту Александру Климову. Но тот отказался, посчитав письмо подозрительным. Когда Севрюков прибыл в Кузнецк для выяснений на месте, его радушно встретил Янушкевич. В личной беседе рассказал о том, что главный инженер плохо разбирается в строительстве, дает невыполнимые и даже вредные указания. Многие специалисты возмущены такими выходками технического руководителя и готовы покинуть стройку...

В конце концов корреспондент Севрюков, состряпавший статью под псевдонимом Норд, вынужден был признать, что все приведенные в публикации факты не проверены. Ему пришлось тут же извиниться за свою излишнюю доверчивость. Парень от волнения млял потные пальцы.

– Особо простите, товарищ Бардин, за то, что в тот раз не захотел встречаться с вами. Обещаю еще раз приехать на стройку и написать, как все происходит на самом деле...

Голубчик, снова нацепив на переносье туманные очки, заключил:

– Прошу нижайше нас извинить! Теперь придется давать опровержение. Слышал, Володя?.. Видите, товарищ Бардин, живем в переломное и суматошное времечко! Все мы не без греха... А если будете в Новосибирске, передавайте при случае Роберту Индриковичу от щегловских низкий поклон!

Но никакого опровержения газета так и не опубликовала. И правдивой статьи о Кузнецкстрое в ближайших номерах не появилось.

Янушкевич, видимо, понял, что попался в расставленную им же самим ловушку, и заметно загрустил. Старался лишний раз не попадаться на глаза Бардину. Вскоре подал заявление и отбыл в неизвестном направлении. На его место поставили инженера Сергея Коптевского, прибывшего с Белорецкого завода. Ему уже приходилось работать с Бардиным в Макеевке и Енакиеве. К тому же он хорошо разбирался не только в металлургическом производстве, но и в строительстве.

КУЗНЕЦК. 1929. КУЛАКОВ

Тридцатилетнего Андрея Кулакова на стройке встретили без особого пиетета. Были уже тут такие, кто и в штурме Зимнего успел поучаствовать, и повоевать в Гражданскую. Даже повыше, чем полковым комиссаром.

В девятнадцать его приняли в партию. А после установления советской власти в Сибири направили в Омск. Там комиссар превратился в снабженца, доставал и выбивал не только фонды, но и конкретные вещи: еду, одежду и оборудование, то есть самое необходимое для работы угольных копей Кузнецкого бассейна. На юге Кузбасса Кулаков проработал более пяти лет, успел изучить край и многих людей знал лично.

В Кузнецк прибыл в октябре 1929-го. Представляя его на стройку приехал Иван Васильевич Лотиков – заведующий орготделом окружкома партии. Сразу обозначил Кулакова как первого секретаря комитета партии Кузнецкстроя. Вскоре на окружной конференции того по всей форме избрали секретарем Кузнецкстроевского райкома.

Тогда ситуация с рабочими кадрами на стройке грозила превратиться в критическую: сколько б лю-

дей ни прибывало сюда целыми эшелонами, добровольно или по призыву, почти столько же бежало прочь, порою даже не дожидаясь денежного расчета.

Близилась долгая и лютая сибирская зима, пугающая многих кузнецкстроевцев. Как пережить ее? Как удержать людей? И вот тут весьма к месту оказался Кулаков. Он был волевым, резким и порой очень жестким человеком. Разошелся слух, что перед этим Кулаков провел чистку парторганизации в Щегловске. Многих партийцев выгнали с высоких должностей. Самые изворотливые перебрались на теплые места в Кузнецк. И вот снова на их голову налетел коршун...

В то же время крепла репутация Кулакова как житейского воспитателя, политического пропагандиста, организатора и надежного снабженца. Наверно, какими-то высшими силами Кулакова вынесло на предназначенную как раз для него орбиту. Время и обстоятельства требовали именно такого парторга, по сути – комиссара времен Гражданской.

С первого дня на стройке Кулаков вел себя как в бою. Сразу оценил всю серьезность ситуации с рабочими кадрами. И понял, что одна из главных задач советской власти – построить в Сибири металлургический гигант и начать давать стране чугуна, сталь и прокат – находится под угрозой срыва. Поэтому не было времени искать помощи у своего партийного начальства, и Кулаков поставил перед руководством стройки вопрос ребром: или мы что-то сделаем, или вообще лишимся рабочих рук.

Колгушкин бывал на месте очень редко, а у Бардина своих забот невпроворот. Так что Кулаков сам устанавливает для себя особый режим жизни – практически днюет и ночует на строительной площадке, постоянно находясь в гуще рабочих. При этом понимая, что, по существу, оказался единственным воином на поле брани. Не то что крепких – вовсе никаких тылов у него нет. Коммунистов на стройке – единицы. Да и те разобщены, не знают друг друга, живут и работают в разных местах...

На счету каждый метр жилья. Но партийной организации нельзя существовать без своего угла. Потому Кулаков поручил членам оргбюро самочинно занять комнатку в доме приезжих – прямо над столовой ИТР. Однако там нет телефона. Уговорил кое-как заведующего хозяйством Морозова, тот черкнул на заявке: «Митрофаныч, обязательно поставь точку у просителя Кулакова».

Побежал к Митрофанычу – главному связисту стройки Егорову. Прокрался в его закуток, услышал конец разговора с Морозовым по телефону:

– Я понял, Алексей Максимович! Все понял. Как подойдет, так и скажу ему... Конечно, конечно... Как говорится, самим не хватает.

Кулаков показал бумагу с резолюцией Егорову.

Главный связист долго вертел ее так и сяк, потом тряхнул головой и вымолвил:

– Понимаете, товарищ Кулаков, я бы с удовольствием, но, к сожалению... Токо вчера последнюю точку снарядили. И теперь никаких возможностей. Нету резерву ни в сетях, ни на коммутаторе. Ежели хотите, можете проверить...

Кулаков догадался, что вокруг крутится сплошная надуваловка. Но куда пойти, кому пустить слезу или дать по физиономии, он не знал.

...Начались устойчивые заморозки. А в Кузнецке они обычно ранние. И сразу обострилась, точнее, оголилась проблема с жильем. Мало того что многие бараки сколочены из сырого леса, так еще и стены их заполнены всякой трухой, а сверху утеплены коровьим навозом. Полили осенние дожди – и с потолка закапала мутная вонючая жижа. Стены заплесневели, покрылись зелено-фиолетовым налетом. Многие бараки оказались не только без печей, но и без оконных стекол, проемы пришлось зашивать брезентом, старыми одеялами и матрасами. К слову, новых матрасов, чтобы нормально отдохнуть, тоже не хватало.

Никому не пришло в голову построить специальный барак для одиноких женщин, а их набралось на стройке более двухсот. Семейные и холостые часто жили в одной комнате. Уставший после смены муж спит на кровати, рядом жена качает в люльке ребенка, а возле них несколько молодых ребят галдят, играют в карты, споря меж собой...

В это время из центра России, спасаясь от голода, стекались самостийно и организованно люди, кое-как знакомые со стройкой или вообще не видевшие ее. Большинство «новобранцев», прослышав о невиданном строительстве и больших деньгах, прибывало в Кузнецк из алтайских, новосибирских и более близких деревень.

Построенные бараки занимались чаще всего стихийно: кто первый захватил место, тот здесь и живет. Правда, такое жилье находилось большей частью на окраинах, ему даже нашли подходящее слово – «нахаловка».

Вдали от строительной площадки возникло много неблагоустроенных рабочих поселков. Самый большой земляночный городок протянулся вдоль болота от речки Абы до железнодорожной станции. За ним тоже закрепилось говорящее название – «копай-город». И куда ни глянь, страшная антисанитария.

Для тех, кто прибыл последним, жилья не оказалось вообще. Надо было выбирать себе сухое место и срочно рыть землянки, утеплять их дерном, соломой, еловыми ветками. Буржуйки и уголь раньше можно было получить бесплатно, но к зиме железные печки стали дефицитом и с углем тоже воз-

ника проблема: выписывали со склада по два ведра на одну печь, и за этим с самого утра длинная очередь. В конце октября запретили выписывать для личных нужд гвозди...

Делал свое дело Кулаков, как умел: где уговором и убеждением, где руганью и угрозами. И добился-таки своего, сумел худо-бедно улучшить быт кузнецкстроевцев и предотвратить массовый отток рабочих.

Из освобожденных помощников у Кулакова был всего один человек – Лупинин. Снимать кого-то из партийцев с рабочего места было преступлением. В редком случае находился добровольный помощник, отпахавший ночную смену. Поэтому чаще всего Кулаков работал в одиночку.

Ходил по баракам и задыхался от смрада. Всякий раз вздрагивал, наткнувшись взглядом на ужасающие детали совместного быта жильцов. И иногда просто не мог уразуметь, как можно существовать в таких условиях. Люди жили семьями, без перегородок, бок о бок здоровые и больные, тут же играли и дрались их дети. Деревянные топчаны были завалены ворохами тряпок, а на большой кирпичной плите в центре барака из многочисленных горшков и кастрюль источала вонь приготовляемая пища.

Правда, значительную часть местного населения составляли кулаки и члены их семей, то есть враги народа, коими считала их партия. И он сам, соблюдая партийную дисциплину, должен был тоже считать всех этих окающих, акающих и экающих людей, переселенных насильно из своих домов и хат, врагами народа. Но какие ж они, к черту, враги?!

А утром из бараков, землянок и других временных пристанищ на работу тянулись несметные толпы полуголодных людей в дырявых стеганках, потрескавшихся овчинах, в старых шинельках, в лаптях и галошах, подвязанных бечевками. И уже с восходом позднего солнца они, таинственные и чуждые, по-муравьиному суеились в громадных котлованах, карабкались по деревянным настилам на свежие кирпичные стены, толкали с неизвестно откуда взявшейся бодростью тачки с кирпичом и цементом. Брызги дорожной грязи и цементного раствора растекались по их худым лицам и ободраным ватникам...

Ноябрь начался с ранних морозов. Кулаков не мог усидеть на одном месте, мотался из одного барака в другой. Пробирался по осклизлому склону до самых дальних временок. Порой несколько ночей подряд умудрялся прикорнуть там, где его сваливала с ног усталость. Но и в этом случае просыпался первым и снова видел, как ужасно живут люди. В кишасей массе чужого народа мучились роженицы, кто-то с радостью ждал своего первенца, а кто-то

был рад, что младенец упокоился навек и одной заботой стало меньше. Спасаясь от всепроникающего холода, люди спали в шапках и телогрейках. Чтобы не замерзли ноги, мужчины меняли сырые от пота портянки на сухие и пристраивались на лавку в дырявых пимах...

Ранним утром Андрей торопился на вокзал, чтобы встретиться с прибывшей перед рассветом новой партией народа. Вокзал был слишком мал для заполнившей его оравы. Самые нетерпеливые, дрожа от холода, стояли у рельсов по колено в снегу.

Кулаков пробирался в душный зал и без всяких предисловий начинал выкрикивать избитые уже слова:

– Товарищи, вы прибыли на самую великую стройку не только Сибири, но всего нашего Союза! Вас с большой радостью встречает доблестный Кузнецкстрой!

Он знал, что почти никому, кто сейчас затаил дыхание в этом помещении и ждет от него самых желанных обещаний, не достанется нормального места для проживания, а тем более уютного угла...

Только вчера кое-как расселили прибывшую партию народа. Заведующий хозяйством Грау распорядился занимать красные уголки.

Но неожиданно налетел председатель рабочкома Федор Елизаренко:

– Не позволю! Дойду до Бардина, буду звонить Колгушкину, подниму весь Новосибирск!

Пришлось Грау, мягко говоря, «утереться». И этого старый партиец и красногвардеец вынести не мог. До самой темноты бегал от барака к барaku, отыскивая Елизаренко.

Бегал и хватался за сердце:

– Застрелю суку! И сам застрелюсь!

И вот – новое испытание. Конечно, куда-то приткнет людей Грау. Но чего это ему будет стоить! Придется еще раз уплотнять заезжий дом № 27 на Верхней колонии... А как завтра?

Не раз бывало, что человек очнулся после сна и не может встать: голова за ночь примерзла к подушке. Потом пытается умыться, а в цинковом тазу сплошной лед. Перед работой надо обязательно не только сжевать кусок ржаного хлеба, но, главное, порадовать душу кружкой горячего чая. Значит, первому, кто проснулся, придется разжигать буржуйку и заодно ждать, когда немного подсохнет за дубелая ото льда роба...

Кулаков исполнял свой долг, как знал и как мог. Чисто по-комиссарски он организовал мобилизацию по обкладке дерном тесовых бараков. На засыпку завалинок был направлен каждый взрослый житель барака – все, по выражению парторга, кто мог шевелиться. Ему удалось сплотить сотни людей, прибывших на стройку с разных концов страны, заложить основу единого коллектива Кузнецкстроя.

...А перед руководителями стройки стояла задача куда более важная: скорейшее получение первой плавки. Поэтому для разговоров об улучшении быта трудящихся на совещаниях и собраниях, как правило, времени не хватало.

КУЗНЕЦК. 1929. ЗАВОДСКОЕ ШОССЕ

На железнодорожную станцию все чаще и чаще, по несколько составов в сутки, прибывали материалы и оборудование, предназначенные Кузнецк-строю. Но нормально подъехать к промплощадке с этими грузами было нельзя. Станцию от территории строительства отделяла речка Аба и болота, трясина и озера. Все, что могли доставить на лошадах, везли в повозках круглыми путями, старыми тропами – лишь бы поступивший материал оказался ближе к стройплощадке.

Все понимали, что без хорошей дороги не обойтись. Пришлось в который раз оголять главные объекты строительства и направлять людей на этот участок работы. Несколько сотен грабей день и ночь возили камень и землю, чтобы засыпать болото по всей длине намеченной прямой дороги между будущим заводом и железнодорожной станцией. Но трясина безжалостно заглатывала камень и глинистый грунт. С огромным трудом удалось сделать какое-никакое основание будущей трассы, тут же получившее величавое название Заводского шоссе. Хотя какое тут шоссе? В сухое время – кочки да ухабы, а после дождя колеса груженных телег еще долгое время вязли в разжиженном грунте по самые ступицы...

В этот раз Бардин торопился на вокзал. Через несколько минут должен отходить новосибирский поезд. Двухолка, в которой рядом с главным инженером сидел Кулаков, виляла по шоссе, объезжая глубокие рытвины.

Слева показались бессоновские дома.

Кулаков показал на кривые силуэты построек:

– Вчера наши имели крупный разговор с местными мужиками...

– Что-нибудь серьезное? – насторожился Бардин.

Он вспомнил, как еще на самых первых порах потерпел сокрушительное фиаско в этой самой Бессоновке. Появился здесь в марте и первым задал вопрос не «Кто будет строить?», а «Где люди будут жить?».

Заведующий строительной площадкой Тельбесбюро Иван Иванович Бреус, краснощекий немец из колонистов, вязаной vareжкой показал на ряды складированного леса:

– Тут побольше тысячи кубиков. Для начала жилья хватит. Но опять же загвоздка: кто будет строить? Народу, видите, нет. А тот, что в наличии, может быть только на подхвате. Лесинку поддержать, дров нарубить, напилить. А настоящих плотников –

нуль! Хороших печников тоже нет. Вечная дилемма, Иван Павлович. Это вроде того, что было вначале: курица или яйцо...

Философствующий Бреус начал раздражать Бардина. Но тут заведующий строительством заявил, что у него есть на этот счет весьма занимательная идея. И сразу изложил ее. Надо всего лишь срочно выкупить дома у жителей Бессоновки и расселить в них первые партии прибывающего народа. Бардин ухватился за эту мысль.

Приехав в село, походили возле домишек, поставленных в кривые улочки. Выбрали два десятка наиболее подходящих строений. Потом пошли в сельсовет. Рассказали, в чем дело. Предложение приезжего начальства мигом облетело дворы. К крыльцу сельсовета потянулись мужики и бабы.

Слово взял Бреус, его тут многие уже видели. Начал он весьма высокопарно:

– Товарищи бессоновцы! Рядом с вами разворачивается строительство завода будущего. Скоро на стройку металлургического гиганта придут сотни, да что там сотни – десятки тысяч людей с разных уголков нашей необъятной родины. Все они приедут, чтоб полностью отдать свою силу духа и тела великому почину... Поэтому нам хотелось бы, чтобы эти люди не скитались по просторам вашего края, а получили нормальные условия для проживания. Вот мы посоображали и приехали с предложением выкупить в вашем селе все пригодное для проживания жилье.

– Ты ково несешь, дорогой товарищ? – откликнулась бабенка в цветастом платке. – А мы-то сами куды из своих хором? У меня вон мужика по осени кедрой придавило. Я одинешенька, и шестеро гавриков на руках...

– А это, гражданочка, нами тоже обмозговано, – ответил Бреус. – Мы на всех вас кладем восемьдесят тысяч. За такие деньжищи можно приобрести неплохие подворья в Кузнецке. Самолично вчера узнавал. Оттуда многие разъехались – кто в Томск, кто в Барнаул или в Новосибирск. Так что тут никакой заминки не предвидится. Мы бы и сами там купили жилье. Только здесь для трудящегося человека сподручней. А Кузнецк для нашей работы, считай, что у черта на куличках! Летом паром, понимаешь, а зимой длинный санный путь...

Бессоновский народ вначале было зашумел, заартачился. Потом люди пошептались меж собой, несколько мужиков отошли в сторону. Покурив и посоветовавшись, вернулись к притихшему собранию.

Выступил мужичонка с кудлатой бородой и в изношенной до дыр шапке:

– Значится, так, робята... На продажу нашего жилья мы согласны. Но, товарищ начальник, расчет должен быть наперед и до единой копейки на кону.

– А копейка у вас будет какая? – обрадовался благополучному повороту дел Бреус.

– А вот такая! Я ить за свою халупу в том Кузнецке токо хрен на палочке буду иметь. Потому наша цена будет повыше. Мы уж как-нибудь меж собой поладим, но на горку вываливай, дорогой товарищ, двести пейся! То ись тыщонок... А иначе разговор меж нами будет пустобрехий.

Бреус уставился на Бардина. В его глазах так и сквозило: «Это ж грабеж среди бела дня!» Бардин нервно переминался с ноги на ногу. Он понимал, что местный народ давно осведомлен о нуждах стройки. И будет стоять насмерть: ему, как пролетариату, кроме цепей, терять нечего.

Иван Павлович выдвинул тело вперед и произнес глуховатым, но твердым голосом:

– Двести тысяч! Это последнее слово. Вы все, надеюсь, сознательные граждане и должны понимать, что государство не дойная корова. Поэтому торговаться мы больше не намерены.

Немного постоял и сделал вид, будто направляется к своей повозке.

Мужик со взлохмаченной бородой вроде как опомнился:

– Так ить чево там, мы согласны! Балаган не об чем устраивать. Што мы, ситуации или важности момента не понимаем?

...В итоге оказалось, что «ситуацию и важность момента» недопонял Бардин. Денежки все до единой копейки были вскоре выплачены. А через некоторое время началась тяжба. Бессоновские мужики почти поголовно подали заявления на устройство их в Тельбесстрое. Причем каждый не забыл указать, что никакого жилья не имеет. Таким образом, все жители деревни продолжали преспокойно жить в своих проданных «хоромах», а подселять к себе чужих людей ни в какую не хотели.

Бардин, конечно, понимал, что по дурости влез в великую авантюру. Но не будешь же тащить милицию и выселять семьи, в которых до пяти – семи душ ребятишек, а отцы значились работниками его же разворачивающейся стройки...

– Так что тут было серьезное? – переспросил Бардин у Кулакова.

– Кипит еще у меня до сих пор! – Парторг не понарошку ударил в грудь. – Дедок тут, вишь, один пропаганду кулацкую вел. Будь он помоложе, ох и схлопотал бы у меня! А так – что со старого пня состругнешь?

– Ну и чего он хотел, дед твой?

– Да вроде и ничего такого особого. Но скрипу было на всю округность... Недовольство, так сказать, нашей политикой высказывал. А разве это нормально в сложившихся условиях?

– А все-таки? – не унимался Бардин.

– Порушили, говорит, природу-матушку. Веками она стояла здесь, цельная, как девка. А мы вот, вишь, приперлись сюда со своим заводом... Будто

не знает, что эту природу страна покорить пришла, великое дело затеяла! А ему, вишь, не по нраву наша цель. И то, что болотину засыпали, и то, что заячьи тропы перекопали... Оказывается, у него кто-то рыбешку из вентилях повинычал. А кроме речушки этой, которая у нас как кость в горле стала, ему, вишь, негде поблизости порыбальить. Соснячок, мол, да вербочку повырубали... Вместо того чтоб свежую газетку развернуть да о политическом моменте голову поломать, о птичке и стрекозе беззубый загрузил. Горе, вишь, какое у него: за годик лишний раз сходить некуда. В общем, послушал я его и чуть не побежал в ГПУ, чтоб самому сдать-ся... Нет, так дальше нельзя! Такой настрой, Иван Павлович, должен быть каленым железом...

Бардин продолжал молчать. Хмурил брови, переминался скул. Что-то в услышанных словах задело его за живое. Но он старался выбросить из головы мысли, высказанные бессоновским стариком. Не потому ли, что слишком много в них было горькой правды?

МОСКВА. 1929. ХРЕНОВ И МАЯКОВСКИЙ

Заканчивалось последнее воскресенье августа. Засиделись допоздна. Маяковский был не в своей тарелке. Что-то угнетало его. Зная поэта уже больше трех лет, Ульянов Хренов заметил, что такое с Владимиром в последнее время случается часто.

Наверняка все дело было в какой-нибудь красивой женщине. Именно красавицы, а вовсе не деньги или бытовые удобства всегда были для поэта главной движущей силой. Хренову было известно, что уже с 1918 года Брики и Маяковский стали жить втроем. А когда весной 1919-го перебрались в Москву, даже не скрывали своих прогрессивных отношений. Лиля вместе с Владимиром трудилась в «Окнах РОСТА», Осип ходил на работу в свою ЧК.

Хренову порой даже становилось жалко Владимира, не обделенного женской любовью, но маявшегося со своей судьбой, так и не приставшего к тридцати трем годам к нормальной семейной гавани... Не раз Маяковский раскидывал перед ним на столе фотографии, словно игральные карты. На всех были женские лица.

– Вот они, главные люди моей жизни! – улыбался поэт, размахивая длинными руками. – Моя вечная проблема! Путеводные звезды и препоны на моем пути...

Надо признать, все женщины на снимках были красивые, но не каждая цепляла душу Хренова. Зато Маяковский о каждой из них говорил с высоким надрывом, словно прощался в данную минуту. Да, несмотря ни на что, вся текущая жизнь поэта была заполнена Лилечкой Брик. Владимир очень сильно был привязан к этой женщине. Но и при ней для Маяковского вспыхивали другие «путеводные

звезды». О них он мог говорить с близкими людьми часами...

Дружеский союз технаря Хренова и известного поэта-лирика оказался крепким и продолжительным. Каждый из них находил в другом то, чего не имел в себе. Маяковский необычайно нежно относился к Хренову. Любил и ценил в нем энтузиазм, безграничную энергию и преданность порученному делу.

– Через пару дней отбываю в Сибирь, – сообщил ему Хренов. – Конкретно – командировка в Кузнецк. Давно собирался туда. Край непуганых птиц.

– Ну-ну. Любопытно. А я ведь, Ян, даже до Урала не удосужился доехать. Нью-Йорк и Париж – стоящие города, но надо бы и по Родине прокатить. Ведь кругом прет такое дыбище! – Он взял со стола автоматическую ручку, повертел в руке и закончил: – Привези хороший подарок! Чтоб заскребло меж лопаток. Ну, ты парень сообразительный. Знаешь, чего хочет душа поэта.

...И вот многодневная и многотысячекилометровая командировка позади. Воскресный вечер 17 ноября.

Маяковский держит в ладонях три большие кедровые шишки, подносит их к носу и, вдыхая смолянистый аромат, умиленно восклицает:

– Какой первородный запах! Кедр, говоришь? Кедрище!.. Замечательная будет у меня к нему рифма, Ян!

Оказавшийся в гостях одновременно с Хреновым Василий Катанян улыбнулся. С этим бывшим секретарем журнала «Новый ЛЕФ», а теперь сподвижником Маяковского по «Комсомольской правде» и «Известиям» Ян познакомился чуть больше года назад. Ни Катанян, ни Хренов давно не видели Маяковского в таком расположении духа. Значит, у поэта пошел творческий подъем. На столе стояла открытая бутылка красного десертного вина «Букет Абхазии», его начали выпускать только с нынешнего года. С этой бутылкой из зеленого стекла Хренов не расставался с самого Кузнецка: как-никак личный презент от директора Кузнецкстроя на дальнюю дорожку...

Маяковский искоса глянул на шестнадцатиградусную жидкость, лукаво улыбнулся:

– Пойдет. Хотя во мне живет сторонник чисто грузинских вин. Есть, правда, и другие мнения. Например, у Александра Сергеевича. – И он продекламировал своим рыкающим голосом:

*Да вот в бутылке засмоленной,
Между жарким и бланманже,
Цимлянское несут уже;
За ним строй рямок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристалл души моей.*

Маяковский умолк, Катанян приподнял голову:

– А что, если Ян Петрович расскажет нам о делах во глубине сибирских руд?

– Однозначно! – поддержал хозяин дома. – Ян, не прячь впечатления! Давай, вываливай! Что там у них... – Но тут же осекся. И серьезно уточнил: – Что там у нас?

Хренов пригубил вина из стоявшего перед ним бокала. Хотел было отмахнуться: мол, да все в порядке, контора пишет, дела идут своим чередом. Но, подхваченный воспоминаниями о недавнем пребывании на Кузнецкстрое, сам не ожидая от себя такой прыти, начал с восторгом рассказывать, как он попал в Кузнецк, как окунулся в лавину настоящего героизма людей, увидел их светлую и неиссякаемую веру в завод-гигант и будущий город-сад. Говорил с азартом, подробно, заразительно, воодушевленно, словно комсомолец на собрании. Рассказывал о строительстве небывалой по мощности домны, о закладке нового города – небывалого города социалистического типа. Рассказал о трудностях, о промокшем хлебе, прохуdivшейся крыше над головой и о миллионе вагонов стройматериалов, которые заезут туда.

– Там каждое утро газета повторяет: «Стране нужен чугун!» И каждое утро люди спешат на стройку – хоть в ливень, хоть в лютую стужу. Они полны отваги, задора и ожесточенности. Когда рабочий касается железа, он чувствует, что замороженное железо обжигает пальцы, будто его накалили в кузнечном горне. Но он претерпевает это. Он работает через силу, но с песней и сдает свой объект с красным знаменем в руках...

Маяковский слушал, остолбенело опершись об угол комода, не выпуская из рук шишек. Не проронил ни слова, пока говорил гость. На другой стороне дивана с открытым ртом сидел Василий Абгарович. И без того увеличенные стеклами очков глаза стали еще больше, он то и дело машинально тыкал папирсой в пепельницу, полную окурков.

Маяковский наконец не просто подошел, а подскочил к Хренову:

– Ян, дружище! Ты привез настоящий подарок. Я сегодня не усну до утра... Меня прошибло током от твоих слов. Кому-то другому я бы не поверил, а тебе верю, старина: там точно будет город-сад!

Потом несколько секунд всматривался в лицо друга, побывавшего в Сибири, как на другой планете. И начал декламировать тут же рождающиеся стихи. Хренов понял, что Маяковский, как обычно, экспромтом ставит здесь свое собственное представление.

– Да вы просто светлый мечтатель, молодой человек! – прервался поэт для восторженной пояснительной ремарки. – Так красочно рассказываете

об утлых бараках и измокшем хлебе, об обмороженных руках арматурщиков, о грабарах, которые не прекращают работу под проливным дождем... У людей не хватает галош, одежды, теплых рукавиц, а надо работать на морозе, лезть на большую высоту. И молодежь делает это там легко, весело, с остервенелым озорством... Ты, Хренов, настоящий ритор! Цицерон в трусах Моссельпрома! Я из твоей речи, дружище, должен сделать продукт! И эпиграфом к нему станут слова о том, как к месту строительства будет подвезен миллион вагонов стройматериалов. И в этом самом месте соорудят металлургический гигант и город в сотни тысяч людей. Годится?

...Поздно вечером, когда Хренов уже кое-как добрался с Гендрикова переулка к себе домой, жена Мария Ильинична участливо спросила:

– Как нынче дела у Владимира? В полете или опять тоскует?

– В полете! Да еще, знаешь, Машенька, в каком!

А перед сном Яна вдруг передернуло от нехорошего чувства. Он даже вскочил и быстро прошел в ванную. В полузабытье ему привиделся умирающий Маяковский. Владимир будто бы сам выстрелил себе в грудь.

– Чушь какая-то, мистика... – смотрел Хренов на себя в зеркало.

Ранним утром, уже собираясь на работу, Ян понял, откуда появилась вчерашняя фантазмагория. Его друг с давних пор отличался страстью к оружию. У него было разрешение на карманный револьвер «Велодог» и на три пистолета: маузер, «Баярд» и браунинг. Лиля Брик однажды ни с того ни с сего отрезанным голосом произнесла: «Он обязательно когда-то покончит с собой, такой уж у него характер...»

Первая публикация «Рассказа Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» появилась в московском журнале «Чудак». Это был 46-й номер за 1929 год. Маяковский под стихотворением указал, что написано оно 22–23 ноября. То есть, выходит, почти сразу после встречи с Хреновым.

Главный редактор «Чудака» Михаил Кольцов пояснил, что выбор автора был правильным, в его журнал поэт пришел по адресу, чудак – это неизлечимый романтик. Немного позднее «рассказ» про Кузнецкстрой напечатала «Комсомольская правда». Стихи произвели фурор. 2 декабря утром они прозвучали по Всесоюзному радио в «Рабочей радиогазете», около полудня их услышали и в Кузнецке...

Итак, впервые это великое стихотворение было напечатано на развороте сатирического журнала. И многие задумывались: почему? Дело в том, что прямо перед ним в «Чудаке» была помещена карикатура «Их поправка», вступающая со стихотворением Маяковского в своеобразный диалог. Карикату-

ра высмеивала так называемых «правых оппортунистов», которые сомневались в возможности ускоренного выполнения первой пятилетки. Генеральную линию партии, резко взмывающую вверх, они опустили до ровной горизонтальной линии: «Да разве мы против генеральной линии? Мы только хотим ее немножечко выровнять».

Такие «поправки» расценивались как главная угроза только что родившемуся смелому плану «Пятилетку – в четыре года!». По-видимому, ответом подобной «осмотрительности» и призван был текст «Рассказа Хренова». По сути, стихотворение сыграло роль решающего аргумента в развернувшейся полемике, роль яркой газетной передовицы. Таким образом, шедевр Маяковского оказался вписан в публицистический контекст эпохи.

КУЗНЕЦК. 1929. СТИХИ МАЯКОВСКОГО

Так получилось, что Маяковский дважды вклинился в жизнь Бардина.

Когда в кабинете начальника строительства Иван Павлович столкнулся с Хреновым, то даже не предполагал, что этот ничем не примечательный по виду молодой человек сможет увезти в Москву столько важных сведений о Кузнецкстрое. Потом Бардин винил себя: как же так – не смог распознать верного сподвижника в этом бывшем матросике Ульяне Петровиче.

132 Подал, как обычно, руку для знакомства. Узнал, что по роду своей деятельности Хренов – управляющий делами ЦК профсоюза рабочих-металлистов. Приехал сугубо по служебным делам. Никакой не строитель и тем более не металлург. Скорее общественник. Попутно с местным профсоюзом организовал здесь несколько стрелковых секций.

А ведь именно через Хренова Маяковский оказал Кузнецкстрою неоценимую помощь в самое тяжелое время. Как раз в тот момент, когда приехавшее московское начальство разнесло ведение работ на стройке в пух и прах. Знаменитый поэт поддержал дух строителей, и они с новыми силами продолжили начатое дело...

Магические строки Маяковского не просто дошли до людей в самый ответственный момент. Они оказали настоящее мобилизующее воздействие в дни зимних морозов.

Стояла такая стужа, что бетонщики еле успевали замесить бетон: он тут же норовил превратиться в камень. Но строители продолжали заливать фундаменты. Буранный ветер старался смахнуть с лесов плотников, строивших тепляки над будущими цехами, но те, как цепкие насекомые, оставались на месте. И арматурщики, у которых ладони примерзали к железным прутьям, продолжали гнуть эти прутья и плести из них сложнейшие каркасы.

Когда в одной из бригад кто-то пожаловался на

неимоверный мороз, арматурщик Володя Лобанов застуженным голосом стал выкрикивать строки из стихотворения Маяковского:

*Сливеют губы с холода,
но губы шепчут в лад:
«Через четыре года
здесь будет город-сад!*

И снова закипела работа.

...Они трудились круглые сутки. Ночью площадка освещалась прожекторами, ночные смены не хотели снижать выработку. Однажды в самой середине котлована обнаружили плавуну. Молодой парнишка с окающим говором заявил, что не уйдет отсюда, пока не выполнит назначенную норму. И вся бригада продолжала рыть землю, стоя почти по пояс в ледяной воде...

Экскаваторы, работавшие на паровой тяге, тоже задыхались на морозе. Но, преодолевая сопротивление, зубьями вгрызались в каменную землю: ее надо было во что бы то ни стало разломать, достать, поднять.

Комсомольцы объявили субботник. Ежедневный подвиг, описанный в «Рассказе Хренова», вдохновил их. Строки поэта для стройки оказались правдивыми и живительными – в отличие от приказов самого высокого начальства...

КУЗНЕЦК. 1929. О СЕБЕ И О МАРИИ

Свет луны вливался в распахнутое окно. Бардин любил это время года, это время суток. Только раньше, на юге, он находился среди другого пространства. Там периодически прорезали тишину гудки паровозов, вздыхали доменные печи. И к летнему воздуху всегда примешивался запах горелого железа.

А здесь все не так. Слышатся далекие звуки вбиваемых в грунт свай, отголоски рабочих команд, иногда залихватский женский смех или гыгыканье мужиков. И необыкновенная сладость ночного воздуха – с принесенным ароматом лесов и утопающих в цветах кособоров. Можно, оставаясь на месте, перемещаться во времени. Вспомнив былое, представить завтрашний день. А он, этот день, несомненно, должен быть прекрасным.

Бардин хорошо разбирался в своем характере. Мог назвать все свои положительные и отрицательные стороны. С чем-то мирился, другое старался в себе победить. Иногда брал со стола небольшое зеркало и внимательно изучал свое лицо. Как ни странно, всякий раз находил на нем какую-то незнакомую черточку, морщинку, волосок. И получалось, будто вновь знакомился с самим собой.

Он привык к своему насупленному взгляду из-под густых бровей. К темному, часто меняющемуся

цвету глаз. В часы раздумий и тяжелых умственных нагрузок взор был погасшим. А в минуты боевого настроения, в моменты решения сложных задач во взгляде всегда загорался огонь. Но такое бывало редко. Чаще в глазах таился холод... И еще губы – они не нравились Бардину особенно. Поджатые, сухие и почти бескровные.

Попытался улыбнуться, но понял, что не получится. Только он один в мире знал, что таится за видимым в зеркале образом. Вероятно, судьбой было предназначено, что в этом человеке изо дня в день будет бурлить и гаснуть другая, незаметная для чужого глаза жизнь.

Он знал, что было главным его двигателем. Не только высокие идеи инженера, страсть к металлургическому труду, но и, как ни странно, обычное человеческое чувство любви. Иван Павлович не мог представить свою жизнь без любимого человека. Без близкой для души женщины. Без постоянного ощущения влюбленности. Если бы не было всего этого, то, спрашивается, зачем нужна вся остальная жизнь?

Он мог глубоко и страстно погружаться в пучину безудержной любви и опьяняющего счастья. После этого хотелось перевернуть мир, не считаясь ни с какими преградами. Как в бою – поднимался в атаку и вел за собой других...

Вспомнились последние часы перед отъездом из Каменского. Он говорил с женой о новом месте работы. Марию не держали дети, их никогда у нее не было. Не держала в Москве и только что выделенная мужу шикарная квартира на Моховой. Она бы поехала со своим Ванечкой куда угодно, но только не сюда... Одно упоминание о Сибири приводило жену в ужас.

– Иван, я понимаю, теперь уже ничего не изменишь... Но я почти каждую секунду думаю о нашем будущем. А если честно, больше о себе. Ведь мне всего сорок лет. Ты посмотри на меня со стороны. Кто я? Брошенка? Каприз судьбы?

Солнечный отблеск вспыхивал в карих глазах Марии. Бардин знал, что она полностью права. И сейчас возражать ей бессмысленно, спорить просто не о чем.

Опершись локтем на край стола, он наклонился к ее лицу:

– Машенька, все понимаю. Знаю, будет трудно и тебе и мне. Не могу сказать, кому труднее... Но через какое-то время ты сможешь навещать меня. Я тоже буду бывать в Москве. В конце концов, не в Антарктиду отправляюсь. Пятеро суток поездом в один конец... И пойми самое главное: это мой шанс. Он может быть только от Бога! Больше такого никогда не выпадет. Если упущу его, я стану никчемным человечешкой. Ты ж меня знаешь...

Мария хорошо знала и понимала мужа. Но не могла с ним согласиться. Если он что-то задумал, то

никакая сила ему не помешает. Да и, в общем-то, он прав. Чего она добивается неуместными заклинаньями и вздохами? Теплое гнездо в Москве будет, в деньгах недостатка нет. Другие могут только позавидовать...

Но Марию подтачивала одна пугающая мысль. Она от природы женщина сдержанная, а вот Иван – дикий человек. Как там, в Сибири, он обойдется без нее? Ну, ладно бы месяц, два. Только ведь речь идет о большем! Кто заменит ее?

Они еще долго сидели молча. Бардин явно был мыслями где-то далеко. А Марию не покидало скверное предчувствие. Ей почему-то казалось, что она сидит не возле живого мужа, а перед его нарисованным портретом. Слово проводила любимого человека на войну и ей заранее известно, что ждать теперь придется только скорбных вестей...

Она отвернулась, потом обхватила голову руками и привалилась к спинке дивана. Бардин никогда не видел жену такой: обессиленная, подавленная, расщепленная горем. Она рыдала, ее сотрясали идущие изнутри судороги. Бардин не знал, как ее успокоить. Он вообще не переносил женского плача.

Подошел к жене. Обнял ее узкие плечи. Поцеловал горячую щеку.

– Милая, ну зачем так? Ты убиваешься напрасно. У нас все будет хорошо.

Мария вздернула подбородок:

– Нет, нет, нет... У нас никогда больше не будет ничего... Ни хорошего, ни плохого...

Она говорила искренне, с твердой убежденностью, и ее неуверенность в будущем передалась мужу. До него вдруг дошло, что их устойчивой, хотя и полной испытаний жизни приходит конец. А новое всегда страшит.

Бардин старался не сравнивать Марию с первой женой Александрой. Но сейчас он подумал, что Саша поступила бы иначе. Даже зная, что ее ждет не самое светлое будущее, она бы наверняка приняла сторону мужа. Мария оказалась другой, неготовой к самостоятельной жизни.

...Луна взобралась на самую большую высоту. Заглядывала в окно, но казалась лишь небольшим сдавленным пятном – детской новогодней игрушкой, потерянной в середине сибирского неба.

«Пусть будет так, как все складывается», – решил Бардин и шагнул к патефону. Покрутил ручку и поставил первую попавшуюся под руку пластинку. Надо было загородить дорогу пробивающемуся из груди тоскливому чувству.

Вспомнил, как днем был подкараулен группой кузнецких «ходовков». Он к той минуте еще не остыл от досадного разговора с прорабом Фроловым на котловане под первую коксовую печь. Отошел в сторону, попытался закурить.

Здесь его и настиг вязкий мужской голос:

– Иван Павлович, а мы больше часа вас ищем.

Оглянулся. Позади стояли трое. Мужчина лет сорока в сером пиджаке, на отвороте которого важный революционный значок – профиль Ленина на фоне красного знамени. Скуластое лицо со шрамом возле брови. И двое парней лет по двадцать. Один чернявый, с густыми не по возрасту усами, у второго бледное лицо с тонкой кожей, как на женской коленке.

– И что вас заставило искать меня, ребята? – начиная отходить от тяжкого спора с Фроловым, спросил Бардин.

Мужчина представился:

– Я секретарь Кузнецкого горкома партии Швагин. А это наши комсомольцы – Сидоров и Полосухин. А дело к вам у нас деликатное. Но, думаем, большой государственной важности!

Бардину было сейчас не до деликатных дел. Хотел попросту отшить прибывшую делегацию из-за недостатка времени, но все же пересилил себя, вступил в разговор:

– Слушаю.

Швагин помял кепку. Начал излагать:

– Наша комсомольская организация решила внести свой вклад в строительство Кузнецкого завода...

Бардин заинтересованно вскинул брови:

– Какой же?

Вперед выступил чернявый паренек:

– Хотим передать Кузнецкстрою несколько тысяч кирпича для постройки металлургических строений.

– И откуда у вас такие объемы кирпича, товарищи комсомольцы? – удивился Бардин.

– Откуда-откуда... – зачастил бледный парень. – Не с кирпичного ж завода. Мы вот с Антохой на Зеленой живем. То ись на Форштадте... А подле нас Одигитриевский храм стоит, как кость в горле. Десять зим назад товарищ Рогов не до конца навел порядок среди попов. Токо сумел тогда пожечь церковь. Иконостасы там всякие, алтарь и прочее. А стены из добротного кирпича построены. Их позарез надо сносить. Вот наша комсомольская ячейка и решила довести дело до конца. Разберем все до кирпичика. Зимой на санях через Томь доставим матерьял, куда нам укажете...

Бардин задумался. Потом задал вопрос:

– А вы хорошо продумали, как разобрать такое сооружение? Я его видел. Там без специальных механизмов не обойтись. Построено на века.

Вновь заговорил уса́тый, которого называли Антохой:

– У нас, товарищ Бардин, этот вопрос тоже решен. Товарищи из горкома партии хорошую идею подкинули. Мы ж не дураки, высоко не поле-

зем. Сначала понизу храма выберем кирпич примерно с метр. Вместо него поставим деревянные подпорки. Потом их зальем керосином – пускай выгорят. А там стены сами осядут как миленькие. Только кирпичики выколупывай... Так что, ежели сможете, назовите какой-нибудь цех именем нашего Кузнецкого комсомола! – Закончил эту речь и обратился к партийному началу: – Я правильно говорю, товарищ Швагин?

– С горисполкомом этот вопрос, надеюсь, обговорен? – придирчиво добавил Бардин.

– А чего его обговаривать? Мы тут не власть, что ли? – важно ответил Швагин. – К тому ж горисполком в лице товарища Федорова сам когда-то выдвигал идею сноса церквушки. А на этом месте была мысль устроить хорошее тюремное заведение.

Бардин чуть не расхохотался. Ему понравилась выдумка кузнецких властей.

– Конечно, конечно, – заметил он. – Свято место пусто не бывает!

«Ходоки» поняли, что их предложение принято.

– Все сделаем по первому разряду, Иван Павлович! – доложил Антоха обрадованно. – Если пройдет без сучка и задоринки, мы и за другую церковь примемся. А там непечатый край на Водопадной, особенно крепость на горе. Камушек с нее тоже в дело просится...

Движением руки Бардин остановил Антоху:

– С крепостью, хлопцы, повремените. Ни есть, ни пить она пока не просит. Может, еще когда-нибудь для дела сгодится. С нее у вас, пожалуй, город начал строиться.

...Пластинка пропела все, что было на ней. Иголка, всхрипывая, цеплялась за край этикетки. Бардин поймал себя на крамольной мысли: как удачно он в этот раз увернулся от воспоминаний о Марии.

Луна спряталась за косяк окна. Бардин повернулся на левый бок. К нему наконец пришел сон.

КУЗНЕЦК. 1930. МОСКОВСКАЯ КОМИССИЯ

Из Москвы неожиданно сообщили, что в начале марта в Кузнецк прибудет специальная комиссия – обследовать строительные работы. Главой комиссии назначен Яков Павлович Шмидт, начальник Стальстроя, положительно отметившийся на возведении подмосковных текстильных фабрик. В помощники он пригласил Григория Дмитриева, долгое время работавшего под его непосредственным руководством.

Никто не мог предположить тогда, что всего через несколько месяцев Дмитриева вообще сошлют из Москвы в Сибирь – на помощь Кузнецкстрою. И прославится здесь Григорий Клементьевич как прекрасный человек и хороший организатор производства, доведя до ума строительство коксового цеха.

Из представителей комиссии Дмитриев прибыл на площадку первым. Строительными делами в это время руководил Коптевский. Бардин поручил ему поселить гостя в заезжем доме на Верхней колонии и ознакомить с ходом строительства.

Через три дня приехали остальные члены комиссии. Тоже устроились в доме № 27, отведенном для командировочных. Народ по виду подкованный и дотошный. Все, правда, были текстильщиками, и в металлургическом производстве никто из них не разбирался.

День, когда приехавшие решили осмотреть стройку, выдался благостным. Члены комиссии гуськом переходили от одного объекта к другому. Впереди шествовал главный инженер стройки. Он привычно преодолевал знакомые препятствия, перепрыгивал мелкие ямы, балансируя телом, уверенно ступал по переброшенной через канаву балке.

Москвичи двигались молча, то задирая головы, то, наоборот, выискивая внизу затоптанную дорожку, которых кругом было с избытком, но почти все они обрывались у стены, котлована или края траншеи.

Наконец из прибывших голос подал инженер Бабочкин. Он снял кожаные перчатки и, срываясь на фальцет, произнес:

– Товарищ Бардин, позвольте полюбопытствовать: как оказалось, что все вспомогательные мастерские, дома для рабочих и другие бытовые постройки у вас располагаются на значительном расстоянии от центральной заводской площадки? Это таким образом задумано проектом или всего лишь ваша личная самостоятельность?

«Наконец-то разродилось, мудачье, пошло в наступление», – подумал со злостью Бардин.

Лицо его напрягло, он повернулся к Бабочкину, глуховато ответил:

– И по проекту, и вообще так надо. Это же не конфетная фабрика, а черная металлургия. Здесь будет большой шум, запыленность и загазованность. Постоянно стучит железнодорожный транспорт, пойдут ковши с чугуном, сталь в изложницах, открытые слитки металла... И все это с температурой несколько сот градусов. Думаю, что вы бы лично не захотели находиться в такой среде...

– И какая, позвольте узнать, ваша температура? – ехидно задал вопросец Бабочкин.

Видно было, что Бардин готов загнать этому хлыщу такое, чего тот не слышал ни разу в жизни. Но Иван Павлович стерпел и ответил хладнокровно:

– Если лично у меня, то тридцать шесть и шесть, не более. А вот чугун при температуре ниже полутора тысяч начинает твердеть.

Бабочкин повернул лицо к рыжебородому мужчине в суконной куртке, сквозь зубы тихо проверещал:

– Вы слышали, Евсей Евсеевич? Сибирский валенок нас учить вздумал...

Рыжебородый так же негромко ответил:

– Не расстраивайтесь, голубчик. Мы все это отразим в заключительном протоколе. Не волнуйтесь, не тратьте попусту свое драгоценное здоровье!

В сторонке Коптевский с Казарновским давали пояснения группке коммиссионщиков в количестве трех человек. Большинство из московских гостей впервые видело такой объем строительства и открыто поражалось его размаху. Многие дивились насыщенности будущего завода различными цехами, восхищались разветвленностью железнодорожных путей...

В заключении, ставшем основой для выводов комиссии, Дмитриев указал, что подготовка к строительству и само строительство ведутся беспланово, разбросанно, отсюда следуют большие и необоснованные затраты. В качестве примера дороговизны привел факт, что бараки для рабочих строятся рубленые, а не щитовые, как это делается на других стройках страны. На территории завода закладываются на большую глубину канализационные трубы для отведения поверхностных стоков. Вместо этого надо было обойтись простыми канавами и лотками. Несколько замечаний подготовил лично Бабочкин, другие члены комиссии.

Через три дня появился сам Иосиф Косиор, который должен был принять окончательное решение. Он тоже осмотрел развернувшееся строительство. Часто морщился, но молчал. Потом долго и внимательно слушал по очереди Шмидта и Бардина.

– Ну что с вами делать... Везде одно и то же.

...Когда в начале февраля образовалась Новосталь во главе с Иосифом Косиором, Бардин обрадовался. Он считал, что это, во-первых, позволит стройке выскользнуть из лап томских путаников. А во-вторых, крепкая рука Косиора наведет порядок в вопросах обеспечения стройки материалами, оборудованием и, главное, людьми. С Иосифом Викентьевичем Бардин познакомился около года назад. Зато со старшим его братом Станиславом был в близком знакомстве еще с 1921-го, когда работал на южных металлургических заводах в Енакиеве и в Запорожье-Каменском. Старший Косиор руководил ЦК партии Украины, наводя там свой железный порядок, а чуть позже убыл на повышение в Москву. Теперь он совсем большой человек, входит в состав Политбюро...

Но вместо ожидаемой поддержки Бардин услышал совершенно другое. Косиор предложил новую организацию работ: металлурги являются заказчиками, их дело – своевременно давать чертежи и следить за проектированием, а строители должны действовать совершенно самостоятельно, имея в

своем распоряжении готовые проекты, деньги и технические средства для работы. Заканчивая тот или иной объект, строители обязаны приглашать металлургов для его приемки и ввода в эксплуатацию.

Бардин попытался возразить. При имеющейся квалификации строителей, строивших до этого в лучшем случае текстильные фабрики, подобная организация работ совершенно не подходит. Иван Павлович настаивал, чтобы металлургам дали возможность быть полными хозяевами площадки, ведь им здесь потом работать. Но Косиор был непреклонен. Даже не хотел слушать, что хочет донести до него Бардин.

Перед самым отъездом москвичей в барак на Верхней колонии состоялось техническое совещание. Председательствовал Косиор, докладывал Шмидт. С подачи Дмитриева перед присутствующими была вывалена куча отмеченных недостатков. И сделан неутешительный вывод. Главная вина руководителей стройки заключалась в низких темпах строительства и в излишней самостоятельности.

Коптевский сидел на скамейке у окна. Он чувствовал, что почти все камни брошены в его огород. Вспылил, вскочил с места и начал спорить со Шмидтом. Говорил громко, сбиваясь в доводах и порой даже противореча самому себе.

– Стараемся делать как положено! Те же бараки попробуйте сделать из фанеры – сразу померзните, как мышата... Или вместо трубной канализации переройте завод канавами – в них же и потонете весной... А гляньте, в чем пластается народ! Сколько ни просим, нам спецтуру Москва не шлет. А вот на Магнитке совсем другое дело. Там человек работает не в своей одежде, а в том, что ему выдаст стройка...

Коптевский начал критиковать чохом все результаты обследования, еще больше настроив против себя членов комиссии.

Косиор, даже не дослушав выступления Коптевского, произнес резко:

– Если мы работаем так, как говорим, то грош нам цена. Ничего здесь во веки веков не построим! – После этого остановил взгляд на Бардине: – Ну а что скажет командарм?

Бардину пришлось отдуваться. Он понимал, как могут развернуться события. И не хотел, чтобы в глазах Москвы Кузнецкстрой выглядел самой отстающей стройкой. Поэтому неожиданно для всех поблагодарил комиссию во главе со Шмидтом за объективное и деловое ознакомление с тем, что сделано. Сказал, что выводы приехавших товарищей очень ценны и будут учтены в дальнейшей работе. Потом назвал главные причины, мешающие нормальному строительству. Остановился на том, что

не зависит от нынешнего руководства: на поставке кадров, завозе материалов, отсутствии грузового транспорта, землеройных механизмов, кранов, оснастки для монтажников и даже качественного инвентаря для землекопов...

В данный момент Иван Павлович отвечал, что называется, и за себя, и за Колгушкина, который уже несколько месяцев находился в командировке. Этот нюанс в какой-то мере усугублял ситуацию. Почти все, за что сегодня снимали стружку с руководства Кузнецкстроя, по существу, являлось компетенцией Колгушкина. Тот, в общем, был неплохой человек. В Москве, Новосибирске и Томске его считали крупным хозяйственником, хотя фактически он был обычным представителем среднего звена советских руководителей с типичной биографией и без серьезного образования. Главное, что участвовал в революции. Бородин, которому Колгушкин поручил заправлять вопросами строительства, совсем захирел: застудил легкие и никак не мог после этого поправиться. Пришел на совещание, но сел далеко в стороне и только молчал. Еще был Морозов, ведающий у Колгушкина хозяйственными делами. Человек в конкретном строительстве малокомпетентный, но имеющий огромный гонор (и опять же большое революционное прошлое). За все время работы комиссии он тоже не удосужился проронить ни слова. И может быть, к лучшему.

В конце концов Косиор, разделившись поочередно с кузнецкими и томскими представителями, постарался вывести из-под удара Бардина, заявив, что в словах главного инженера есть рациональное зерно. Но все-таки, чтобы работа закипела по-настоящему, надо немедленно приступить к коренной реорганизации! Вот этого Бардин и боялся больше всего.

Страшили его вовсе не разгромные выводы комиссии. А то, что на площадке строительства скоро установится бардак. И вот что еще злило: спецы из Новостали будут руководить издалека и ни за что не отвечать, а местный народ должен ломать хребет и за все отвечать по полной.

...Во время проводов гостей, уже в вагоне поезда, расслабившийся Косиор взял Бардина за борт пиджака:

– Иван Павлович, подыщи себе другого помощника вместо Коптевского!

Раскрасневшийся Шмидт поддакнул:

– Я солидарен с таким мнением!

Эх ты, голова садовая, товарищ Шмидт! Ты сам вскоре станешь начальником Магнитстроя, и тебя попрут оттуда точно за такие же дела... Бардин тогда на совет высокого начальства ничего не ответил.

А через некоторое время на площадку прибыли строители Текстильстроя. Почти сразу они переименовали себя в Стальстрой.

Прибытие новой организации воспринялось на стройке с большим разочарованием. Больше других понимал ущербность дела Бардин. Вместо настоящей работы ему и его подчиненным приходилось заниматься в основном сутяжничеством и разборками со строителями. С утра до позднего вечера утрясали вопросы технической документации, плана финансирования, дислокации строителей и многое другое, чего не было еще месяц назад. При этом строители настырно доказывали, что не могут развернуть работы исключительно из-за плохой готовности местных металлургов. Стало ясно, что строительство завода затягивается на неопределенное время. Ни о какой тысяче дней от начала стройки до выпуска металла речи уже быть не могло. Бардин понимал, что пора принимать срочные меры. И он вспомнил о встрече в Москве с Куйбышевым.

Апрельский день был на исходе. Бардин решил. Взял лист бумаги, обмакнул перо в чернильницу. «Председателю Высшего совета народного хозяйства СССР товарищу Куйбышеву В. В.». Писал, обдумывая каждое слово. Он не любил писанины. Проще решить любой вопрос разговором. При встрече или по телефону. Но это был не тот случай...

Писал он долго, мучительно. Вышло целых две страницы. Зато теперь Бардин знал, что точно, честно сформулировал свои доводы и предложения. Оставалось надеяться, что они будут услышаны.

Так, к счастью, и произошло. Нелепая структура Стальстроя не устояла. В мае вышел приказ о ее упразднении. Но был для Бардина и другой отрадный момент: после выводов московской комиссии упорядочилось руководство строительством. К маю все, кто занимался непосредственной работой на площадке, покинули Томск и переехали в Кузнецк. Так для дела стало намного лучше.

КУЗНЕЦК. 1930. ПЕРВАЯ ДОМНА. ОРКЕСТР

Бардин считал, что имеющийся проект завода вполне приемлем. Конечно, совершенствовать его можно до бесконечности, но это должно идти только на пользу дела. Первый строительный сезон, считай, был уже потерян. И чтобы не потерять еще год, главный инженер решил заранее заложить фундамент доменной печи. При этом он не собирался приостанавливать и тем более сокращать другие работы.

В четверг с раннего утра из-за Томи вылезло солнышко первого дня мая. Казалось, распогодится. Но вскоре со стороны низины потянуло холодом. Потом на площадку ворвался ветер, сбрасывая на головы собравшихся мелкую снежную крупу.

– Да... – поехал Кулаков и поднял воротник потертого кожаного пальто. Посмотрел ввысь и повернул лицо к Бардину: – Как бы не сорвалось наше торжество...

Конечно, высказал Кулаков свое сомнение лишь для того, чтоб не сглазить на самом деле большое строительное начало. Совсем недавно сюда пришла сотня человек. День и ночь долбили в мерзлой глине котлован. Вколачивали кувалдами клинья, раскалывали грунт ломami и колунами – кто как мог. День и ночь. День и ночь. Под светом прожекторов – с пяти вечера до восьми утра, когда показывалось холодное солнце. А в отдельные дни про- раб Ушати́н отгонял всех в дальний угол стройки. Потом приходили два неразговорчивых взрывника, закладывали заряды динамита в пробуренные от- верстия, и над опустевшим участком с грохотом взлетали фонтаны сотен пудов смерзшегося за зиму грунта. Грунт оседал на свое место, и снова казалось, что ничто здесь не изменилось и люди никогда не осият эту твердыню, скованную моро- зом. Но назначенный срок подготовки котлована никто не переносил...

Люди пластались в котловане. Каждый санти- метр вглубь давался с неимоверным трудом. Про- мороженная более чем на три метра земля, каза- лось, была прочнее железа. Установленная норма в последнее время почти каждый день срывалась. А тут еще чередой пошли морозы, достигающие по ночам пятидесяти градусов. Как сказал на перекуре один из бессоновских старожилов, «нонечь николь- ские морозы сошлись с рождественскими, а по пути схлестнулись с крещенскими».

Бардин понимал, что в намеченный день заклад- ка фундамента печи не состоится, хотя люди рабо- тали на износ...

Как-то после обеда в теплушке неожиданно ока- зался просвет: никого, кроме него и Кулакова, там не оказалось.

– Что будем делать, Андрей Семенович? На селе день год кормит. А у нас на кону еще больший куш стоит.

Кулаков медленно поперебирал жилистые паль- цы рук, размял кулаки, будто готовясь к схватке.

– А ведь точно. Мужики выкладываются сполна. Но не верят сами в себя. Понимают, что не смогут одолеть эту пропасть... И больше народу уже сюда не нагонишь – и так друг дружке в зад упираются. Посчитай, чуть не по человеку на каждый квадрат.

На большом красивом лице Кулакова проступи- ли розовые пятна.

– Я ведь чего подумал. Ты, Иван Павлович, мо- жет, смеяться будешь. А я ночами голову приложить к подушке не могу. И вот что надумал... Человек – он ведь с норовом. Ежели веры нет, то хоть наган к го- лову приставь – все одно ничего с него не возь-

мешь. Надо, соображаю, такие условия ему соз- дать, чтоб вера появилась. От нее и сила пойдет.

Бардин молча уставился на партийного секрета- ря. Потом спросил:

– Что мы должны сделать? Только конкретно. Без ля-ля-ля...

Кулаков оживился. Заговорил быстро и с замет- ным волнением:

– Давно у меня в голове эта мыслишка сидит. А тут как-то в «Советской Сибири» прочитал, что в по- следнее время у нас духовые оркестры широко раз- велись: почти при всех дворцах культуры, в клубах, на заводах, фабриках, в воинских частях. И даже, понимаешь, в отделениях милиции и пожарных ко- мандах. Репертуар, пишут, у них не шибко обшир- ный, но достаточно широкий. Помимо музыки клас- сической и праздничных произведений, играют тра- урные для похорон...

Бардин медленно поднялся со скамьи:

– Ты бы с этого и начал, брат. А то я уши уже раз- весил. Для похорон нам нужен хороший ансамбль...

Лицо Кулакова нервно перекошилось.

– Ты, мать твою перебери, главный инженер, мо- жешь меня до конца дослушать? Или считаешь за дурачка и подумал, что я тебе всякий психоз кидаю?

Бардин на миг оторопел. Он хорошо знал Кула- кова. Партийный начальник мог сделать и сделал на стройке многое. Добивался своего и горлом, и ку- лаками, даже за железный прут не раз хватался. Но в таком тоне Кулаков с ним никогда не говорил. Бардин понял, что этот человек хочет сказать ему что-то действительно важное и ценное. Он вновь сел и всем видом показал, что готов слушать.

– Короче, я предлагаю создать духовой ор- кестр! – выпалил парторг.

Чего-чего, а этого Бардин не ожидал. Подумал даже, что от напряженной работы, бессонных ночей и неупорядоченного питания Кулаков попросту свихнулся.

А тот торопился высказать свою мысль:

– Оркестр, как военный хор в бою, будет играть здесь. Понимаешь? Здесь, в котловане! Музыканты будут сменяться через какое-то время. Но музыка не должна умолкать ни на минуту!

Только теперь до Бардина дошло трепетное же- лание Кулакова. Иван Павлович любил музыку и знал ее очаровательную силу. Но в этой натоplen- ной до духоты теплушке разговор о высоком пред- назначении музыки казался совсем неподходящим. Получилось как-то слишком обыденно.

И все же, глядя в горящие глаза Кулакова, Бар- дин с благодарностью положил ладонь на его плечо:

– Ты извини, дружище! Я сразу тебя не понял. Теперь я на твоей стороне!

Так благодаря настырности Кулакова при Куз- нецстрое был организован собственный духовой

оркестр. Среди прибывших отовсюду землекопов и возчиков нашлись такие, кто раньше имел дело с музыкальными инструментами. Кто-то во время воинской службы играл у себя в части, кто-то обучался в музыкальном кружке. Оказался и такой, что долго подрабатывал в Саратове на похоронах.

– Вы что с этим цирком собираетесь делать? – спросил Кулакова озадаченный Колгушкин, когда дело дошло до него.

– Все будем делать. Думаю, что дело архиважное и ответственное. При любом раскладе – на митинг или на скорбный час – наши хлопцы должны быть готовы как штык и идти будто на большой праздник, – ответил ободренный согласием Бардина Кулаков.

В итоге нашелся человек, знавший не только азы музыки, но даже преподававший сольфеджио в житомирском пансионате для инвалидов русско-японской войны.

Вскоре заслали в Москву перечень необходимых инструментов. Правда, по ходу продвижения заявки по инстанциям снабженцы ее сильно урезали. Укоротили список Кулакова почти наполовину. Зато уже через две недели в Кузнецк поступило три новеньких барабана: малый и два больших. Прибыли также две валторны, три трубы, две тубы и целых пять комплектов тарелок. Кулаков лично следил, как новоиспеченные музыканты опробовали «инструментальную медь и колотушки». И все вместе они так хорошо звучали на открытом зимнем воздухе!

...К вечеру мороз усилился. Неугомонный ветер раскачивал электрические лампочки под жестяными тарелками. Казалось, сам черт играл со светом, постоянно перемещая и путая тени людей. В рассеянной ночной мгле глухо ухали удары кувалд по головкам стальных клиньев, еще глубже вгрызавшихся в мерзлый грунт. Но последняя передышка в тепляке не уменьшила в людях накопившуюся усталость. До конца смены оставалось еще около двух часов. И наверняка снова намеченный Ушатиным план не будет выполнен. Потом придет следующая смена, и снова почти до самого утра люди будут крохами выгребать землю. И снова то же самое: сорванная суточная норма.

И вдруг окрестности огласил необычный для этих мест гудок. Это не был сигнал заведенного механизма. Морозный воздух прорезал живой звук музыкальной трубы. И вслед за этим словно громом обдало спрятавшуюся в ночи округу. Звуки высокой силы вздыбились над мечущимися лампочками и ушли куда-то ввысь, утопая в бездонной черноте неба.

Ударил барабан, потом второй. И музыка в ритме марша заполнила вообще все пространство.

Люди, словно насекомые копошившиеся в котловане, сначала не поняли, что произошло. Но, на-

верно, каждого прошиб внутренний озноб. Это был не гром небесный. Вскоре все узнали знаменитый «Марш авиаторов», он часто звучал по радио.

Надрывалась труба. Вели свою партию валторны: «па-па-па-пам, па-па-па-пам». Выводила басы труба: «буба-буба, буба-буба». Все сильнее отбивали ритм барабаны: «тух-тух-тух, тух-тух-тух!» Завершали музыкальную фразу резкие звуки тарелок: «дзин-зинь-зинь!» Духовики старались не меньше, чем раньше на своих рабочих местах...

Бардин стоял возле Кулакова и видел, как тот то и дело смахивал большими рукавицами тающие на ресницах снежинки.

«Не слезы же», – подумал он, тоже охваченный ознобом восторга и небывалого подъема.

И хотя играли музыканты еще не совсем слаженно, звучание инструментов в ночи было мощным, сочным и чистым. Больше других это улавливал Костенко, ставший руководителем оркестра. Услышав фальшивую ноту или неверный звук, он обычно приходил в бешенство. Лицо багровело и искажалось, он махал руками и грозил кулаком. Стройность звучания была основным требованием Костенко, он отводил этому большую часть репетиций. Тем, у кого музыкальный слух был недостаточно развит, руководитель сразу предлагал покинуть коллектив.

Сам же он имел необъяснимую склонность держать в руках валторну. И очень любил барабан, хотя никогда не подходил к нему близко. Словно именитый профессор консерватории, Костенко вбивал оркестрантам в головы понятие о том, что только барабан создает форсированное и подчеркнутое звучание в ударной группе.

– Когда слышите доносящиеся издали звуки духового оркестра, то прежде всего воспринимаете именно ритмические удары барабана, а затем распознаете остальные голоса. Или я что-то говорю не так?

Когда пришедшая на работу ночная смена собралась на краю котлована, ни один человек из него не вылез, как бывало обычно. Кулакову пришлось самому вместо бригадиров давать отмашку на окончание работы... А потом почти до утра он возился с лечением музыкантов: двое из них обморозили уши, один «духопер» умудрился сгоряча «поцеловать» металл своего инструмента, да так, что чуть не оставил на нем половину губы...

В конце концов партийный начальник по предложению Костенко принял решение поделить оркестрантов на три части. Они должны были играть в более сжатом составе и меняться в зависимости от погоды (непогоды).

...Беда случилась ровно через неделю.

Завершался обычный день. Бригадир Нефедов попросил духовиков еще подсобить:

– Мои совсем очертенели. Привыкли к музыке, как мыши к сыру. Музыки нет – они все лопаты в сторону...

В этот раз на краю котлована задавали темп четверо оркестрантов. Играли марш «Тоска по Родине». Вдруг в районе коксовых печей раздался взрыв и оттуда со свистом прилетел набалдашник большого молота.словно пушечное ядро, он пронесся над котлованом и скосил одного из музыкантов. Это был человек в дырявых ботинках, обмотанных мешками от цемента и обвязанных веревками, в худой телогрейке.

Больше всех был потрясен случившимся Костенко. Подобрал отлетевшую шапочку, он прикрыл товарищу то место, где должны быть глаза, и жалобно проскулил:

– Эх, Коля, Коля... Теперь Шопена мы отыграем о тебе!

КУЗНЕЦК. 1930. ЗАЛИВКА ФУНДАМЕНТА ДОМНЫ

Потом возле зияющей в земле дыры загремели подводы и даже две грузовые машины. С пристанционных складов свозили арматуру. Вскоре котлован заняли бригады монтажников и вязальщиков. И снова круглые сутки стоял лязг от уймаща спускаемого в котлован железа...

Бардин проснулся в четыре, а в пять уже сел в поджидавшую у порога двуколку, на которой он, словно вездесущий демон, метался по закоулкам строительства.

– Что-то мне подсказывает, что может произойти осечка, – нетвердо произнес Кулаков, ранее никогда не замеченный в каких-либо сомнениях.

– Нет, Андрей Семенович. Произошла необратимая реакция. Первые партии бетона уже замешиваются. Должны подать не позднее как через пятнадцать минут. При любых обстоятельствах!

– Ну-ну. Твоими бы устами...

Бардин промолчал. Вокруг огромного, почти круглого котлована диаметром более двадцати метров уже толпился народ. Но никого из высокого начальства. Выходит, в Москве и даже в Томске и Новосибирске не захотели делить ответственность с рисковыми мужиками из Кузнецка. Из гостей на торжестве оказались только пять человек с кирпичных заводов: технорук с подсобными работниками да старичок – мастер обжиговой печи.

На видном месте высились портреты Ленина и Сталина. От порывов ветра хлопали красные полотнища. На одном наскоро было выведено известкой: «Даешь красную домну!», на другом: «Даешь чугуны!»

Внизу, среди досок опалубки, словно стебли давно срезанных цветов, щетинились прутья арматуры. Не дай бог кому-то поскользнуться и упасть на них...

Котлован был обнесен кумачовой лентой, прикрепленной к вбитым в землю кольям. В нескольких местах оставались проходы, в которых уложили деревянные настилы, заканчивающиеся сходнями к центру котлована. Скоро по ним рабочие покатают тачки с бетонной смесью. В нескольких местах были установлены концевые участки бетоньерок – круто уложенные желоба, обитые железным листом. По ним готовый бетон потечет вниз.

Около десятка человек с деревянными трамбовками и металлическими штырями ждали отмашки – уплотнять бетонную гущу: в ней не должно оставаться пустот, даже крохотных пузырьков воздуха.

Десятник Парамонов притащил огромный пустой ящик, в котором на днях поступило с Урала мелкое цеховое оборудование. Установил его на оставшуюся с зимы кучу земли. Кивком головы дал знать: место для выступления готово.

Прораб Фролов подошел к начальству, хрипло доложил:

– Можно начинать.

Кулаков ловко поднял свое плотное, но верткое тело на верх ящика. Обвел присутствующих темными глазами.

Бардин уже знал повадки этого человека. Представлял, в каких жизненных перипетиях успел побывать Андрей к своим тридцати. Это раньше он бы попросил партийного секретаря быть осторожней на ненадежной таре. Ему навсегда врезались в память слова, услышанные на Казанском вокзале от бывшего военлета: «Когда летишь к земле и у тебя не раскрывается парашют, всегда есть секунды, чтобы принять решение и спасти себе жизнь. При падении со стула ты времени на размышление не имеешь...»

Парторг еще раз, прищурившись, обвел собравшихся взглядом. Потом сдернул с головы кепку и простер руку с ней вперед и вверх ленинским жестом.

– Товарищи... – И тут голос Кулакова предательски дрогнул.

Бардин почувствовал, что и у него самого к горлу подступил комок.

– Дорогие товарищи кузнецкстроевцы! – снова начал партийный вожак, и теперь его голос не был громким, но зато был уверенным и торжественным.

И необыкновенно твердым. Кулаков словно врубал в головы присутствующих короткие и понятные всем фразы.

– Нам выпала счастливая возможность – присутствовать на важнейшем событии двадцатого века! Мы, товарищи, закладываем начало будущей первой доменной печи Кузнецкого завода. Позади три месяца ударной работы наших землекопов и монтажников. Сейчас трудовая вахта перейдет к нашим бетонщикам. Пройдет совсем мало времени, и вы

станете свидетелями настоящего чуда. Перед вашими глазами потечет река первого металла советской Сибири. И тогда вы должны вспомнить сегодняшний день. А потом не забывать его и рассказывать об этом дне своим детям и внукам! Ну а если не удастся передать это живыми словами, то пусть потомкам расскажет о сегодняшнем дне заложенное в основание фундамента памятное обращение к ним!.. – С этими словами он повернулся к Бардину: – Иван Павлович, прошу!

Бардин, словно пройдясь пальцами по кнопкам гармони, проверил, застегнуты ли у него на плаще пуговицы. Принял из рук Казарновского капсулу – отрезок стальной трубы с заглушками на концах. Он знал, что внутри находится подписанное руководителями стройки письмо потомкам будущих веков с красивой датой: «1 мая 1930 г.». Там же свернутая в виде свитка «Почетная грамота герою-ударнику Кузнецкстроя»: на синем фоне домны и коксового цеха передовик производства вращает штурвал могучего агрегата.

Бардин, совмещавший в это время две главные должности на стройке, спустился по дощатому настилу к самому центру будущей домны.

Перед тем как опустить капсулу на гравелистое основание, поднял ее высоко над собой и глуховато, но достаточно громко произнес:

– Пусть они помнят о нас! О первостроителях Кузнецкстроя!

Потом под рукоплесканья обступившего котлована народа медленно взшел наверх.

– Получилось! – восторженно сказал Кулаков и неожиданно по-свойски толкнул Бардина в бок. – Даже не ожидал такого!

– Думаю, да! Но главное еще впереди... Тут нам работы еще недели на две. К концу месяца, кровь из носа, надо приступить к рытью второго котлована.

КУЗНЕЦК. 1930. ПРИЕЗД ФРАНКФУРТА

Когда в мае 1930 года был издан приказ об упразднении Стальстроя, товарищи из Москвы тут же сообщили об этом в Кузнецк. Известие для Бардина оказалось вдвойне приятным. Он только что дал отмашку на то, чтоб начали рыть котлован под мартен. Значит, никто не будет стоять рядом с занесенным топором...

В том же телефонном разговоре Бардину сообщили, что в Кузнецке должен появиться новый директор стройки. Узнав про это, Иван Павлович чуть было не перекрестился. Но почему-то подумал: «Бог шельму метит!»

...Утром 11 июня прошел сильный дождь. Почти до обеда с неба продолжало капать. Дороги снова превратились в скользкие катки. Землекопы сидели без дела у заполненных водой траншей и котлована.

Многие попрятались под мало-мальскими навесами, листами железа, укрылись кусками брезента.

Бардин стоял возле углового котлована под опорой мартеновского цеха. Собрал десятников, определял конкретные задачи на оставшийся день и на завтра.

К нему подбежал запыхавшийся помощник технорука Карпов:

– Иван Павлович, там какой-то Франкфурт прикатил с Москвы. Звонил со станции. Сидит, говорит, на вещах. Требуется, чтоб ему подали авто. Нам-то как быть?

Бардин хитро прищурился:

– Сидит, говоришь? А мы ему авто сейчас подадим. Пусть заодно нашу заводскую шоссейку обновит после дождя. – И повернулся к своему кучеру Тимофеичу: – Ты вот что, друже, не посчитай за труд проскочить до станции. Большой начальник тебя ждет. Доставь его до нас в целостности и сохранности.

– Да понял я, Иван Павлович! Чево-чево, а вашего брата повозил на своем веку. Лошадки у меня на ходу. Никто ишшо не пожаловался!

– Так он там, говорит, не один, их целая компания. Сказал, что с ним заодно специалисты прибыли! – вспомнил Карпов.

Бардин в задумчивости пощипал мочку уха:

– Значит, приказ немного поменяю. Будешь, Карпов, за главного. Бери срочно с конного двора три свободные подводы и чеши с обозом на станцию!

...У этой истории было свое далекое начало.

В 1920 году Сергей Миронович Франкфурт назначается заместителем председателя Урало-сибирской комиссии Высшего совета народного хозяйства. Вскоре он выступает как представитель Главного топливного комитета (сокращенно – Главтопа) на Урале и в Сибири, а потом как председатель Сибугля и заместитель председателя Сибсовнархоза. Его имя часто появляется на страницах сибирской и уральской печати.

В это время Франкфурт и познакомился с проектом создания мощного индустриального комплекса в восточных районах страны на основе использования природных ресурсов Урала и Кузнецкого бассейна.

В октябре Франкфурта вызвали в Москву для доклада Ленину о состоянии сибирской промышленности. Беседа в кабинете вождя длилась несколько часов. Франкфурт рассказывал о колоссальных богатствах и огромных возможностях Сибири. Ильич детально расспрашивал о делах, испытывал все подробности. На карте, которая в кабинете занимала почти полстены, Франкфурт показывал месторождения угля, полиметаллических и медных руд, золота, огромные водные бассейны, будущую энергетическую базу Сибири. Говорил о планах и проработках, как лучше использовать эти богатства.

Ленин во время беседы постоянно возвращался к мысли, что необходимо форсировать разработку угля, закладку новых угольных шахт, еще шире развернуть геолого-разведочные работы.

Однако в Сибирь Франкфурт тогда не вернулся. Он был отозван для работы в комиссариате иностранных дел. Вскоре его направили на урегулирование финно-карельского вопроса: вспыхнуло восстание, начались нападения на границу, обострилась масса проблем. Так что это была довольно тяжелая миссия. Но он сумел заключить важный и чуть ли не самый первый в иностранной политике новой России договор о ненападении.

Потом в течение семи лет Сергей Миронович снова работал в Высшем совете народного хозяйства. И опять новое направление – был одним из руководителей текстильной промышленности страны. Должность начальника Кузнецкстроя свалилась на него как снег на голову: буквально перед этим Франкфурт встречался с Куйбышевым и во время долгой беседы даже речи не заходило о направлении в Кузнецк...

Итак, с 30 мая 1930 года начался второй сибирский этап его биографии. На площадке Сергей Миронович появился неожиданно, в самый разгар реорганизации, которую затеяла Москва.

Приехав на место, Франкфурт увидел, что здесь образовалось две фракции инженеров: металлурги и строители. Каждая из них считает себя солью земли, каждая полагает, что именно она должна быть главной силой. Основные кадры строителей комплектуются из людей, которые никогда не строили металлургических заводов. Металлурги же знали только свое дело, сами строили мало или совсем не разбирались в вопросах строительства.

Одним из первых решительных шагов Франкфурта на посту начальника Кузнецкстроя стала реорганизация его структуры. Стальстрой был ликвидирован, а его аппарат слит со строительным отделом Кузнецкстроя. Однако только собственными усилиями новый руководитель не смог бы этого сделать. Такое стало возможным лишь в прочном тандеме с Бардиным.

Франкфурт был на пять лет моложе главного инженера. Поджарый, загорелый, он появлялся на людях с видом, будто вот-вот сорвется с этого места и полетит совершать задуманное чудо... Очки в тонкой оправе придавали его лицу интеллигентности. Но часто за стеклами очков нельзя было разглядеть внутреннего чувства человека, которое может проявляться только в глазах. Бардину это не нравилось.

Иван Павлович старался узнать как можно больше о приехавшем начальнике. А как же иначе? Ведь надо работать рука об руку неопределенно долгое время. И часто Бардин ловил себя на мысли: нет, не родственные они души. Цель у них одна, а задачи, похоже, разные...

Он знал диалектику марксизма-ленинизма и понимал, что между ним и Франкфуртом много противоречий. Но насколько они глубоки и во что могут вылиться – большой вопрос...

Перестройка сопровождалась расстановкой новых руководящих кадров. В середине года на Кузнецкстрой прибыл целый отряд крупных инженеров и хозяйственников: Гольденберг, Краскин, Александров, Брудный, Ушатын и другие. Их сразу поставили на решающие участки строительства. Вместе с Бардиным, Казарновским и другими уже работавшими на площадке крупными специалистами они составили штаб, который руководил стройкой в ее наиболее ответственный период.

Помимо всего прочего, развертыванию работ на Кузнецкстрое мешала позиция местных партийных деятелей. Это был явно не их уровень. Стройка давно переросла Кузнецкий райком, руководство которого до сих пор рассматривало ее как свою вотчину. Воспитательной и организаторской работой среди строителей эти вожаки занимались мало, но вмешивались во все мелкие дела, пытаясь подменить собой административное и техническое руководство.

Нужны были решительные меры, чтобы ликвидировать помехи форсированию строительства, требовалось создать для него благоприятные условия. Уверенность в этом у Франкфурта была, она основывалась на широких полномочиях, полученных им при назначении на Кузнецкстрой. И новый начальник безоговорочно поддержал начатое Бардиным строительство основных цехов завода, несмотря на отсутствие утвержденного проекта. Да у него и выхода иного не оставалось. Предлагать новые решения в силу своей неосведомленности он не мог.

Еще долго шла телеграфная дискуссия с руководством Новостали, которое то и дело выдвигало новые варианты строительства завода, настаивало на другом расположении уже строящихся цехов, запрещало вести строительные работы на основных объектах до приезда американских специалистов. Бардин сумел доказать, что на заложенных фундаментах можно разместить более мощные агрегаты, и Франкфурт, целиком доверившись главному инженеру, решил пойти на риск и продолжить строительство. Но настоял, чтобы все работы выполнялись по единому четкому плану. Его разработкой под руководством Бардина срочно занялись Гольденберг и Брудный. При этом начальник и главный инженер с самого начала определили основополагающий принцип: завод должен строиться комплексно, без больших разрывов в сроках пуска основных агрегатов – с обеспечением их полноценным подсобным оборудованием.

Это требовало ведения работ широким фронтом, одновременно на многих участках. Поэтому всю стройплощадку пришлось разделить на отдель-

ные участки-цеха, где строительством руководили свои прорабы и технологи. А Москва к тому же настаивала на опережающем вводе объектов – невзирая на степень готовности смежных цехов и энергетических коммуникаций.

Так что работы с каждым днем прибавлялось и прибавлялось. Вдобавок к основной работе возникало все больше других проблем: то надо было расследовать причины очередной аварии, то утихомирить группу «летунов», бросивших работу и требовавших немедленного расчета, то разместить прибывших самотеком людей с семьями... В общем, дел было по горло. Но и этого будто казалось мало. Возникла мысль об увеличении проектной производительности завода на двести тысяч тонн чугуна в год. И постепенно эта идея переросла во встречный план Кузнецкстроя...

Кузнецк был на тысячи километров удален от промышленных центров страны. Поэтому большое значение придавалось максимальному самообеспечению стройки. Тут очень кстати оказался находившийся под боком Гурьевский завод.

Начальник строительства оказался одержимым человеком, иначе не назовешь. Порой он мог не спать по двое суток, вместо обеда обходился пирожком всухомятку и на ходу. Его энтузиазм передавался окружающим. К тому же из Москвы он привнес с собой нескольких видных специалистов. И все-таки к октябрю, когда заканчивался хозяйственный год и были подведены общие итоги, обнаружилось, что строительная программа выполнена меньше чем наполовину. Правда, в это время уже вовсю шли работы на доменном цехе. Зато плохо продвигалось дело на мартене и коксохимическом цехе. Не было подвижек в районе прокатных цехов. Все уперлось в отсутствие проектной документации.

Коксохим сковала не только неопределенность, сколько надо строить батарей, какой мощности они будут. Внезапно вылезло очередное препятствие. На площадке будущего производства, вопреки гидрогеологическим расчетам, пошли настоящие пльвуны. Консультации с московскими и французскими специалистами свелись к одному выводу: надо срочно бить сваи. Но имеющиеся железобетонные сваи оказались коротки, а покупать нужной длины за границей – слишком долго и накладно.

Пришлось самим поломать голову над инженерным решением. Голь оказалась на выдумку хитра. Выкрутились так: в глину до галечника забивалась деревянная свая, потом ее выдергивали и вместо нее загоняли стальную трубу; в трубу вставляли арматурный каркас, заливали его бетоном и через некоторое время трубу извлекали. Таких свай сделали несколько сотен.

Когда в Кузнецк прибыл французский специа-

лист по строительным основаниям, он скрупулезно ознакомился с кузнецким новаторством. Тут же присел на деревянную сваю, снял с лысины купленную в Москве заячью шапку и проговорил:

– Этот способ, господа, должен войти во все строительные учебники!

...На всех уровнях управления звучала жесткая команда: «Срочно направлять чертежи Кузнецкстроя!» Это помогло как-то выправить положение. Но все равно к концу года выполненный план работ едва дотягивал до семидесяти процентов.

КУЗНЕЦК. 1930. СМЕРТЬ НА ПИКЕ РЕКОРДОВ

Среди пригородных лачуг и петляющих улочек на склоне горы по ночам шлялся человек в лохмотьях. Громкими горловыми звуками – так обычно подают голос ночные птицы – он будоражил невыспавшийся народ.

– Куэк, куэк! Ынь, ынь!

Это надрывался по-птичьи бывший адвокат Сташевский из Нижнего. Он дважды сидел в тюрьме и там лишился рассудка. Рассказывали, что когда-то этот человек был знаменитым юристом, выиграл множество громких процессов. Но однажды вляпался в явно политическое дело – захотел найти управу на влиятельного работника НКВД. И ничего у него, конечно, не вышло. В результате поимел Сташевский большие проблемы, жена от него вскоре ушла к другому, умер единственный сын, после чего местная власть затолкала адвоката в психушку... Никто не знал, какими путями-дорогами его занесло из центральной части России на Горбуновскую площадку.

Морозов, любивший хозяйничать и за пределами стройки, пожаловался как-то Франкфурту:

– Совсем оборзел мужик. И никому нет до него дела – ни милиции, ни докторам.

Морозов, пожалуй, больше других после Кулакова излазил местные шанхай и нахаловки – скопления всяческих временок, землянок, шалашей и самых настоящих нор. Делал он это не только по прямому поручению начальника строительства, но и по собственной инициативе.

Франкфурт блеснул стеклами очков. Заметил скептически:

– У нас, Алексей Максимович, нет настоящему пока ни того ни другого – ни милиции, ни медицины...

Морозов навидался всякого. А помочь ничем не мог. По долгу своей работы приказывал, требовал, схватив человека за грудки, а иногда и почти слезно просил приехавший и расселившийся вокруг стройки народ соблюдать социалистическую законность. Но были места, куда он не лез даже с местным милиционером Завьяловым, тоже человеком бывалым.

– Всякое повидал, но такого еще не видывал! – как-то признался Завьялов Морозову. – Ведь надо ж, до какого скотства скатился народец.

Оказывается, на склоне горы напротив строящейся коксовой батареи поселилось несколько бывших уголовников. Приютили они невесту откуда взявшихся трех девиц и с ними сутки напролет хлестали самогонку. А еще резались в карты.

– Знаю, что играют не только на свою, но и на чужую жизнь. Но докажи попробуй, что это они! Недельку назад наткнулись в крапиве на труп зарезанной бабы. Думали, что это ей мужик по злему умыслу кирдык сделал, а он вовсе ни при чем: двое суток со смены не выходил. Нет, туда и с наганом соваться не с руки...

Морозов дело свое знал. Бардин, когда слышал его рассказы о всяких творящихся на стройке мерзостях, еле сдерживался от гнева. А потом, успокоившись, понимал, что ничего тут не изменишь. Уж больно разные здесь собрались люди. Кто хотел – те работали: и комсомольцы, и вербованные, прельстившиеся заработками, и скрывающиеся от притеснения специалисты, и чиновники старого режима (уж им-то никак нельзя было трудиться плохо – сразу «засветятся»). Даже спецпереселенцы – раскулаченные – работали на совесть (а по-другому они и не умели, иначе бы не выбились у себя на родине в зажиточные, не выделялись бы среди других). А с отбросами, которых направили на стройку из тюрем и лагерей в надежде на исправление и оказание помощи в строительстве социализма, убедился Бардин, завод никогда не построить. И от таких мыслей все чаще у него щемило в левом боку, перехватывало дыхание.

Когда Франкфурт находился в Москве, Морозов заявлялся к Бардину, исполнявшему обязанности начальника стройки. Вот и на этот раз принес какие-то плохие новости.

– Опять у меня нелады, Иван Павлович! – выдал сразу, усевшись напротив Бардина.

– Что конкретно? Опять кто-то кого-то побил или обложил матом?

– Кабы так, то было бы шибко хорошо. Не стыкуется у меня, Иван Павлович, вопросец с похоронной командой.

– Не понял.

Бардин знал, что еще летом была организована специальная группа, чтобы заниматься похоронами работников строительства и их родственников. И первое время вроде бы все у нее шло по заведенному. Но вскоре народу на стройке заметно прибавилось и болячек у людей стало больше. Начали умирать неизлечимо больные. Участились несчастные случаи с трагическим исходом – в котлованах, на высоте, на дорогах.

А тут еще зима. Один отморозил ноги, потом началась гангрена – и тоже печальный конец. Других

скосило воспаление легких. Не все смогли выкарабкаться из сыпняка. Пришлось не только открывать специальный бокс для тифозных больных, но и строить покойницкую с ледником для тел скончавшихся.

– Не справляются ребяташки со своей задачей, – стал объяснять Морозов. – Дело дошло до края, дальше просто некуда, по десять могилочек надо вырыть за день, а сейчас зима. Кладбищенская земля тверже камня стала. Мужики со слезами просятся обратно на площадку. Ставь, говорят, Максимыч, на самое трудное место, а тут, значит, силушки нет! Вот такая загвоздка. Наши похоронщики уже успели закопать двоих из своего состава... Вы ж понимаете, что ковырять землю можно хоть днем, хоть ночью – если фонарь есть. Тут еще мои люди справляются. А вот спозаранку везти усопших в Редаково никто не станет. И в потемках не спровадишь туда человека в гробу...

– И что ты предлагаешь?

– Вывод один. Надо удвоить людей.

– А утроить не желаете, Алексей Максимович? – с сарказмом произнес Бардин, приподнимаясь из кресла.

– Нет, не желаю! – встал во весь свой огромный рост Морозов. – Я ведь чего унюхал... Первое: люди не справляются с порученным делом, и уже из них ничего не выжмешь. Вон Барабанова из пятнадцатого барака четвертый день вынести не можем... И второе, Иван Павлович: могилки мои люди копают от усталости не два метра в глубину, как положено, а кое-как в метр, а то и помельче. Это уж совсем не по-божески!

– Ты что, в Него до сих пор веришь, Морозов?

– Ну, это мое дело... Если бы на одного Бога надеялся, то б в революцию не пошел. Но и Боженька не обидится на меня: крещен я как-никак... Вас тоже, небось, в поповскую купель в детстве кунали?

Бардин тяжело сел. Молча уперся взглядом в зеленое сукно стола.

Потом вытащил из карандашницы карандаш красного цвета и с горечью выдохнул:

– Сколько человек, говоришь, надо?

...А в это время на занесенных снегом путях, словно в полусне, цепенели паровозы. На сотни километров вокруг поднимались угрюмые горы, покрытые непролазной тайгой, а между ними под слоем снега пучились многоводные болота. И мелкими, будто случайными вкраплениями мельтешили кое-где люди. Они боролись одновременно с природой и сами с собой. Это была беспощадная и, на первый взгляд, бессмысленная борьба. Люди зажигались на час или два, в этих неприспособленных для жизни условиях они не могли пылать дольше, не могли пылать высоким и ровным пламенем, как будущие доменные печи...

Люди чему-то радовались, матерились, обнимались и целовались. Потом рожали в темных углах. И умирали там же или на скрипучих койках больниц. В наспех сколоченных гробах их увозили на Редаковское кладбище, а на их место привозили новых.

В бараках и землянках вслед ушедшим в иной мир кормильцам кричали грудные дети и женщины жевали ржаной хлеб, клали макуху в лоскут марли и силком впихивали в рот будущим кузнецкстроевцам. Всем любым способом надо было пережить смутное время. Сначала до утра. Потом до вечера. И еще до утра...

Из других, сытых стран приезжали специалисты по строительству. Они удивлялись всему: незнакомому народу, его энтузиазму, вездесущим вшам и клопам, но больше всего невиданным сибирским морозам. Жили приехавшие издалека люди отдельно от русских, у них были свои дома, свои столовки и своя вера в большие деньги. У них было все, чего не мог иметь простой кузнецкстроевец.

КУЗНЕЦК. 1930. КОВАТЬ ХАРАКТЕР

Простые люди Кузнецкстроя жили тяжко.

Усастый бригадир Веселовский с женой ютился в комнатке с исхудавшимся потолком и стенами, навеки пропитавшимися влагой. Когда шел дождь, су-пруги завешивали стены тряпками, потом выжимали их и вешали на старое место снова. Но если бы кто-то пришел к ним в эту минуту и предложил, допустим, упростить проект роскошных станций в столичном метро и пустить сэкономленные деньги на жилье для таких работяг, как они, Веселовские в один голос выступили бы против. Как и большинство других людей, живших в таких же жутких условиях.

Все это они считали временным явлением и преходящей трудностью, не имеющей отношения к текущей работе и будущему великой страны. Для Веселовских быт был несуществен, малозначителен и недостаточно героичен.

Советский инженер начала тридцатых – это чаще всего скупой на слова одиночка, не обращающий внимания на то, что ему срочно нужно к доктору, что в ржавой трубе нет воды помыться, а бесчисленная очередь в столовую вынуждает его пропустить не только завтрак, но и, возможно, обед, а также ужин.

Менталитет передовых рабочих и инженеров выразил начальник Кузнецкстроя товарищ Франкфурт: «Вот построим домну, тогда и выведем клопов, умоемся как надо и побреемся... Короче, сначала домна, а потом клопы».

Поэтому никакие трудности не могли остановить Бардина. Наоборот, они вдохновляли его. Опыт предыдущих лет вселил в него уверенность, что любые преграды можно и нужно преодолевать. Он умел в любой сложной ситуации сохранить самооб-

ладание и ненавидел нытиков. Стройке, развернувшейся у Старцевой горы, считал он, нужны люди дисциплинированные, самоотверженные, упорные в достижении намеченной цели.

Внутри него царил идеал немногословного специалиста своего дела, человека, который замкнуто живет только ради работы. Он не терпел вопросов, не имеющих непосредственного отношения к его профессиональной деятельности. Даже во время интервью, которые по необходимости приходилось давать приезжим газетчикам, Иван Павлович хмуро курил и почти ничего не говорил, когда его спрашивали о личной жизни, о доме, жене, детях и других родственниках. Ни одного слова о своих увлечениях и интересах, помимо работы.

Он вообще мало рассказывал о себе, даже тем людям, которые постоянно находились рядом. Начальник строительства Франкфурт после многих месяцев совместной работы с Бардиным был несказанно удивлен, когда узнал, что тот страстно любит театр и обожает слушать классическую музыку. Оказывается, главный инженер умел мечтать не только о будущем заводе, но и о том времени, когда можно будет свободно махнуть в Москву или Ленинград и на неделю окунуться с головой в мир большого искусства...

Создавалось впечатление, что каждое утро Бардин отправлялся не на обычную работу, а совершать подвиг. Как руководитель самого высокого звена, он, кроме своего дела, ничего не хотел знать и видеть. Впрочем, тогда в Советской стране излишний интерес к быту и личной жизни вообще считался непатриотичным, вредным и даже антисоветским явлением.

Превозносимая на Западе «частная сфера» не имела эквивалента в русском языке и вместо «приватности» и «самоидентичности» здесь торжествовали совершенно другие понятия, вроде «самоотверженности» и даже «самоотречения». Большинство людей в строящемся Советском Союзе, независимо от общественного положения, воспринимало повседневность в рамках этих категорий.

Это было связано в первую очередь со стремлением властных партийных органов установить полный контроль над населением страны, и некоторые установки из еще сохранившейся в народе православной веры как нельзя лучше подходили в складывающейся ситуации. Как и церковь, партия настоятельно требовала отмежеваться от своего «я», объявляя все личное буржуазным предрассудком. Нужно было не только все делать как все, но и думать как все...

Советскому инженеру, особенно занимающему значимую должность, следовало демонстрировать аскетизм и сдержанность, когда речь вдруг зайдет о его личной жизни. Он должен был четко разграничи-

вать коллективное и индивидуальное и разве что вскользь упоминать о том, что вовсе не против культуры и комфорта. Но все-таки работа – прежде всего...

Когда Бардин объявил о своем решении поехать на работу в Сибирь, жену это застало врасплох.

– Тебе не жаль покидать любимые места? – отговаривала его Мария. – Здесь настоящий райский уголок. В наши края мечтает попасть вся страна, а тебя сам черт несет в холодные и голодные края.

– Машенька, пойми: это мой последний и, пожалуй, единственный шанс показать, на что я способен. Здесь я взял почти все высоты. Ну, стану директором старенького завода, дам высокие показатели по металлу. Вручат мне орден, вызовут на какой-нибудь съезд или слет в Москву. И все. А мне хочется дать такое, чтобы потом сам удивлялся: как я смог?!

Мария долго молчала. Она хорошо изучила мужа. Он ни за какие коврижки не пойдет на попятную. То, что задумал, будет нести до своего скончания. Его не переубедить никому. При этом отъезд Ивана грозит стать для семьи роковым. Муж может прожить без многого, но ему не будет хватать женской ласки, которой она заполняла его редкие минуты отдыха от работы. И наконец он не сможет обойтись без полной отдачи в любовном порыве – тогда Бардин просто не будет собой...

Мария почувствовала укол ревности, на миг даже сжала зубы, представив мужа с чужой женщиной – мясистой бабой-сибирячкой. И с горечью произнесла:

– Ты, Вань, кидаешься в прорубь. Ведь понимаешь, что я остаюсь одна. Какой из тебя муж, который живет не в семье, а шастает на задворках жизни?..

Бардин вскочил с кровати. Слова жены показались ему капризом женщины, накрепко привязанной к комфорту и уюту. Мелкой супружеской провокацией.

– Тебе будет хорошо в Москве! – начал убеждать он. – Здесь обрешь много хороших знакомых. Наконец, вся Москва забита театрами, каждый день новые спектакли. Ты даже забудешь обо мне! – И ядовито улыбнулся.

...Как и предполагали тогда они оба, у Бардина началась новая жизнь. После долгих мытарств он наконец поселился в хорошем доме – с просторным залом, спальней и личным кабинетом. Была также большая кухня с холодной и горячей водой, отдельные помещения для домработницы и кухарки. Выделили Бардину и личного кучера.

Кухарка раз в неделю ходила на кузнецкий базар. А там водились какие угодно продукты – были бы деньги. При желании она могла купить, например, ящик испанских апельсинов или килограмм шоколада.

Ресторана на Верхней колонии тогда еще не было, да руководители стройки, пожалуй, и не стали бы его посещать. Как старались они избегать таких заведений в Москве или Ленинграде, когда случались командировки.

Бывали, правда, и исключения. Для пользы дела высокое столичное начальство поручило как-то Колгушкину организовать прием для президента фирмы «Фрейн». Это произошло в «Астории» – самой шикарной гостинице Ленинграда. Банкет в честь нужного американца и пятикомнатный номер для него и его супруги обошелся тогда почти в три тысячи рублей.

А вообще, люди, обремененные должностями, рестораны не любили из-за того, что там нельзя было расслабиться по-домашнему, поговорить спокойно и откровенно. Зато по большим праздникам высокопоставленные лица регулярно приглашали к себе друзей, порой супружеские пары, если у них оказывались общие производственные интересы.

Многие продукты и товары в дома на Верхней колонии поставлялись не только с Базарной площади, но и из магазина «Акорт». Нина Степановна Дмитриева, жена главного строителя коксохимического цеха, знала обо всем и обо всех на свете больше других.

Изогнув тонкие линии подрисованных карандашом бровей, она поясняла:

– «Акорт» – это вам, товарищи женщины, не переименованный «аккорд». Так сокращенно называется ассоциация компаний розничной торговли!

Женщины всегда с охотой болтали на кухне. Говорили про текущую жизнь, про цены, про детей и другие важные вещи. А у мужчин в это время велся свой разговор, обычно сугубо деловой. Под стопочку водки и под звуки патефона с пластинками душещипательных танго – «Ла кумпарсита» аргентинского певца Карлоса Гарделя и «Черные глаза» в исполнении Юрия Морфесси...

Еще на исходе первого года работы Бардин попросил, чтобы к новогодней ночи ему привезли из тайги небольшую елочку. Захотелось вернуться в чудесные мгновения детства, когда он видел наряженные хвоистые деревца в окнах состоятельных соседей. Настоящая колючая елочка простояла у Ивана Павловича ровно шесть дней, а под православное Рождество 7 января кучер Тимофеич вынес ее во двор и сжег...

Аскетическое самоотречение в свете писанных и неписанных установок жило практически в каждом советском человеке. Не было исключением и Бардин. Работа днем и ночью, постоянное напряжение и недосыпание давали о себе знать. Часто ныло в левом боку, потом кололо под лопаткой. Но он не обращал внимания ни на это, ни на усталость. Просто старался не думать о своем состоянии. Его целиком поглощала одна мысль – быстрее и как мож-

но лучше построить здесь, среди сибирских просторов, уже сложившийся в голове металлургический гигант.

Развернувшаяся стройка стала неотъемлемой частью его жизни. И иногда он чувствовал себя просто маленькой шестеренкой, которая крутится по чьему-то невидимому указанию. Но почти сразу он вновь наполнялся уверенностью, что грандиозное строительство – в том числе и благодаря его таланту, воле, уму, энтузиазму – будет завершено в намеченные сроки.

НОВОСИБИРСК. 1930. ИНТРИГИ

Тогда имя Роберта Индриковича Эйхе было известно не только в партийных и советских кругах. О нем знал любой человек, живший или хотя бы раз побывавший в Сибири. Местные газеты и журналы то и дело публиковали портреты и фотографии товарища Эйхе, постоянно приводились сведения о его деятельности и выдержки из его речей, ему адресовали свои просьбы рабочие и крестьяне сибирских городов и сел, именем товарища Эйхе называли улицы, колхозы и даже целые районы.

Выходец из семьи латышского батрака, он рано ушел в город на заработки, там в меру сил и знаний слесарил и уже в пятнадцать лет вступил в социал-демократическую партию Латвии. За этим последовали многочисленные аресты, трехлетняя эмиграция и, наконец, пожизненная сибирская ссылка. Через год после удачного побега Эйхе вернулся в Латвию и с удвоенной энергией принялся за политическую деятельность.

...Франкфурт появился в заводууправлении только к обеду. По его лицу было видно, что командировка в Новосибирск прошла удачно. Бардину не было нужды расспрашивать начальника о результатах его поездки. Все дела, по которым тот ездил, главного инженера в общем-то не касались. Да и не любил он Новосибирск с самого первого приезда туда. Народ в краевых органах представлялся ему гонористым и малозначимым.

Но когда Бардин заглянул в кабинет Франкфурта, тот словно ждал его, сразу ухватился:

– Заходи, заходи, Иван Павлович! Покалякать надо. Кое-что о поездке расскажу.

Бардин прошел к столу начальника, сел.

– Закуривай! – сказал хозяин кабинета и протянул ему раскрытую пачку папирос.

Франкфурт страстно любил это зелье в коричневой коробке. «Сафо» – туго набитые папиросы лучших времен, сделанные Ленинградской фабрикой имени Урицкого. 25 штук за 27 копеек. И какой аромат!

Сергей Миронович поначалу что-то попытался найти в ящике стола. Потом махнул рукой:

– Всегда так: когда не нужно – валяется под рукой. Как понадобится – вовек не сыщешь! – И он за-

двинул ящик. А продолжил уже совсем о другом: – Все-таки Москва решилась на деление края. Красноярск и Иркутск уже точно отойдут в свободное плавание. Как говорят, баба с возу – легче паровозу. У нас в крайцентре в связи с этим тоже намечаются значительные перемены...

Тут Франкфурт встал и подошел к двери, даже приоткрыл ее, проверяя, не стоит ли кто за порогом. Притворил дверь.

«На крючок бы еще закрыл!» – съехидничал про себя Бардин. А Франкфурт неожиданно сменил выражение лица на какое-то доверительное, и тон голоса стал мягче, теплее.

– Ночь провел у Роберта Индриковича. Прихватил меня, считай, в охапку, прямо из кабинета увез на своем авто к себе домой. Там и пешком два шага, почти рядом. Новый дом, Советская, семь... Но все-таки: авто! Я было поерепенился. Да разве такой человек не добьется своего?..

Бардину было любопытно не то, почему Франкфурт оказался у Эйхе гостем. Знал, что они знакомы много лет, их пути пересекались не только в Сибири. Было интересно другое: зачем Франкфурт рассказывает именно ему о последнем посещении грозного властителя края?

– Выбрал человек угловую квартиру на третьем этаже. Говорит, из-за солнца. Я раньше думал, что у него Эрмитаж в доме... А вся ценность в его любезнейшей супруге. Второй раз пришлось встретиться с ней. Впервые познакомился зимой в двадцать четвертом. Печальные дни... А вот теперь встретила меня как задушевного друга. Замечательная женщина Евгения Евсеевна. Рубцова по девичеству. Тридцать с маленьким хвостиком, поморка, как и Михайло Ломоносов... До революции успела пройти два курса Московского медицинского. Арестовали. А потом не до учебы. Вдвоем, как лебеди, всю жизнь. Жаль, что без видов на детей... Числится ответственным секретарем в крайкоме. Но интеллигентнейший человек. Одевается просто, неброско, но с невероятным вкусом. Сама подавала ужин. Все-таки везунчик Роберт Индрикович! Белая блузка на ней, бархатная лента на шее и темная узкая юбка. А представляешь, как говорит...

Франкфурт даже прикрыл от удовольствия глаза. Мечтательно произнес:

– Не поверишь, Иван Павлович! Как только увидела меня, первой произнесла нарастающую: «Здравствуй-те, Сер-гей Ми-роно-вич!» Бывает же сладко от сказанных слов...

Франкфурт прервал рассказ. Повертел в руке исписанный почти до последнего листика блокнот, продолжил:

– Ты же сам убедился, насколько товарищ Эйхе предан коммунистическим идеалам, какой отличается исключительной работоспособностью и в то

же время не держится за высокие посты. Став в апреле двадцать четвертого заместителем председателя Сибревкома, он получил официальное разрешение присутствовать на всех заседаниях Сиббюро ЦК, что фактически ввело его в высшее партийное руководство Сибири. В мае на первой Сибирской партконференции он был единогласно избран членом пленума Сибирского краевого комитета партии, который, в свою очередь, по рекомендации ЦК утвердил его членом бюро крайкома...

Обо всем этом Бардин знал из публикаций. Более того, он слышал не раз от новосибирских посланцев, как Эйхе вкалывает за своего непосредственного начальника Лашкевича, предпочитавшего большую часть времени проводить в Москве. В газетах «Советская Сибирь» и «Кузбасс», а также в журналах «Известия Сибкрайкома ВКП(б)» и «На ленинском пути» часто публиковались материалы о том, чем занят этот высокий руководитель.

И когда Сибревком прекратил свое существование, Эйхе возглавил сибирскую партийную организацию, объединявшую к тому времени почти сто тысяч человек. И вероятно, ощутил себя таким же полноправным хозяином в Сибири, каким в масштабах Советского Союза чувствовал себя Сталин. Он и методы работы вождя усвоил быстро, проявлял исключительную жесткость при принятии и исполнении решений...

Бардину не были интересны слова Франкфурта о ночевке у самого Эйхе, и восхищение красавицей-женой не произвело на него впечатления. Не для этого ведь завел доверительный разговор Сергей Миронович. Он зря словами не разбрасывается. Значит, надо ждать развязки тягостной беседы.

Франкфурт прошелся по кабинету. Это была любимая его привычка – как бы одновременно осматривать все темные углы.

– И вот представь: в конце июля второй секретарь, пятеро членов бюро крайкома, а также примкнувший к ним председатель контрольной комиссии обратились лично к товарищу Сталину с просьбой перевести Роберта Индриковича на хозяйственную работу. Ребята сделали упор на то, что состояние здоровья первого секретаря отрицательно сказывается не только на работе бюро краевого комитета, но и на состоянии дел в Сибири...

Бардин вспомнил, что в середине лета действительно прошли слухи о том, что Эйхе перенес сложную операцию, связанную с гнойным аппендицитом. Видимо, тогда и случилась эта заваруха.

– Председатель крайисполкома Клименко рассчитывал, что в этих условиях основным претендентом на пост нового секретаря окажется он. И тоже поддержал подписантов.

– Да, так, к сожалению, бывает часто, – хмуро заметил Бардин.

Франкфурт на секунду задумался, оценивая его слова, и признал:

– Ты прав, Иван Павлович! Но чужой опыт никого не учит... Так вот, в то время Иосиф Виссарионович, находившийся на отдыхе в Мухалатке, телеграфировал замещавшему его товарищу Молотову дать достойный отпор Клименко со всей его шатией-братией. А Роберту Индриковичу, наоборот, оказать полное доверие. Это чтоб впредь неповадно было клеветать на честных работников и обманывать Центральный комитет...

Последние слова Франкфурта вызвали в Бардине неприятное чувство. Он понимал, что своим решением Сталин как бы примерил ситуацию на себя: создание прецедента смещения руководителя по инициативе снизу для него было опасным и недопустимым. А еще Бардин уловил явный намек на то, что и Франкфурт тоже не допустит, чтобы в его окружении кто-то мог решиться на подобный шаг.

Эта мысль не раз потом приходила Бардину в голову. Он понимал, что история с Эйхе – это пример, иллюстрация. Такому технарю, как он, Бардин, не стоит лезть в тонкие и опасные политические игры, которые ведет высокое партийное начальство. И завел Франкфурт с ним этот конфиденциальный разговор, скорее всего, в назидание.

...Вскоре было обнародовано, что в результате разделения Сибири на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края Сибкрайком ВКП(б) в Новосибирске преобразован в Западно-Сибирский краевой комитет.

Новый орган практически полностью унаследовал организационную структуру и состав своего предшественника. Заговор против Эйхе провалился. Но это событие встряхнуло все руководящие кадры края, стало одним из факторов формирования в Сибири новой политической элиты. И имя Эйхе снова засияло на недостижимой высоте.

КУЗНЕЦК. 1930. ГДЕ БУДЕМ ЖИТЬ?

Этого американцы не учли. Заокеанские спецы предполагали, что для обслуживания завода понадобится не более шести – восьми тысяч человек. Если считать с семьями, то нужен поселок примерно на двадцать пять тысяч, и его можно построить на склоне Старцевой горы – чуть выше расположения предприятия. Удобное и красивое место. Так казалось и тем, кто собрался обосноваться здесь на долгие годы.

Место будущего поселка обнесли знаками, указывающими, что любое самовольное строительство запрещено. Но прибывающий народ исхитрился и невдалеке от этих вешек стал сооружать из подручных материалов незатейливые хибары. Тот, кто не мог или не хотел строить, спал летом в крытых телегах, в шалашах и палатках. Семейный народ ста-

рался застолбить место ближе к работе, мужики устраивали землянки.

На тачках и на горбу тащили бревна, плахи и рамы, оставшиеся после сноса прилегающих поселков. Гора за короткое время облысела совсем, даже валежник и тонкие стволы молодой осины и сосны народ унес для своих нужд – если не на строительство жилища, то на топливо.

Второй год стояли на склоне горы времянки для первостроителей завода, здесь же находился заезжий дом для командированных и гостей всякого ранга. А первую улицу на Верхней колонии заложили только в двадцать девятом и окрестили Тельбесской. Кто-то сначала предложил назвать ее в честь Ленина, но после споров почти все пришли к мнению, что правильнее, чем Тельбесская, названия нет.

Она стала не только первой, но и самой главной и наиболее заселенной улицей заводского поселка. На ней поставили почти сорок рубленых домов. Бардин обосновался в доме № 11. В самом конце улицы поселился начальник техотдела Григорий Казарновский.

Тельбесская как бы широким ручьем вытекала из обнесенной дощатым забором березовой рощи и вскоре стала центром жизни поселка. Ее строили с любовью и толком. Шла молодая тополиная аллея, а по обе стороны от нее протянулись дома в один и два этажа. Между ними были поставлены сараи. В больших оградах разместились огороды. Из некоторых сараев вскоре завохтели куры, кое-где можно было увидеть кроликов, свиней, овец, гусей, коз.

Ниже Тельбесской проходила Коммунальная, тут же рядом Орлиная. Застраивались и другие улицы. Жители сами придумывали им названия. Но почти в каждом из них чувствовался дух будущего завода: Коксовая, Коллективная, Батарейная, Цеховая.

С архитектурной точки зрения особо выделялась улица Орлиная. Жилье на ней и на Тельбесской изначально предназначалось для руководящих работников завода – от директора и главного инженера до цехового начальства. Здесь старались строить по разным проектам. К примеру, ставили на Орлиной сборно-щитовые дома с площадью квартир до ста шестидесяти квадратных метров. В них на пол укладывался настоящий паркет, по просьбе будущих жильцов предусматривался даже зимний сад. Имелись и добротные подвальные помещения. А вот Коммунальная застраивалась двухэтажными каркасными домами барачного типа. Попроще и подешевле.

Верхняя колония, кажется, заполнила весь склон горы. И наступила пора переходить от нагромождения завалов к строительству нормального поселка на Нижней колонии. Здесь к середине лета обитало

уже около шестидесяти тысяч человек. Причем меньшая часть проживала в бараках, остальные ютились в палатках и шатрах, некоторые обосновались в землянках. Почти все старались занять место повыше, посуше, но ближе к воде. А ближайшей водой, которая поила людей, где можно было помыться и поймать рыбу, была река Аба. Абушка – так ее звали и местные, и приезжие.

Санитарные врачи были против любого жилищного строительства на территории, примыкающей к деревне Бессонову: здесь близ болота всегда грязь и сырость. А в тесноте неизбежны эпидемии. Выжить в такой обстановке могли не все, в первую очередь умирали дети.

Но большинство семей переселенцев не горело желанием покидать обжитые землянки, потому как в выстроенных домах и бараках наблюдалась страшная скученность. Руководство Кузнецкстроя никак не могло довести показатель жилой площади на человека хотя бы до трех квадратных метров.

Газеты честно писали о недопустимо скверных жилищных условиях людей, обитающих на Нижней колонии: землянки без оконных рам, двери сколочены из первых попавшихся под руку досок, а снаружи никак не утеплены; уборные построены кое-как и где попало, их недостаточно; мусор валяется на каждом клочке земли, не хватает помоек; нередко отходы быта и помой просто сваливаются в реку.

179

Внутри жилых помещений несколько не лучше. Люди живут, но никому не жалуются: все в плохих условиях. Один рад – нет клопов, другой рад – еще не завелись крысы. У одних постоянно спертый воздух, у других безостановочная «вентиляция»: ветер свистит из каждой щели... А какая на улице грязь! Нет ни одного даже дощатого тротуара. Выходя на работу в чистых сапогах или ботинках, каждый поначалу ищет твердую, сухую тропинку, чтобы не запачкать обувь. Но так – до первой лужи. А потом человек, сжав зубы, идет уже прямо, не разбирая дороги...

Руководству стройки пришлось принять срочные меры по решению жилищного вопроса. За несколько месяцев на территории от заводоуправления до Абы были поставлены десятки одинаковых бревенчатых бараков. Другую сторону реки пока не трогали: там предполагалось построить настоящий Социалистический город.

На возведение деревянного городка сил у строителей хватило. Но ведь поселившемуся в нем народу нужны были и пекарни, и магазины, и бани, и парикмахерские.

Больше стали уделять внимания и чистоте – «залогу здоровья». Городские власти выпустили указ о содержании в чистоте улиц, домов и подворий. Ответственность за выполнение санитарных мероприятий возложили на отделения НКВД-ОГПУ. Правда,

для работы их сотрудникам тоже нужны были новые помещения, а для жилья – квартиры или хотя бы комнаты.

Кузнецкстрой все больше выбирался за границы отведенной заводу территории. Строки из «Гимна кузнецкстроевцев» ярко выражали энтузиазм, с которым большинство людей строило завод, свою будущую жизнь:

*Выше темпы, ярче пламя,
Выше огненное знамя!
Разом – взяли дружно все преграды,
Мы – ударные бригады!
Взоры – чище, поступь – шире!
Станет света больше в мире!
Умножаем в битвах год от года
Мощь советского народа!
Пусть дороги каменисты,
Комсомольцы, коммунисты –
Все идут вперед победным строем
С нашим славным Кузнецкстроем!*

КУЗНЕЦК. 1931. ГАЗЕТНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Редко ему выпадала минута подумать о себе. Обычно все мысли – о деле. Пожалуй, десятки тысяч чертежей просмотрел он за последние два года. И не просто глянул и забыл, а глубоко вник, разобрался и запомнил. Различные машины, механизмы, устройства, даже их отдельные детали – все укладывалось в голове. Взять хотя бы заводские железнодорожные пути. Бардин досконально помнил, как они проложены на площадке. А ведь их скоро будет уже более 200 километров. И это еще не все. Под рельсами и над ними протянуты десятки видов труб разного назначения, всевозможные каналы и кабели...

А если понадобится, всегда что-то подскажут верные помощники из технического отдела во главе с Казарновским. Чего стоит только молоденькая водоснабженка Тамара Голубинцева. Прямо-таки королева подземного царства! Знает назубок почти все, что скрыто на промплощадке от постороннего глаза. И по виду – настоящая русская красавица. Глянешь на нее – и в жар бросает: голубоватые с искоркой глаза, высокая, статная, с длинными волосами. Умница. Шутку понимает тонко. И цену себе знает. А если кто начинает вязаться к ней и буровить что попало – отбреет так, что на второй заход нахал уже не отважится.

Ничто другое не напоминало Бардину о его возрасте так явственно, как оказаться среди таких вот красивых девушек. Но что тут поделаешь? Пик жизни, считай, уже пройден...

Самое трудное для него в последнее время – это знакомиться с новыми людьми, стараться выловить среди них нужных и знающих специалистов,

быстро входить с ними в тесные и доброжелательные отношения. Хотя почему доброжелательные? Эта человеческая категория чувств, конечно, важна, но на работе судьба сводит совершенно разных людей. Здесь могут быть только производственные связи. Бардину, как крупному техническому руководителю, выпала судьба знакомиться, работать бок о бок, а потом расставаться с сотнями разных людей. А может, теперь уже и с тысячами. За границей, на юге, в Москве и Ленинграде, в Сибири и даже по дороге в поездах и на вокзалах...

Его необыкновенно цепкая память сохраняла очень многое. Есть еще и отметины на теле, которые оставила прошлая жизнь. Иван Павлович приподнял левую руку, чуть повернул кулак и увидел на коже корявую полоску – след от кончика серпа. С Мишкой Зинченко поспорили, кто больше за полчаса срежет травы для скота. Бардин победил, но вот этим тонким шрамом заплатил за неосторожность. Случилось то в Мариинке на дальних выпасах.

Иван Павлович улыбнулся, снял очки. И, как умелый костоправ, охватил ладонью правое колено. Там тоже остался след от полученного урока. Кто-то из ребят оставил без присмотра трактор с работающим двигателем, и тот вдруг двинулся на собравшуюся поблизости компанию. Хорошо, что Иван сумел вовремя отскочить в сторону, но все же сильно ударился ногой о бетонный выступ навеса. Потом долго хромал, по совету доктора прикладывал разные мази и снадобья. Но припухлость в этом месте так и осталась на всю жизнь.

Нашел о чем вспомнить взрослый мужик! Ясно, просто хотел отбросить навязчивые мысли, что нахлынули после обеда. Шел в конце дня, как обычно, охваченный какой-то думой. В коридоре наткнулся на Казарновского.

Тот глянул как-то загадочно:

- Прессу последнюю не читали, Иван Павлович?
- Что-то есть интересное?
- Скорее любопытное. Гляньте на досуге...

Не разобранная за последние три дня почта лежала на столе. Центральные газеты и несколько местных. Последние номера журналов «Работница», «Техника и металлист», «СССР на стройке».

Просматривать прессу Бардин всегда начинал с «Правды». Сейчас вот – номер от 21 марта. Бегло скользнул взглядом по страницам. Основана коммунистическая партия Венесуэлы. Колхозное движение в стране одержало победу. Введены физкультурные нормы ГТО. И вот на третьей странице мелькнули знакомые слова: «Кузнецкстрой», «Франкфурт».

Что за ерунда? Большущая статья о вредительстве на Кузнецкстрое. Некто Бахтамов расписывал, как глубоко въевшийся оппортунизм овладел начальником стройки. Не считается с руководящей линией партии. Отсюда все беды, начиная с потери

партийной бдительности и кончая срывом намеченных сроков ввода объектов. Опportunизм в самом неприглядном виде.

В общем, кто-то впрямую копает под его начальника. Но ведь дорога от Франкфурта может потянуться и к нему, Бардину...

Отхлебнул давно остывшего чая. Чтобы отвлечься, взял «Комсомолку». Она шла следующим числом, 22-м. По привычке глянул в конец – ничего интересного. А передовица – о задачах партийной жизни на предприятиях. Молодежь на селе готовится к весеннему севу. Удои молока снижены. Надо овладевать производственными процессами.

Значит, овладевать... И вдруг среди газетных столбцов Бардин обнаружил свою фамилию. В одном, в другом, в третьем месте.

Впился глазами в строки. Речь в статье шла о «чуждых людях», примазавшихся к великой сибирской стройке. Как и полтора года назад в щегловской газете, очередной писака (явно под псевдонимом – Туров) дал волю своей фантазии. Да нет, не фантазия это. А глупость, перемешанная с вымыслом. Но вывод – убийственный, прямо наповал. Расстрелять – даже этого мало!

Народу всей страны было представлено, что Бардин – скрытый вредитель. Человек, срывающий грандиозное строительство в Сибири. Это он, подлый, предложил отсрочить пуск шамотно-динасового цеха аж на целый месяц. Без зазрения совести хотел оттяпать у Родины 60 тысяч тонн народного чугуна. Никчемный спец, решившийся в открытую поиздеваться не только над простыми тружениками Кузнецкстроя, но и над всей партией большевиков!

Бардин понял, что это конец. Конец всему, что вроде бы так удачно складывалось в последнее время. Он почувствовал острую тоску сожаления. Жалко было не себя: здесь, на Кузнецкстрое, он, по сути, ничего большего, чем имел в жизни раньше, не приобрел. Ну разве лишь то, что глубже стало прихватывать сердце... Жалко было другого. После него весь этот строительный объемище может попасть в чьи-то неразумные руки. И возможно, уже никогда не будет того завода, о котором он мечтает каждый раз, засыпая у себя в кровати...

Внезапно дверь из коридора с треском распахнулась. В каморку Бардина ввалился Франкфурт. В руке он держал несколько газет.

– Ты это дерьмо уже читал? – спросил начальник и швырнул кипу изданий на стол. – Выходит, что у нас окопалось не только гнездовье бездельников. Здесь процветает групповой заговор против советской власти... Ты это осознаешь, Иван Павлович? Против народа и партии! Значит, против Центрального комитета...

Он хотел, видимо, добавить «и лично против то-

варища Сталина», но вовремя остановился. Бардин еще ни разу не видел начальника стройки в таком бешенстве. Ни в стенах кабинета, ни на площадке. Хотя тот часто не сдерживал себя.

– Я уже однажды пережил здесь один поклеп, Сергей Миронович. Но тогда инициатором пасквиля оказался человек из нашего окружения. Я наступил ему на хвост. Все было ясно как на ладони. А здесь, вижу, задействованы более значительные люди.

– Ну надо же! – в гневе сокрушался Франкфурт. – Как складно все получается. На самом высоком уровне Москвы и, главное, без передыха – в одно и то же время. Нет, это не случайность. Не детское упражнение газетных работников... С другой стороны, если бы к нам были серьезные претензии, то я бы давно об этом знал. На той неделе говорил с товарищем Орджоникидзе. У него в этом плане к нам совершенно не было никаких вопросов.

Франкфурт сел на стул возле стола Бардина. Долго молчал, глядя в пол. Потом собрал со стола смятые листы газет. Глубоко выдохнул.

– Думаю, кому-то в Москве потребовалось сделать нам первое и серьезное предупреждение. Вечером буду звонить Роберту Индриковичу, постараюсь навести справки. Он наверняка успел ознакомиться с этой клеветой. Мы, как ни крути, ходим под ним, практически его люди...

Бардин напряженно сжимал зубы. Ему показалось, что Франкфурт знает закоперщиков разгромных статей, которые враз появились в самых авторитетных газетах страны. Но для чего все это затеяно, сам он даже не мог представить.

Франкфурт тем временем резко поднялся, молча пошел к себе. Уже на пороге, не оборачиваясь, сказал:

– Надо, Иван Павлович, и нам отреагировать. Иначе... – И он размашисто опустил руку.

КУЗНЕЦК. 1931. СЫПНЯК

В помещении стоял полумрак, от стен тянуло сыростью. Одинокая лампочка, свисающая на электрическом шнуре с потолка, еле-еле освещала пространство.

Трунов и Забелин сидели у окна на широкой скамье. Курили. Трунова сегодня обещали отпустить домой после трехнедельного пребывания в тифозном блоке. А Забелина ждал свой срок карантина; только вчера он более-менее оклемался, и ему наконец разрешили вставать и выходить из палаты. Прошло ровно семь дней с того времени, как его закончила бить непрекращающаяся лихорадка.

Трунов оторвал кусок от газетной страницы. Сунул худющие пальцы в кисет, достал щепотку табака. Выложил из него ровный валик и, послунявив краешек бумаги, аккуратными движениями смастерил самокрутку.

– Табак беру токо у местных мужиков. Ядреный самосад. Пробирает до самых кишок, – объяснил он Забелину.

– А я не люблю такой. Сюда прибыл с запасом нашенской махорочки. Моршанская. Теперь вся кончилась. Приходится пользоваться что подвернется. Но кузнецкую крепость не переносу. Я с детства слабват на легкие. Доктора вообще говорят, что курево мне ни к чему. А сам подумай: как жить тогда? Одна в жизни радость... Я о бабах сто лет не задумывался. А вот курево у меня отнять – это вроде как жизни лишить.

– Тут я с тобой, земляк, согласен на все сто. Токо я привык брать самые верхние ноты...

Лицо Забелина выразило недоумение. Соображал он пока еще нечетко и слова, сказанные соседом по палате, никак не мог взять в толк. Трунову пришлось пояснять, что угораздило его попасть сюда с сыпняком прямо из духового оркестра.

Он рассказал, что «гонял» на трубе. И теперь не знает, как там остальные «духачи» обходятся без него. Вроде дошел слухок, что нашли замену: есть среди кузнецкстроевских человек, который тоже может держать в руках трубу по-человечески...

Трунов, как и все нормальные люди, не ожидал, что вот так запросто загремит в больницу, да еще и в тифозное отделение. Началось с того, что двое суток подряд он в полночь беспричинно вскакивал с постели и потом до самого утра не мог заснуть. Позже почувствовал в теле необычный жар, но со всеми вместе вставал и торопился на рабочее место. Думал, что все пройдет само собой, но вдруг засверлило в голове, пошла ломота по телу. Начало лихорадить. Опять надеялся, что обычная простуда, дня через два пройдет. Соседи дали градусник, температура будто застряла на одном месте – около сорока, потом вроде снизилась, но состояние не улучшилось. Еще потерпел какое-то время, но лихорадка возобновилась, усилилось головокружение. И началась упорная бессонница.

– Не знаю, как у тебя, а во мне сознание, считай, дошло до сумеречного. Понимаю, что живой, но дурак дураком: соображалку кто-то отключил...

В действительности Трунов в это время был уже очень серьезно болен.

Маявшегося в углу человека заметил Сидоров, активист из профсоюзных комитетчиков, заглянувший в барак:

– А ты чего? Подыхать собрался или ваньку валяешь?

Трунов мелко дрогнул губами:

– Уж помереть бы... Нет больше мочи...

Сидоров брезгливо поморщился, разглядев, как у мужчины отекала кожа лица и шеи.

– Ну и народец! Кто их только таких рождает... – И приказал: – Лежи пока! Доложу по инстанции. Явный сыпняк. А он тут дохнет в одиночку да вшей кормит...

Через несколько часов подъехали трое. Погрузили Трунова на сани, и самый щедедушный из прибывших повез его в больницу. А двое других затащили в помещение большой бак с каким-то раствором, принесли ручной насос с тонким резиновым шлангом и потом долго опрыскивали угол, в котором нашли бедолагу.

– Да, тебе повезло... – выпустил дым через бледные губы Забелин.

– Да, – согласился Трунов, – кабы не тот товарищ, может, свезли бы меня уже куда надо...

– Это хорошо, когда рядом хорошие люди, – закивал Забелин. – Меня ведь тоже прямо со сменки уволокли. Земеля мой Черноусов побег к прорабу. Человек, говорит, в бригаде валится с ног, нужна помочь. Тот сразу к своей таратайке, ну и меня в нее... Доктор лишь глазом повел – и с ходу: «В сыпное!» Вот так я оказался туточки... Откуда она, зараза эта, прет, скажи?

– Вошь меж нами, брат, завелась. Это от нее, проклятущей.

– А она откуда цепляет болезнь? Не из воздуха же...

– Откуда-откуда... От верблюда. От больного человека. Укусит, и баста! Сама схватила, а потом еще и тебя наградит. Хуже дикого зверя тварь. От того хоть убежишь или увернешься, если подфартит – на дерево вскочишь. А эта паскуда тебя в любой час вычислит...

Трунов за время, когда ему разрешили вставать с постели и кантоваться в тифозном блоке до конца карантина, получил по части сыпняка самые обширные сведения. Узнал, например, что сыпной, а по-другому еще европейский или вшинный тиф – одна из древнейших болезней человечества. Была она завезена в Европу и за Урал аж из Египта и Эфиопии. Тиф всегда сопутствовал войнам, стихийным бедствиям, голоду, разрухе и всяким социальным потрясениям. А кузнецкое строительство разве не потрясение? Платяная вошь оказалась склонной переносить невидимую заразу. На этот раз не обошла и Кузнецкстрой. Виноваты, конечно, условия проживания – скученность и антисанитария, они способствуют быстрому развитию и распространению болезни. Народ здесь не первый год от нее страдал. Появлялась зараза обычно в холодное время, в январе – марте. Но на этот раз тиф разразился настоящей эпидемией.

Лампочка под потолком несколько раз мигнула. Но не погасла. Трунов манерно поддел окурочком среднего пальца и точно пульнул в помойное ведро.

– Тифу, земляк, неважно, кто перед ним – мужик или женщина, сильный или слабый человек, какого он положения и образования. Перед вошью мы все равны: и ты, и Франкфурт, и Бардин. Ну и я. Прокля-

тое насекомое лезет к теплому телу по своим известным ему путям. Оно, понимаешь, ежесекундно норовит расширить свою площадь существования, перелезая из одной подушки в другую, из прокуренного пиджака в отутюженную жакетку дамочки, ползет с кровати на кровать, с плечика на плечо... Так что соображай черепком, земляк, ежели жить хочешь. И запомни навек: профилактика сыпного тифа – это борьба с вошью как с бытовым явлением. Или у тебя хреновато с юмором?

...Каждый день в больничных отчетах отмечалось поступление в тифозный блок до десяти – пятнадцати человек. И в тот же самый день одного или сразу двоих похоронщики отвозили на Редаковское кладбище. Смертность была раза в три выше, чем при обычной жизни.

Спецпереселенцы преимущественно жили и работали в районе ДОЗа. Находились под надзором комендатуры. Места, где они проживали, обслуживал специальный эпидемический отряд. Но и у него постоянно не хватало медикаментов и средств санобработки. А бельевого фонда у крайздрави для спецпереселенцев вообще не было. Поэтому заболевших на ДОЗе тоже доставляли в общий тифозный барак. Лечили здесь раствором камфары, диуретином, кофеином, дигиталисом и его препаратами. Хорошо, хоть это имелось под рукой. Правда, не для всех...

Трунов снова мастерил самокрутку. Пожелтевшая бледная кожа на его лице натянулась. Он чувствовал в себе непроходящую слабость. Во рту будто лишним казался сухой язык. Особенно при разговоре.

– Ты заметил? У мужика во втором ряду справа дела плохи... – спросил он у Забелина.

– Видел, видел... Санитарка поутру вздыхала: мол, у бедолаги появились пролежни.

– Значит, есть еще дух в организме. А иначе б давно свезли в одно место. Только и теперь никакой надеги... Баба его приходила. Он ей передавал через санитара какие-то слова...

Забелин положил костлявые кисти рук на колени.

– Эх, щас бы у мамки в деревне побывать! – произнес он мечтательно и раскрыл рот от удовольствия, обнажив при этом попорченные зубы. – Кружечку бы квасочка да грибочков из кадочки...

Трунов покосился на приятеля:

– Кто про что, а вшивый про баню... Смотри не пропусти: скоро наш обед выставят на стол. Что бог послал полопаем, а потом домой потопаем...

КУЗНЕЦК. 1931. ХИТАРОВ

Начало 1931 года для партийной организации стройки оказалось безрадостным. До последнего времени здесь командовал Андрей Кулаков. Но кра-

евому начальству все больше казалось, что партийцы на Кузнецкстрое, по существу, плетутся в хвосте у большого дела. Сам Кулаков мельчит, погряз в сплошном устройстве быта строителей. Около него почти нет силы, которая бы держала в узде строительное начальство.

До крайкома партии не раз доходили заявления и жалобы, в которых указывалось, что руководство Кузнецкстроя все чаще игнорирует решения партийной организации, не считается с мнением выборного актива. Отстранение коммунистов от работы происходит без ведома партийного комитета. Лично Кулаков потакает хозяйственнику Франкфурту и техноруку Бардину. Короче, так жить дальше нельзя.

В Кузнецк срочно направили нового партийного вожака – Станкина. Прозорливый и деловой мужик начал вроде неплохо. Но вскоре отношения между ним и руководителями стройки переросли в настоящий конфликт, который мог взорвать большое государственное дело.

У Эйхе под рукой больше не было высококлассных кадров, и он, пересилив себя, стал просить помощи лично у товарища Сталина. Сообщил, что Кузнецкстрою позарез нужен опытный вожак. Человек этот должен обладать партийной непреклонностью, бытовой гибкостью и быть настоящим дипломатом, чтобы пользоваться заслуженным авторитетом среди всей массы строителей.

В Центральном комитете партии такого человека на примете имели. Им был Рафаил Хитаров. Это имя (а в кругу друзей его называли Раффи) было широко известно в стране и за рубежом.

С Хитарова только что сняли обязанности генерального секретаря Исполкома Коминтерна молодежи. Несмотря на молодость, он был блестящим организатором, большевиком с большим стажем и опытом. Горы работы ему пришлось перепахать вместе с Эрнстом Тельманом, Кларой Цеткин и Георгием Димитровым.

В ЦК партии кандидатуру Хитарова сочли единственно приемлемой, чтобы возглавить парторганизацию Кузнецкстроя. На стройплощадке работало 1233 бригады, и в половине из них не было партийной группы.

С мая 1931 года судьба Рафаила Мовсесовича оказалась тесно связанной с легендарной стройкой. Меньше чем через год он был избран первым секретарем Кузнецкстроевского райкома партии.

Вместе с другими прибывшими на площадку опытными коммунистами он сумел образцово поставить партийную работу на Кузнецкстрое. Был объявлен призыв в партию лучших из ударников производства. Умение найти и поддержать новое, самое передовое делало Хитарова центром притяжения. Не будучи русским по происхождению,

он мог подыскать слова, близкие и понятные любой аудитории, увлечь ее на решение грандиозных задач. Хитаров оказался хорошим журналистом и вдобавок неплохим оратором. Умел создать вокруг себя атмосферу непринужденности, простоты и искренности. Почти каждому, кто находился около него, он был своим – товарищем и братом.

С первых дней работы на Кузнецкстрое за Хитаровым числился кабинет, но почти никто никогда его там не видел. То улыбочное, то сосредоточенное, то до важности серьезное лицо парторга, казалось, мелькало одновременно в разных концах огромного строительства.

На первой партконференции, состоявшейся в городе 9 января 1932 года, он был избран первым секретарем горкома партии. Примечательно, с какой сердечностью Хитаров относился к своему непосредственному начальнику Эйхе.

Позднее в своей речи на второй городской партконференции Рафаил Мовсесович, повернувшись в сторону президиума, где сидел Роберт Индрикович, с принятым в таких случаях пафосом, но искренне произнес:

– Мы счастливы, что к нам сегодня вновь прибыл испытанный руководитель нашей партийной краевой организации товарищ Эйхе. Товарищ Эйхе неуклонно вел нашу парторганизацию все эти годы по пути победоносного строительства социализма, и товарищ Эйхе сделал гигантски много в деле руководства строительством нашего металлургического завода. Мы знаем, пролетариат Сталинска на опыте прошлых лет хорошо убедился, что именно товарищ Эйхе попадает в железный фонд славного края и нашего строительства!

Эйхе на самом деле считал Кузнецкстрой своим детищем. Он, например, без малейших раздумий в самые ответственные для селян периоды пахоты, сенокоса или уборки урожая снимал колхозников с работы и отправлял в помощь Кузнецкстрою.

Хитаров стал одним из первых орденосцев Новокузнецка, ему был вручен орден Ленина. Почти четыре года он оставался бессменным руководителем коммунистов города и завода.

Бардин знал, что ни увещеваниями, ни заклинаниями, ни даже большим рублем народ на великое строительство не поднять. Нужна одна большая и захватывающая идея. А ее имела только партия большевиков...

У Бардина были свои причины не вступать в ряды партии. Они с годами менялись, но итог оставался неизменным. И в то же время главный инженер понимал, что без движущей и объединяющей силы на большой стройке не обойтись. Как бетон начинается с цемента, так и вся жизнь должна начинаться цементирующей воле.

...Он долго не мог уснуть, когда узнал, что к ним присылают нового партийного начальника. Он успел не только сработаться, но и сжиться с Андреем Кулаковым. Жалко расставаться с таким человеком, хоть и направляют его на повышение. Иван Павлович привык, что у него шла своя работа, а кто-то другой рядом с ним, словно ангел из религиозной мифологии, следовал по близости и принимал самые ответственные решения.

На исходе июньского дня, когда солнце еще только намеревалось покинуть горизонт, его пригласили на открытое партийное собрание. Выступал Кулаков. Говорил бодро и обнадеживающе. В заключение заметил, что скоро вопросами партийного руководства на Кузнецкстрое будет заниматься другой товарищ. Это твердое и обоснованное решение окружного комитета партии.

На другой день Бардин неожиданно столкнулся с Кулаковым.

– Так это бесповоротно, Андрей Семенович?

– Куда уж бесповоротней! – то ли радостно, то ли огорченно бодро ответил Кулаков. – Партийные решения тверды, как сталь. Иначе и нельзя. Если учитывать в отдельности интересы каждого человека, то мы скатимся к анархии. Так что отбываю я в Новосибирск. Ждут интересные делишки в Сибкрайкоме. Когда устроюсь, дам знать. Будете в тех краях, Иван Павлович, обязательно заходите. Да и я, думаю, не совсем оторвусь от нашей стройки...

Бардин удивленно заметил, что Кулаков впервые в жизни обратился к нему на «вы».

А тот постоял, помолчал и, сжав кулаки, вдруг развел свои крепкие руки:

– Это ж сколько мы тут всего сумели наворотить!

Бардин чувствовал, что Кулаков чего-то недоговаривает. Но понимал, что дело не в нем самом, а в отношениях, которые сложились между Франкфуртом и местным райкомом партии. В последнее время с подачи Новосибирска партийный актив стройки все больше желал покомандовать на трудовом фронте. Франкфурт был категорически против. Он уверовал только в свое единоначалие и строго придерживался этой позиции. Остальное, считал, погубит начатое дело.

С него брали пример начальники помельче. На строительстве коксового цеха секретарем партячейки оказался Котов, бывший десятник Дмитриева. Теперь, когда заправлять делами начал полностью Дмитриев, Котов для него стал никем. Любые предложения и требования партийного секретаря начальник попросту игнорировал.

Около месяца назад Кулаков отбыл на курсы в краевой центр. За него решать партийные дела остался Лупинин. Мужик властолюбивый и с большим гонором. Стал влезать в чисто технические дела. Кое-где даже принялся отдавать свои команды.

Франкфурта это задело. Он видел, что партийные выдвигенцы не всегда справляются с порученными им делами. Управляющий делами стройки Потапов вообще запустил работу, не раз появлялся с глубокого похмелья. Франкфурту ничего не оставалось, как написать приказ об отстранении его от должности. Сделал это почти в одно мгновение, без предварительного разговора с Лупининым. Чем вызвал не прикрытое недовольство партийного начальника.

Потом еще дважды происходили стычки с подспудным выяснением отношений, кто важнее и главнее. Наконец Франкфурт не выдержал, пожаловался в крайком партии. Туда же обратился Лупинин. И, видно, когда жалобы сошлись в одном месте, в Кузнецк и были направлены личный посланец Эйхе Зайцев и парторг на замену.

В сентябре Станкина официально избрали секретарем райкома. Но с его появлением желание заправлять строительными делами у партийцев стало еще более заметным. Не было, пожалуй, дня, чтобы Станкин после стычки с Франкфуртом не накатал телегу на непоколебимого начальника строительства. В конце концов окружком созрел для решения вымолить у Москвы человека, который бы вписался в нормальный ритм Кузнецкстроя и прекратил сложившийся раздрай.

Таким человеком оказался Хитаров.

КУЗНЕЦК. 1931. НАКЛОННЫЙ МОСТ

Воронина в Кузнецк сосватал сам Бардин. В свой последний приезд на «Дзержинку» он бросил клич: желающие потрудиться на честь и славу Отечества, айда со мной! К тому же пообещал хорошую плату. Но специалисты должны быть только первоклассные.

Иван Павлович понимал, что, переезжая в Сибирь и забирая с собой надежных помощников, оголяет ответственные места в своих бывших цехах. Но в то же время знал, что взамен подтянется свежая поросль, забурлит на заводе новая живая кровь...

Кое-кто отправился в Кузнецк сразу следом за Бардиным. Другие раздумывали, приехали позже. В марте 1931-го прибыл на Кузнецкстрой и Воронин. Это был опытный мастер монтажных работ: 30 лет отдал он разным заводам и стройкам России. Получив должность старшего мастера доменного цеха, Воронин стал наставником не только бригадиров, но и рядовых рабочих, вчерашних крестьян.

В свои шестьдесят это был человек неумной энергии и, главное, неиссякаемой рационализаторской мысли, технический выдумщик. Коренастый, с сивой головой и перекошенным от производственного увечья лицом, он притягивал к себе других увлеченных людей словно магнит. В его серых, запыленных за кустистыми бровями глазах почти всегда горели азартные огоньки.

Повидал Воронин много, знал и того больше. Где от жизни набрался, где из разговоров со знающими людьми. По всем статьям был мужик правильный. Разве что чересчур полагался только на свои знания и способности, никаких авторитетов возле себя терпеть не мог. В чертежи никогда не заглядывал (потому что ничего в них не понимал) и с сомнением относился к разным расчетам и формулам, предлагаемым ему порой умными головами из инженеров. Все видимые доказательства приводил лишь с помощью пальцев и спичек.

– Значит, вот так, парень: железа эта у тебя не пойдет. Ее, поверь, вывернет вон в ту сторону...

Начинали поднимать колонну, обвешанную сопутствующими креплениями. И точно: ее повело ровно в то место, куда указал Воронин.

При монтаже первой доменной печи в Кузнецке нужно было поднять наклонный мост домны. Американские инженеры предложили поднимать его частями, как это делается во всем мире. Но на это ушло бы больше месяца. Воронин предложил неслыханное для того времени дело – собрать мост на земле и поднять целиком с помощью обычных кранов. Это бы намного сократило сроки монтажа. Воронин не знал математики и не понимал вычислений, но природный ум, творческая мысль и большой опыт помогали ему выбирать оптимальное решение.

Американцы, предпочитавшие держаться за шаблон, написали жалобу-предупреждение начальнику Кузнецкстроя. О том, что снимают с себя всю ответственность за такую самостоятельность и неслыханное безрассудство. Бардин же не только согласился с Ворониным, но и поддержал его. И этим еще больше воодушевил неустрашимого человека.

Иван Андреевич как сказал, так и сделал. Трое суток Воронин и Широков не уходили домой, поднимали металлическую махину буквально по сантиметру. В результате первый наклонный мост будущей доменной печи за 34 часа встал на свое место. Второй такой же потом поднимали с учетом предыдущих ошибок. Он был установлен бригадой Воронина за 15 часов.

Глен, опытный американский такелажник, прибывший с завода «Гэри», долго наблюдал, как русские поднимают мост, и не сдержал восхищения. Смял недокуренную сигарету и подошел к Воронину.

Коверкая слова, сказал вполне понятно и убедительно:

– Мистер Воронин, вы очень большой мастер. В Америке таких людей ценят. Там бы вы за эту работу получили значительную сумму долларов!

Воронин снял брезентовые верхонки, тыльной стороной ладони провел по губам, смахивая приставшие пылинки:

– Ты лучше, браток, дай закурить. А потом хвалить будешь... Да, собственно, и хвалить нас не за что. Мы так всегда привыкли работать. Ежели за каждый чих будешь благодарить – без ветра закачаешься.

Было видно, что Глен почти ничего не понял из сказанного Ворониным, но сигаретку достать из пачки все же догадался...

Когда монтажники впервые увидели чертежи конструкций доменного и мартеновского цехов, у всех возник один вопрос: где взять столько людей для работ на высоте почти в шестьдесят метров? Где найти не только смельчаков, но и умельцев, которые поднимутся по лесам и на головокружительной высоте будут собирать железные конструкции, невзирая на лютый ветер, стужу и ливень? Тут ведь целая армия нужна!

Вот тогда-то и взялся за дело Иван Андреевич Воронин. Он знал, что металлические конструкции для доменного цеха и кауперов изготавливаются на Донецком заводе. Потому первым делом он попросил Бардина написать на завод письмо с просьбой соединить элементы там – настолько, чтобы они целиком поместились на железнодорожные платформы.

– Им на заводе раз плюнуть, а нам долбиться на такую высоту совсем не с руки.

– А как мы их туда водрузим, Андреич, ты подумал? – спросил Бардин.

– А вот тут, товарищ Бардин, дайте мне самому разобраться. Я ж не враг – ни себе, ни советскому народу. Щас как раз в самое время компрессор подоспел. Мы теперь вместо полусотни будем давать по двести заклепок на душу.

Бардин знал, что готовых специалистов у Воронина почти ноль. Поинтересовался осторожно:

– А наверху все сам делать будешь?

– Хе-хе! – ухмыльнулся кривым ртом Воронин. – А они на что? – И кивнул на целый отряд недавно прибывших на стройку колхозников из-под Барановки.

Это пополнение еще вчера позабавило Воронина. Со смехом он рассказывал своим помощникам, как мужики осматривали привезенный на опробование новый компрессор.

Один дедок долго поглаживал холодный металл, потом спросил:

– Это что за чуда такая?

– Это, мил человек, новая домна.

– А стоять она где у вас будет?

– Где захочешь – там ее и место. Можно на горе... А захочешь – и возле речки поставим...

Бардин дослушал до конца байку Воронина, покачал головой и пошел дальше. Он знал, что эти мечтающие полетать на аэроплане деревенские мужики скоро привыкнут к любой высоте, начнут осва-

ивать азы монтажных работ, а потом и с пневмомолотками будут ставить невиданные рекорды. Не то что некоторые блатноватые хлопчики из больших городов, которые здесь, на стройке, без дрожи в коленках выше пупа залезть не могут... Некоторые вообще прибывают с поддельными документами: как же, большой специалист, на денежное место претендует! А копнешь – он где-нибудь на Сухаревке семечками торговал.

Но и это бы ничего. Особенно мучил другой вопрос. Понаехало столько народу, что его уже не просеешь никаким ситом. Вроде все свои люди, советские. А вот попадаются же и просто пакостники, и настоящие вредители.

Больше месяца не выходил из головы случай с металлической трубой для отвода газов. Поставить такое устройство – дело нехитрое. Для Воронина так и вовсе не работа, а удовольствие. Тридцатиметровую железяку диаметром ровно метр он обязался выставить за считанные часы. Но тут вмешались непредвиденные обстоятельства.

Бригада такелажников была в сборе с самого утра. Воронин, как всегда, распорядился приготовить тросы, лебедки, вспомогательные стойки, распорки и укосины. Мелом на трубе разметил места, где ее обхватят тяги придуманной им же конструкции. К обеду начался подъем. И надо же: вдруг откуда-то из-за горы с северной стороны налетел такой ветер, что трубу, поднятую почти наполовину, стало раскачивать, как лодку на большой волне.

Бардин приказал остановить подъем.

– Иван Павлович, но ее же сейчас сорвет! – жалобно прокричал Воронин. – Пропадет большой труд. Это что ж такое?!

– Ты пойми, Андреич, если будем вошкаться дальше, можем погубить людей. Я не вправе подставлять их под верную смерть.

А ветер не стихал. Наоборот, казалось, что неведомая сила где-то еще злее раздувает сатанинские мехи. Наступала ночь, а урагану не было ни конца, ни края. Только в самую полночь унялся – так же внезапно, как и возник. Но к тому моменту уже дали отмашку оставить все до утра.

Утро выдалось безоблачным, радостным, обещающим успех в деле.

Воронин поплевал на ладони. Улыбнулся искривленным ртом:

– Ну, ребяташки, не посрамям свой ударный тру...

И не успел закончить фразу. С пронзительным звоном лопнул трос, хрястнули укосины. Сорвало с места одну из лебедок. Труба с грохотом рухнула на то место, где лежала раньше...

Воронин не мог понять, что произошло. Невидящим взглядом выискивал виновника происшедшего, на ком-то надо было сорвать зло.

Бардин, стоявший в стороне, поспешил к главному такелажнику:

– Андреич, разберемся, не кипятись...

Разобрались быстро. Оказалось, что ночью кто-то надрезал напильником главный тянущий трос. Как только заработала лебедка, нити троса полопались. Авария произошла по чьему-то подлому расчету.

Получалось, что рядом живет и действует не просто какой-то дурень, а настоящий тайный враг. Враг народа. И его личный враг. Это и мучило Бардина.

КУЗНЕЦК. 1931. ЛЮБОВЬ И ЖЕНЩИНЫ

Иван Павлович не мог припомнить, как этот старый журнал оказался в его кабинете. Взял в руки, полистал. И обнаружил любопытную статью, описывающую нравы новой России. Опубликовано еще при Колчаке, журналист разоблачал действия советских властей на местах. И выбрал почему-то женскую тему.

Бардин пробежал взглядом по тексту и невольно улыбнулся. Было написано, что женщины изымаются из частного владения и объявляются достоянием всего трудового народа. Желая воспользоваться экземпляром этого достояния обязан предоставить удостоверение о принадлежности к трудовому классу. Мужчины, не имеющие отношения к трудовому народу, могут пользоваться женщинами при условии отчисления в трудовой фонд одной тысячи рублей. Все младенцы принадлежат исключительно государству, они из роддома должны передаваться в приют...

Вспомнилось, как в первые дни советской власти молодые люди в Енакиеве организовывали митинги и с лозунгами «Дашь дешевую женщину!» напористо вышагивали по улицам. А еще лет пять назад в среде молодежи модной была «теория стакана воды». Она проповедовала полную свободу межполовых отношений, утверждала, что заняться любовью должно быть таким же простым и легким делом, как попить воды из стакана. От этой «теории» взбесилось немало юношей и девушек, многим она попортила жизнь...

Подобные идеи, близкие к возведению бытового разврата в общественную норму, конечно, нравились не всем. Власти спохватились и стали наводить порядок. Но, как это часто случалось, начались явные перегибы. Гражданам страны вдруг объяснили, что не может быть открытых отношений между мужчинами и женщинами. Некоторые ученые – специалисты в любовной сфере – даже пытались доказать, что у людей для этого нет никаких потребностей...

Бардин мысленно усмехнулся: в последнее время пошли две параллельные жизни: газетная и настоящая. В части интимных отношений СССР оказался страной, которая вполне устроила бы даже

английских кальвинистов, так называемых пуритан. Их взор точно не смутила бы ни одна картинка или фотография в советской прессе. Здесь нет ни малейшего намека на какую-либо непристойность. Нет никаких полуобнаженных и тем более голых тел. И баста!

Не сказать, чтобы этот вопрос сильно волновал Бардина, но с недавнего времени все же приходил в голову. А началось все со случайного разговора с Нейманом, талантливым монтажником-американцем. В тот раз они остановились возле колонны прокатного цеха и наблюдали, как рабочие на десятиметровой высоте устанавливают подкрановый рельс.

Неожиданно Нейман произнес:

– У вас на строительстве почему-то очень мало женщин...

Нейман вполне сносно говорил по-русски, лишь изредка вставляя английские слова. Бардин привык к этому и не замечал огрехов в речи американца.

– Вы, мистер Нейман, по-своему правы, – без задней мысли ответил Иван Павлович. – Но заметьте: это только в самом начале мы категорически не принимали на работу женщин. Даже отказывали семейным людям в трудоустройстве. Потом поняли, что слишком крепко завернули гайки. Теперь у нас не только секретарши и машинистки сидят в конторах, но и много бетонщиц, арматурщиц и даже землекопов. Не говоря уже о тех, кто работает в пекарнях, банях, столовых...

По лицу Неймана скользнуло недоумение: неужели Бардин так наивен, не понимает сути вопроса?

– Я о другом, мистер Бардин.

– О чем же?

Теперь американцу стало ясно, что Бардин не лукавит и не уводит разговор в сторону. Но объяснять начал издали:

– Вы же были в Штатах. Работали на нашем заводе «Гэри». Жаль, что мне с вами тогда не пришлось встретиться... Но это не главное. Вы, наверно, хорошо знаете, как строился завод?

– Еще бы! – радостно произнес Бардин. – Все плохое забывается, остается только хорошее... Великолепное современное предприятие! Вот только, по моему мнению, у него слишком уж долгая история строительства.

– Возможно. Но я не об этом, а о том, как он строился.

Нейман вглядывался в сухощавое лицо Бардина и удивлялся. Сколько ж чувств и ума скрывается в этом человеке! И все это еще не истрачено и может проявиться в ближайшем будущем.

– Хочу заметить, что сам завод, его цехи и оборудование были построены менее чем за три года. Но в общую продолжительность строительства сейчас относят и многое другое. Даже то, что вы у себя будете достраивать еще много лет после пуска... –

Нейман поправил за ухом дужку очков. – Например, этого прокатного цеха.

– Неужели?

– Объясню свои слова. Ко времени непосредственного строительства, то есть к девятьсот шестому году, в район будущего завода было подведено больше ста километров автомобильных дорог и железнодорожных путей. Протянуты сети электричества, воды и газа. А еще построено почти полмиллиона квадратных метров жилья. У нас по асфальту ходил весь грузовой автотранспорт...

Нейман осекся. Он знал, что проблема дорог для русских неприятна, как мозоль на подошве ноги. А про асфальт вообще не стоило упоминать. Недавно на Кузнецкстрое покрыли асфальтом площадь возле заводоуправления. Люди восприняли это как чудо, невиданную роскошь. Перед тем как зайти на укатанную до блеска поверхность, разува-лись, шли босиком, а грязную обувь несли в руках. Недаром немец Хайт по этому случаю рассказывал анекдот о русском мужике, который приехал из глухой деревни. Тот поначалу с вилами кидался на паровоз, а чтоб погасить лампочку, дул на нее, как в стекло керосиновой лампы...

– Вывезено было десять миллионов кубических ярдов земли, – продолжил Нейман, – высушены болота, на озере Мичиган построена гавань, изменено русло местной реки... И уже в июле восьмого года первый рудовоз с железной рудой из Миннесоты прибыл на завод.

Бардин вспомнил: да, возле завода полукругом с южной стороны разросся целый город, где поселились многие семьи металлургов, а до этого проживали строители. Городок называли по имени основателя компании, которая строила завод. Большинство работающих приезжало сюда на своих автомобилях и на электричке из Ист-Чикаго, Индиана-Харбор и даже из самого Чикаго, расположенного в полусотне километров. Когда из проходной завода вываливал поток мужчин, он делился на три части: одни спешили на электричку, другие – к своим авто, третьи направлялись в сторону заводского городка. И тут начиналось самое интересное...

Из набежавшего воспоминания его вывел голос Неймана:

– Вы, наверно, не знаете, мистер Бардин, что ко времени начала строительства завода было открыто почти двадцать заведений, где одинокий мужчина мог провести досуг с понравившейся ему женщиной...

– Знаю, – коротко ответил Бардин.

Ему стало неловко перед этим очкастым американцем, который будто просветил его рентгеновскими лучами и увидел то, что сам он долгое время скрывал. Да, были случаи, когда Бардин с приятелями по работе, такими же неприкаянными, как и он

сам, заходил в небольшой двухэтажный особняк. Там, будто его единственного, ждала бутылка итальянского вермута мартини – напитка цвета светлой соломы, с легким запахом пряностей и сладковатым вкусом. Еще подавалась закуска, но весьма скромная, которую Ивану всегда хотелось умножить на три. А самое главное, его встречала голубоглазая девушка Марта, приплывшая в Америку из далекой Польши. Это она потом подавала напиток с кусочками льда и ломтиками лимона...

– Вы же знаете, мистер Бардин, что в мужчинах живет страсть физиологической потребности. Разрядиться и зарядиться. Это, мне кажется, не противоречит марксистской диалектике – единству противоположностей. Только так человек может быть энергичным и отдавать работе больше сил, ума, внимания – то есть все то, что требуется от настоящего работника...

Бардин смотрел, как на тросах почти над его головой проплывает огромный рельс, слышал, как подаются короткие такелажные команды «вира» и «майна», но никак не мог найти нужного ответа, чтобы опровергнуть высказанную Нейманом мысль. И вдруг почти скороговоркой выпалил целую тираду:

– У нас, господин Нейман, другой человек – особь советской закалки. У него во главе творческого поиска и трудового сотворения стоит идея. Нашему народу присущи большие планы и большие идеи. Это строительство социализма. Индустриализация страны. Переход к коммунизму. Мы не вправе разбрасываться на личное удовлетворение. Иначе мы просто ничего не достигнем.

Бардин понимал, что его слова не очень убедительны. Да что там: совсем неубедительны! Более того, он чувствовал в них фальшь. Но по-другому сказать не поворачивался язык.

Внимательно выслушивая доводы Бардина, Нейман неловко улыбался. Потом, присвистнув, заметил по-английски:

– Yes, they make nails out of people like that!

«Да, из таких людей делают гвозди!» – перевел Бардин про себя эту фразу. И чуть не сказал американцу: «Ну что ты, парень, в этом деле понимаешь?» Но все же промолчал.

...Много дней прошло с той поры. И вот замусоленный журнал вдруг напомнил о том сумбурном разговоре на щекотливую тему.

Раньше Бардин редко обращал внимание на то, как люди разных полов живут меж собой. Он не был моралистом, но четко представлял: в обществе не должно быть бардака, и в то же время не требуется испрашивать у власти благословения на интимную жизнь с кем бы то ни было. Тонкости отношений между мужчинами и женщинами, слава богу, никак не регламентировались марксистско-ленинской идеологией.

Окончание следует.

Наталья МАКСИМОВА

СТРОИТЕЛЬСТВО ЗНАМЕНСКОГО СОБОРА ГОРОДА КЕМЕРОВО В ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

«Будет храм» – под таким заголовком опубликована небольшая заметка в номере областной газеты «Кузбасс» за 12 апреля 1989 года. На первой полосе – фото Алексея Леонова ко Дню космонавтики. А на второй странице нашлось место для заметки про храм. Заголовок в два коротких слова, без метафор и других журналистских приемов, привлекающих внимание. «Будет храм» – и этого уже достаточно, чтобы привлечь внимание. Констатация факта. Не предположение, а именно утверждение: в Кемерове будет храм. Пора. Настало время. Дождались.

Читаем заметку: *«Кемеровский горисполком разрешил Знаменской православной общине левобережной части областного центра начать проектирование церкви. Для ее строительства отведен участок на улице Гагарина, где раньше был вещевого рынок»*. Отметим, проекта еще нет, храм только разрешили проектировать, а имя у него уже есть: храм будет Знаменский – в честь снесенной в 1961 году в Кемерове Знаменской церкви. И еще в заметке указывается, что именно левобережная часть областного центра нуждается в нем особо. Храм в столице Кузбасса – Никольский – на тот момент был только один на весь полумиллионный город, в труднодоступном месте, ехать далеко. И вот – сбор подписей, письма властям, и горисполком решил удовлетворить просьбу верующих о храме в центральной части города.

В заметке сообщается, что рассматривалось пять вариантов площадок для строительства. Например, в устье Искитимки (за филармонией) и на улице Сибиряков-Гвардейцев (за мостом через Искитимку). Журналист Вадим Антонов дает некоторые подробности выбора наиболее подходящего места. Он приводит слова начальника Главного управления архитектуры и градостроительства горисполкома В. П. Кошкина: *«Архитекторы заинтересованно подош-*

ли к выбору площадки... Было много споров и предложений». И называется две причины выбора участка именно на улице Гагарина. Первая – архитектурно-градостроительная – связана с обликом города: *«Церковь на улице Гагарина развивает и дополняет общественный центр города»*. Довод веский: храм должен «развивать» центральную часть областного центра, стать заметной, важной его составляющей. Вторая причина: *«Да и площадка там была свободна, ее неоднократно предлагали под новые объекты»*. То есть на участке ничего не надо было сносить, и эта причина – экономическая – была в те годы не менее важна.

Что это были за годы? Красноречиво характеризуют то время заголовки статей, окружающих нашу заметку: сверху – «Как накормить город?», а справа – «Нет ответов на вопросы». Достаточно привести несколько первых предложений этого материала: *«Гласность, перестройка, революционный момент и т. д. Все это слышим по радио и читаем в газетах. Слушаешь, смотришь на небывалую кутерьму и ничему уже не веришь. Одни разговоры»*. Пессимизм, разочарование, усталость. Теперь, спустя десятилетия, мы знаем: «кутерма» тогда только начиналась. Номер того же «Кузбасса» в 1989 году стоил 3 копейки. А цена газеты, в которой позже опубликуют информацию о росписи стен Знаменского собора, составит 600 рублей.

Но это потом. А пока заинтересованность и воодушевление: появится храм. Вадим Антонов заканчивает заметку выводом: *«Что ж, когда церковь будет построена, она наверняка украсит областной центр»*. Корреспондент говорит пока не о духовной, а только об эстетической стороне – о новой достопримечательности столицы Кузбасса. Автор еще не представляет, что храм сможет преобразить город и в духовном плане. Но эта надежда все же чувствуется в заметке.

С тех пор ход строительства собора периодически освещался в газете «Кузбасс». Ведь дело необычное, новое, значимое. И по мере появления публикаций можно проследить, как меняется к этому отношение общества.

Автор заметки «Будет храм» Вадим Антонов просто упомянул, что для строительства храма отведен участок, «где раньше был вещевого рынок». Журналист Борис Синявский позже увидит в этом глубокую символичность.

Освещать строительство Знаменского собора в газете «Кузбасс» Б. Синявский будет неоднократно. В выпуске за 3 декабря 1989 года появляется его большая статья «Лед тронулся». Верующие обратились в редакцию газеты с вопросом о реальности возведения собора, с просьбой *«проинформировать о положении вещей»*, не отменено ли решение о строительстве, принятое в апреле этого года. Итог

проведенного расследования таков: задержка связана с тем, что надо «отшлифовать проект на мнению специалистов». Вероятно, Б. Синявский сам побывал на этой «шлифовке» – градостроительном совете, который состоялся 11 ноября 1989 года. Журналист отмечает низкую явку архитекторов на совет и удивляется: «Странно это, все же не каждый год сооружаются в Кемерове подобные здания». Далее Б. Синявский приводит мнения, высказанные на той встрече архитекторами и художниками: «А зачем в Кемерове повторять пусть даже и прекрасные образцы? Не лучше ли было бы создать культовое сооружение в оригинальном, даже модерновом стиле?» И автор статьи приводит ответ на эти вопросы присутствовавшего на совете священника Владимира Курлюты: «Храм в Кемерове, выстроенный по всем канонам русской культовой архитектуры, позволит пробросить мостик к истокам нашей национальной духовности, нравственности. Это станет актом истинного возрождения». Заметим, что так и произошло: строительство собора – именно в классическом русском стиле по всем канонам церковной архитектуры – ознаменовало собой церковное возрождение в городе Кемерово.

На встрече 11 ноября также присутствовал Дмитрий Сергеевич Соколов – архитектор Московский патриархии, выполнивший эскиз будущего Знаменского собора. Б. Синявский довольно подробно приводит речь московского специалиста на градостроительном совете перед представлением проекта. Д. С. Соколов – известный в то время церковный архитектор с большим опытом (в советские годы он долго работал на реставрации церквей, а позже стал руководителем архитектурной мастерской в Троице-Сергиевой лавре). Он посчитал нужным подготовить кемеровских коллег – светских архитекторов и художников, может быть, еще не вполне ощутивших начало церковного возрождения, – и напомнил, что они живут в особую эпоху: «Только за последнее время в лоно Русской православной церкви возвращено более двух тысяч храмов, два десятка монастырей. Происходят и прочие весьма показательные процессы. Кто бы мог еще вчера подумать о том, что 400-летие патриаршества на Руси будет ознаменовано службой в Успенском соборе Кремля и канонизацией патриарха Тихона?» Столичный архитектор постарался доказать присутствующим на совете, что возведение собора в Кемерове – это не частный факт строительства храма, а проявление общероссийского процесса церковного возрождения.

Статья Бориса Синявского интересна еще и тем, что он в цифрах описывает проект собора, подчеркивая его масштабность, даже грандиозность, а также уникальность такого строительства для Сибири. Напомним, что Новосибирская епархия в конце

1980-х годов включала Новосибирскую, Томскую и Кемеровскую области, Красноярский край и Алтайский край, Тувинскую АССР, Горно-Алтайскую и Хакасскую автономные области. Общая площадь епархии составляла более трех миллионов квадратных километров, население – около 15 миллионов человек. И на эти 15 миллионов (по данным на 1 января 1990 года) в епархии было 60 приходов. Разделим 15 миллионов на 60 приходов: получается, что в среднем на 250 тысяч человек приходилось по одному храму. Но это в среднем. А в Кемерове на полмиллиона – один.

«Итак, собору в Кемерове быть!» – воодушевленно восклицает Б. Синявский. При этом журналист предвидит проблемы с финансированием расходов на строительство и стройматериалы, «тем более что для такой стройки они нужны не абы какие, а высококачественные». Однако общий настрой публикации все же оптимистичный: «Есть все возможности уже в декабре текущего года произвести закладку камня в фундамент нового храма». Что и произошло 10 декабря 1989 года – в день иконы «Знамение».

Вполне естественно, что Борис Синявский присутствовал на этом событии и написал статью «И стала земля святой», опубликованную в газете «Кузбасс» 14 декабря. Начинается она так: «Поразительные, символические события происходят ныне вокруг нас, настолько поразительные, что порой даже прямая, очевидная символика не сразу доходит до нашего сознания». Речь о кардинальном, знаковом преображении: «был рынок, стал храм». Автор приводит в параллель евангельский эпизод изгнания торговцев из храма. И вот 10 декабря 1989 года, по выражению журналиста, этот «книжный символ ожил», воплотился в жизнь буквально – в тот момент, когда люди отправились крестным ходом к закладке первого камня собора. (Заметим в скобках: на фреске южной стены Знаменского собора в ряду евангельских сюжетов есть и сюжет с изгнанием торговцев из храма; возможно, при выборе содержания будущей росписи эта особенность возведения собора – на месте бывшего рынка – была учтена.) Эмоции переполняют Б. Синявского, он всячески подчеркивает значимость момента: «происходящее не могло не затронуть даже и постороннего зрителя».

И вот кульминация: «священник окропил периметр будущего собора, и стала земля святой». Именно эти слова автор выносит в заголовок статьи, подчеркивая главную происшедшую перемену – «от торжища к собору». Журналист выражает надежду, что эта перемена совершается не только на конкретном участке кемеровской земли, но и в человеческих душах, в обществе в целом. А концентрированно-символически она выразилась в действиях священника, окропляющего землю бывшего вещевого

рынка: «Вот тут-то и возник в полный рост великий символ. Кто из нас не бывал на этом рынке, не приценивался к покупке, а многие из нас несли сюда кое-что в надежде продать, а кое для кого то было местом «теневой работы», местом извлечения, прямо скажем, не очень трудовых доходов».

В общем, рынок есть рынок, со всеми его нюансами. Но Борис Синявский упоминает и еще один немаловажный факт: «Известно это место еще и «точкой отбора», где почти всегда можно было заготовить канистру пивом». Надо сказать, что винный магазин, в отличие от вещевого рынка, на момент освящения закладного камня собора продолжал работать. Но уже через пару месяцев все изменилось. Дело в том, что община просила власти передать эту торговую точку под временный храм. И вот 5 января 1990 года разрешение было получено. Всего за сутки (чтобы успеть к Рождеству) силами общины помещение винного магазина превратили в храм: успели разобрать прилавки, отмыть застарелые винные лужи, покрасить панели, соорудить иконостас и пол для алтаря, развесить иконы по стенам. И в преобразившемся помещении в ночь с 6 на 7 января уже отслужили рождественскую службу.

Символичность этой перемены особо проявилась, когда первое время завсегдатаи винного магазина еще приходили сюда по своей привычной надобности. И вот открывает такой «страждущий» знакомую дверь, а там – свечи, батюшки, служба идет, поют и кадят. (О таких курьезных случаях рассказывает священник Владимир Курлюта в книге воспоминаний: Курлюта А., Курлюта В. Жизнь и служение. – Санкт-Петербург, 2006).

Завершает статью Б. Синявский предположением, что собор сможет преобразить город духовно: «Наивно полагать, конечно, что с открытием в Кемерове церкви все проблемы нравственности будут решены, но, может, благодаря этому все мы сделаем пусть маленький, но шагочек от торжища к собору». В дальнейших газетных публикациях такие шагочки, конечно же, будут видны.

И вот с момента закладки камня прошло пять лет. В номере газеты «Кузбасс» за 14 апреля 1995 года на первой странице (Чем не «шагочек»? Первая, самая важная страница областной газеты! Ведь пять лет назад статья Б. Синявского была напечатана лишь на пятой странице) размещена фотоинформация – снимок с установкой креста на купол храма подъемным краном и текст в три строки: «Вчера на главный купол строящегося в Кемерове Знаменского собора был водружен крест. Его вес три тонны, а высота 11 метров».

Кстати, примечательно, в каком окружении находится эта заметка. Над ней – передовица с заголовком «Когда правительство не занимается народом, народ занимается правительством» и подзаголов-

ком «12 апреля в Кемерове в рамках всероссийской акции протеста профсоюзов был проведен митинг, в котором, по крайним оценкам, приняло участие от 7 до 20 тысяч человек». А слева от фотоинформации заметка «Первое место за алкоголем» – о том, что в Беловском районе «гибель от отравления алкоголем – 27 процентов от числа умерших». Очень красноречиво эти материалы говорят о времени, когда идет строительство Знаменского собора. Массовый митинг протеста в несколько тысяч человек, мысли о свержении правительства, люди травятся алкоголем... Разве не Божье чудо в этом контексте возведение величественного храма?

А 17 октября 1995 года в газете «Кузбасс» выходит статья «С храмом на земле и в душе». Наверное, автор Татьяна Колоколова назвала свою публикацию в ответ на поговорку «У меня храм в душе»; теперь храм не только в душе, но и на земле. Статья начинается словами: «Совсем недавно сотрясали Кузбасс митинговые страсти, а тут состоялось событие прямо противоположного характера. В минувшую субботу люди шли, мирные и верующие, к строящемуся Знаменскому собору, где в этот день... освящался нижний храм собора». Автор фиксирует этот контраст: митинги, забастовки, инфляция – и вдруг «мирные и верующие» люди идут в храм. Откуда в это же время и в этом же обществе «мирные» люди? Ответ таков: потому что теперь есть храм. А люди потому и мирные, что верующие. Построенный храм – большой, даже огромный, вмещающий 1500 человек, и он полон людьми («нижний храм наполнен до отказа»). Здесь людям рассказали, какие есть заповеди, преподали благодать в таинствах, напомнили о смысле жизни. «В воздухе витает мысль – не хлебом единым жив человек».

И вообще идея контраста в статье основная: «Может быть, символично, что именно в 1989-м, когда Кузбасс да и всю страну потрясала шахтерская забастовка, повлекшая столько негативных последствий, началось возведение Знаменского собора. И если, с одной стороны, мы имеем подогревающуюся прокатившейся волной митингов и забастовок озлобление людей, то с другой – христианская идея сеет «мудрое, доброе, вечное». (Вот они – «шагочки от торжища к собору», о которых мечтал Б. Синявский в 1989 году.)

Статья Т. Колоколовой содержит и элементы хроники строительства: «Нижний храм отныне постоянно действующий. Не так долго, видимо, остается ждать открытия верхнего храма. Там уже начали роспись стен. С наружной стороны собор завершен, накануне водрузили на место последний из пяти золоченых куполов». Читаешь о том, как люди ждали возведения собора, как выстаивали долгие службы (интересная деталь: «начавшаяся утром литургия заканчивается после полудня» – видимо, из-за большого количества

причащающихся), и особым смыслом наполняется облик Знаменского собора. И особую значимость храм приобретает в действительно непростые времена. Эту мысль тоже подчеркивает автор статьи: *«Но времена нынче сверхтрудные. И поэтому, возможно, и не суждено будет сбыться большому проекту. Уже отпала идея строительства госпиталя. Территорию, где он должен был расположиться, заняла какая-то коммерческая организация».*

Да, не все из задуманного «большого проекта» (включающего колокольню высотой 82 метра, учебные корпуса духовной семинарии, госпиталь и

приют) воплотилось, но – многое. И это самое настоящее Божье чудо – Знамение. Вместо собора здесь могли бы появиться аттракционы (такие планы рассматривались в городской администрации), а может, и тот же винный магазин продолжал бы еще работу. Но теперь тут собор – величественный, вместительный, выполненный по русским канонам, главная святыня Кузбасса. Знаменский собор, действительно, не только попал на открытки, магнитики и картины, став красивейшей достопримечательностью города, но и духовно преобразил живущих здесь людей.

Софья РЕЗАНЦЕВА

КАК БЛИНЧИК НА МАСЛЕНИЦЕ ПОБЫВАЛ

Сказка

В деревне Березово около реки Лисицы стоит дом. Домик маленький, но не крохотный. Сделан он из березы. Еще есть большие окна, поэтому в дом попадает очень много света. Ставни на окнах резные. На них изображены милые животные, ветвистые растения, завитушки. Из печной трубы валит серый густой дым. Значит, в доме кто-то есть?

Вот теперь можно познакомиться с его жильцами. Правда, по именам я знаю только девочку Машу и себя, но все равно постараюсь обо всех упомянуть. Хозяин дома высокий, с блондинистыми волосами и ярко-зелеными глазами. Всегда холоден и рассудителен. Хозяйка небольшого роста, с каштановыми волосами и глазами словно океан. Веселая, активная, симпатичная. Можно сказать, великолепная дама отнюдь еще не средних лет.

А вот девчонка у них просто не дает мне покоя. То шапочку примерит, то прическу сделает, а то и в платье кукольное нарядит. Оставаться с Машей наедине – это самое страшное, что вообще может произойти. И да, забыл сказать: меня зовут Блинчиком.

У вас возник вопрос: «А почему так собачку назвали?»

К сожалению, не успеваю ответить вам на ходу. Ведь в этот момент к нашему дому подошли ребята и позвали меня на улицу, чтобы поиграл с ними. Это мальчишки из соседних домов. Очкарик – Миша, Карлик – Васька и Шпала – Артем. Очень обрадо-

вался далеко не первой нашей встрече. И все вместе мы отправились на прогулку по берегу реки. Спешить не хотелось. Уж слишком интересно было слушать мальчишек.

– Завтра будет очень круто. Просто представьте, как будет гореть чучело, – сказал Шпала.

– Главное, чтобы дождь не пошел. А так – да. Огонь очень завораживает, – произнес лирически настроенный Очкарик.

– Да что там чучело? Самое главное, чтобы еда была. Блины со сгущенкой, а лучше с вареньем, и обязательно куличи, – размышлял Карлик.

– Вот ты все ешь и ешь, – продолжил тему Шпала.

– Но почему-то растешь не в высоту, а вширь, – домыслил Очкарик.

– Просто хорошего человека должно быть много, – подытожил разговор Карлик.

Потом я бросался за палками, которые кидали в разные стороны мальчишки, гонял мячики.

Но мою голову никак не покидал вопрос: какой же завтра праздник?

Ведь Пасха и Иван Купала появятся в православном календаре не скоро. И уж точно – не на следующий день.

Пока искал ответ, не заметил, как дошел до дому. Быстро добрался до мягкой лежанки и уснул.

Проснулся из-за грохота на улице. Запрыгнув на табуретку и посмотрев в окно, увидел ребят, которые никак не могли установить какую-то куклу. Приглядевшись, понял, что она сделана из соломы. Увидел, что одета кукла в светло-розовое платье и на ее голове красуется шляпка. То есть выглядела она почти так же, как и я после пребывания в Машинной комнате.

Насмотревшись на неудачные попытки ребят, решил им помочь.

«Так соберись, ты должен их подбодрить!» – оптимистично настроил себя и выбежал в просторный деревенский двор.

Операция по установке чучела была в разгаре.

– Поддержи шляпу, – обратился к Маше Карлик.

– Миша, возьми за ноги, – подсказал Очкарику Шпала.

– Держу, – бодро отозвался тот.

– Она вся шатается, – вдруг испугался Шпала.

– Пацаны, у нее верхушка падает! – заметил неладное Карлик и бросился на поимку головы чучела.

«Ничего без меня не могут», – подумал я и подошел поближе к ребятам.

– Гав, гав-гав, гав-гав-гав, гав, гав-гав, гав-гав-гав, гав.

– Блинчик, перестань крутиться под ногами, – занервничал Карлик.

– Гав, гав-гав... Гав-гав-гав, гав, гав-гав, гав-гав-гав, гав. – Я остановился было, но потом снова залял.

– Блинчик, перестань! – попросила взволнованная Маша.

«Почему они не слушают мои советы? Надо просто позвать старших», – подумал я и повернул голову в противоположную сторону.

Там старшие расставляли столы и подносили к ним посуду и еду.

«А что это так вкусно пахнет?» – вскоре закрутилось у меня в голове.

Интерес к аромату взял верх. Поэтому я побежал к столам и еле-еле пробрался туда: уж слишком много прибыло людей. Там заметил только что приготовленные тонкие кругляши. Поджаристые, ароматные и золотистые.

«Я очень хочу попробовать эти штучки, походя-

щие на лепешки. Надо только найти место, откуда их приносят», – задумался я.

И меня осенило: «Точно! Их готовят на кухне».

Тут же сорвался с места и направился туда. На кухне около плиты хлопотала юркая девушка. Она быстро сделала жидкое тесто и поварешкой споро вылила его на сковородку. Через минуту на тарелке рядом с ней лежал готовый блин.

«Блинчик, соберись! Это – твой шанс. Надо лишь быстро схватить блин и убежать», – созрел у меня дерзкий план.

Так и произошло. И я с нескрываемой радостью вернулся с блинчиком к столам, где у моих односельчан начинался весенний и веселый православный праздник.

Борис БУРМИСТРОВ

«ПОД КУПОЛОМ БЕССМЫСЛЕННОЙ СВОБОДЫ»

О сборнике стихотворений Николая Шарифулина

Несколько лет назад пришел ко мне худенький парень, студент Института культуры, будущий актер, пробующий себя и в поэзии. Показал мне свои прыгающие строчки, слова в которых никак не могли втиснуться в строфы, заиграть всеми красками этого беспокойного мира. Долгие разговоры о поэзии, ожидание прилива чувств, желаний, способности передать через слово то самое нужное, сокровенное, что волнует больше всего, не прошли бесследно: и строчки начали выстраиваться, и смыслы стали приобретать форму, понятную для души и сердца.

Сегодня Николай служит в Новокузнецком театре кукол. И продолжает писать стихи. Не все еще дается автору в плане умения выстраивать отдельные фразы, строфы, но тем и интересен Николай Шарифулин. Он в поиске, и, похоже, он знает, куда двигаться. Философия его души стала проявляться в полной мере.

*...но, вечно крыло подставляя
и жертвуя сердцем своим,
ты все же с кровавого края
вернешься обратно живым,
чтоб вновь над страной и столицей
парил ты, свободу обрел,
чтоб, вновь защищаясь, ты бился,
могучий двуглавый орел.*

Будучи еще молодым человеком, Николай Шарифулин понял, что не бывает абсолютной свободы, граничащей с беспределом, анархией, что так усиленно вдалбливают доморощенные либералы в головы молодого поколения: «Под куполом бессмысленной свободы // я осознал никчемность бытия...» Я думаю, автор пришел к такому пониманию интуитивно, как человек, воспитанный на русской культуре.

Нынче много пишущих по накатке, то есть вроде бы соблюдающих все правила стихосложения. Авторы подвигают к этому разные чувства – влюбленности, разочарования. И строчки у них получаются ровные, но рифмы – избитые, смыслы – банальные. Потому что чаще всего используются уже готовые литературные штампы. Но иногда появляются неровные, «необтесанные» строки, и мысли в них не совсем ясные, путанные, однако при этом присутствует ощущение чего-то истинного, глубокого. Таковы, на мой взгляд, лучшие из стихов Шарифулина. У него есть дар думать, сострадать, сопереживать. Николай ищет себя в окружающем мире, пытается расшифровать непонятные пока для него явления природы человека, проявления неожиданных чувств и терзаний.

Его книга называется «Береговая линия». Значит, это своего рода граница между штормящим морем и тихой сушей. Вот такой контраст. И что выберет автор? «Через тернии к звездам» или «Жизнь прожить – не поле перейти»? И то и то приемлемо, но труднее все-таки наполнять судьбой каждую строчку, каждое слово. А судьба или без вожжей, или править ей.

Стихи Николая Шарифулина

А. Ш.

*Год назад здесь царила весна в январе,
а теперь почему-то зима. Без тебя
окошел я вчера на Гостином дворе,
а сегодня продрог на Дворцовой; огня
нет в колоннах на Стрелке, Исакий исчез,
облачившись в туманную мантию. Мгла
закрутила меня в беспросветную смесь,
чтоб напомнить: как мог ты? и – как ты могла?
Я скучаю, скучаю... И Питер не тот,
он ветрами меня гонит в Пулковое. Что ж...
вылетаю к тебе – за бортом небосвод.
Как приятно, что ты меня все-таки ждешь.*

МУЗА

*– Я та, кто тебе верна,
из девяти одна,
кто поднимает со дна
в темные времена.*

*Попутный ветер – для других попутный,
сегодня дует в спину, завтра в грудь.
Я рад за тех, кто пел мой слог минутный,
но горестно, что кто-то смог уснуть.*

И потому – окутывая бездну –
я думаю: откликнется молва
хотя бы на восторг, что не исчезну,
твердя неспешно грустные слова.

РАЗЛУКА

Забудь меня как можно поскорей...
Не мучайся. Мы все играем с жизнью.
Моим словам, пожалуйста, не верь:
они покрылись ржавчиной и слизью.

Забудь меня! Меж нами страшный сон.
Мы в этом мире смертны иль не смертны?

Я не дышу с тобою в унисон.
Давай заклеим и сожжем конверты.

«Забудь меня», – шепчу тебе во сне,
подушку по ошибке прижимая
к своей груди. Приблизился к стене:
она как я – душою ледяная.

* * *

Под куполом бессмысленной свободы
я осознал никчемность бытия.
Планеты в небе водят хороводы,
а я все так же маюсь без тебя.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

20 октября 2023 года в муниципальной библиотеке города Кедрового Томской обл. прошло представление книги прозаика В. Арнаутова «Мы – пудинцы!». Автор принял активное участие в заседании литературно-поэтической гостиной «Лазурь», где читал не только свои стихи, но и стихи кемеровских поэтов.

29 октября в Пудинской средней школе проведено мероприятие, посвященное Дню памяти жертв политических репрессий, на котором прозаик В. Арнаутков делился своими воспоминаниями о родителях-спецпереселенцах, сосланных сюда под надзор Пудинской спецкомендатуры в 1930 (материнская линия) и в 1941 году (семья отца).

2 ноября в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошла встреча с финалистами и лауреатами премии «Большая книга» А. Сальниковым, Р. Козловым и автором журнала «Огни Кузбасса» Р. Сенчиным.

3 ноября в Доме творчества в пос. Ижморском состоялась презентация книги «Сияют ижморские искорки», куда вошли стихи юных ижморских поэтов.

7 ноября в Центральной городской библиотеке им. Н. В. Гоголя г. Новокузнецка прошла презентация двухтомного издания «Литературные объединения Кузбасса. Антология поэзии» (2023). Презентацию провела Е. Острых, руководитель студии «ЛиТерра». Прозвучали стихи в исполнении Л. Федотовой, Н. Струц, Е. Острых, Н. Малофеевой, Н. Муравьевой. Гостем встречи стал руководитель новокузнецкого филиала Кемеровского отделения СПР Е. Трухан.

10 ноября в Новокузнецке в кафе-баре «Квартирник» прошел «Самый душевный квартирник» – совместное выступление рок-музыкантов и поэтов – членов Совета молодых литераторов Кузбасса. В концерте приняли участие О. Рокова, А. Коржова, Д. Филиппенко, О. Солодовникова, Р. Гумерова, Е. Гончарова, Л. Соколова, И. Соснин, М. Маликов, Д. Хохлов, М. Карепанов, Н. Красильникова.

10 ноября поэты Н. Мурзина и Е. Краснова приняли участие в работе жюри литературной секции городского конкурса туристско-краеведческой деятельности «Туризм – это здорово!», проводимого Центром детско-юношеского туризма и экскурсий им. Ю. Двужильного (Кемерово).

11–16 ноября прошла восьмая миссия волонтерского движения «Писатели – фронту!». Руководитель движения писатель Д. Орлов (Кронштадт) и поэт Д. Мурзин доставили гуманитарный груз в зону СВО. Спальники, бронеплиты, приборы ночного видения, маскировочные сети, номера журнала «Огни Кузбасса» и сборник стихов «Кузбасс – Донбассу. Русский мир, как космос, навсегда». На фронт переданы носки, связанные волонтерскими группами Кузбасса: это «Серебряные волонтеры» (Мариинск), «СпицНаз «Кировчанки» (совет ветеранов Кировского района г. Кемерово), «Тепло родного Кузбасса», «Кузбасс. Приближаем Победу», «Золотые руки ангела», приход храма во имя иконы Божией Матери «Покров над землей Кузнецкой».

12–18 ноября Я. Орехова и В. Емельяненко приняли участие в Форуме молодых писателей России (Липки).

15–30 ноября в Крыму драматург Я. Орехова приняла участие в проекте «Актуальная драматургия о СВО».

16 ноября в Крапивинской центральной библиотеке прошла творческая встреча с поэтом Д. Филиппенко.

23 ноября в библиотеке им. В. Баянова (Топки) состоялась встреча писателя А. Ярошука с читателями и библиотекарями сельских библиотек. Встреча была посвящена 80-летию писателя, уроженца Шишинского района. Присутствовали также земляки писателя, и это наполнило встречу живым разговором и воспоминаниями о родных местах. Автор передал более 50 своих книг в дар сельским библиотекам.

23–25 ноября в Кузбассе прошел третий этап проекта Кемеровского областного отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Писатель в маленьком городе» при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. Третьим гостем проекта стал писатель Д. Коржов из Мурманска. В рамках проекта Дмитрий провел творческие встречи в Березовском, Ленинске-Кузнецком, Белове, Мысках и Калтане.

24 ноября в ДК Шахтеров г. Кемерово для солдатских матерей состоялось городское мероприятие «Сердце матери», где в составе концертной программы со стихами выступили члены Союза писателей России Н. Мурзина и Е. Тюшина, а кемеровский бард М. Шампоров спел ставшую популярной песню «Тыловая».

4 декабря в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского были подведены итоги XI конкурса детского творчества «На утренней зорьке», посвященного литературной деятельности братьев-писателей В. и Г. Неунывахиных. Конкурс проходил в четырех номинациях и охватил более 100 детей из Новокузнецка и Мысков. В номинации «Литературное творчество» победителями стали новокузнецчане А. Гуляева (школа № 100 им. С. Е. Цветкова), Л. Хруцкая (школа № 65) и Р. Калашникова (школа № 6).

6 декабря в библиотеке «Кузнецкая» писатель В. Коняев провел творческую встречу с учащимися Профессионального колледжа Новокузнецка.

С 8 по 10 декабря в Москве прошло торжественное собрание, посвященное 65-летию Союза писателей России, и программа «Перспективы развития СМЛ и механизмы эффективного партнерства», в которых принял участие поэт Д. Филиппенко.

9 декабря в кемеровской школе № 92 отметили День героев Отечества. Юнармейцы школ Кировского района прошли школу молодого бойца и встретились с героями СВО, афганской и чеченской войн. На встрече прозвучали военные стихи Н. Мурзиной в исполнении автора.

С 17 по 19 декабря в Кузбассе прошел четвертый этап проекта Кемеровского областного отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Писатель в маленьком городе» при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. Четвертым участником проекта стал писатель Н. Самохин из Волгограда. Творческие встречи прошли в Березовском, Ленинске-Кузнецком, Белове, Мысках и Калтане.

22 декабря за книгу «Подземное притяжение» Д. Филиппенко вручили премию В. Баянова.

22 декабря прошло отчетное собрание Союза писателей Кузбасса. Собрание приняло отчет председателя правления Б. Бурмистрова о работе отделения, рекомендованы в Союз писателей России А. Бурко, А. Коваленко, А. Савченко, В. Дорофеев, введены в правление О. Рокова и А. Поселенов.

26 декабря в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошло представление журнала «Огни Кузбасса» № 5. О своих публикациях рассказали В. Иванов, Т. Катрич, Д. Мурзин, Г. Шалакин, О. Ражев. Произведения иногородних авторов представили А. Королев и

Д. Мурзин. Вел вечер главный редактор журнала С. Донбай.

27 декабря в библиотеке им. В. Федорова состоялось подведение итогов II Регионального дистанционного конкурса презентаций любительских литературных творческих объединений «От ученичества – к творчеству». В оргкомитет конкурса вошли члены Союза писателей России Н. Дубровская, Е. Краснова, Т. Катрич, руководитель студии «Родники Сибири» Н. Гордок и библиотечарь В. Козленко.

11 января 2024 года в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского состоялось культурно-образовательное мероприятие «Дачный альбом. Игра». Выступили: Е. Трухан, Г. Шемелин, С. Стрельников, К. Егоров, Н. Палаткина, Н. Лучкина, Г. Бурлаков, Н. Красильникова. В поэтической подборке, посвященной Рождеству Христову, прозвучали произведения кузбасских поэтов: Б. Бурмистрова, С. Донбая, Л. Никоновой, В. Коврижных, С. Долгова, О. Комаровой, А. Бельмасова, Р. Сидорова.

13–14 января в Мысках состоялась II конференция Совета молодых литераторов Кузбасса Союза писателей России при поддержке управления культуры Мысковского городского округа, Центральной городской библиотеки г. Мыски, Союза писателей России. С докладами выступили: Б. Бурмистров (Кемерово) – «Сохранение литературного наследия Кузбасса. Диалог поколений»; Д. Филиппенко (Ленинск-Кузнецкий) – «Единое литературное молодежное пространство Кузбасса»; О. Рокова (Березовский) – «Литературное мероприятие от «А до Я». План взаимодействия организатора с площадками, аудиторией и авторами»; Я. Орехова (Кемерово) – Литературно-поэтические вечера. Внедрение новых форм работы в целях развития проектной деятельности СМЛ»; Д. Мурзин (Кемерово) – «Журнал писателей России «Огни Кузбасса» – настоящее, прошлое и будущее»; В. Емельяненко (Ленинск-Кузнецкий) – «Тенденции в среде толстых литературных журналов. Социальные сети и сайты»; И. Надинова (Ленинск-Кузнецкий) – «Традиция и преемственность молодых литераторов Кузбасса»; Е. Огарева (Санкт-Петербург) – «Болезненная критика. Быть или не быть»; К. Савина (Санкт-Петербург) – «Методы продвижения писателя в социальных сетях»; Т. Филиппова (Москва) – «Гранты и поиск бюджетного финансирования в сфере культуры: мифы и реальность»; Е. Клейменов и А. Шебакина (Междуреченск) – «Организация литературного клуба для молодежи»; Ю. Харлашкин (Иркутск) – «Работа с молодежью на базе госучреждения культуры «Иркут-

ский Дом литераторов»; Р. Гумерова (Прокопьевск) – «Арт-пространство. Кузбасс»; Л. Соколова (Новокузнецк) – «Коммерческая концертная деятельность, организация, схемы работы»; М. Живетьев (Иркутск) – «Издательские молодежные проекты Иркутской области и взаимодействие между литературными изданиями Иркутска. Проектная деятельность: областные субсидии и гранты ПФКИ»; Р. Черноусова (Иркутск) – «Проблемы преемственности между поколениями в литературе. Литературное объединение «Поиск» (Усть-Илимск)». Прошел круглый стол на тему «Библиотека. Дом культуры или дом книги?» и проектная школа СМЛ Кузбасса.

16 января прошло вручение IX Кузбасской литературной премии им. святителя Павла, митрополита Тобольского. Церемонию награждения провел митрополит Кемеровской и Прокопьевской епархии, глава Кузбасской митрополии Аристарх. Лауреатами премии стали: в номинации «Поэзия» – книга Союза писателей Кузбасса «Кузбасс – Донбассу. Русский мир, как космос, навсегда»; в номинации «Православное краеведение» – издания Государственного архива Кузбасса: «Кузбасс – России кладовая: каталог историко-документальной выставки», «В памяти сердца эхо войны: сборник документальных материалов», «Была война... Была Победа: фотоальбом».

С 18 по 20 января в Кузбассе прошел пятый этап проекта Кемеровского областного отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Писатель в маленьком городе» при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. Пятым участником проекта стал поэт А. Рыжков из Рыбинска. В рамках проекта Александр провел творческие встречи в Березовском, Ленинске-Кузнецком, Белове, Мысках и Калтане.

18 января в Центре территориального общественного самоуправления «Встреча» (ТОС № 7 г. Кемерово) состоялась литературная беседа с поэтами Д. и Н. Мурзиными. Заинтересованные горожане имели возможность познакомиться с историей и содержанием журнала «Огни Кузбасса», послушать стихи, задать вопросы. Встреча прошла в теплой, внимательной атмосфере.

20 января в рамках Года семьи в России в главной библиотеке Кузбасса прошли литературные беседы в честь дня рождения Л. Федоровой, поэта и прозаика, жены и музы поэта В. Д. Федорова. В беседе приняли участие Е. Краснова, писатель и журналист Г. Шалакин,

искусствовед Л. Оленич, сотрудники Музея книги В. Козленко и Е. Колмагорова и активисты литературного туризма в Кузбассе.

22 января на губернаторском приеме поэту Н. Мурзиной была вручена благодарность Президента Российской Федерации В. Путина за заслуги в развитии отечественной культуры и искусства, многолетнюю плодотворную деятельность.

23 января в рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Литеаратура. Разговор за кружкой чая» вышел выпуск с А. Рыжковым (Рыбинск).

24 января в Березовском политехническом техникуме на базе молодежного центра «Квадрат» состоялась творческая встреча с поэтом О. Роковой.

25 января в библиотеке села Костенково перед школьниками выступил писатель В. Коняев. Темой встречи стала любовь к родному языку, малой родине и России.

25–28 января в Новосибирске прошел 6-й фестиваль и финал конкурса памяти В. Высоцкого «Я только малость объясню в стихе». В работе жюри конкурса приняли участие поэты из Кузбасса Д. Мурзин и И. Надилова. Д. Мурзин провел представление журнала «Огни Кузбасса», участвовал в фестивальном слэме, работе площадок и эфире на радио «Серебряный дождь».

26 января в библиотеке «Кузнецкая» член Союза писателей Е. Трухан презентовала для студентов Профессионального колледжа Новокузнецка свою книгу «Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов».

Сайт «Российский писатель» объявил лауреатов 2023 года. Среди лауреатов: номинация «Поэзия» – С. Донбай, за поэтическую подборку «Предчувствия»; номинация «Лидер» – Д. Филиппенко, за активную работу по организации литературной жизни Кузбасса; номинация «Проект» – создание Содружества литературных фестивалей России (руководители проекта – секретари и члены СПР: И. Виноградов, Д. Филиппенко, Н. Ягодинцева, О. Ралкова, С. Чураева, Р. Вахитова, Д. Домарёв, А. Харланова, А. Рыжков, А. Тимофеев, Е. Огарева, К. Савина, Т. Филиппова, Д. Ткачук).

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Литеаратура. Разговор за кружкой чая» вышли выпуски с **С. Донбаем** (Кемерово), **Д. Коржовым** (Мурманск), **Н. Самохиным** (Волгоград) и **Б. Бурмистровым** (Кемерово).

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Значение слова» вышли выпуски с **И. Фроловой** (Кемерово) и **Л. Чидилян** (Кемерово).

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «За 60 секунд» вышли выпуски с поэтами **С. Донбаем** (Кемерово), **Ю. Сычевой** (Кемерово), **Н. Самохиным** (Волгоград), **И. Тюниной** (Кемерово), **Б. Бурмистровым** (Кемерово), **Д. Ячменевым** (Прокопьевск).

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В приложении к альманаху «Стрежень» – сборнике стихов и рассказов «Нашим!..» (Тольятти) опубликованы подборки стихов **Н. и Д. Мурзиных**.

«Литературная газета» № 48 (Москва) напечатала подборку стихов **Д. Филиппенко**.

Журнал «Нева» № 12 (Санкт-Петербург) опубликовал подборку стихов **Д. Филиппенко**.

Журнал «Бельские просторы» № 12 (Уфа) напечатал подборки поэтов **Д. Филиппенко**, **В. Шаги-ахметова**, **В. Емельяненко**, рассказ **А. Ахметшина**, рецензию **А. Расторгуева** «Жизнь в черничном коридоре» на книги **Д. Филиппенко** «Качели ностальгии» и «Подземное притяжение».

Журнал «Москва» № 12 опубликовал подборки стихов поэтов **О. Роковой** (Березовский), **Е. Андроновой** (Кемерово), **Д. Филиппенко** (Ленинск-Кузнецкий).

Журнал «Волга – XXI век» № 5 (Саратов) опубликовал подборку стихотворений **А. Раевского** «Дерево вечности».

Журнал «Литературный Омск» № 30 выпустил подборки стихов **Д. Филиппенко** «В старом небе новый пепел» и **Д. Мурзина** «По розовой кромке рассвета».

Патриотический сборник «ZOV» (Краснодар) напечатал подборку стихов **Н. Булаха** (Игнатъева).

В сборник «За ленточкой» (Екатеринбург) вошли стихи **Б. Бурмистрова**, **С. Донбая**, **В. Коврижных**, **А. Раевского**, **В. Киселева**, **Н. и Д. Мурзиных**, **Д. Филиппенко**.

В антологии современной патриотической поэзии Союза писателей России «За други своя» опубликованы стихи **Н. Мурзиной**.

Журнал «Отчий край» № 4 (Волгоград) напечатал подборки **Д. Филиппенко** «Жизнь длиною в штрек» и **Д. Мурзина** «Дерево, срубленное не зря».

ИЗДАНЫ КНИГИ

Мухарев А. Технолетопись. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2023. – 84 с.

Коржова А. Надышаться ветром. Саратов: Амрит, 2023. – 48 с.

Лаврина В. Солнце встает. – Кемерово: Вектор-Принт, 2023. – 96 с.

Донбай С. Предчувствия. – Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2023. – 46 с.

Сычева М. Солнце в силках: роман. – Москва: МИФ, 2024. – 384 с.

Филиппенко Д. Краеугольный камень. – Самара: Слово, 2024. – 52 с.

170

ЛАУРЕАТЫ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» ЗА 2023 ГОД

Проза

Колесова Наталья. Понедельник – день тяжелый. Повесть (№ 4)

Филиппов Дмитрий. Аппендицит. Рассказ (№ 3)

Чернопятов Сергей. Как мы падали с паровоза. Рассказы (№ 3)

Поэзия

Мурзина Наталья. И Родина – одна! (№ 1–2)
Русанов Владислав. А мы все-таки выживем... (№ 5)

Филиппенко Дмитрий. Звенят колючие стихи (№ 6)

Публицистика

Никитин Николай. Атаман Ермак как фигура раздора (историографические заметки) (№ 5)

Трухан Елена. «...С истинной правдой на земле» (№ 4)

Горохова Татьяна. Вспомнить про «гениев чистейшей красоты». Отклик на сборник стихов Андрея Пятака «Моя соседка Мона Лиза» (№ 3)

Хлам или храм? Отклик на произведение Игоря Малышева «Хлам» (№ 4)

2 января на 70-м году жизни умер поэт, член Союза писателей России

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ШУМИЛОВ.

Он родился 7 июня 1954 года в с. Фроловка Партизанского района Приморского края. С 1955 по 1971 год проживал в с. Борисово Крапивинского района Кемеровской области. Окончил Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С. О. Макарова (Владивосток), факультет радиоэлектроники, по специальности «военный инженер радиосвязи». Проходил службу на Тихоокеанском флоте на офицерских должностях. Капитан-лейтенант запаса. После увольнения в запас, с 1988 года, проживал в г. Кемерово. Автор 13 книг. Публиковался в журналах и альманахах «Южная звезда» (Ставрополь), «Сибирские Афины» (Томск), «Огни Кузбасса», «Красная Горка» (Кемерово). Его имя носит Борисовская сельская библиотека.

Выражаем соболезнование родным, близким и друзьям поэта.

**Кузбасский центр искусств,
писатели Кузбасса**

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылаются авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Журнал «Огни Кузбасса»
Главный редактор **С. Л. Донбай**
№ 1. Дата выхода в свет: 20.05.2024
Индекс 12234
Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 166. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «Принта»: 650055, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор **И. И. Иванов**
Верстка: **Ю. В. Гапонова**

ЛАУРЕАТЫ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» ЗА 2023 ГОД

ПРОЗА

Наталья Колесова

Сергей Чернопяттов

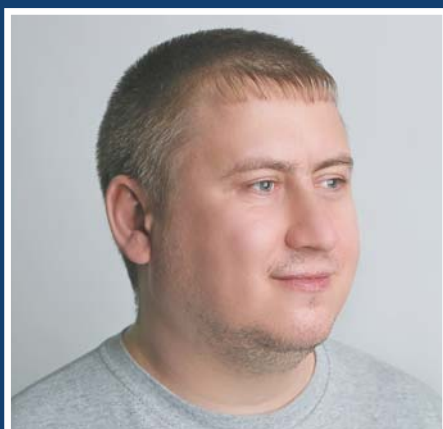

Дмитрий Филиппов

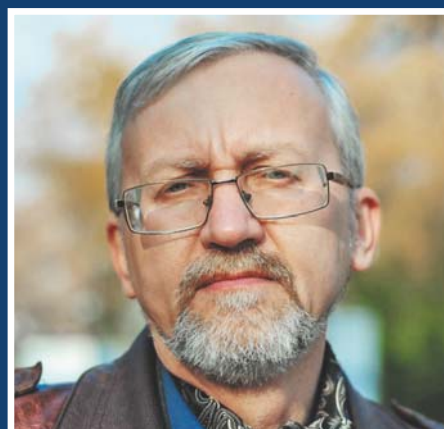
ПОЭЗИЯ

Наталья Мурзина

Дмитрий Филиппенко

Владислав Русанов

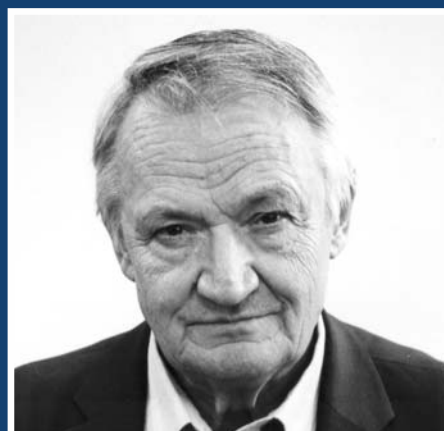
ПУБЛИЦИСТИКА

Татьяна Горохова

Елена Трухан

Николай Никитин

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40